Институт истории
Национальной академии наук Беларуси

О. Н. Левко

Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси

Формирование и развитие

Минск
«Беларуская навука»
2004

УДК [94+902/904](476) «8/17»
ББК 63.4(иБеи)
Л 36

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор Н. С. Сташкевич

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор Я. Г. Риер,
доктор исторических наук Ю. Н. Бохан

Левко О. Н.

Л 36 Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие / О. Н. Левко. — Мн.: Бел. навука, 2004. — 280 с.

ISBN 985-08-0602-8.

В работе обобщены результаты исследований автором городов, замков, местечек, сельских поселений, монастырей, храмов и погребальных памятников северо-восточной Беларуси. Впервые дано научно-теоретическое обоснование становления разнохарактерных территориально-административных структур и их центров на протяжении IX—XVIII вв. Раскрывается процесс формирования племенных, раннегосударственных образований, сложения их территорий, их дальнейшего развития. Рассматриваются функции административных центров, причины и характер изменений, роль в становлении и развитии хозяйства, торговых связей, конфессиональных структур региона

Монография рассчитана на историков, археологов, студентов и самый широкий круг читателей, кому интересна средневековая жизнь Беларуси.

УДК [94+902/904](476) «8/17»
ББК 63.3 (иБеи)

ISBN 985-08-0602-8

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
БГЧ	— Беларускі гістарычны часопіс
ВКЛ	— Великое княжество Литовское
ГАЗ	— Гісторыка-археалагічны зборнік
ГИА ВМФ	— Государственный исторический архив Военно-Морского Флота в Санкт-Петербурге
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
НАРБ	— Национальный архив Республики Беларусь
НИА РБ	— Национальный исторический архив Республики Беларусь
ОРБАН Литвы	— Отдел рукописей библиотеки Академии наук Литвы
ПГКБ	— Помнікі гісторыі і культуры Беларусі
РА	— Российская археология
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГИА	— Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге
РОБВУ	— Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского университета
СА	— Советская археология
Труды ПОКЭ	— Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ряд обобщающих трудов отражает достижения историков советского периода и новые подходы, появившиеся на постсоветском пространстве, в изучении проблемы формирования и развития государственных образований эпохи средневековья Восточной Европы. К исследованиям, затрагивающим территорию Беларуси и освещающим регионы, соседствующие с ней, относятся работы Б. А. Рыбакова [259], Х. Ловмяньского [176], П. П. Толочко [311], В. М. Рычки [261], А. П. Толочко [312], И. Я. Фроянова [318], В. В. Седова [274], Н. Ф. Котляра [115], Л. В. Алексеева [13], Э. М. Загорульского [84], П. Ф. Лысенко [179]. Рассмотренные в данных работах проблемы показывают, что часть вопросов нуждается в дополнительных разработках. Некоторые темы почти не изучены.

На значительно увеличившейся источниковой основе за счет притока археологической информации в настоящее время активно исследуется самый ранний этап формирования государственности у восточных славян. Переосмысление ряда важнейших положений, связанных с развитием раннегосударственных структур IX—XI вв. на территории Восточной Европы, неизбежно приведет и к новым выводам относительно сущности территориально-административных образований XII—XIII вв. и их взаимосвязи.

Остается актуальным изучение возникновения и развития раннесредневековых городов и тех округ, центрами которых они становились. Процесс феодализации раннесредневекового общества активизировал возникновение владельческих замков и княжеских сторожевых крепостей. Вопросам расселения славян на территории Восточной Европы, возникновения и развития городов и центров сельской округи — погостов, замков (частично и на территории Беларуси) посвящены исследования В. В. Седова [269], Б. А. Тимощука [303], А. В. Кузы [122], А. Н. Вагановой [45], Н. И. Платоновой [236], Я. Г. Риера [250] и некоторые другие.

К числу важнейших из слабо освещенных вопросов относится развитие территориально-административных структур догосударственного и раннегосударственного периодов и их центров. Не получила необходимой разработки и проблема урбанизации территории Восточной Европы в эпоху развитого и позднего средневековья, когда центр раннесредневекового удела (земли, княжества) становится центром территориально-политического образования, развивающегося в новых условиях.

Сейчас, когда уже имеются весомые итоги в изучении отдельных исторически сложившихся регионов на ранних этапах их формирования и развития, необходимо охватить весь процесс функционирования различных территориально-политических образований в пределах этих регионов на протяжении эпохи средневековья. Такой подход позволит не только расширить круг вопросов, связанных с возникновением и развитием административных центров и прилежащих к ним территорий в период средневековья, но и по-новому оценить некоторые из уже изучавшихся аспектов.

Ряд специфических черт, заслуживающих особого внимания, имеет регион северо-восточной Беларуси. Географическое местоположение обусловило значимость данной территории на протяжении всего средневековья. Благодаря наличию крупных рек Западной Двины и Днепра с разветвленной системой их притоков и озер, этот край был постоянно обитаем. Леса укрывали жителей от внешней опасности, а плодородные земли способствовали развитию земледелия и хозяйства. Движение населения по водным магистралям обусловило как частую сменяемость, так и сосуществование различных этнокультурных групп, что усиливало прогрессивные тенденции. Через регион проходила важнейшая военно-торговая коммуникация раннего средневековья —

путь «из варяг в греки». На волоках, при переходе из бассейна Днепра в бассейн Западной Двины и далее, вдоль широтного и меридионального направлений, в первую очередь складывались устойчивые территориальные структуры, которые имели решающее значение в развитии местных племенных образований. Особенностью региона является и то, что, будучи главным связующим звеном между формирующимися на севере (Новгород), юге (Киев), западе (Полоцк) и востоке (Смоленск) племенными княжениями, он оказался также зоной размежевания раннегосударственных образований, последовательно включивших в свой состав локальные племенные структуры с его территории. В XIII в. на основе раннесредневековых территориально-административных структур Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья сложилось территориально-политическое образование Витебская земля. Этот термин встречается в документах, относящихся к периоду XIV — начала XVI в., когда регион стал составной частью Великого княжества Литовского. Со второй половины XVI в. данная область, называемая воеводством, состоит из двух поветов: Витебского и Оршанского. Она включает и земли бывших Лукомльской и Друцкой волостей (княжеств, а также часть левобережья Днепра, входившую в состав Смоленской земли в раннем средневековье. Статус пограничной зоны наложил своеобразный отпечаток на развитие как отдельных центров, так и прилегающих к ним территорий в пределах региона.

Яркая историческая судьба региона северо-восточной Беларуси делает его притягательным для углубленного исследования процесса формирования и развития тех центров, вокруг которых развивались отдельные территориальные составляющие на протяжении эпохи средневековья.

Автор данной монографии использует ряд терминов, получивших распространение в исторической литературе, и по этой причине не дает им специального толкования. К ним относятся термины «малые племена», «погост», «волость», «княжество», «удел», «земля», «памятники смешанного типа», «феодальная юридика», «замок», «место» и др.

В работе опущено детальное рассмотрение физико-географических особенностей региона, поскольку этот вопрос освещался Л. В. Алексеевым [8], В. И. Шадыро [329], В. А. Булкиным [42], а по Оршанскому Поднепровью — также Я. Г. Риером [249]. Тема сельского расселения в регионе в настоящее время недостаточно обеспечена источниками и требует специального исследования. Поэтому она затронута лишь в той связи, насколько необходимо показать характер округи, управляемой ее центром.

Принципиально новым в изучении территориально-административных центров на примере данного региона является использование обширной археологической информации об объекте от момента его зарождения и до оформления в полноценный средневековый центр с развитыми разносторонними функциями. Автором в течение полевых сезонов 1976—2003 гг. собран большой и разносторонний фактический материал с широкого круга памятников IX–XVIII вв. и более раннего времени на территории северо-восточной Беларуси. В 1976—1980 гг. работы сосредотачивались на изучении социально-топографической структуры и материальной культуры Витебска XIV—XVIII вв. Они положили начало методике исследования социально-исторической топографии и классификации основных категорий датирующих источников белорусского позднесредневекового города по материалам археологии.

С 1979 г. помимо Витебска, где работы продолжаются по настоящее время, археологическими исследованиями автора охвачен ряд средневековых объектов северо-восточной Беларуси: замки и городища-крепости, селища (Езерище, Копысь, Смольяны, Старый Шклов, замок Шкловский в д. Рыжковичи, Городок, Сураж, Кисели, Багриново, Черкасово, Устье, Стражево), курганные могильники на волоках в Толочинском, Оршанском, Городокском районах, городище-святилище и каменные могилы в Новом Болецке, позднесредневековый могильник у д. Крапивно. С 1988 г. автор монографии

проводит также планомерное изучение средневековой Орши, в 1996—1997 гг. — Дубровно, в 1999—2000 гг. — Друцка, в 2002—2003 гг. — Шклова. Помимо составных частей средневековых городских объектов (детинцев, окольных городов, замчищ, неукрепленных посадов) широкие археологические исследования посвящены архитектурным комплексам городских монастырей в Витебске и Орше и отдельным храмам. Всего в течение 1976—2003 гг. стационарными раскопками исследовано археологически более 15 000 кв. м площади. Хронология объектов охватывает весь период средневековья, мощность культурных напластований варьирует от 0,5 до 8,4 м. Практически все изучавшиеся поселения содержат многие тысячи артефактов, а также деревянные либо каменные конструкции, состоящие из нескольких строительных горизонтов.

Результаты научного изучения археологических объектов изложены в отчетах автора о полевых исследованиях, хранящихся в архиве Института истории НАНБ. Собранные материалы поступают в фонды Витебского областного краеведческого музея, районных музеев в Шклове и Дубровно, составили основу экспозиции древней истории в музее истории и культуры г. Орши, залов по древней истории в Толочинском и Городокском районных краеведческих музеях, находят отражение в многочисленных научных публикациях.

Автор монографии исходила из предположения единовременного расселения кривичей на территорию Северной Беларуси из бассейна р. Великой и междуречья Ловати и Двины в двух направлениях: полоцком и витебском. Такое разделение способствовало самостоятельному формированию известных в литературе племенных объединений «полоцких» и «смоленских» кривичей. На государственном уровне развития эти две зоны взаимодействуют с учетом синхронно-стадиальной равнозначности процесса сложения территории Полоцкой земли и Киевской державы. Данная гипотеза позволяет увязать отдельные исторические события вместе с археологическими данными в единое целое и представить логически обоснованное развитие региона в эпоху средневековья. Ход этого развития органично связан на разных этапах с теми государственными образованиями, территориальной составляющей которых он был.

В работе впервые обосновывается время формирования в регионе центров и границ волостей, княжеств-уделов, дается новое толкование причин и характера ряда событий, имевших место в регионе в X—XIII вв. и отраженных в летописях. Систематизированы и проанализированы материалы, свидетельствующие о качественных переменах в территориально-административной структуре региона в XIV—XVIII вв.

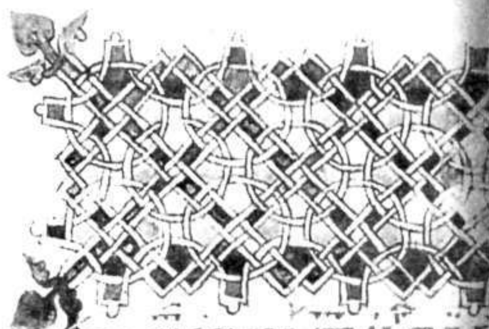
На основе новых данных, вводимых в научный оборот, выделены этапы планировочно-топографического развития ведущих (Витебск, Друцк, Орша) и ряда локальных (Копысь, Шклов) центров в эпоху средневековья. Прослежены роль административных центров разного уровня в развитии торговли в регионе и изменение структуры ремесленных организаций этих центров.

На материалах культового строительства в совокупности с археологическими источниками (значительная часть которых также впервые введена в научный оборот) выделены периоды строительства и реконструкции отдельных культовых объектов, рассмотрены погребальные памятники.

1.

Историография и источники

1.1. ИСТОРИОГРАФИЯ

1.1.1. Общая характеристика историко-археологического изучения региона с конца XIX в.

Первые научные шаги в изучении древностей Северной Беларуси, в том числе ее северо-восточного региона, связаны с выявлением археологических памятников, их регистрацией и составлением археологической карты. Наибольшего размаха дореволюционные исследования достигли в последние десятилетия XIX в. Наряду со сбором сведений и составлением карт, проводились целенаправленные раскопки.

Большой вклад в изучение археологических древностей сделал Е. Р. Романов. В 1884 г. он приступил к работе над археологической картой Сенненского уезда и уже к 1891 г. провел раскопки, результаты которых были опубликованы [253]. Все подготовленные им материалы предполагалось поместить во второй вариант Археологической карты (писался с 1895 по 1906 г.). Однако по ряду обстоятельств этот труд так и не был издан [246].

Выходят специальные работы А. М. Сементовского [278], а также А. П. Сапунова, в которых даны указания на археологические памятники. Интерес представляет реконструкция витебских замков конца XVI в. и середины XVII в., сделанная А. П. Сапуновым на основе письменных источников [265]. Он открыл новые Борисовы камни, собирал археологическую коллекцию. В качестве приложения к «Памятной книжке Витебской губернии на 1903 г.» опубликовал работу о древних памятниках [267].

В конце XIX в. на страницах «Витебских губернских ведомостей» и в специальных этнографических изданиях публикуются работы Н. Я. Никифоровского — известного краеведа, фольклориста Витебщины. В его «Страничках из недавней старины г. Витебска» содержатся ценные сведения об исторической топографии города XVIII—XIX вв. [222]. Созданная по инициативе А. П. Сапунова в начале XX в. Витебская ученая архивная комиссия (ВУАК) способствовала сохранению ценных источников, из которых был составлен так называемый «Исторический архив», часть этих документов опубликована в 1910—1916 гг. А. П. Сапуновым приведена в порядок «Книга привилеев г. Витебска» — сборник копий королевских грамот на различные вольности Витебску, составленный по заданию городского магистрата в 1733 г. В сборнике находились также привилеи и грамоты, вписанные позднее 1733 г. Книга состояла из двух частей. Первая часть включала 10 привилеев 1516—1597 гг. Во второй части были помещены 62 документа с 1551 по 1701 г. До начала 1860-х гг. «Книга привилеев г. Витебска» находилась в городской думе, а с созданием Статистического комитета поступила в его библиотеку [117].

С 1890-х гг. в Витебске существовали два музея: культурно-исторический (сменил в 1894 г. музей Витебского статистического комитета) и церковное «древлехранилище», организованное Е. Р. Романовым с помощью А. П. Сапунова в 1893 г. Материалы этих музеев легли в основу губернского историко-археологического музея, созданного в 1919 г. [47]. Главный хранитель музея А. Р. Бродовский, изучив «Сметные книги г. Витебска» 1655 и 1665 гг., сопоставил их обмерные и архитектурные данные с «Чертежом г. Витебска 1664 г.» и нанес на план города 1928 г. схему витебских замков. Он же подготовил ряд репродукций оборонительных, культовых и гражданских построек, представлен-

ных на «Чертеже» в соответствии с описанием их в «Сметных книгах». Работу А. Р. Бродовского продолжил В. Краснянский, сделавший заключение, что материалы «Чертежа г. Витебска 1664 г.» важны для исследования белорусской деревянной архитектуры в целом. В. Краснянским изучались также экспонаты Витебского музея: средневековая батлейка из Ильинской церкви, значки витебских ремесленных цехов XIX в., «Таможенная книга г. Витебска 1605 г.» [117. С. 40—48; 118. Кн. 6. Т. 1. С. 39—93, 127—140; Кн. 3. Т. 2. С. 365—374].

В 1930-е гг. сбор археологических материалов с помощью широких разведок (обследования и небольшие раскопки) проводят сотрудники Института белорусской культуры. В числе многих памятников, подвергнутых изучению, были и объекты из северо-восточной Беларуси. Исследовались древности Оршанской округи: городище и курганный могильник у д. Черкасово С. А. Дубинским, А. Н. Лявданским; раскопки на городище в Орше и курганной группы у д. Грязивец провел А. Н. Лявданский; городище у д. Германы изучал С. А. Дубинский; в Дубровенском районе обследование городищ и курганных могильников осуществлено И. А. Сербовым. Археологические памятники в верховьях рек Друти и Усяж-Бука обследовал А. Д. Коваленя. В Витебске А. Н. Лявданский исследовал остатки культурного слоя на Замковой горе, а также восточную часть территории бывшего Нижнего замка. Он же провел раскопки у д. Старое Село (городище, селище, курганный могильник). Полученные материалы были опубликованы в специальных трудах [244. Т. 2. С. 31—46, 57—70, 71—79, 81—85, 93—104; 245. Т. 3. С. 190—192], значение которых сохраняется и в настоящее время.

Археологические раскопки разных типов памятников в рамках конкретных хронологических периодов проводятся на территории северо-восточной Беларуси с 1950—1960-х гг. по настоящее время. Памятники железного века в рассматриваемом регионе исследовались К. П. Шутом [346], В. И. Шадыро [329], Г. В. Штыховым [338], автором данной работы [149, 172] и Ю. В. Колосовским [173, 108], А. А. Сединым [268]. Л. В. Алексеев на основании разведок и раскопок 1950—1960-х гг. составил археологическую карту, включившую памятники железного века с территории северо-восточной Беларуси [5. С. 273—315]. Эта карта была дополнена сведениями, приведенными в работах Г. В. Штыхова [340], Л. Д. Поболя [238].

Территория северо-восточного региона Беларуси насыщена памятниками IX—XI вв., которые связываются с кривичами и другими славянскими племенами. Это хорошо прослеживается по материалам исследований Г. В. Штыхова, О. Н. Левко, Т. С. Бубенько в Витебском Подвинье [336; 171. Т. 2. С. 31—49; 41. С. 71—95], Л. В. Алексеева, З. М. Сергеевой, О. Н. Левко в Оршанском Поднепровье [10, 165, 174, 282, 283, 287].

Большой интерес представляют города на территории региона. Древнейшие из них (Витебск, Друцк, Орша, Копысь) известны по летописям. Степень их изученности различна. Витебск исследовался Г. В. Штыховым [342. С. 31—40], М. А. Ткачевым (1977—1978, Верхний замок), работы которого продолжил Л. В. Колединский (1979—1988) [105. С. 4]. Т. С. Бубенько изучала территорию Нижнего замка Витебска (1981—1997) [36. С. 3]. Автор данной монографии проводит раскопки в Витебске с 1976 г. по настоящее время. Ею исследовались территории Верхнего, Нижнего замков, Взгорского острога. Изучаются неукрепленные части города в Заручавье, Задунавье, Задвинье [162. С. 6—7; 169]. Друцк изучали Л. В. Алексеев [8. С.149—161; 17, 18], а также О. Н. Левко [196. С. 87—113]. Ю. И. Драгуном в 1965—1968 гг. проводились раскопки на

городище в Орше [74, 75]. В 1988 г. эти работы продолжены О. Н. Левко. В последующие годы и до настоящего времени ее исследованиями охвачены древнее городище, территория оршанского замка, посады Наднепровский, Заоршинный [146—148, 165]. Копысь изучали несколько исследователей [82, 207, 342]. О. Н. Левко в Копыси проводила работы на городище «Вал» (1980, 2003), а также изучала территорию средневекового посада («место» со слободами).

Помимо древних городов на территории региона северо-восточной Беларуси изучаются археологически также поселения позднего средневековья: замки, местечки. В 1980—1990-е гг. раскопки проводились в Витебском Подвинье. М. А. Ткачев исследовал территорию замка в г. п. Сураже [305], автор данной работы — замчища в Городке, Сураже [128, 137], замок Езерище [187]. В Оршанском Поднепровье небольшие работы проводились ею на замчищах в Старом Шклове, Багриново, Устье, Смольянах, а также в Обольцах, Толочине [146]. В 1996—1997 гг. исследовался замок в Дубровно [159], а в 2002—2003 гг. автором монографии открыт и частично изучен новый объект в окрестностях современного г. Шклова на территории д. Рыжковичи. Это известное по письменным источникам «место Шкловское» с замком второй половины XVI— первой половины XVIII в. Продолжены работы на городище в Старом Шклове и прилегающем к нему селище.

1.1.2. Изучение археологических культур региона, расселения кривичей и образования раннегосударственных структур

В 1920—1930-е гг. по материалам памятников Беларуси и Смоленщины А. Н. Лявданским в общих чертах были намечены культуры и определены ареалы их распространения в I тысячелетии н. э. Исследователь предположил, что на основании сходства материалов, в особенности керамики, северобелорусские городища и городища Смоленщины представляют собой единый этнокультурный массив, принадлежащий прибалтийским племенам.

В первые века I тысячелетия н. э. проникновение племен зарубинецкой культуры в Верхнее Поднепровье способствовало развитию особенностей у местных культур, причем до такой степени, что эти древности выделяются в новую культуру киевского типа или типа Абидни [302]. На территории Витебского Подвинья также зафиксировано наличие керамики с расчесами культуры типа Абидни [142]. Памятники с материалами круга киевской культуры в зоне псковско-смоленско-витебского пограничья по керамическим наборам исследователи подразделяют на несколько групп [178].

К середине I тысячелетия н. э. в результате сложных этнических процессов в среде местных племен Смоленского Поднепровья и Белорусского Подвинья формируются тушемлинские и банцеровские древности, имеющие локальные варианты в зависимости от субстрат-культуры. Их этническая принадлежность до сих пор остается спорной, так как мнения специалистов железного века разделились. А. Г. Митрофанов считал, что они имеют балтскую основу, развившуюся под сильным воздействием славянских племен [205]. Л. Д. Поболь отводит решающую роль в становлении культуры типа верхнего слоя Банцеровского, Тушемлинского и Колочинского городищ культуре типа Абидни (славянской). Раскопками Г. В. Штыхова установлено, что культурам третьей четверти I тысячелетия соответствуют нижние слои городищ в Полоцке, Лукомле,

Витебске, и они непосредственно предшествуют слоям IX—X вв., несомненно славянского происхождения. Г. В. Штыхов считает, что памятники Банцеровской культуры появились в Северной Беларуси «в период расселения славян в среде потомков балтского населения днепро-двинской культуры и в одних случаях могли принадлежать балтам, в других — славянам, в третьих — смешанному населению из тех и других» [342. С. 7]. Для дальнейшего решения проблемы истории населения региона существенное значение имеет более определенная интерпретация этнической принадлежности так называемых позднезарубинецких древностей типа Абидни и установление степени вероятности их перерастания в раннесредневековую славянскую культуру. Эта тема в настоящее время, несмотря на серьезные исследования в данной области, еще нуждается в дополнительных разработках.

Древнерусские летописи при изложении событий IX—X вв. называют одну из самых крупных этнических группировок в Восточной Европе — кривичей. Они занимали Смоленское Поднепровье, верховья Волги, верхнее течение Западной Двины и Псковщину. Исследователи считают, что процесс формирования кривичей происходил в среде славян и местных балтоязычных и финноязычных племен, находившихся в стадии ассимиляции и славянизации. Дискуссионным остается вопрос о том, какие славяне (восточные или западные) составили основу в процессе сложения кривичского населения [177, 275, 276. С. 87—95]. Существует также мнение, что культура длинных курганов, связываемая с кривичами, — балтская [44], и поэтому кривичи XI—XII вв. качественно отличаются от населения, совершавшего погребения в длинных и круглых курганах с трупосожжением VIII—X вв.

Важным является характер расселения кривичей. В исторической науке по занимаемой территории выделяются псковские, смоленские и полоцкие кривичи. В этой связи приобретает особое значение хронология кривичских древностей применительно к отдельным регионам. Именно она позволяет проследить процесс расселения кривичей и выделить область их наиболее ранней локализации. Новейшие исследования указывают, что такой областью является Псковско-Ильменская территория (бассейны Ильменя и Псковского озера), где данные древности датируются концом IV—V в. [273]. Периферию этой области представляют кривичские курганы, выявленные Г. В. Штыховым в Северной Беларуси и датируемые рубежом V—VI вв. [344].

На основании присутствия в наиболее ранних курганах Северной Беларуси и в ряде поселений IV—V вв. н. э. керамики с расчесами, исследователь пришел к выводу, что именно территория Северной Беларуси является зоной первоначального формирования кривичей. Однако керамика с расчесами выявлена и на поселениях территории Псковщины. Кроме того, в этом регионе обнаружено довольно много провинциально-римских вещей, хорошо известных и на памятниках типа Абидни в Могилевском Поднепровье и других, включаемых в круг киевской культуры. Поэтому, вероятно, памятники киевской культуры имеют отношение к формированию кривичского населения. И все же начальный этап сооружения длинных курганов прослежен именно в Псковско–Ильменском крае. Г. В. Штыхов также определил водораздел правых притоков Западной Двины (реки Дрисса, Усвяча) и верховья рек Ловати и Великой в качестве зоны формирования ядра будущего княжения кривичей-полочан [336. С. 5]. С таким выводом трудно согласиться по нескольким причинам. Во-первых, «Повесть временных лет» локализует кривичей-полочан в районе р. По-

лоты, впадающей в Западную Двину, т. е. привязывает их к конкретной территории. Во-вторых, археологические карты, составленные Л. В. Алексеевым [8. С. 36—37, рис. 5] и Г. В. Штыховым [336. С. 7, рис. 1] наглядно демонстрируют скопление курганов в междуречье Ушачи и Уллы, которое наиболее близко подходит к устью р. Полоты и расположенному здесь г. Полоцку — центру полоцких кривичей. Данное территориальное образование отделено от сгустков памятников в Витебском Подвинье болотами и лесным массивом. И, наконец, такой вывод противоречит письменным свидетельствам о вхождении Витебской и Усвятской волостей в состав Полоцкой земли лишь в 1021 г.

Ряд исследователей считают, что полоцкие и смоленские кривичи настолько близки в погребальном обряде и инвентаре, что могут восприниматься как единый массив смоленско-полоцких кривичей [79]. Некоторые разработки в области исторической географии, предпринятые в последние годы В. А. Булкиным, А. А. Метельским, также основываются на тезисе о единстве культуры смоленско-полоцких длинных курганов. В то же время В. А. Булкин отмечает, что различия восточной и западной частей днепро-двинского пространства усугубляются к концу I — началу II тысячелетия н. э. Их смежная граница приобретает направленность от Витебского Подвинья к Оршанскому Поднепровью [43. С. 130]. А. А. Метельский делает вывод, что в IX—X вв. Витебск и Смоленск составляли единое целое в этническом и хозяйственном аспектах, а по р. Оболь проходила граница между Полоцким княжеством и Киевской державой до 1021 г. [213. С. 188].

По мнению автора данной монографии, в основе единства черт погребального обряда, материальной культуры полоцких и смоленских кривичей лежит синхронное расселение этой этнической общности в области Полоцкого и Витебского Подвинья (VI—VII вв.). Дальнейшее продвижение на Смоленщину и в Оршанское Поднепровье (рубеж VII—VIII вв.), поэтапное освоение всей территории, занимаемой как полоцкими, так и смоленскими кривичами, осуществляется на протяжении от рубежа V—VI вв. до IX—X вв. Наиболее ранние памятники полоцкой и смоленской зон размещались вблизи основного ядра кривичей, локализующегося на территории Псковщины, и занимали бассейн р. Дриссы в Полоцком Подвинье и верховья рек Ловати, Усвячи в Витебском Подвинье (рис. 1). Формирование торгово-военного пути «из варяг в греки», прослеженное по монетным и монетно-вещевым кладам, связало Витебское Подвинье, Оршанское Поднепровье со Смоленском (Гнездово), выдвинувшимся в качестве территориально-организующего центра обширной области. Вероятно, объединению кривичей Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья со смоленскими способствовало и наличие прочных связей в среде аборигенного населения этих регионов. И те и другие имели единую культурную подоснову (тушемлинскую), несколько отличающуюся от банцеровских древностей западной части Подвинья, занятого полоцкими кривичами. В то же время, более раннее освоение кривичами территории Витебского Подвинья в сравнении со Смоленщиной обусловило сложение здесь локальных племенных центров (Усвяты, Витебск, Городок). Наличие в конце I тысячелетия н. э. устойчивых территориальных племенных образований стало первоосновой дальнейшего формирования территориально-административных единиц раннегосударственных структур — волостей [156].

Накопленный объем научной информации позволяет рассмотреть те аспекты актуальной темы возникновения и развития государственности на территории Беларуси, которые прежде находились вне поля зрения исследовате-

лей либо представлялись в самом общем виде. К ним относится процесс сложения раннегосударственных территорий. Вопросы формирования и развития территорий государственных структур Восточной Европы в раннем средневековье нашли отражение в ряде исторических трудов начиная со второй половины XIX в. В это время появляются и первые обобщающие работы исторического характера, касающиеся территории Северной Беларуси. Среди них выделяются исследования М. В. Довнар-Запольского [70] и В. Е. Данилевича [66], в которых приведены письменные источники (летописи, хроники), а также данные исторической географии, топонимики и др.

Обобщающий труд А. Н. Насонова, вышедший в начале 1950-х гг., впервые освещает вопросы формирования и развития государственной территории у восточных славян. В специальном разделе рассмотрен процесс сложения территории Полоцкой земли, начавшийся в конце I тысячелетия н. э. [219]. Исследователем выделена древнейшая ее часть в районе р. Полоты, обоснованы причины и направления роста государственной территории, дана хронология этого процесса в соответствии с имеющимися письменными свидетельствами.

На современном этапе исследования в научный оборот введены значительные археологические материалы, накопленные за 1970—1990-е гг. Вырабатываются и новые подходы в осмыслении синтеза письменных и археологических источников для раскрытия тех или иных вопросов. Применительно к рассматриваемому региону первым исследованием 1970-х гг. в этом направлении, опирающимся на материалы археологии в совокупности с письменными и другими источниками, является работа Л. В. Алексеева «Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв.». Очертив границы Полоцкой земли с помощью топонимических данных, исследователь предпринял также попытку реконструировать ее территориальную структуру. По его мнению, Полоцкая земля представляла собой конгломерат нескольких густонаселенных территорий, разделенных большими лесными массивами. Такие территории являлись объединениями с централизованным подчинением — волостями, которые в более позднее время стали называться уделами [8. С. 74].

В 1990-е гг. вопросами формирования и развития территории Полоцкой земли в IX—XIII вв. занимался Г. Н. Семенчук. Данный исследователь повторил схему образования и развития раннегосударственных территорий, принятую в 1950—1970-е гг. (А. Н. Насонов, Л. В. Алексеев). Попытка Г. Н. Семенчука наметить границы Полоцкого «княжества Рогволода» — государства варварского типа середины X в., несмотря на привлечение достаточно большого нового материала, неудачна. Как признает сам исследователь, «более или менее фиксировать процесс формирования территории княжества» ему удается лишь с того времени, когда оно было связано с государством князя Владимира Святославича (978—1015) [280. С. 14].

Автором данной монографии на основе гипотезы о синхронно-стадиальной равнозначности процессов, происходивших в Киевской державе и Полоцком княжестве (земле), разработана схема сложения раннесредневековых территориально-административных структур в северо-восточном регионе Беларуси и развития их центров в IX—XIII вв. По авторской версии ряд военно-политических конфликтов между Киевом и Полоцком можно оценить как межгосударственные. Неправомерным представляется сопоставление Полоцкой земли со Смоленским княжеством в вопросе формирования их тер-

риторий [211]. Зону Оршанского Поднепровья Полоцкая земля оспаривала у Киевской державы, составной частью которой (уделом) являлось Смоленское княжество.

Вопрос о формировании уделов («отчин») на территории Полоцкой земли в период так называемой феодальной раздробленности в белорусской исторической науке до последнего времени не был разработан. Предложенные Л. В. Алексеевым характеристики уделов — волостей (княжеств) схематичны, не выдерживают критики в количественном отношении (число уделов равно количеству сыновей полоцкого князя), а также в плане их значимости и времени образования. В новейшем исследовании Э. М. Загорульского отмечается, что отдельные волости Полоцкой земли могли быть отданы в управление сыновьям Всеслава как наместникам при его жизни, а после смерти превратиться в вотчины [84. С. 72]. В специальной публикации О. Н. Левко показано различие между полоцкими уделами на родовом праве и созданными по принципу феодального права, а также обосновывается их хронология [198]. В публикации А. А. Метельского, посвященной историко-географическому обзору рубежей «Витебской земли», делается попытка реконструировать территорию удела XII—XIII вв. [213]. Привлечение межевого материала и данных археологии, значительно дистанцированных хронологически (XVI в.) от объекта исследования, снижает качество выводов публикации. Нельзя согласиться и с употреблением в одинаковом значении терминов «удел» (княжество) и «земля», так как этими терминами объединены разновременные и качественно различные структуры на территории рассматриваемого региона.

1.1.3. Исследование городов и территориально-административного развития региона в эпоху средневековья

До сих пор остается актуальной проблема формирования и развития городов — средневековых административных центров. Разрозненность, а подчас и противоречивость источников, относящихся, прежде всего, к раннему этапу их существования, заставляет исследователей все более настоятельно обращаться к этой теме, искать новые пути ее изучения, уточнять и конкретизировать уже имеющиеся сведения.

Авторы обобщающих работ Л. В. Алексеев [8] и Г. В. Штыхов [342] на основе новых археологических материалов с привлечением данных летописей и других источников предложили реконструкцию истории древнейших городов на территории рассматриваемого региона в пределах IX—XIII вв. Они приходят к выводу, что древнейшие города находились в Подвинье. В монографии Г. В. Штыхова приводятся сведения о древней истории Витебска, Усвят, Друцка, Копыси, Орши — городов Полоцкой земли в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье; на археологических источниках показаны основные черты хозяйственной жизни, быта, культуры горожан. Л. В. Алексеевым исследованы пути сообщения на территории Полоцкой земли, он пришел к выводу, что именно выгодному географическому размещению Полоцкая земля обязана своим сравнительно ранним возникновением и интенсивным развитием. Наличие торгово-транспортного пути, обеспечивающего ремесленнику бесперебойный сбыт товаров, и укрепленного пункта, гарантирующего его безопасность, является конкретными обстоятельствами появления городов.

Витебску и Орше с ее округой посвящены специальные работы автора данной монографии [133, 146]. В них на основе новых материалов, охватывающих весь период средневековья, дана характеристика стратиграфии, хронологии городов, анализируются вещественные источники, впервые выделены основные их категории, имеющие значение для датировки слоя позднего средневековья. Это позволяет более достоверно разграничивать культурные напластования средневековых центров по периодам. В отличие от предыдущих исследователей, главное внимание сосредотачивалось на археологическом изучении всех структурных составляющих города, как укрепленных, так и не укрепленных его частей. Установлено, что в племенную эпоху и на раннем этапе становления городского (волостного) центра на территории Витебска существовали отдельные славянские поселения, одно из которых находилось на правом берегу р. Витьбы. В процессе формирования городской структуры, часть поселений, удаленных от центра (Заручавье, Задунавье), превращаются в городские предместья и затем включаются в территорию города. Посад Завитебный (Взгорье) начинает формироваться одновременно с другими наиболее ранними городскими посадами, о чем свидетельствуют материалы новейших исследований. Работы на территории Взгорья дают возможность по-новому оценить и значение данного участка в структуре развивающегося городского организма на переходном этапе от племенного центра к раннегосударственному (волостному). Они позволяют поставить вопрос о существовании племенного святилища на Лысой горе, которое перестало функционировать с превращением Витебска в центр удела и возведением храмов св. Михаила и Благовещения [160].

Деревянные [96] и каменные [309] оборонительные сооружения Верхнего и Нижнего замков Витебска, застройка их территории в средневековье выявлены и изучены М. А. Ткачевым, Л. В. Колединским, Т. С. Бубенько [103, 306]. Полученный новый материал показал, что дерево-земляные укрепления вокруг территории Верхнего замка (XIV в.) были возведены в 1240-е гг., т. е. в период, предшествующий сооружению замка. На территории Нижнего замка укреплений ранее XIV в. не выявлено. Это дало основание Т. С. Бубенько предположить, что дерево-земляные укрепления XII в. вокруг Верхнего замка — ничто иное, как укрепления окольного города раннесредневекового Витебска [36. С. 8].

Проводя исследования на территории древнего городища в Орше, Ю. И. Драгун поставил перед собой задачу на основе синтеза материалов раскопок и письменных источников показать социально-экономическое развитие типичного для Беларуси города в XI—XVIII вв. В отличие от Ю. И. Драгуна, автор данной работы имела целью проследить процесс становления Орши в качестве административного центра волости, а затем повета, ее связь с округой на протяжении средневековья. В результате проведенных раскопок установлено, что оборонительные укрепления на городище возведены в начале XII в., с этого же времени развиваются посады вблизи «града» и за р. Оршицей (Ршой) напротив него [146]. По результатам раскопок, наблюдений и геологического бурения определена зона распространения культурного слоя Орши XII—XVII вв., выделены категории режима его исследования и использования.

В Друцке Л. В. Алексеевым изучалась территория древнего детинца, который также предполагался в качестве племенного центра (городища). Исследователем прослежена планировка, застройка детинца, дана оценка социальной значимости выявленных на нем объектов, хронологии слоя. Раскопки О. Н. Лев-

ко (1999—2000) проведены в разных частях древнего города. Выявлены культурные напластования племенной эпохи на Окольном городе и поселение за линией укреплений (посад), возникшее не позднее начала XI в. Сопоставление стратиграфии культурных отложений на разных участках Друцкого комплекса с материалами новейшей публикации Л. В. Алексеева [17, 18] выявляет несостоятельность либо противоречивость выводов данного исследователя по ряду рассматриваемых им вопросов [167].

В работе М. К. Любавского «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» [180] рассматривается территория Витебской земли на рубеже XIV—XV и в начале XVI в. Исследователь впервые поставил вопрос о значении названий различных «областей» Великого княжества Литовского. К числу «политически обособленных областей» с определенными правами самоуправления он относит и Витебскую землю. В своей работе М. К. Любавский опирался на материалы Литовской метрики, «Акты Западной России» и некоторые другие источники. Его разработки имеют значение при рассмотрении вопросов территориально-административной структуры региона и для изучения социальной топографии административных центров. Польский исследователь О. Галецкий отмечал, что до реформы 1565 г. в рамках территориально-административного деления Великого княжества Литовского вся территория Виленского и Трокского воеводств называлась «Литвой», а земли-«аннексы» с федеративным статусом (в том числе и Витебская) назывались «Русью», или «Русью Литовской» [357. S. 7—25]. Взгляды О. Галецкого, опиравшегося на законодательные акты, получили развитие в современных исследованиях. В. А. Носевич и М. Ф. Спиридонов, широко использовавшие документы великокняжеской канцелярии и частные актовые материалы XVI в., убедительно показали, что земли рассматриваемого в монографии региона северо-восточной Беларуси относились к территории, именуемой в средневековье «Русью» [217].

Территориальная принадлежность отдельных населенных пунктов Витебского воеводства выявляется по сведениям Н. И. Оглоблина, приведенным в «Объяснительной записке к карте Полоцкого повета во второй половине XVI века» [228]. Материалами для составления этой карты послужили Полоцкие писцовые книги, в которых идет речь о границах Полоцкого повета с соседними поветами в 1563—1571 гг., а также о землях, розданных в Усвяте и Озерищах в 1571 г.

Для исследования типологии средневековых населенных пунктов территории северо-восточной Беларуси, их количества, характера размещения, установления административного значения и других вопросов важной является карта 1613 г., составленная в конце XVI в. и изданная на средства Николая Криштофа Радзивилла. Этот источник неоднократно анализировался историками. Польский исследователь С. Александрович сопоставил карту 1613 г. со сведениями письменных источников и пришел к выводу, что карта не отражает всей полноты имеющихся данных по населенным пунктам рубежа XVI—XVII вв. По его подсчетам, на карте не учтены 162 местечка и она содержит сведения лишь о 70% таких населенных пунктов. Поэтому данные, приведенные самим Александровичем о количестве местечек, в том числе и на территории региона северо-восточной Беларуси, значительно полнее. К тому же исследователь систематизировал материалы до середины XVII в. [356. С. 62, 67—105].

К новейшим картографическим исследованиям, включая и территорию северо-восточной Беларуси, относятся составленная М. Ф. Спиридоновым карта «Беларусь у сярэдзіне XVI стагоддзя» (вкладыш к книге «Францыск Скарына», 1988), 1:2 500 000, а также его разработки по анализу карты 1613 г. [294]. На них приводятся центры воеводств, поветов, крупных владений (волостей), местечки и сельские поселения, локализованные на основе различных письменных и картографических материалов. Данные карты использовались при изучении территориально-административной структуры региона в указанный период.

Инвентари городов, замков XVI—XVIII вв. и планы городских поселений конца XVIII—XIX вв., в совокупности с материалами археологии позволяют реконструировать отдельные этапы развития территории, оборонительных сооружений, торгово-ремесленных структур локальных центров региона. Большое значение приобретают монографические работы М. Топольской [362, 363], А. П. Грицкевича [59], М. А. Ткачева [308], Ю. А. Якимовича [352], И. Н. Слюньковой [290], опирающиеся на архивные источники по данным вопросам. В работах М. А. Ткачева, И. Н. Слюньковой, Ю. А. Якимовича анализируются архивные материалы, связанные с топографической структурой городов и замков, оборонительными и культовыми сооружениями XVI—XVIII вв. Часть выводов и построений исследователей находит подтверждение в материалах археологии. Ряд вопросов, не обеспеченных письменными источниками, можно решить лишь по данным археологии. В частности, удается более конкретно установить хронологию развития структурных составляющих городской территории, отдельные детали планировки, характер застройки. В замковом строительстве выделить местоположение, этапы развития и типы оборонительных сооружений.

Изучение культовых памятников конца XVI—XVIII вв. на территории ведущих административных центров региона северо-восточной Беларуси в эпоху средневековья позволяет не только установить масштабность этого строительства, но и определить место и значение храмов и монастырей, принадлежавших разным конфессиям, в системе городской планировки. Автором данной работы впервые исследованы фундаменты, вычленены хронологические этапы в сооружении и перестройках некоторых не сохранившихся храмов и монастырских строений Витебска и Орши XVII—XVIII вв. Выявлены особенности техники отдельных конструкций. Прослежены хронологические, социальные и конфессиональные различия в погребальных комплексах городских кладбищ и храмовых погребениях.

Идейное и культурное наследие Беларуси XVI—XVIII вв., деятельность Ватикана в области конфессиональной политики этого периода, а также политика Московского синода применительно к территории северо-восточного региона нашли отражение в исследованиях Г. Я. Голенченко и Я. Н. Мараша [57, 199]. Приведенные исследователями данные и их выводы в сочетании с материалами по развитию церковного землевладения в ведущих центрах северо-восточного региона Беларуси и церковного строительства позволяют вскрыть направленность конфессиональной государственной политики в рассматриваемый период.

В работах А. П. Грицкевича и М. Б. Топольской подробно характеризуется состояние ремесленного производства в Шклове и Шкловском графстве на протяжении XVI—XVIII вв., а также взаимодействие центра графства с другими локальными центрами региона в области торгово-ремесленной деятельности.

Важными являются и сведения о структуре Шкловского графства, приведенные М. Б. Топольской на основании многочисленных архивных материалов. А. П. Грицкевич много внимания уделил типологии частновладельческих городов, развитию органов управления. Структура ремесленных организаций в белорусских городах XVII—XVIII вв. рассматривается А. П. Игнатенко [92]. Важными исследованиями по торговым связям областей, привязанных к Двинскому пути, и в том числе рассматриваемого региона, являются работы Е. И. Муравской [209], А. Л. Хорошкевич [322, 323], В. В. Павулана [233], В. В. Дорошенко [72, 73], К. Г. Митяева [206]. Они основаны на большом количестве архивных источников, содержат глубокий анализ основных видов экспортных и импортных товаров в разные периоды от XIII до XVIII в., механизма торговых операций, характера торговых соглашений. Исследования В. Н. Рябцевича [262], Ш. И. Бектинеева [30], посвященные денежному обращению и денежно-весовым системам, касающимся рассматриваемого региона, дополняют общую картину по развитию торговых связей. Автором данной монографии систематизированы и обобщены результаты изучения торговых связей региона северо-восточной Беларуси в X—XVIII вв., показаны развитие торгового права в Западнодвинском бассейне и приоритет в этом вопросе отдельных центров на разных этапах. Учтены также археологические данные [140] и их анализ в новейших исследованиях [40, 64].

При изучении ремесел средневековых городов региона использовались методы естественных и технических наук. М. Ф. Гурин исследовал технологические схемы различных категорий изделий из железа, что позволяет в целом определить уровень этого вида ремесла в средневековых городах региона [62, 63]. Собранный во время археологических раскопок значительный материал по бытовой и архитектурно-декоративной керамике представлен в специальной работе автора данной монографии, где на примере коллекций Витебска и Орши, дополненных источниками других памятников, характеризуется развитие данного вида ремесленной деятельности в регионе в эпоху средневековья [144].

Развитие экономики, социально-политического уклада административных центров рассматриваемого региона в XVI — первой половине XVII в. нашло отражение в работах З. Ю. Копысского [111, 112]. Особое внимание он уделяет слабо или вовсе не изучавшимся ранее вопросам имущественного состояния и социального состава городского населения, городской политике верховной власти, организации и деятельности самоуправления. Прослеживает влияние городских владений феодалов, так называемых юридик, на социально-политическое развитие белорусского города. Исследование общественно-политического строя и правовых норм Беларуси в эпоху средневековья на основе различных актовых материалов проведено Я. А. Юхо, А. Ф. Вишневским, Т. И. Довнар, В. А. Шелкопляс [49, 50, 69, 351]. Интерес представляют и генеалогические разработки В. Л. Носевича, М. Ф. Спиридонова относительно влиятельнейших княжеских родов и их владений на территории региона северо-восточной Беларуси в XIV—XVII вв. [216, 295].

1.2. ИСТОЧНИКИ

Несмотря на отрывочность сведений, *летописи* являются важнейшим источником данных о раннем средневековье. В настоящее время предприняты шаги в систематизации материалов летописания, освещающих средневековый

период истории Беларуси [52]. Появились и исследования, в которых критически оцениваются некоторые сведения летописей и хроник, касающихся истории Белорусских земель X — первой половины XIII в. [88].

О существовании собственно полоцких летописей известно лишь по сообщениям В. Н. Татищева, которые в настоящее время после длительного всестороннего их анализа историками также приобрели значение источника [255]. Особенно важным для данной работы является сообщение В. Н. Татищева о приезде Владимира Мономаха с сыновьями в Смоленск для урегулирования отношений с полоцкими князьями.

Основная информация, касающаяся рассматриваемого региона, заключена в отрывочных сведениях из летописных сводов смежных территорий (киевских и новгородско-псковских). Самый ранний период истории Полоцкой земли (включая начало XII в.) отражен в «Повести временных лет». Лаврентьевский свод содержит «Поучение Владимира Мономаха», важное для освещения ряда военно-политических событий XI в. Новгородско-псковские летописи иногда дополняют эти своды, указывая на те или иные события. Так, сообщение «Повести временных лет» о разграблении полоцким князем Брячиславом в 1021 г. Новгорода дополняется известием Софийской 1 летописи об условиях соглашения Ярослава Мудрого с Брячиславом. Наибольшее количество сведений по XII в. содержится в Ипатьевской летописи.

Летописи неоднократно анализировались исследователями, поэтому, несмотря на ограниченную информацию данных источников, имеется достаточно широкий спектр их интерпретации. Наиболее полно использован летописный материал, касающийся рассматриваемого региона, Л. В. Алексеевым. На основе данных источников им опубликованы специальные разделы по политической истории Полоцкой и Смоленской земель в монографических исследованиях [8. С. 237—288; 13. С. 194—235]. Летописи являются важным источником при изучении вопросов формирования новых волостных центров (Орша, Копысь), выделения Витебска и Друцка из состава Полоцкой земли в качестве центров самостоятельных удельных княжеств. В летописях сохранились также сведения о различных политических союзах княжеских династий, боровшихся за обладание Витебским и Друцким уделами, их территориальной принадлежности на раннем этапе существования. Новый обширный археологический материал в совокупности с данными летописей позволяет сделать историческую реконструкцию территориально-административного развития рассматриваемого региона в XI—XIII вв. Выявляется причинная связь между временем возникновения и функциональным назначением ряда археологических объектов, устанавливается их роль в регионе, определяются обстоятельства прекращения функционирования в конкретных исторических условиях.

Сведения о территориально-административном устройстве бывших земель Полоцкого государства, развитии их торговых связей, ремесла содержат и письменные источники XIII—XVII вв. Значительная часть источников, освещающих данные вопросы по рассматриваемому региону, опубликована. Это «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского [53], *актовые материалы,* представляющие международные договора, великокняжеские привилеи землям, городам и др. Упоминание о Витебской волости имеется в списке договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. [291. С. 39]. «Смоленские грамоты» дают и наиболее полное представление о самом раннем из дошедших до нас торговых договоров Смоленска, Витебска и Полоцка. Обособленное государственно-

правовое положение Витебской земли в составе Великого княжества Литовского санкционировалось великокняжескими грамотами. Многочисленные акты различного назначения, систематизированные в специальных публикациях и хранящиеся в архивах, использовались при рассмотрении вопросов социально-топографического и планировочного развития административных центров региона, его торговых связей и устройства ремесленных организаций в эпоху развитого средневековья. Среди опубликованных источников по Витебску и другим населенным пунктам Витебского воеводства важнейшими являются многотомные «Историко-юридические материалы» [94]. В них приводятся данные о земельных владениях и социальной принадлежности населения Витебска и Витебского воеводства, о характере землепользования, городской планировке в XVI—XVII вв. Экономическое и социально-политическое развитие средневекового Витебска и территории воеводства также отражено в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» [3. 1863. Т. 1], «Актах, относящихся к истории Западной России» [2. 1846—1853. Т. 1—5], сборнике документов «Беларускі архіў» [31]. Белорусское феодальное право представлено в систематизированном сборнике актовых материалов [65].

Торговые связи с русскими землями освещают документы, собранные в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» [58], сборниках документов «Белоруссия в эпоху феодализма» и «Русско-белорусские связи» [32, 256]. Для освещения вопросов организации торгово-ремесленной деятельности населения региона в X—XVIII вв., определения роли и места административных центров в развитии торговых связей Витебского Подвинья и Оршанского Поднепровья в этот период использовался также комплекс источников, систематизированых в «Русско-ливонских актах», собранных К. Напьерским [257], «Актах Литовско-Русского государства», опубликованных М. В. Довнар-Запольским [71], документах «Витебской старины» А. П. Сапунова [264]. Богатая информация о торговле северо-восточного региона Беларуси в эпоху средневековья содержится в «Полоцких грамотах XIII — начала XVI в.», которые были систематизированы и опубликованы А. Л. Хорошкевич [241].

Картографические источники и фотоматериалы представлены археологическими картами памятников, архивными и опубликованными материалами (планы городов конца XVIII—XIX в.; планы и фотографии культовых построек). К опубликованным источникам относятся планы средневекового Шклова и территории Шкловского графства, «Чертеж г. Витебска 1664 г.» Планировка средневекового города по «Чертежу г. Витебска 1664 г.» подробно исследовалась Т. И. Чернявской [328], историко-археологический анализ этого источника сделан О. Н. Левко [133. С. 73—77]. Планы г. Витебска конца XVIII—XIX в. (РГВИА) и планы г. Орши конца XVIII—XIX в. (РГИА), а также планы Городка, Копыси, Шклова (РГВИА), как и современные топоосновы Городка, Дубровно, Толочина, Гор использовались для ретроспективных реконструкций.

Источниками для исследования культового строительства в административных центрах северо-восточной Беларуси послужили материалы археологических раскопок автора монографии, а также совместных с Белреставрацией и Витебскбелреставрацией [Архив ИИ НАН Беларуси, дд. № 1048, 1048а, 1164, 1164 а; 22. Т. 4], дополненные документами из различных собраний актовых материалов и фондов архивов. Особый интерес представляет схема размещения уничтоженных православных культовых объектов Орши, хранящаяся в Рукописном отделе библиотеки Вильнюсского университета [251]. Письменные и графиче-

ские источники также помогают интерпретировать элементы перестроек, уточнять хронологию выявленных во время археологического изучения остатков разрушенных храмов и монастырских строений. Большая информация хранится по культовым объектам Орши в Российском государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Наиболее важными являются те материалы, которые связаны с исследовавшимися объектами. Это проектные чертежи соборной церкви с колокольней 1818 г., документы, называющие дату основания каменной церкви Рождества Богородицы [248, ф. 1488, оп. 2, д. 744, л. 1; 248, ф. 799, оп. 33, д. 845, л. 31], материалы по Иезуитскому коллегиуму [248, ф. 835, оп. 1, д. 396, 14 л.].

В ряду источников, использованных для решения поставленных задач, важнейшее место занимают *памятники и материалы археологии*. Особенно необходимы они при рассмотрении вопросов формирования и становления раннесредневековых административных центров.

Памятники археологии с территории региона (городища, курганы, культовые объекты и др.) в значительной части претерпели большие изменения во внешнем виде, многие частично либо полностью разрушены. В этой связи имеют значение не только те материалы, которые получены непосредственно в ходе археологических раскопок. Имеющиеся в музейных запасниках, собранные в разные годы экспонаты, а также сведения о памятниках археологии, зафиксированные в официальных документах и публикациях историков-краеведов, являются существенным дополнением к основной источниковой базе.

Селища и городища региона, как правило, многослойные, включают материалы от раннего железного века вплоть до XIII в. либо материалы третьей четверти I тысячелетия н. э. и последующего времени. Их изученность в целом можно расценить как начальный этап, поскольку по большинству памятников имеется информация общего характера. Лишь отдельные из них подвергались достаточно широким раскопкам и являются базовыми при рассмотрении вопросов формирования локальных племенных центров.

Материалы третьей четверти I тысячелетия н. э. и IX—XI вв. на территории Витебского Подвинья достаточно хорошо представлены как на городищах, так и на селищах (Старое Село, Лужесно, Зароново, Бураково, г. п. Городок, Новый Болецк и др.), а также в курганах (Дорохи, Вышедки, Смольки, Городок, Бескатово). В Оршанском Поднепровье изучались многослойные городища у дд. Кисели (Дымокуры), Черкасово, Германы, Вежки (на данном памятнике исследовалось также селище). Конструкция внутривальных сооружений прослежена на городищах у дд. Багриново, Стражево. Курганы исследовались у г. п. Ореховск (оз. Переволочно), у дд. Крапивно, Черкасово, в урочище Грязивец под Оршей, на ряде памятников Толочинского района, откуда получен наиболее разнообразный материал X—XI вв.

Наиболее обширным исследованиям подвержены города Витебск, Орша, Друцк, Копысь. Эти объекты дают информацию по племенной эпохе (Витебск, Друцк), второму этапу образования городских центров — XI—XII вв. (Орша, Копысь). Наибольшее количество информации культурные напластования городских центров сохраняют по позднесредневековому периоду.

Проведенные в последние десятилетия археологические исследования на территории позднесредневековых замков, местечек региона (Езерище, Местечко, Сураж, Городок, Старый Шклов, Смольяны, Толочин, Багриново, Дубровно, Друцк, Горы) позволяют определить характер этих объектов, элементы их планировки, застройки, оборонительных сооружений.

Большинство памятников монументальной архитектуры позднего средневековья в настоящее время разрушено, и культурный слой сохраняет лишь фундаменты и небольшие фрагменты стен храмов, монастырей, гражданских строений. Развернутые в последние десятилетия реставрационные работы на сохранившихся памятниках архитектуры и попытки восстановить утраченные позволили начать планомерное изучение культовых городских и монастырских объектов. Сплошным обследованием зафиксированы и описаны вошедшие в специальные «Своды» (публикацию источников) памятники археологии в их современном состоянии. Рассматриваемый регион представлен в «Сводах» по Витебской и Могилевской областям [89, 90].

Материалы археологии, используемые в монографии, получены в основном в результате исследований автора данной работы с 1976 по 2003 г. На изученных объектах разного назначения и хронологических уровней зафиксированы характер и мощность культурных отложений, по вещевому материалу установлена хронология отдельных составляющих памятников (городище, селище; детинец, окольный город, посад; замок, местечко и т. д.). Задокументированы как сами культурные напластования, так и фрагменты сохранившихся жилых, хозяйственных, оборонительных, культовых сооружений, дана их интерпретация. По погребальным памятникам также проведена соответствующая фиксация инвентаря и обряда. Частично полученные данные опубликованы при разработке различных вопросов развития средневековой истории региона. Использованы также материалы археологии, полученные при раскопках и опубликованные другими исследователями.

1.3. БЕЛЫЕ ПЯТНА. СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

1.3.1. К вопросу о ранней истории и топографии Витебска

Витебск является одним из наиболее изученных археологически древних городов на территории Беларуси. И тем не менее, есть ряд вопросов, неоднократно исследовавшихся и все еще требующих дальнейшего изучения. К ним относятся ранняя история и топография Витебска.

В 1970—1980-е гг. начинается новый этап в изучении средневекового Витебска. В 1964 г. на основе архивных данных о срытии Замковой горы, материалов, опубликованных А. Н. Лявданским, «Чертежа г. Витебска 1664 г.», а также фрагментарных сведений периодической печати и очевидцев о строительно-земляных работах в Витебске в 1930—1960-е гг. Л. В. Алексеев публикует статью «К истории и топографии древнейшего Витебска» [7]. В ней он предлагает реконструкцию средневекового Витебска, в которой уверенно отождествляет территорию известных по письменным и графическим источникам Верхнего замка с детинцем, а Нижнего — с окольным городом. По подсчетам Л. В. Алексеева, размеры детинца составляли 2,5—3 га, окольный город имел втрое большую площадь. На реконструкции (рис. 2) присутствуют также Острог (Взгорье) и слободы, упоминаемые лишь в документах конца XVI—XVII в. И в статье и в монографии «Полоцкая земля» (1966) Л. В. Алексеев подчеркивает, что раннее витебское *городище Замковая гора*, как показывают планы XVIII в. и документы архива ЛОИА, при Ольгерде (XIV в.) использовалось *в качестве вала Верхнего замка*, на котором возводились каменные укрепления. К другим известным оборонительным сооружениям исследователь относит остатки Вол-

конского кругляка (башни с «Чертежа...» 1664 г.), выявленные во время строительных работ на площади Свободы [8. С. 163—164]. Таким образом, *никаких оснований для выделения более ранних укрепленных объектов (детинец, окольный город) и тем более указания их размеров у Л. В. Алексеева не было.*

В 1964—1966 и 1972 гг. археологические исследования на территории г. Витебска проводит Г. В. Штыхов. Раскопки и наблюдение за земляными работами на территории Верхнего и Нижнего замков позволили исследователю в монографии «Города Полоцкой земли» [342] сделать вывод о том, что рельеф данной местности прежде был совсем иным и «представлял собой несколько возвышений, находившихся в заболоченной долине Витьбы» [342. С. 32]. Говоря о древней топографии Витебска, Г. В. Штыхов называет *два поселения кривичей (IX — начало X в.)*, окружавших укрепленный центр площадью 0,7 га на Замковой горе. Одно из них, по его мнению, находилось в западной части территории Верхнего замка на мысу. Участок был значительно ниже площадки горы. Второе (площадью до 1 га) располагалось на берегу р. Западной Двины (территория Нижнего замка). Как считает Г. В. Штыхов, увеличение территории города происходит с конца X в. *Посад* (а не окольный город, как у Л. В. Алексеева) уже *занимает почти всю площадь, окруженную ручьями (свыше 5 га),* иными словами, территорию будущего Нижнего замка. Основанием для такого вывода послужили материалы, датируемые X—XII вв., обнаруженные как самим исследователем (1966), так и случайно в разное время во время земляных работ в восточной части территории Нижнего замка. Г. В. Штыхов отмечает также, что с конца X в. начинает заселяться Взгорье, где были выявлены его раскопками в 1972 г. материалы этого времени. Однако наряду с выводами, базирующимися на данных археологии, исследователь неаргументированно утверждает: *«В XII в. детинец занял всю местность, известную под названием Верхнего замка (площадь 4 га)»* [342. С. 41].

В 1976 г. раскопки на Верхнем и Нижнем замках проводит О. Н. Левко. На Верхнем замке у западного подножия бывшей Замковой горы в 1975 г. вырыт строительный котлован, обнаживший культурные напластования мощностью от 1,5 до 7,2 м, хорошо сохраняющие остатки деревянной застройки. В раскопе 1976 г. наряду с постройками рубежа XIII—XIV вв. были обнаружены и фрагменты лепной керамики второй половины I тысячелетия н. э. Во время геологического бурения в центральной части сквера вдоль ул. Пушкина (1976) удалось определить местоположение «озера» (искусственного водоема), фиксируемого планами конца XVIII—XIX в. и называемого «Сметными книгами» середины XVII в. Под мощным слоем ила в верхних горизонтах находились культурные напластования толщиной около 5 м. Данные геологического бурения с разных участков исторической зоны города в совокупности с материалами археологических исследований позволили О. Н. Левко воспроизвести ее древнейший рельеф. Было *установлено, что западный участок территории Верхнего замка (Двинская возвышенность) отделялся от восточного (где находилась Замковая гора) глубоким (до 11—13 м) и широким оврагом* (рис. 3) [133. С. 7].

Работы на Верхнем замке в 1977—1978 гг. продолжены под руководством М. А. Ткачева. Территория раскопов примыкала к участку 1976 г. у подножия Замковой горы и исследовалась до материка на ограниченной площади (готовилась под музеефикацию). Таким образом, *осталось не выясненным, как формировались отложения ближе к центру Верхнего замка, где проходил*

овраг. В 1979 г. раскопки на территории Верхнего замка проводились Л. В. Колединским и М. А. Ткачевым в западной его части (у драмтеатра), *снова не затрагивая овраг, отделявший Замковую гору от Двинской возвышенности.* В 1980 г. на территории сквера по ул. Пушкина Л. В. Колединским был заложен раскоп на пятне бывшего «озерца». Однако не доведен до материка. Всего на Верхнем замке в 1977—1983, 1988 гг. было исследовано 2000 кв. м, из них до материка более 500 м [105. С. 4]. *Отсутствие информации о характере культурных отложений в зоне расположения оврага и хронологии нижних напластований на этом участке не позволяет, к сожалению, и в настоящее время воспроизвести заселение центра Верхнего замка. Не представляется возможным ответить однозначно и на вопрос, составляли ли восточная и западная части территории будущего Верхнего замка единый объект (детинец) в XII в.? Или укрепления, выявленные в разных местах по периметру Верхнего замка и датируемые 40-ми годами XII в., относятся не только к детинцу, но и к примыкающему к нему с западной стороны окольному городу (как, например, в Друцке)?*

С 1981 г. территорию Нижнего замка Витебска исследует Т. С. Бубенько. Ею изучено свыше 4000 кв. м. как в западной, так и в восточной частях замка. *В восточной части Нижнего замка локализовано еще одно поселение кривичей (площадью 3 га)* из составивших основу раннегородской территории. Обособленные на первом этапе (X—XI вв.), *посады объединяются в единый городской организм в течение XII—XIII вв.* [36. С. 7—8]. Масштабные работы на протяжении 1979—1984, 1986—1994, 1998—2003 гг., проводимые О. Н. Левко на территории Взгорья, Задунавья, Заручавья [133, 162], показали, что *в это время уже функционируют и более удаленные от городского центра поселения (слободы).*

Вопросы о территории, занимаемой детинцем Витебска в XII в., и о том, где размещался так называемый окольный город, следов которого на Нижнем замке до сих пор не выявлено, остаются дискуссионными. Попытки Т. С. Бубенько обнаружить укрепления древнерусской поры вдоль склонов площадки в восточной и западной частях Нижнего замка не увенчались успехом. В ходе раскопок установлено, что в западной части Нижнего замка мощность культурных отложений под насыпью вала составила 3,5 м, а в восточной части территории замка культурный слой под валом достигал 2,9—3,4 м. Хронологически данные напластования относятся к XII—XIII вв. и представлены усадебной застройкой, которая подвергалась частой перепланировке. Это в свою очередь исключает возможность рассмотрения тыльных сторон усадебных оград в качестве своеобразных оборонительных укреплений. Таким образом, *наиболее ранние оборонительные сооружения вдоль внешнего края посада относятся ко времени возведения Нижнего замка (с 1330-х по 1351 г.)*, когда «замок Витебский и вежу эмуровала княгиня Ульяна» [168].

Внутривальные сооружения, вскрытые на разных участках трассы вдоль всей территории Верхнего замка (площадь 4 га), напротив, датируются 1136—1140 гг. Они близки по конструкции сооружениям на детинце в Минске (площадь 3 га) и этим как бы сближают оба объекта. Но в таком случае следует признать, что *в Витебске*, как и в Минске, *с наступлением удельного периода не было окольного города.* Значительных размеров детинец укрывал горожан в момент военной опасности.

Если же все-таки настаивать на двухчастной структуре Витебска, подобно Друцку (также центру удела Полоцкой земли с 1130-х гг.), то на сегодняшний

день наиболее обоснован вывод Т. С. Бубенько: *«укрепление посада в северной части Двинской возвышенности мощными дерево-земляными сооружениями (1130—1140-е гг.) дает основание считать, что он вошел в укрепленную территорию в качестве окольного города»* [36. С. 8]. В таком случае детинец и окольный город были разграничены оврагом, разделяющим территорию Верхнего замка на западную и восточную части.

Л. В. Колединский пытается привести максимальное количество доводов в пользу расширения территории детинца Витебска до р. Западной Двины (площадь 4 га) в момент возведения дерево-земляных укреплений 1140-х гг. [107. С. 219—231]. Беспомощность этих доводов заключается в отсутствии фактологической основы. Во-первых, неисследованной осталась самая спорная центральная часть территории Верхнего замка, где проходил овраг. По мнению М. А. Ткачева, «*в XII—XIII вв. ров (овраг) ... почти полностью засыпали* и всю территорию будущего Верхнего замка окружили мощным валом» [307. С. 120]. Это так же бездоказательно, как и мнение Г. В. Штыхова, что вся территория будущего Верхнего замка являлась детинцем в XII в. Оба эти мнения, на которые опирается Л. В. Колединский, представляются ни чем иным, как данью «реконструкции» древнейшей топографии Витебска Л. В. Алексеевым. Вовторых, *идея о территориальной преемственности окольного города и Нижнего замка* заставляет Л. В. Колединского упорно искать аналоги не существующим оборонительным укреплениям древнерусского посада Витебска и не принимать очевидное: их отсутствие на территории Нижнего замка.

Данный исследователь из публикации в публикацию переносит и сведения о церкви св. Михаила «на княжеском подворье», которую датирует, *«судя по строительной технике, не позднее первой четверти XII в.»* [97. С. 64]. Сама мысль о существовании храма св. Михаила на территории детинца Витебска не нова. Она также высказана Л. В. Алексеевым в монографии «Полоцкая земля». Исследователь отмечает, что, по свидетельству витебского краеведа М. С. Рывкина, при рытье водопровода перед зданием витебского пединститута в 1964 г. обнаружена кирпичная кладка из плинф и цемянки. *«Возможно, это и есть остатки церкви св. Михаила»* [8. С. 163, прим.]. Заметим, что к началу археологических раскопок на территории Верхнего замка в 1976 г. уже не существовали ни Замковая гора, ни здание пединститута, располагавшееся на ее западном склоне. На их месте был вырыт котлован. Поэтому время и место, а тем более техника возведения храма остаются неизвестными. Собранные Л. В. Колединским во время раскопок на Верхнем замке разрозненные материалы (половая плитка, смальта и др.) лишь указывают на то, что в пределах его территории еще в древнерусское время мог быть построен храм. Это вполне согласуется со временем возведения дерево-земляного оборонительного вала вокруг территории будущего Верхнего замка, т. е. комплексом строительных работ, связанных с образованием Витебского удела (рис. 7).

Л. В. Алексеев, а вслед за ним и Л. В. Колединский придерживаются мнения, что после смерти Всеслава Полоцкого старший его сын получил Полоцкий стол, а все младшие сыновья были обеспечены уделами во временное держание на родовом праве. В специальной публикации О. Н. Левко [198] обосновывается, что Друцкий и Витебский уделы образуются не на родовом, а на феодальном праве. Их учредителями являются князья, занимавшие в тот момент Полоцкий княжеский стол и создавшие данные уделы в качестве личных феодальных вотчин. Друцкий удел был основан в 1130-е гг. Борисом Всеславичем

(полоцкий князь в 1127—1128 гг.). Витебский удел образован Васильком Святославичем (полоцкий князь в 1132—1146 гг.). Археологические материалы полностью подтверждают данное время создания княжеств-уделов с центрами в Друцке и Витебске. Апелляция Л. В. Колединского к суждениям других исследователей в качестве аргументов в пользу того, что Витебский удел держал Святослав Всеславич, *«подкрепленная археологически» (?!) наличием в начале XII в. храма св. Михаила на княжеском подворье,* не выдерживает критики.

Остается не до конца ясным и время преобразования племенного центра в раннегородской организм. Материалы X в., выявленные во время раскопок, показывают неординарность древнего Витебска. Несколько достаточно обширных неукрепленных поселений вокруг Замковой горы и расположенная напротив нее через р. Витьбу Лысая гора (рис. 5), где могло размещаться святилище, *бесспорно, представляют комплекс племенного центра. Этапы существования Витебска в качестве погоста, затем центра волости археологически не выделяются.* Характер вещей, их малочисленность на раннем этапе развития объекта, отсутствие регулярной застройки, выраженного ремесленного производства не позволяют назвать его полноценным городом вплоть до XII в. Необходимо также более детально исследовать взаимосвязь древнейшего Витебска с его ближайшей округой (городища в Лужесно, Зароново, Старом Селе и др.), где существовали родовые центры.

Все приведенное выше свидетельствует о том, что, несмотря на значительные по масштабам археологические исследования за последние 40 лет (вскрыто стационарными раскопками более 14 000 кв. м.) на территории Верхнего, Нижнего замков, Взгорского острога, слобод в Узгорье, Задунавье, Заручавье, Задвинье, все еще существуют «белые пятна» в древнейшей истории и топографии Витебска. А поэтому могут и будут возникать спорные вопросы. Однако решать их следует на основе неопровержимых фактов, полученных при раскопках и сопоставленных с реальными событиями соответствующего времени, отраженными в письменных источниках.

1.3.2. О датировке начального и финального этапов развития средневекового Друцкого комплекса

Друцкий комплекс включает две возвышенности, укрепленные земляными валами, и ближайшую к ним территорию современной деревни Друцк Толочинского района Витебской области, содержащие средневековые напластования.

Археологическое изучение Друцкого комплекса производилось в два этапа. *Первый этап* охватывает 1956—1962, 1965 и 1967 гг., когда российским археологом Л. В. Алексеевым были заложены двадцать два раскопа на территории детинца и один (раскоп XXIII) на территории окольного города. Общая исследованная площадь составила более 1800 кв. м [17. С. 78, рис. 2]. Трудно сказать, какие раскопы и на каких площадях были доведены до материка на территории детинца. Общих сведений такого рода Л. В. Алексеев не приводит. Выборочно названы размеры и номера раскопов, привязка к плану не всегда точна. На рис. 3 [17. С. 80] представлены профили раскопа VI в центре детинца, указывающие на то, что западный и южный участки не были доведены до

материка. *Материк* (?) — *«серый, серо-желтый песок с многочисленными западинами»*, как отмечает Л. В. Алексеев, в раскопе VI залегал на 7-м штыке. Исследователь проследил во всех раскопах на детинце *4 слоя*. В новейшей публикации 2002 г. на плане его раскопок обозначен и раскоп у вала окольного города (заложен в 1965 г.). В тексте он пронумерован как XXIII-Е.21, или как «ар В.23» со ссылкой на рис. 2, хотя, судя по плану, это б.21. Такие несоответствия буквенно-цифровым обозначениям раскопов в тексте и на плане неоднократны. Разнятся и сведения о площади раскопа XXIII. В одном месте публикации на стр. 95 указано, что она равна 20 кв. м, а на следующей странице уточняется, что раскоп XXIII захватил лишь западную часть ара Е-21 и его площадь составила 40 кв. м. Возможно, данное разночтение объясняется тем, что обозначенный на плане раскоп был доведен до материка лишь по одной (западной) линии квадратов АЕЛРХ [17. С. 86].

Спустя 32 года в связи с подготовкой к 1000-летию Друцка начался *второй этап* исследований данного комплекса. Раскопки на территории детинца (Р. IV — 100 кв. м), окольного города (Р. III — 132 кв. м), посада (Р. I, р. V — 196 кв. м) и прорезка между валами (Р. II — 48 кв. м) в течение 1999—2000 гг. осуществлялись О. Н. Левко [167. С. 167] (рис. 8).

Поскольку следы раскопов Л. В. Алексеева на детинце были отчетливыми (раскопы не засыпались), то раскоп 1999 г. (Р. IV — по О. Н. Левко) был прирезан вплотную к южной стене раскопа XVI-М.31 (по Л. В. Алексееву). Таким образом, представилась возможность сопоставить результаты исследований данных участков. Другие раскопы второго этапа закладывались на участках посада и окольного города, где Л. В. Алексеев исследований не проводил. Слои, выделенные Л. В. Алексеевым, в целом сопоставимы по структуре со слоями, выделенными О. Н. Левко на всех исследовавшихся в 1999 г. участках Друцка [196. С. 87—101]. Разница заключается в том, что *верхний слой* по О. Н. Левко объединяет первый и второй слои по Л. В. Алексееву. Соответственно, *средний слой* включает третий и четвертый слои. Что же касается так называемого *материка*, представленного у Л. В. Алексеева серым и серо-желтым песком, то есть основания полагать, что это тот *нижний слой* светло-серого цвета, который имел наиболее выраженный характер в раскопе I на территории посада (1999). Здесь он достигал мощности 0,4—0,6 м (3—5-й пласты и подавляющее заполнение ям в материке). На ряде участков в данном слое присутствуют прокаленная глина, угли и зола. В раскопе IV на детинце (1999) нижний светло-серый слой присутствовал не на всей площади. Наибольшей мощности 0,2—0,3 м он достигал на юго-западном участке, был насыщен углями и прослежен в большинстве материковых ям. Наиболее сложная стратиграфия у раскопа III на окольном городе (1999). Здесь под *светло-серым третьим по счету слоем* мощностью 0,1—0,3 м с большим количеством углей и наиболее ранними городскими материалами (пласты от 5-го до 8-го на разных участках раскопа) выявлен *четвертый очень светлый предматериковый слой*. Он зафиксирован почти на всей площади раскопа, имеет мощность до 0,2 м и содержит лепную керамику. Следов пожара в этом слое нет (рис. 9).

Соотнеся структурно культурные напластования в раскопах детинца, окольного города и посада, следует отметить, что эти слои имели различную мощность и различались количественно не только в пределах одного раскопа, но и на разных участках Друцка. Имея достаточно хорошо выраженную

стратиграфию раскопов 1999—2000 гг. на всех участках Друцкого комплекса и вполне сопоставимую со стратиграфией раскопов Л. В. Алексеева на детинце, можно определиться с хронологией начального и финального этапов его развития.

Начальный этап складывается из материалов, представленных в нижних напластованиях, а также в материковых ямах, имеющих такое же заполнение. Наиболее ранние поселки на Друцком волоке, в том числе предшествовавшие появлению кривичей, соотносятся с началом функционирования племенного центра на друцких возвышенностях (предположительно, на территории окольного города, где выявлен самый ранний слой с лепной керамикой третьей четверти I тысячелетия н. э., находилось открытое поселение) (рис. 10). В X в. во главе племенного центра в Друцке находились кривичи, продвинувшиеся сюда с севера. Славяне, освоившие данную территорию с юга во второй половине I тысячелетия н. э., являлись основным населением Друцкого волока [162. С. 12]. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, формообразующие признаки керамики с окрестных городищ, которая нашла свое развитие и в материалах X в. поселений Друцка и курганов (рис. 11). Л. В. Алексеев считает некоторые погребальные урны из курганов в Синчуках (курган № 3) близкими к лепным и датирует их X в. Он же соотносит их с наиболее ранними сосудами «из материковых западин» друцкого городища (детинца). Названная «гнездовской» посуда с манжетообразным венчиком [15. С. 11], как и погребения с деревянными оградками, характерны для культуры типа Луки-Райковецкой на правобережье р. Днепр [24. С. 181, 183, 186].

В нижних напластованиях Друцкого комплекса как Л. В. Алексеевым (на детинце), так и О. Н. Левко (на территории окольного города) выявлены предметы, которые датируются X — началом XI в. и могут связываться как с поселениями племенной поры, так и с раннегосударственным центром — «градом» Друцком и его посадом. К ним относятся «гончарные сосуды с манжетообразным венчиком, обилие стеклянных бусин-лимонок, замок типа «А» древнейшего вида — кубический с Т-образным ключевым отверстием и плоским ключем в виде квадратной лопаточки» [15. С. 11], найденные Л. В. Алексеевым на детинце. В новейшей его публикации приводятся дополнительные материалы нижнего слоя «у материка». Это серебряные нашивные бляшки с тиснением в виде крестообразных пальметок (оголовье коня), бронзовая лунница, серебряная зерненая бусина, крестообразная подвеска, серебряная булавка с фигурной выпуклой головкой, датируемые X в. [17. С. 82—83, рис. 4:3, 8, 10, 12, 13]. На территории окольного города в нижних напластованиях О. Н. Левко выявлены 2 плоских ключа в виде квадратной лопаточки, пружинные ножницы, пластинчатые орнаментированные бронзовые перстни и браслеты, бубенчик с прорезью, бронзовый орнаментированный пинцет [164. С. 16, рис. 3:7, 8, 10] (рис. 12—14).

Таким образом, можно утверждать, что раннегородские материалы присущи как поселению на территории детинца, так и поселению на территории окольного города. Изначальная датировка «града» Друцка соответствует упоминанию о строительстве в нем церкви св. Богородицы в 1001 г.

Важным является также определение времени сооружения дерево-земляных укреплений вокруг детинца и окольного города, превративших их в таковые. Соотнося вещевой материал с выделенными структурно слоями,

Л. В. Алексеев пришел к выводу, что *пограничьем между нижним культурным слоем (X—XI вв.) и слоем, относящимся к удельному времени (XII—XIII вв.), должен быть слой пожарища, датируемый 1116 г.* (в соответствии с военными событиями, описанными в летописи). Этот пожар прослеживается практически во всех раскопах детинца, окольного города и посада. Выше него встречаются горизонты, содержащие фрагменты деревянной застройки, а также стеклянные браслеты, шиферные пряслица, половые плитки с глазурью и др.

Прорезка вала на детинце не производилась, не считая разреза между валами детинца и окольного города, затронувшего нижнюю часть их внешней стороны (Левко О. Н., 1999, раскоп II). На окольном городе как в раскопе XXIII (1965), так и в разрезе вала на аре Г-20 Л. В. Алексеевым прослежен слой толщиной 0,2—0,3 м, уходящий под насыпь вала [17. Рис. 8, 10]. По мнению исследователя, он также перекрыт пожаром 1116 г. и содержит керамику, датированную Г. П. Смирновой «в личной беседе XI — началом XII в., скорее XI в.». Л. В. Алексеев отмечает, что вещей, подобных нижнему слою детинца, в раскопе XXIII он не нашел, поэтому *«детинец и окольный город были возведены в разное время — детинец в середине XI в., а окольный город в его конце»*. Правда, тремя абзацами ранее, перечислив все возможные датировки друцкой керамики, предложенные Г. П. Смирновой и М. В. Малевской, Л. В. Алексеев пишет: *«Остается заключить, что окольный город создан после 1116 г. на месте неукрепленного селища, возникшего у детинца во второй половине XI в.»*. Если датировка укреплений окольного города временем после 1116 г. опирается на данные стратиграфии и конкретный археологический материал, то, пытаясь связать «превращение Друцка в феодальный центр» и само сооружение окольного города с деятельностью Всеслава Полоцкого, Л. В. Алексеев относит их уже к концу XI в.

Неоднократно, вопреки собственному археологическому материалу, данный исследователь «устанавливает хронологию» этапов развития Друцка, привязывая ее к историческим личностям (Всеслав Полоцкий, Дмитрий Друцкий) или событиям. Так, по Л. В. Алексееву, *«окончательно город прекратил существование в 1514 г. при нападении на него войск Василия III»* [18. С. 97].

Раскопки на посаде напротив въезда в окольный город с западной стороны (раскоп I, 1999) и на территории окольного города (раскоп III, 1999) позволяют сделать вывод, что эти поселения развиваются одновременно с детинцем, имея те же слои, как по структуре, так и по содержанию вещевого материала [196. С. 90—92, 97]. Опираясь на публикацию Л. В. Алексеевым разрезов и керамики, связанных с оборонительными сооружениями окольного города, и результаты прорезки 1999 г. (Левко О. Н., раскоп II), *можно полагать, что земляные укрепления детинца возводились в XI в., а окольный город построен на месте неукрепленного посада в XII в.* (после 1116). В этот период ближайшая территория с западной стороны за рвом (раскоп I, 1999) была также неукрепленным посадом. Поселение на южном участке Друцка за рвом (раскоп V, 2000) развивается только с XII в. и то не очень интенсивно.

Финальный этап в развитии отдельных составляющих средневекового Друцка также заслуживает особого внимания. Он соотносится с деятельностью разветвленного рода белорусской шляхты — князей Друцких, известного по источникам XIV—XVI вв. Именно этим временем датируется верхний слой на

5. Зак. 2024

укрепленной части Друцкого комплекса. М. А. Ткачев возразил Л. В. Алексееву относительно гибели города в конце XV — начале XVI в., приведя сведения письменных источников о «держаниях» и обновлении укреплений в Верхнем и Нижнем замках Друцка (соответственно детинце и окольном городе) на протяжении XVI в. Друцкий замок обозначен и на картах 1562, 1589, 1595 и 1613 гг. [308. С. 136—137]. Раскопками 1999 г. выявлены остатки углубленных в материк построек XIV, XVI вв. на территории окольного города [2. Т. 4. С. 202, мал. 81]. Многочисленная бытовая керамика, характерная для замков этого времени (Заславль, Дубровно, Шклов и др.), подковки на каблук, удила, шпора, пластинки доспехов (рис. 15), ключи, замки, ножи — таков неполный перечень предметов, датируемых XIV—XVI вв., выявленных в раскопках детинца и окольного города. В раскопе V на посаде также вскрыты подвальные помещения построек. В двух из них (ямы 3, 4) найдены серебряные пражские гроши. Ранний (Карл I (IV), 1346—1378) датируется 1350/1354—1374 гг. Две другие монеты чеканены после 1405 г. (Вацлав IV, 1378—1419). В нижней части ямы 2 (глубина до 2,1 м в материке) собраны керамика и стекло XVII в., выше встречалась более ранняя керамика, соответствующая постройкам с монетами. Здесь, как и на территории окольного города (рис. 9) более поздние строения прорезали постройки XIV—XV вв. Изразцы и поливная керамика, поздние формы железных предметов (XVII в.) встречены и в раскопе I 1999 г. на посаде. Таким образом, Друцк продолжает свое развитие в течение XIV—XVII вв. Замковые части функционировали вплоть до конца XVI в., а неукрепленный посад в качестве местечка существовал и в XVII в.

1.3.3. Местоположение Шклова во второй половине XVI — первой половине XVIII в. (версии и реалии)

В исторической науке имеется несколько версий по вопросу преемственности между поселениями у д. Старый Шклов и на территории современного центра Шкловского района. Изучение комплекса объектов вскрывает сложный процесс градообразования на восточных рубежах Великого княжества Литовского в течение XVI—XVIII вв. Проследить характер этого процесса возможно лишь на основе синтеза и критического анализа письменных, картографических источников и данных археологии.

Древнее городище у дд. Хотимка — Старый Шклов и связанные с ним несколько селищ и остатки могильников датируются древнерусским временем и периодом ВКЛ. Данные объекты привязаны к излучине р. Серебрянки (Шкловянки) в 4 км западнее современного г. Шклова, расположенного на правом берегу р. Днепр [113. С. 39].

Наиболее полно перенос административного центра округи в Старом Шклове на берег р. Днепр, где его преемником стал Новый Шклов, обосновывается в публикации О. Дерновича [68. С. 50—52]. Исследователь опирается на ряд исторических источников, подтверждающих существование Шклова в средневековье (упоминание его под 1535, 1563 и 1580 гг. в связи с военными событиями; строительство в 1583 г. Яном Ходкевичем замка и кальвинистского собора, а в 1619 г. Александром Ходкевичем — на месте собора доминиканского монастыря). Основной причиной, побудившей горожан покинуть Старый Шклов

и начать селиться у р. Днепр, т. е. на месте Нового Шклова, О. Дернович называет большой пожар 1668 г. [254]. Эту причину он дополняет фактором необходимости приближения к основной водной артерии — Днепру, в чем как бы проявляется архаичная форма урбанизации.

По-своему решила проблему Старого и Нового Шклова М. Б. Топольская. Она располагала картографическим материалом, показывающим два поселения, размещенных вдоль правого берега Днепра [363. S. 113]. Более северное из них соответствует планировке Нового Шклова, известной по материалам РГАДА (1780-е). Опираясь на данные картографии и сведения письменных источников (материалы библиотеки Чарторыйских в г. Кракове), исследовательница датирует строительство Нового Шклова 1769—1778 гг. В качестве Старого Шклова она выделила поселение, расположенное южнее Нового Шклова, назвав его «старым местом» (т. е. «Старым городом») с замком. С этим объектом М. Б. Топольская связывает известные по письменным источникам «предместье Оршанское», называемое также «Заперекопским», «предместье Рыжковичи», «слободу Рыжковичи», «предместье Заднепровское» и «слободу Ходулы» (рис. 16). Все перечисленные предместья и слободы фигурируют наряду с «местом Шкловским» в письменных источниках XVII—XVIII вв. как компоненты единого городского организма.

Третья версия, увязывающая между собой Старый Шклов и Новый Шклов, представлена в монографии М. А. Ткачева [308]. Начальный период существования средневекового Шклова [33] исследователь, как и публикации конца XIX — середины XX в. [81. С. 410—411; 254. С. 468—470], соотносит с военными событиями 1535, 1562 и 1580 гг. и локализует его в месте расположения древнего городища у современной д. Старый Шклов. В качестве подтверждения такой локализации он приводит данные археологических исследований на городище [339]. Однако со второй половины XVI в., по мнению М. А. Ткачева, одновременно со Старым Шкловом уже существовало «место Шкловское» на Днепре. Опираясь на сведения, помещенные в Историко-юридических материалах [94, вып. 30, с. 154], где одновременно упомянуты «Старый Шклов» и «место Шкловское», исследователь пришел к выводу, что во второй половине XVI в. наряду со Шкловом на р. Серебрянке (Шкловянке) уже появляется город на берегу Днепра. Этот объект он размещает в пределах современного г. Шклова (т. е. Нового Шклова). На реконструкции М. А. Ткачева укреплений Шклова и замка середины XVII в. легко читаются рельеф местности и планировка, характерные для Нового Шклова конца XVIII в. (рис. 17). Участок, определенный М. Б. Топольской в качестве Старого Шклова («Старого места») с предместьями Оршанским (Заперекопским) и Рыжковичами, М. А. Ткачев показывает для середины XVII в. просто как «предместье Рыжковичи». Другие же предместья (Оршанское, Заперекопское, Шкловское), упоминаемые письменными источниками XVII в., он располагает севернее укрепленной части города, отождествляемой территориально с Новым Шкловом.

Таким образом, три версии историко-топографического развития средневекового Шклова характеризуют взаимосвязь двух объектов, известных по письменным источникам как Старый Шклов и Новый Шклов. В первом и третьем случае топографическая локализация данных объектов идентична их названиям. Однако письменные источники называют еще и «место Шкловское» с замком, имеющее определенные хронологические рамки существования: вторая поло-

вина XVI — первая половина XVIII в. По версии О. Дерновича, до 1668 г. (пожара) «место Шкловское» локализуется в пределах современной д. Старый Шклов, а затем переносится на территорию Нового Шклова (современный райцентр). Согласно М. А. Ткачеву, «место Шкловское» развивается у р. Днепр с самого своего основания (вторая половина XVI в.), также занимая территорию Нового Шклова. И лишь М. Б. Топольская локализует «место Шкловское» у Днепра, но южнее Нового Шклова. Видимо, не зная о существовании Старого Шклова с археологическим комплексом, представленным городищем и селищами, но встретив это название в Историко-юридических материалах, исследовательница отождествила его с «местом Шкловским», противопоставив Новому Шклову.

На основании сведений письменных и археологических источников о средневековом Шклове, О. Н. Левко были выделены *четыре периода* в его историко-топографическом развитии [190. С. 103—105]. *Первый период* связывается с городищем у дд. Хотимка — Старый Шклов и хронологически определяется X—XIII вв. В это время городище могло выполнять функции погоста, а затем волостного центра в рамках государственных образований древнерусской поры.

Второй период соотносится с вхождением данной территории в состав ВКЛ и формированием «имений» (частных владений), пожалованных великим князем в держание высшей знати государства. Этот период в истории Шклова, как центра определенной территории (волости Друцких-Зубревичских, а затем Гаштольдов), также связан с городищем и селищами у дд. Хотимка — Старый Шклов. На самом городище и на прилегающих к нему участках О. Н. Левко в 1979 г. были выявлены материалы, датирующиеся XIV—XVI вв. Деревоземляные укрепления городища (центра имения) аналогичны феодальным дворам и замкам древнерусского времени [166].

Третий период в историко-топографическом развитии Шклова соотносится с существованием «места Шкловского» у р. Днепр, и город локализуется на участке, обозначенном М. Б. Топольской как Старый Шклов (место) с замком. Хронологически он охватывает вторую половину XVI — 1770-е гг. и связан с периодом существования графства Шкловского Ходкевичей и Синявских. Владельцу *Шкловского имения* Иерониму Ходкевичу было дано право *«на устройство места, торга и корчмы»* в 1559 г. Возведение частновладельческих городов с замками в Верхнем Поднепровье поощрялось правительством Речи Посполитой, так как они являлись важными оборонными пунктами на восточной границе ВКЛ.

Четвертый период в территориально-топографическом развитии Шклова связан с рядом факторов военно-политического и экономического характера. Частые разрушительные войны второй половины XVII — первых десятилетий XVIII в. привели замковые укрепления в упадок, и они более не возобновлялись. В *1769 г. пожаром* были уничтожены почти 300 домов в Старом городе («месте Шкловском») и тогда же начато строительство Нового Шклова в 2,5 км севернее него владельцем графства Адамом Чарторыйским. Новый Шклов был построен на ровном низком месте, окруженном водой. С одной стороны его огибал Днепр, а с другой — Серебрянка, русло которой было направлено по искусственному перекопу и теперь она впадала в Днепр выше по течению, не доходя до бывшего замка и отделяя Новый город от Старого города. С западной стороны Нового Шклова на р. Серебрянке была сооружена запруда

с плотиной вместо той, что раньше располагалась с юго-западной стороны замка у Старого города («места Шкловского»).

Сопоставление данных письменных источников с материалами археологии и картографии позволило О. Н. Левко в 2002 г. локализовать на местности среднее звено в историко-топографическом развитии средневекового Шклова: «место Шкловское» с замком в пределах современной д. Рыжковичи, примыкающей к г. Шклову с южной стороны [170]. Обследование участка в излучине р. Днепр и раскопки подтвердили наличие здесь укрепленной части средневекового города Шклова, а также предместья и слободы Рыжковичи, а за искусственным рвом (перекопом) — предместья Заперекопское (Оршанское) (рис. 18). Следовательно, *в процессе своего развития г. Шклов трижды менял местоположение.*

Различия в локализации и определении хронологических этапов в развитии средневекового Шклова, прослеживающиеся в научных исследованиях и реконструкциях, можно объяснить следующим образом. Во-первых, до последнего времени остается археологически малоизученным комплекс памятников у д. Старый Шклов. Нет сведений о размерах территории, занимаемой центром волости на *первом этапе его развития и центром имения Шкловского с прилегающими* к нему открытыми поселениями на втором этапе. Отсутствие информации о характере и хронологии культурных отложений на территории современного Шклова также долго не позволяло достоверно определить время ее первоначального заселения.

Следует остановиться на известиях письменных источников и их интерпретации в литературе. Первое, что бросается в глаза, это дата *1668 г.*, когда по сведениям, приведенным в многотомной «России», пожар вынудил горожан перемещаться из Старого Шклова к р. Днепр. Летопись фиксирует пожар 1690 г., когда большая часть городских и замковых строений сгорела. При описании убытков упомянуты церковь и костел внутри города, а также большая башня в замке [240. Т.35. С. 247]. Фундаменты костела и церкви четко локализуются на территории современной д. Рыжковичи, где располагался укрепленный город, а башня находилась на территории замчища (инвентарь 1643 г.). Второй крупный пожар в городе, как сообщают материалы архива Чарторыйских в Кракове, был в *1768 (9)* г., после чего начато строительство Нового Шклова. Видимо, эти события и послужили данными для их неправильного воспроизведения в 9 томе издания «Россия» и дальнейшего некритического использования в научной литературе.

Неправильно приводится в 11 томе БелСЭ дата получения городом Шкловом магдебургского права (1762). Судя по сведениям ИЮМ, магдебургское право «место Шкловское» получило около 1577 г., так как в это время уже упоминаются должностные лица городского магистрата. Вторая дата связана с подтверждением королем Августом III этого права.

Имеются неточности и в воспроизведении событий военного времени, относящихся к XVI в. Б. И. Сидоренко отмечает, что многочисленные несоответствия историческим реалиям, попавшие на страницы различных изданий, не только неправильно трактуют, но и искажают историю города [288]. Так, он считает, что вместо прочно вошедшего в научную и научно-популярную литературу 1535 г. в качестве официальной даты возникновения города, следует приводить более ранние упоминания о Шклове С. Герберштейна (1526).

Подводя итог критическому анализу материалов и версий территориально-топографического развития средневекового Шклова и интерпретации ряда связанных с ним исторических событий, нужно отметить, что уже сегодня появилась возможность многое расставить по своим местам. Во-первых, абсолютно достоверен тот факт, что средневековый Шклов в своем развитии прошел четыре этапа и трижды менял свое местоположение. Во-вторых, есть более ранние упоминания Шклова, чем сведения 1535 г. И в-третьих, реконструкция Шклова второй половины XVI — первой половины XVII в. может быть воспроизведена с учетом современной топоосновы той части д. Рыжковичи, где размещалось «место Шкловское» с замком, и сведений инвентарей 1643, 1657 гг.

2.

Центры племенных структур, погостов и волостей IX—XI вв. в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье

Картографирование археологических памятников: городищ, селищ, курганных могильников, известных по источникам XIX в. и сведениям, собранным благодаря разведкам, проведенным в 1930-е, 1960—1990-е гг. [5, 21], дает картину размещения этих объектов в пределах исследуемого региона.

Компактные сгустки поселений и могильников с широкой датировкой (IX—XIII вв. и более ранних) позволяют рассматривать их как устойчивые территориальные образования средневекового периода. Качественные изменения этих структур связаны с политическими и социально-экономическими процессами, происходившими на всем пространстве Восточной Европы в означенный период. В результате этих процессов одни административные центры данных территориальных структур прекращают свое существование, другие принимают на себя новые функции и продолжают развиваться в новом качестве. Регулировка взаимосвязи локальных территориальных структур на определенном этапе развития приводит к появлению новых административных центров.

В X—XI вв. в рассматриваемом регионе сосуществовали два типа социально-политических структур. *К первому типу* относятся *территориально-племенные образования*, которые создавались в процессе расселения кривичей на базе уже существовавших племен, объединенных на родственной основе. *Ко второму типу* принадлежат раннегосударственные структуры: *погосты (округа) и волости*, создававшиеся с учетом территорий, занимаемых локальными племенными образованиями. Структуры первого типа сменялись структурами второго типа на протяжении X—XI вв.

Центры волостей вырастали из центров погостов, объединяя вокруг себя большие территории, состоящие из нескольких погостов (округов). Параллельно шло их качественное преобразование в города (политические центры раннесредневековых государств).

2.1. ВОДНЫЕ ПУТИ. РАССЕЛЕНИЕ КРИВИЧЕЙ. ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕНТРОВ ПЛЕМЕННЫХ СТРУКТУР

2.1.1. Водные пути и расселение кривичей

Памятники культуры длинных курганов являются внешним ориентиром *расселения кривичей*. Ранняя группа, датируемая V—VII вв., может определять местоположение основной территории кривичей, охватывающей бассейны Псковского озера, рек Великой, Ловати, Мсты, Мологи и частично Чагодощи. Датируются ранние длинные курганы по рифленым В-образным среднеевропейским пряжкам первой половиной V в., и их время бытования доводится до VI—VII вв., что подтверждается находками бляшек-скорлупок, блоковидных кресал и других предметов [273. С. 127—129]. Внутри означенной территории, где кривичские памятники — длинные курганы сосуществуют и приходят на смену грунтовым могильникам и погребениям на площадках [225], видимо, и следует локализовать ядро этой этнической общности. К зоне распространения ранних кривичских курганов на территории Псковщины примыкает и правобережье Западной Двины в Северной Беларуси, где выявлены курганы рубежа V—VI и VII вв. [22. Т. 2. С. 376—384]. Данный участок в соответствии с его хронологией можно рассматривать как южную периферию основного ареала кривичей на ранней стадии. Этому не противоречит и концепция В. В. Седова [274. С. 231].

В Белорусском Подвинье выделены три этапа в развитии кривичских древностей: *первый* относится к середине I тысячелетия н. э. — VI—VII вв., *второй* охватывает VIII—IX вв., *третий* датируется X—XI вв. [336. С. 107]. В Смоленском Поднепровье вычленяются два этапа в развитии культуры длинных курганов: *первый* датируется рубежом VII—VIII или VIII вв., *второй* относится к IX—X вв. [331, 333]. Предложенная Г. В. Штыховым и Е. А. Шмидтом хронология данных памятников позволила О. Н. Левко наметить пути и этапы освоения кривичами Полоцко-Витебского Подвинья и Оршанско-Смоленского Поднепровья [154] (рис.19).

Одно направление (**полоцкое**) фиксируется движением групп кривичей по рекам Нище, Дриссе (дд. Янковичи, Рудня Россонского района) и южнее к участку Западной Двины между ее левыми притоками — реками Ушачей и Уллой. *Другое направление* (**витебское**) обозначено двумя потоками: а) из бассейна р. Великой по р. Уще, системе озер к р. Оболь; б) из Ловатско-Двинского междуречья (комплекс у д. Дорохи, г. п. Городок Городокского района, дд. Лятохи, Старое Село Витебского района). По р. Лучесе кривичи спускались южнее в Оршанское Поднепровье к оз. Ореховское (г. п. Ореховск Оршанского района), на р. Верхиту (дд. Озеры, Ново-Тухино Дубровенского района), на р. Днепр (дд. Пруды, Церковище, Н. Стайки Шкловского района). По р. Оболянке (приток р. Лучесы) осваиваются левобережье Западной Двины в зоне ее притоков Свечанки, Кривенки (дд. Капланы, Ладиково Сенненского района). Движение кривичей и освоение ими указанных зон относится к VI—VII/VIII вв. (рис. 1). Расселение носит рассеянный характер, привязано к важным водным путям, участкам волоков. Лишь отдельные скопления курганов VI—VII/VIII вв. (междуречье Ушачи и Уллы, Городокское поозерье, округа Витебска) могут указывать на то, что именно здесь происходит формирование территориальной основы племенных структур IX—X вв.

Проникновение кривичей на Смоленщину на рубеже VII/VIII и в VIII в. могло осуществляться из Ловатско-Двинского междуречья, о чем свидетельствует концентрация этих древностей в бассейнах рек Межа и Каспля. Исследователи, отмечая важнейшую роль географических условий региона на начальном этапе формирования государственных территорий, более всего внимания обращали на развитую речную систему. Реки являлись основными путями расселения и местами хозяйственной деятельности в племенную эпоху. В первую очередь осваивались наиболее удобные для пашенного земледелия приречные и приозерные участки. Водоразделы начали осваиваться с начала II тысячелетия в связи со скученностью поселений вдоль больших рек и по мере развития агротехники. Е. Н. Носов считает совершенно очевидным, что основной осью, связывающей юг с севером, была водная магистраль Днепр—Ловать—Волхов, у выходов которой находились Киев и Новгород. Однако исследователь отмечает, что летописи не поясняют, каким именно «волоком до Ловати» пользовались в старину. А так как ни одна современная экспедиция по пути «из варяг в греки» не смогла корректно преодолеть этот маршрут, то следует рассматривать в качестве основного пункта на «переломе» двух водных систем центр смоленских кривичей Гнездово [227. С. 164]. Безусловно, к IX в. именно Гнездово становится центром кривичских племен, расположившихся вдоль водного пути.

Но при ближайшем рассмотрении локальных тенденций влияния речной системы на характер исторического развития региона выявляется наличие по-

рогов возле Витебска на переходе по Западной Двине к Каспле и возле Орши на переходе по Днепру к Гнездово. Эти пороги отсекают зону северо-восточного региона Беларуси от территории Смоленщины и вынуждают население искать местные волоковые переходы из бассейна р. Днепр в бассейн р. Ловати. На места этих переходов и указывают сгустки памятников второй половины I тысячелетия н. э., расположенные вдоль них. В IX в. кривичи осваивают зоны Оршанского Поднепровья, на Смоленщине — левобережье р. Днепр. Происходит и дальнейшее расширение территории, освоенной кривичами в западном и юго-западном направлениях [79. С. 130]. По источникам IX в. известны в Подвинье центр полоцких кривичей — Полоцк, в Поднепровье центр смоленских кривичей — Смоленск. Однако к Смоленску летопись относит не только кривичей Поднепровья, но и тех, которые «седят на верх Волги, и на верх Двины» [239. С. 13].

Такое разделение, видимо, связано с формированием военно-торгового пути «из варяг в греки», основная артерия которого в IX—XI вв. пролегла через Оршанско-Смоленское Поднепровье и Витебское Подвинье. Ряд кладов IX в. в рассматриваемом регионе найдены на р. Лучесе, у д. Добрино (Лиозненский район), д. Соболево (Дубровенский район) [262. С. 67, № 11; С. 69, № 20, 22], что указывает на изначальные волоковые направления на его территории.

В конце IX в. исчезают балтские импорты в погребениях Смоленского Поднепровья, поступавшие туда через Витебское Подвинье по Западной Двине. Это свидетельствует о самостоятельной военно-политической и торгово-экономической деятельности племенного «княжения полочан», обособившегося к этому времени от основного ареала расселения кривичей [152. С. 39]. Во второй половине X в. завершается процесс формирования полоцкого «княжества Рогволода». Его территория, как показывают исследования, заселена не только кривичами, но и дреговичами (юго-западная окраина). Здесь в середине X в. на месте современного г. п. Заславль существовало поселение полоцких дружинников, охранявших рубежи княжества [85].

2.1.2. Племенные структуры Витебского Подвинья

Витебское Подвинье было органично связано с Оршанско-Смоленским Поднепровьем общими интересами на пути «из варяг в греки» и в то же время достаточно удалено от главного центра региона — Смоленска. Поэтому здесь на основе территориальных структур, существовавших с VI—VIII вв., формируются локальные образования, именуемые в литературе *«малыми племенами»* (в отличие от летописных племен). Внутри этих образований с рубежа IX—X вв. развиваются административные центры [149]. Появлению локальных центров способствует выделение наиболее сильных и знатных патриархальных родов, оказывающих влияние на всю округу.

Материалы археологических исследований в рассматриваемом регионе свидетельствуют о постепенном социальном расслоении общества и о наличии тех элементов, которые позволяют характеризовать его как «варварское». Различие в длине и форме курганов VII—VIII вв. указывает на существование больших патриархальных семей и малых. В Оршанском Поднепровье не встречаются такие длинные насыпи, как в Витебском Подвинье. Это можно воспринимать как свидетельство более высокого уровня общественного развития в южной части региона, чем в северной, на одном и том же хронологическом

этапе (например, курганы у д. Лятохи Витебского района и курганы у оз. Ореховское-Переволочно Оршанского района).

Исчезновение длинных курганов и увеличение числа насыпей в отдельных группах, расположенных вблизи друг друга, указывает на то, что это уже не родовые, а племенные усыпальницы. Обращает на себя внимание и наличие в более многочисленных курганных могильниках выделяющихся размерами сопковидных насыпей. Они либо составляют компактную группу (как у оз. Ореховское-Переволочно), либо располагаются вместе с малыми насыпями (д. Смольки, оз. Луговое Городокского района). В литературе такие насыпи получили название *«сопок в борах»*, а могильники, содержащие насыпи двух видов, квалифицируются как *«памятники смешанного типа»* [226. С. 51]. Датируются исследованные сопкообразные насыпи в смешанных могильниках VIII—IX вв. и определяются как славянские. Исследователи объясняют появление таких насыпей взаимодействием культур сопок и длинных курганов. В рассматриваемом регионе северо-восточной Беларуси сопковидные насыпи также присутствуют в могильниках, которые датируются VIII—IX и X вв. (д. Смольки, оз. Ореховское-Переволочно, оз. Луговое). Как показывает исследование З. М. Сергеевой [286], курганы с названием *«сопки»* на северо-востоке Беларуси фиксируются преимущественно в Витебском Подвинье вдоль верховьев р. Оболь и на переходе от р. Ловати к р. Западной Двине по обозначенной выше трассе движения кривичей, а также вдоль р. Лучесы (рис. 20).

Можно сделать вывод, что увеличение количества населения в последней четверти I тысячелетия н. э. в рассматриваемом регионе происходило не только за счет дальнейшего притока кривичей, но и за счет появления *«сопочников»*. Это население занимает ключевые места с наиболее плодородными почвами, на волоках и вдоль главных водных магистралей [80]. Именно здесь наблюдается наибольшая концентрация памятников, позволяющая рассматривать данные скопления как территориально-племенные образования. Функционально такие образования не отличаются от племенных объединений на родственной основе. У них так же сохраняется устойчивая территория, наличие смешанных могильников указывает на сохранение внутреннего мира, а различия в самих насыпях — на гарантию круга брачных связей.

Погребальный обряд данных образований конца VIII—X вв. характеризует дальнейшее развитие общества. В курганном комплексе третьей четверти I тысячелетия н. э. у д. Дорохи Городокского района фиксируются погребения, свидетельствующие о зарождении дружинной прослойки (находки удил, шпоры, железной пряжки в курганных могильниках I, IV). В могильнике последней четверти I тысячелетия н. э. у д. Бескатово Городокского района раскрыто захоронение, по обряду погребения и инвентарю близкое погребениям у д. Борки на Полотчине. Г. В. Штыхов относит их к социальной верхушке общества [336. С. 117—118, 127—129].

Процесс дальнейшего расслоения варварского общества, наличие патриархального рабства фиксируются погребениями X — начала XI в. Погребения с монетами — «оболами мертвых», характерные для торгово-дружинного слоя [243], выявлены у д. Вядец Сенненского района и у оз. Луговое Городокского района [262. С. 73, № 41; С. 76, № 61]. Захоронение купца с набором гирек и чашечкой весов найдено при раскопках у д. Дроздово Толочинского района [139. С. 79]. Погребения с рабами фиксируются у д. Вядец, оз. Ореховское-Переволочно [146. С. 39] и по характеру захоронения прослеживаются в курга-

нах на Друцком волоке [284]. В последней четверти I тысячелетия н. э. наблюдается значительный приток в Смоленское Поднепровье населения роменско-боршевской культуры [79. С. 130, 172]. Оно проникает и в Витебское Подвинье, о чем свидетельствуют материалы нижних культурных напластований Витебска [41. Рис. 13, 16—19].

Судя по картам, составленным Л. В. Алексеевым [15. С. 17, рис. 1], В. В. Седовым [272. С. 160, карта 25], курганные могильники, связанные с первоначальным расселением кривичей, представлены в регионе слабее. Концентрируются они, в основном, западнее и северо-западнее Витебска (дд. Старое Село, Боровая, Герасимово, Круглики, Горбуны, Каховка). На левом берегу Западной Двины в междуречье рек Лучесы и Каспли курганы этого времени находятся у дд. Лятохи, Рыбаки, Синяки, Яновичи, Казимирово, Ковали.

Могильники последней четверти I тысячелетия н. э. *Витебского Подвинья* имеют много общих черт с погребальными памятниками предшествующего времени.

В верховьях р. Ловать на берегу оз. Сенница в окрестностях д. Дорохи (Городокский район) Г. В. Штыховым выявлены курганы трех периодов: третьей четверти I тысячелетия н. э. с трупосожжениями и сосудами типа керамики верхнего слоя Банцеровского городища; VIII—IX вв. с трупосожжениями и керамикой, подобной сосудам с плечиками длинных курганов Смоленщины; X — начала XI в. с трупоположениями и инвентарем, характерным для кривичского населения. Погребения на территории Псковщины, Витебщины, Смоленщины содержат бронзовые женские украшения в виде плоских серпообразных височных колец с заходящими концами (Дорохи) и держатели с отверстиями для трапециевидных подвесок (Вышедки). Местное производство таких держателей зафиксировано на городище Городок возле Великих Лук (Псковщина) [336. С. 48—49] и на территории Гнездово [78. С. 213, рис. 2].

Г. В. Штыхов выделил несколько населенных пунктов, прошедших первоначально (V—X вв.) одни и те же стадии формирования, как раннесредневековые племенные центры: Полоцк, Витебск, Лукомль. В IX—X вв. здесь располагались центры кривичей [342. С. 14]. Процесс сложения территории будущего племенного центра в Витебске охватывает III—IX вв. Материалы с Замковой горы, хранящиеся в Институте истории НАН Беларуси, близки среднему слою Тушемли и памятникам белорусского Верхнего Поднепровья, датируемым III—V вв. [48. С. 183—184]. Эти формы нашли свое дальнейшее развитие в материалах селищ, располагавшихся у Замковой горы в VI—IX вв. (рис. 5, 10).

В радиусе 25 км от Витебска фиксируются городища близ дд. Старое Село, Лужесно, Зароново, возле которых, как и в Витебске, выявлены селища, датируемые третьей четвертью I тысячелетия н. э., содержащие керамику типа Банцеровщины и Тушемли [341]. Эти памятники составляли единую территориальную основу, на которой выросло племенное образование более позднего времени.

О высоком уровне развития поселений, из которых сложилась территория самого *племенного центра — Витебска,* свидетельствует наличие на одном из них, занимавшем Двинскую возвышенность в VIII в., бронзолитейного ремесла. Находки гирек-разновесов, тиглей, льячек и других предметов, свинцовых пломб на поселении в северной части Двинской возвышенности [104. С. 52], следов ювелирного, косторезного, гончарного и других ремесел на поселении, расположенном восточнее Замковой горы, указывают на торгово-ремесленную направленность их развития в X—XI вв. [37. С. 34—37].

О том, что Витебск был не только административным, экономическим, но и сакральным центром племенной округи, свидетельствуют археологические находки, в первую очередь предметы культа. К ним относятся костяной амулет в виде рыбы с боковыми ушками, к которым крепились бусы, бронзовый амулет-ножны, костяной ритуальный топор с магическими знаками на его поверхностях и др. (рис. 21). Предметы культа выявлены в разных местах. Однако наличие вблизи Замковой горы на противоположном берегу р. Витьбы другой, превышающей ее в два раза возвышенности с характерным названием «Лысая гора», может служить ориентиром местоположения племенного святилища [160. С. 75].

Исследования на территории Городокского района, прежде всего на южной окраине самого райцентра у оз. Луговое, предпринятые автором монографии в 1986—1989 гг., позволяют выделить еще одно локальное племенное образование, которое, вероятно, граничило с витебской племенной структурой. Его центр расположен в 27 км севернее Витебска и занимает выгодное центральное положение на переходе из бассейна р. Великой по системе озер (Неклочь, Свино, Берново, Черново, Лосвида) в бассейн Западной Двины у Витебска (рис. 4).

На стадии формирования племенной территории обращает на себя внимание селище у оз. Луговое при впадении в него р. Горожанки. Исследованы 570 кв. м. площади. Датируется поселение III—XII вв. Нижний слой (III—V вв.) содержит материалы типа поселения Абидня Могилевского Поднепровья. Средний слой (VI—VIII вв.) соотносится с культурами Банцеровщины—Тушемли. Верхний слой (IX—XII вв.) содержит материалы, характерные для культуры длинных курганов и славянских поселений X—XII вв. Напротив селища на противоположном берегу р. Горожанки имеется длинный курган, а на краю селища расположены три полусферических насыпи и одна сопкообразная [172. Рис. 1]. Раскопки одного полусферического кургана выявили три урновых погребения по обряду трупосожжения в насыпи. Урны раннекруговые с прямым венчиком [174. С. 287, рис. 4:5—7]. В насыпи выявлены оплавившиеся бусы синего цвета, две трапециевидные привески с точечным орнаментом и половинка арабского дирхема, датируемая 892—907 гг. На основании комплекса находок курган датирован первой половиной — серединой X в. Обследованием установлено, что культурные напластования располагаются вдоль края высокого правого берега Горожанки от оз. Лугового до Взгорья. Напротив Взгорья в пойме Горожанки согласно плану 1778 г. находилось городище (рис. 22). Возможно, это был укрепленный центр, к которому относилось изучавшееся селище. В настоящее время городище срыто при строительстве дороги [137].

С комплексом у г. п. Городок на стадии формирования основы племенной территории связаны поселения у дд. Козиново, Бураково (городища и селища), курганный могильник у д. Смольки, городище у д. Новый Болецк. Городища у дд. Козиново и Бураково, видимо, выполняли функции общинных центров внутри формирующейся племенной структуры. Подобные образования прослеживаются по всему Городокскому району. Часть из них легла в основу складывавшейся племенной территории с центром в Усвяте. Граница между племенными Усвятским и Городокским комплексами могла проходить по верховьям р. Ловати, где расположен населенный пункт Межа. Отсюда далее на юг она пролегла по системе озер (Тиосто, Вымно) к р. Лужесянке [149. С. 215—216, рис.1—3].

Могильник у д. Смольки в VIII—IX вв. являлся племенным курганным некрополем. Городище у д. Новый Болецк состоит из двух площадок, разделенных рвом и ограниченных с напольной стороны высоким валом. На валу и на дне ручья, омывающего городище с восточной стороны, выявлено скопление крупных валунов. Один из них имеет форму диска, на некоторых высечены знаки в виде свастики. У подножья городища выявлен уплощенный камень треугольной формы с четырехугольным 12×14 см углублением в центре. Во время археологических исследований на памятнике О. Н. Левко был зафиксирован в раскопе большой валун с высеченным на его поверхности изображением человеческого лица (рис. 21). Совокупность находок и расположение городища у озера позволяют предположить, что на раннем этапе существования это место использовалось в качестве языческого святилища [21. С. 465—466]. Близость расположения городища у д. Новый Болецк к комплексу у г. п. Городок (примерно 4—5 км) дает основание рассматривать эти объекты как два центра (административный и культовый) племенной структуры в Городокском поозерье [162. С. 32—34].

Таким образом, мы имеем схожую картину развития двух поселений в Витебском Подвинье (Витебск, Городок) с III в. и их превращения в центры племенных структур на протяжении VIII—IX вв.

2.1.3. Племенные структуры Оршанского Поднепровья

В Оршанском Поднепровье в конце I тысячелетия н. э. также существовали локальные племенные образования. К IX в. на правобережье Днепра (Оршанский и Дубровенский районы) сложился единый территориально-племенной массив с кривичским населением, ограниченный на северо-западе верховьями р. Оршицы, системой озер Ореховское-Переволочно — Каресино, р. Узменкой. С северо-востока его ограничивали р. Верхита, оз. Бабиновичское, с юга — Днепр [191. С. 174].

Как уже отмечалось, наиболее ранние курганы (VII—VIII вв.) сосредоточены на указанной территории вдоль оз. Ореховское-Переволочно, р. Верхиты. Треугольник, насыщенный археологическими памятниками (городища, селища, курганы), подходит к оз. Бабиновичскому, где берет начало р. Лучеса и расположено городище у д. Бабиновичи (рис. 23). Здесь также фиксируются удлиненные курганы [287].

Видимо, данный участок является самым ранним в освоении кривичами территории Оршанского Поднепровья. И именно здесь могла формироваться основа племенной структуры, включившей все окрестные общинные центры. Интерес представляют имеющиеся сведения о культовых камнях данного участка. Так, у бывшей д. Плеханы выявлен каменный идол. Здесь же располагался курганный могильник. В означенном треугольнике есть и другие камни, имевшие культовое назначение [347. С. 3, карта. С. 29].

О том, что в районе волоков из Оршанского Поднепровья в Витебское Подвинье в X—XI вв. существовали крупные поселения, свидетельствует наличие цепочек курганных групп. Как показали исследования О. Н. Левко, данные могильники развивались в период VII/VIII — X—XII вв. Помимо кривичских курганов, они включали сопкообразные насыпи (оз. Ореховское-Переволочно) и, таким образом, являлись могильниками смешанного типа [165. Рис. 1]. Социальный состав населения на волоках Оршанского Поднеп-

ровья отражает в X—XI вв. высокую степень расслоения. Здесь выявлены погребение с рабом, погребение дружинника в деревянном гробу (колоде?) [146. С. 41, рис. 18; 148].

Схожая с племенными образованиями Витебского Подвинья, территориально-племенная структура на волоках (рр. Узменка, Верхита) являлась максимально приближенной к центру днепровских кривичей — Смоленску (Гнездово) и была с ним связана.

На факт достаточно раннего отторжения периферийных племенных структур от их центра — Смоленска указывает борьба за их территории в XI—XII вв. между Полоцком и Киевом, затем Смоленском. Появление массовых погребальных памятников с кривичским населением на всей территории Оршанского Поднепровья в X—XI вв. свидетельствует об активном проникновении периферийных племен смоленских кривичей в среду аборигенов. Вдоль рек Оршанского Поднепровья формируются скопления поселений кривичей, смешивающихся с местным населением, основу которого составили носители колочинской культуры, а также проникающих с юга носителей волынцевских, лука-райковецких древностей [173] и смежных областей, занимаемых дреговичами, радимичами. Возможно, что цепочка населенных пунктов с названиями «межа», «межеево», «смоляне», «смолянцы» на водоразделе Днепра и Западной Двины в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах свидетельствует о пограничье, установившемся между смоленскими кривичами из Оршанского Поднепровья и полочанами. Судя по карте местных наименований курганных могильников, составленной З. М. Сергеевой, погребальные памятники, связанные с кривичами в зоне их позднейшего расселения в Оршанском Поднепровье, называются *«копцы»*. Возможно, такое название могильникам дало население, проживавшее здесь до их прихода. Во вновь освоенных кривичами районах существовали общинные центры, часть из которых, возможно, уже трансформировалась в племенные к концу IX в. К центрам, сформировавшимся на основе поселенческих структур третьей четверти I тысячелетия н. э. в бассейне р. Друти и ее притоков относятся поселение на территории Друцка, городище у д. Кисели (Дымокуры).

Обширная и разносторонняя археологическая информация собрана автором данной монографии по раннесредневековой округе Друцка. Этот материал важен для определения места ее центра в племенную эпоху и его значимости на этапе становления раннегосударственной волостной структуры. В 1987—1990 гг. были проведены исследования курганного могильника у д. Дроздово, городищ у дд. Кисели и Багриново Толочинского района.

Городище у д. Кисели расположено на высоком холме правого берега р. Кривая (левый приток р. Друть). Подковообразный вал, проходящий вдоль края площадки, имеет высоту в центральной части 8,2 м, уменьшаясь к краям до 1,5—1 м. С восточной напольной стороны городище укреплено еще двумя валами высотой 1,2—1,5 м. Глубокий овраг с юга отделяет городище от соседнего холма, на котором расположено селище (рис. 24:4). Раскопками установлено, что на данном городище нижние напластования содержат архаичные формы керамики милогроидного облика, а также материалы культур штрихованной керамики и позднезарубинецкой. Наибольший интерес представляют средний и верхний слои городища, относящиеся к раннему средневековью и позволяющие определить, какое население занимало округу Друцкого городища в этот период. В ходе раскопок был выявлен участок кольцевого вала, который окру-

жал площадку городища в третьей четверти I тысячелетия н. э. и был частично разрушен при расширении площадки и возведении новых, более мощных земляных укреплений, видимо, уже в раннегосударственный период. Именно эти укрепления сохранились до настоящего времени.

На вскрытом участке ширина кольцевого вала составила 4—4,5 м при толщине до 1 м. В нижней части насыпи выявлены остатки решетчатой внутривальной конструкции. По верху насыпи вала располагалась деревянная изгородь. Со стороны площадки данный вал был укреплен отмосткой из камней средней величины. Как показали исследования, аналогичная конструкция вала была характерной для целого ряда городищ Оршанского Поднепровья в третьей четверти I тысячелетия н. э. Особенно четко эта конструкция была прослежена при раскопках вала городища у д. Багриново [149. С. 222, рис. 7].

Более половины от всех выявленных на городище Кисели фрагментов лепной керамики третьей четверти I тысячелетия н. э. представлены округлобокими формами, имеющими суженную горловину, изогнутую шейку и приподнятое округлое плечико. Край венчика закруглен. Второй преобладающий вид лепной керамики этого времени (35—40%) имеет цилиндро-конические очертания с перегибом на середине высоты. И, наконец, третью малочисленную группу (до 5%) составляют горшки с валиком под венчиком, который может быть орнаментирован косыми насечками. При сопоставлении данной керамики с синхронными материалами других памятников выявляется их аналогичность керамическим комплексам городищ Оршанского Поднепровья (Черкасово, Вежки, Никодимово), а также наибольшая близость керамике колочинской культуры [151]. В материалах последней присутствуют все отмеченные на городище Кисели виды керамики, в том числе и горшки с валиком под венчиком. Последние встречаются также на памятниках корчакской культуры и пеньковской.

Малочисленный материал с территории Окольного города Друцка не позволяет причислить это поселение к кругу памятников колочинской культуры. Однако и те единичные формы, которые имеются в нашем распоряжении, свидетельствуют о наличии в лепной керамике Друцка элементов, схожих с раннесредневековыми формами городища Кисели (округлобокость, валик под венчиком). Не менее интересны и керамические формы на городище Кисели, относящиеся к верхнему слою. В нижней части этого слоя выявлены лепные, но подправленные на гончарном круге фрагменты сосудов ярко-терракотового цвета с хорошо заглаженной поверхностью. Они имеют высокий прямой либо слегка отогнутый венчик и орнаментированы волной по венчику и тулову. Сосуды округлобокие, плечики опущенные. Данная керамика может датироваться IX — началом X в. В целом, в материалах X—XI вв. Оршанского Поднепровья этот тип не развит. Однако при раскопках курганного могильника у д. Дроздово, датируемого X — началом XI в., в одном из курганов рядом с трупосожжением встречен круговой горшок стройных пропорций, ярко-терракотовый с прямым высоким венчиком, орнаментированный волной и линейным рифлением. Наряду с ним в могильнике присутствуют горшки с карнизиком (манжетообразным венчиком), характерные и для друцкого городища (рис. 10, 11). Эти сосуды Л. В. Алексеев датирует X — двумя первыми десятилетиями XI в. Аналогичную керамику данный исследователь выявил и в курганах с трупосожжениями в ближайшей округе Друцка (дд. Синчуки, Арава).

Следовательно, в X в. на территории, приближенной к Друцку, наряду с формами так называемого Гнездовского типа [15. С. 11] продолжают встре-

чаться и формы с прямым высоким венчиком, имевшие место на поселениях IX — начала X в. С X в. на территории округи Друцка известны погребальные памятники в виде курганных насыпей. По этноопределяющему инвентарю их связывают с кривичами (височные браслетообразные кольца с завязанными концами). Однако в курганах, особенно ранних (с трупосожжениями), присутствуют элементы, не характерные для кривичей.

К таким элементам прежде всего относится наличие деревянных конструкций. При раскопках могильников у дд. Синчуки и Арава в каждом из них исследовано по одному кургану, которые содержали деревянные конструкции (срубы или ящики высотой в один венец) в насыпи. Внутри этих конструкций располагалось по 6 погребальных урн с кальцинированными костями и еще по одной выявлено за пределами «ящиков». Размеры деревянных конструкций 0,7×0,7 и 0,8×0,8 м. Внутренняя часть конструкции в одном случае заполнена слоем золы толщиной до 7 см, во втором — жирным черным слоем толщиной до 10 см, насыщенным мелкими кальцинированными косточками. Грунт под погребениями был сильно прокален [10. С. 51—52].

Еще одна деревянная конструкция такого же типа была выявлена О. Н. Левко в могильнике у д. Дроздово [139. С. 79]. Мелкие кальцинированные кости были рассыпаны по поверхности зольно-угольного пятна, а более крупные сложены внутри «ящика», но без урны. Л. В. Алексеев считает некоторые погребальные урны у д. Синчуки (курган № 3) близкими к лепным и датирует их X в. Он же отмечает, что среди наиболее ранней керамики из материковых западин друцкого городища (детинца) один мискообразный сосуд округлых очертаний близок к курганным урнам дд. Синчуки и Арава и так же, как и они, датируется началом XI в.

Автор данной монографии считает, что погребения в курганах по обряду кремации, выявленные в округе Друцка, не связаны хронологически с раннегородским слоем, а предшествуют появлению «града» Друцка и соотносятся с периодом функционирования племенного центра на одной из двух друцких возвышенностей. Курганы у дд. Синчуки и Арава не содержали вещей, указывающих на их принадлежность кривичам. В могильнике у д. Дроздово выявлены погребения как по обряду кремации, так и по обряду ингумации. Иногда они находились в одних и тех же насыпях. Здесь же зафиксированы погребения переходного типа, частично кремированные. Сближает данный могильник с курганами у дд. Синчуки и Арава наличие погребений по обряду кремации, одно из которых было в «ящике». Так же важной является находка кругового сосуда, производного от форм IX в., *рядом с трупосожжением*, что позволяет датировать его не позднее второй половины X в.

В отличие от предыдущих двух могильников, могильник у д. Дроздово содержит большое количество вещей, указывающих и на присутствие здесь кривичей (рис. 25). Причем, кривичские захоронения произведены по обряду ингумации либо относятся к переходным и по составу находок, в том числе и керамики, датируются концом X — первой половиной XI в. Наиболее ранние погребения, видимо, принадлежат населению, которое предшествовало появлению кривичей на Друцком волоке и составляло основу племенного образования с центром в Друцке. Это население представлено как общинами, центры которых размещались на городищах (Багриново, Кисели), так и земледельческими крупными открытыми поселками «волочан», которым принадлежали курганные могильники по берегам р. Друть и ее притоков. Выявленный при рас-

копках курганов в Толочинском районе вещевой материал свидетельствует о неоднородности населения этого региона с заметным преобладанием кривичей в XI—XII вв. В то же время формообразующие признаки керамики с городищ и ранние курганные захоронения по обряду кремации указывают на его славянский этнос уже в VIII — первой половине X в., до появления кривичей.

При рассмотрении славянских культур VIII—IX вв. правобережья Днепра выясняется, что курганные погребения VIII—IX вв. культуры типа Лука-Райковецкая по обряду кремации иногда окружались деревянными оградками. Керамические формы этой культуры эволюционируют от пражско-корчакских древностей, а некоторая округлобокость лука-райковецкой керамики привнесена влиянием пеньковской культуры. На наиболее поздних лука-райковецких памятниках зафиксирована круговая посуда с манжетообразным венчиком [24. С. 181, 183, 186]. Вероятно, что поселения на Друцком волоке (городищ в Толочинском районе значительно меньше, чем могильников) последней четверти I тысячелетия н. э. принадлежали населению, переместившемуся сюда из более южных регионов.

В пределах курганного могильника у д. Дроздово была раскопана одна насыпь диаметром 18 м, имеющая высоту 0,8 м. Стратиграфия насыпи показала, что верхний слой толщиной до 0,1 м перекрывает три кольцеобразных вала высотой 0,5—0,6 м, представляющих концентрическую окружность с углублением в центре. В основании углубления найдены бронзовое колечко с заходящими концами и фрагмент железного ножа. В разрезе насыпи прослежены шесть тонких зольно-угольных прослоек, образовавшихся в разное время при обжиге поверхности валов. Данное сооружение напоминает по своей конструкции языческие святилища и могло служить местом поминовения умерших [146. С. 42].

Приведенный материал свидетельствует о том, что в X в. на территории округи Друцкого племенного центра был распространен языческий обряд погребения. Переход к ингумации осуществляется, и то не повсеместно, с рубежа X—XI вв. В целом же, несмотря на введение христианства и постройку храма в «граде» Друцке в 1001 г., сельское население придерживалось языческих верований вплоть до рубежа XII—XIII вв. В бассейне р. Адров центром округи было городище у д. Черкасово. Следы пожаров, выявленные при раскопках, свидетельствуют о прекращении функционирования местных центров. Культурные напластования более позднего времени на этих памятниках (X—XI/XII вв.) связаны с деятельностью раннегосударственных образований, в сферу влияния которых они попадают.

Для IX—XI вв. характерно наличие синкретических поселений с нерасчлененностью и неразвитостью разнородных функций. В ряде случаев наблюдается пространственная локализация некоторых из них (ремесла, обмена, обороны и др.). Наиболее благоприятной средой для развития этих функций являются поселения в районе волоков, крупных рек, т. е. в местах наибольшей концентрации населения региона. Морфологически такие поселения составляют две группы памятников: 1) укрепленное городище + неукрепленное поселение + могильник; 2) неукрепленное поселение + могильник.

В X — начале XI в. поселения первой группы оказались наиболее приближенными к протогородам. Их подоснову составляли памятники эпохи железа и раннего средневековья (VII—IX вв.) с социально-экономическим укладом, соответствующим военной демократии. В ходе развития выделившихся функ-

ций на них оказывали влияние внешние факторы (например образование государственных структур), трансформируя отмеченные поселения в протогорода. На протогородском этапе развития одни поселения приобретают и порождают новые функции, свойственные городам, другие становятся погостами, т. е. центрами округ по сбору дани и их управлению. Осуществляется переход от первого типа социально-политической структуры (племенной) ко второму типу — раннегосударственной [150. С. 39].

2.2. ЦЕНТРЫ ПОГОСТОВ И ВОЛОСТЕЙ ВИТЕБСКОГО ПОДВИНЬЯ

В становлении волостных (раннегосударственных) структур и их центров (протогородов) определенная роль принадлежит инициативе государственной власти. Создание новых административно-фискальных, хозяйственных, военно-опорных центров в стратегически важных пунктах, на пограничье, в местах пересечения торговых коммуникаций являлось важнейшей задачей зародившихся и развивающихся славянских государственных образований Восточной Европы.

Основу раннегосударственных волостей и погостов составляли сложившиеся локальные племенные структуры, внутри которых создавались центры государственного управления в противовес существующим племенным центрам.

Анализируя деятельность киевской княгини Ольги, направленную на дальнейшее упрочение государственной власти, исследователи пришли к выводу, что ее поход 947 г. в Новгородские земли был направлен, с одной стороны, на упорядочение системы сбора дани, а с другой — на подавление местных социально-политических (племенных) центров [110. С. 39].

2.2.1. Витебск — центр волости

Путь киевской княгини на север пролегал через территории, которые вряд ли были уже охвачены киевской данью. Исследователь Полоцкой земли Л. В. Алексеев отмечает: «Вполне вероятно, что Ольга, двигавшаяся за данью в глухие места Новгородчины, прошла туда не через давно уже освоенные места у Смоленска, а по глухим местам устья Витьбы, где и учредила новый «повост» [11. С. 222].

Сопоставление сообщения «Повести временных лет» о поездке в 947 г. киевской княгини Ольги в Новгород [240. Т. 1. С. 43] со сведениями «Летописи города Витебска» [240. Т. 32. С. 193] позволяет предположить, что Витебск как административно-управленческий центр округи (погоста, волости) в системе раннегосударственных структур начал свое существование с середины X в. Косвенным подтверждением того, что именно княгиня Ольга могла основать погост для сбора дани в устье р. Витьбы, служат топонимы «Ольгово», фиксирующиеся на окраине современного Витебска и у скопления памятников в районе озер Межа, Сосно, Чернясто, Сесито в Городокском районе (на порубежье Городокского и Усвятского племенных образований) (рис. 4). Таким образом, кроме *витебского погоста* на данном участке пути «из варяг в греки» могли быть установлены *погосты в Городке и Усвятах*. Этому не противоречат и материалы археологии [156. С. 164; 171, 296; 342. С.53 — 55].

Витебск в данное время структурно состоял из городища (крепости) на Замковой горе и расположенных вокруг обособленных разделяющими их оврагами селищ, преобразующихся в раннегородские посады (рис. 6).

При рассмотрении вопросов исторической топографии средневекового Витебска внимание всех исследователей сосредотачивалось, главным образом, на участке левобережья р. Витьбы при впадении ее в Западную Двину. Здесь, по материалам картографии, письменным свидетельствам и данным геологического бурения, в эпоху средневековья располагались две возвышенности, известные под названиями Двинской и горы Ломихи (или Замковой).

Двинская возвышенность занимала участок мыса при впадении Витьбы в Западную Двину. Была вытянута с севера на юг вдоль последней и состояла, возможно, из двух площадок разных уровней. Гора Ломиха (Замковая) отделялась от Двинской возвышенности глубоким и широким оврагом, значительно уступала ей по площади, своим северным краем выходила к р. Витьбе и была вытянута с северо-востока на юго-запад. Обе возвышенности, судя по материалам геологии и другим источникам, имели примерно равную высоту и выступали в роли доминант окружающей среды.

Подтверждение тем или иным моментам развития традиционной схемы исторической топографии средневекового города исследователи находили в обширных материалах археологических раскопок в исторической зоне Витебска. Небольшие раскопки на горе Ломихе (Замковой), предпринятые в конце XIX в. и в 1930-е гг., выявили материалы, относящиеся к «дофеодальной поре», а также погребения и каменные конструкции эпохи развитого средневековья. Известно, что гора Ломиха (Замковая) имела по краю площадки земляной вал, следовательно, была укрепленным поселением.

Эти сведения, поскольку сама гора Ломиха (Замковая) была срыта, послужили основанием для ее восприятия в качестве *градоформирующего центра* Витебска в раннем средневековье с постепенным присоединением к нему других структурных составляющих [7; 36. С. 7—9; 105. С. 6; 135; 342. С. 41].

Данный объект существовал в качестве *постоянного центра* расположенных вокруг него поселений с «дофеодальной поры» и на протяжении всего средневековья.

Археологическое изучение различных составляющих древнейших городов и, в первую очередь, тех, что выросли на основе поселенческих структур догосударственного периода, показывает сложный процесс их внутренних преобразований, в том числе и топографического характера. Каждое новое звено в городском организме выполняло строго определенную функцию и занимало соответствующую его назначению территорию.

Витебск в эпоху раннего средневековья выступает как центр определенной округи: племенной в догосударственный период и волостной в составе Полоцкой земли (после 1021 г.). Главными его функциями по отношению к управляемой территории были политическая, экономическая и сакральная. Наличие нескольких поселений кривичей IX—X вв. на левобережье р. Витьбы, а также лепная керамика этого времени, выявленная в ямах на возвышенном участке вдоль ее правого берега, указывают на концентрацию населения в племенном центре. Развитие различных ремесел подтверждает его высокий экономический потенциал и платежеспособность [41]. Можно предположить, что вождь и его дружина располагались на горе Ломихе (Замковой), поскольку следов их пребывания на Двинской возвышенности не выявлено, как не найдено здесь

и каких-либо укреплений IX—X вв. В нижних напластованиях культурного слоя Витебска встречаются различные предметы языческого культа X—XI вв. Как уже отмечалось, будучи административно-политическим и экономическим центром племенной территории, Витебск также выполнял сакральные функции.

Проводимое с 1980-х гг. систематическое исследование правобережья р. Витьбы в пределах исторической зоны — так называемого Взгорья — позволяет внести дополнения в развитие ранней исторической топографии Витебска. На правом берегу Витьбы при впадении ее в Западную Двину напротив Двинской возвышенности и горы Ломихи (Замковой) располагалась третья доминанта раннесредневекового Витебска. В литературе она известна как Лысая (Успенская) гора. Материалы геологии показывают, что данная гора превосходила по высоте Двинскую возвышенность и гору Ломиху (Замковую) более чем в два раза. Картографический материал, визуальное наблюдение сохранившихся участков древнего рельефа, а также данные археологии свидетельствуют о наличии крутых и вместе с тем уступчатых (с небольшими площадками) склонов Лысой (Успенской) горы в сторону рек Витьбы и Западной Двины. Название возвышенности «Лысая» связывается с мужским культом божества, что позволяет предполагать наличие культового объекта на Лысой горе в Витебске в раннем средневековье и соотносить его в первую очередь с этапом племенного развития данной территории.

Проведенные в течение 1988—1998 гг. исследования различных участков западного и южного склонов Лысой (Успенской) горы выявили сложность первоначального рельефа, резкие перепады высот и мощности культурных отложений (от 0,5 до 8,4 м). Неоднократные сильные разливы рек вынуждали застраивать на протяжении всего средневековья только срединную часть склонов, достаточно удаленную от воды и относительно пологую. Мощеная бревнами улица Подвинская (известна под таким названием по источникам XVII в.), опирающаяся на сваи в самом пониженном месте, в XII—XIII вв., огибая гору в соответствии с рельефом местности вдоль правого берега Витьбы, доходила до места впадения ее в Западную Двину.

Раскопками 1998 г. на площади 420 кв. м. вскрыт участок городской деревянной застройки XII—XIV вв. Он располагался на южном склоне Лысой (Успенской) горы в средней его части, занимая небольшую выступающую площадку. В материке площадки было понижение до 1 м и более, проходившее через весь раскоп с северо-востока на юго-запад в виде широкой западины. В этой западине в слое материковой супеси с примесью суглинка располагались деревянные конструкции срубного типа с внутренними перекрытиями в виде решеток. Характерной особенностью является то, что данные конструкции отделены от вышележащего культурного слоя с материалами XII—XIV вв. прослойкой чистого речного песка светлого цвета, имеющей толщину от 0,1 до 0,5 м, и представляют собой закрытый комплекс.

Всего в раскопах вдоль южного края площадки зафиксированы остатки 4 конструкций срубного типа, ориентированных с северо-востока на юго-запад соответственно западине в материке. Ширина срубных конструкций достигает 4 м. Длину их установить невозможно, так как они вытянуты с севера на юг и уходят за пределы раскопа. Наиболее полно представленная конструкция имеет длину около 8 м. Расстояние между срубами было более 2 м. Однако выявленные фрагменты бревен указывают на то, что они как-то связывались между собой. Внутри срубов прослежены решетчатые конструкции. Для них

7. Зак. 2024

использовались бревна меньшего диаметра. Все срубы были полностью заполнены однородным супесчано-суглинистым слоем серого цвета со следами пожаров. Наиболее мощные прослойки пожара фиксируются в нижней и верхней частях конструкций. При расчистке данных сооружений над деревянной решеткой одного из них обнаружен фрагмент каменной вымостки размером 1,2×1,2 м. Камни обожжены, между ними выявлены угли, единичные кости животных, фрагменты керамики XI—XII вв. Керамика этого же времени обнаружена и при расчистке самой деревянной конструкции (рис. 26).

Вышележащий строительный горизонт, отделенный от срубных конструкций в материке, расположен в культурном слое, содержащем материалы XII в. в большом количестве. Таким образом, конструкции из нижнего горизонта можно отнести к XI — началу XII в., а возможно — и к более раннему времени. Характер данных конструкций близок известным по литературе оборонительным сооружениям XI в., когда отдельно стоящие внутри вала срубы забивались землей. Однако в данном случае насыпь вала в раскопе не фиксируется, а слой песка, перекрывающий конструкции, — намыв разлива реки. Учитывая культовый характер названия Лысой горы, можно также предположить, что здесь имеет место ограждение территории святилища — требища ритуальным рвом по склону горы [169].

В пользу данного предположения свидетельствует понижение в материке в виде западины, наличие каменной площадки со следами огня над одной из срубных конструкций. Следы пожара под конструкциями и на всей площади их размещения могут быть следами очищения огнем. Пожар в верхней части конструкций — свидетельство гибели возможного культового комплекса. В вышележащем слое, датируемом XII—XIII вв., выявлены ритуальный костяной топор с магическими знаками, астрагал и костяная заготовка для подвески, а также другие предметы (рис. 21:2, 3, 6, 21). Добавим, что возведение в Витебске первых храмов (архангела Михаила и Благовещения) относится к 1140-м гг. Именно с этого времени в Витебске утверждается христианский культ.

2.2.2. Витебская и Усвятская волости в составе Полоцкой земли

С преобразованием в течение X—XI вв. племенных центров в раннегосударственные и появлением крепостей, обозначивших рубежи волостей, наступил новый этап в историческом развитии рассматриваемого региона [166, 188].

С X в. киевский государственный аппарат проводит постепенную замену местных родо-племенных или раннегосударственных институтов власти централизованной киевской администрацией. Взамен старых центров, выросших на племенной основе, создаются новые, в которые посажены сыновья киевского князя. В Полоцком княжестве Полоцку должен был противостоять новый центр — Изяславль, построенный великим киевским князем Владимиром для его сына Изяслава. Видимо, в результате заключения ряда (договора) с местной племенной знатью (боярством), Изяслав занял престол в Полоцке в качестве наследника линии его деда Рогволода, тем самым положив начало новой династии полоцких князей, состоящих также в родстве с киевским княжеским домом [195. С. 18—19].

Эти обстоятельства имели важное значение для дальнейшего политического и территориально-административного развития края в целом. Полоцкое

княжество уже выступает в качестве равного партнера Киевской державы на пространстве Восточной Европы. Оно формирует свою государственную территорию по тем же принципам и в управлении ею руководствуется такими же нормативными актами, как и его сосед. Об этом красноречиво свидетельствуют те фрагменты летописных свидетельств, касающиеся политических событий XI—XII вв., которые дошли до нашего времени.

Найденная в Новгороде печать полоцкого князя Изяслава (рис. 27) подтверждает то, что он являлся верховным распорядителем государственной земли, а следовательно, полноправным главой государства. События первых десятилетий XI в. показывают дальнейшее развитие отношений партнерства между Киевом и Полоцком. В Киеве построен двор Брячислава Полоцкого. А самому князю Брячиславу Ярослав Мудрый предлагает: «Буди же с мною един» [240. Т. 8—9. С. 77]. Этот договор скреплен передачей в 1021 г. Полоцкому княжеству двух волостей на отрезке пути «из варяг в греки» в Витебском Подвинье: *Витебской и Усвятской*.

При вхождении в состав Полоцкого государства, их внешние границы были обозначены порубежными крепостями, а также появились пункты, отделяющие данные волости от других территориальных структур внутри государства. По мнению Л. В. Алексеева, древние границы прослеживаются по наличию возле них ничейных незаселенных зон и по топониму «межа», «межник» [9]. В. В. Седов считает, что на рубеже X—XI вв. западная граница смоленских владений проходила «от оз. Жижицкого и верховьев р. Куньи по Двине и Рутавечи» [271. С. 246].

Границы Витебской волости XI в. по совокупности археологических данных с картографическим материалом можно очертить следующим образом. Восточный ее рубеж проходил от Усвятской волости вдоль нижнего течения р. Усвячи, затем по р. Каспле, р. Рутавечь до оз. Рутавечь, где располагался волок на р. Березину. Вдоль этой границы с полоцкой стороны в XI в. возникают укрепленные поселения возле д. Кошевичи (левый берег р. Каспли), д. Ковали (левый берег р. Рутавечь), д. Микулино (берег оз. Рутавечь) [191. С. 175]. Они могут расцениваться как форпосты Полоцкого государства. Южный рубеж Витебской волости обозначен р. Рубежницей (притоком р. Черницы), подходящей к оз. Рутавечь. На западе граница Витебской волости проходила вдоль р. Лучесы до р. Западной Двины. Как отмечает Л. В. Алексеев, в 20 км западнее Витебска (д. Старое Село) проходил рубеж Полоцкого повета XVI в. [8. С. 76]. Следует обратить внимание, что между Витебском и Старым Селом фиксируется топоним Княжица, который может указывать на древнее пограничье волости (рис. 28).

Вопрос о передаче Витебска и Усвят Полоцкому государству встал именно тогда, когда восточная его граница установилась по р. Оболь. Археологически выделяются укрепленные поселения возле д. Кисели («Пристань», X в.) и д. Козиново (XI в.) в Городокском районе. Одно из них находится на левом берегу р. Оболь, второе на ее притоке — р. Усысе. Они могли возникнуть в процессе формирования границ Городокского погоста и Витебской волости. От Усвятской волости и Городокского погоста на севере Витебская волость была отделена реками Лужеснянкой, Овсянкой, оз. Вымно и цепочкой мелких озер до оз. Межа [171. С. 45—47].

Таким образом, территория современных Витебского и Городокского районов вошла в пределы складывавшихся раннегосударственных волостей: Витебской и Усвятской, центрами которых были Витебск и Усвяты.

Усвятская волость занимала восточную часть территории Городокского района до оз. Межа на западе. На севере и востоке данная волость граничила с владениями Новгорода и Смоленска. Как отмечает А. В. Куза, в первой половине XI в. окончательно сложились южная и юго-западная границы Новгородской земли вследствие ряда, заключенного между Новгородом и Полоцком. По мнению данного исследователя, в качестве компенсации за передачу Полоцку Ярославом Мудрым Витебска и Усвят, от новгородской территории в середине XI в. была отделена Торопецкая волость и добавлена к владениям Смоленска [121. С. 193—195]. Как свидетельствуют археологические материалы, в X—XI вв. вдоль волоков между малыми реками и озерами, соединяющими крупные водные магистрали, на месте древних городищ и селищ племенной поры стали развиваться новые поселения свободных общинников. Их погребальные памятники также располагались вблизи оставленных прежними поселенцами.

Поскольку на территории Городокского района письменные источники не называют городов, относящихся к X—XI вв., и материалы археологических исследований не позволяют идентифицировать какое-нибудь из поселений с древним городом, можно полагать, что на протяжении раннего средневековья северная граница в пределах Витебской и Усвятской волостей была подвижной. Обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее большинство из известных на территории района городищ содержат только слои эпохи железа и раннего средневековья до X в. Курганные могильники идентичны по составу находок городищам и селищам этого времени. Лишь немногие памятники датируются в пределах X—XI вв., начала XII в. К поселениям этой поры относятся селище у д. Дорохи, городище Пристань у д. Кисели. Материалы X—XI вв. фиксируются в могильниках у дд. Дорохи, Вышедки. В курганной группе V у д. Дорохи погребение умерших X—XI вв. совершено по обряду трупоположения в насыпи на подсыпке и в подкурганных ямах. Костяки ориентированы головой на запад, что характерно для славянских погребений. Погребения в подкурганных ямах зафиксированы и в курганном могильнике у д. Вышедки. Датируются они началом XI в. Для полоцких и смоленских кривичей XI—XII вв. характерны женские украшения — височные браслетообразные кольца с завязанными концами, золоченые боченкообразные стеклянные бусы и др. (рис. 25, 29).

К X—XII вв. относятся верхний слой селища и нижний слой замчища у г. п. Городок, сохраняющий различные вещественные источники, в том числе бусы, стеклянные браслеты. Находящаяся поблизости д. Погост может косвенно маркировать территорию, занимаемую указанными поселениями, как погост, сменивший более раннее племенное образование в западной части Городокского района. Во время раскопок на территории городища у д. Новый Болецк в 1988—1989 гг. О. Н. Левко были также выявлены многочисленные хозяйственно-бытовые предметы (керамика, ключи, замки, ножи, пряслица, стеклянные браслеты, украшения из цветных металлов), которые можно датировать XI—XII вв. Возможно, после того, как городище перестало функционировать в качестве культового центра племенной округи, какое-то время здесь находилась усадьба феодала, собирающего налоги с окрестного населения.

2.3. ЦЕНТРЫ ПОГОСТОВ И ВОЛОСТЕЙ ОРШАНСКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В Оршанском Поднепровье, как и в Витебском Подвинье, центры погостов и волостей формировались на основе предшествовавших им племенных структур. К таким раннегосударственным территориальным структурам можно отнести прежде всего скопление памятников в бассейне р. Адров с центром на городище у *д. Черкасово* (рис. 24:2). Мощные дерево-земляные укрепления в виде подковообразного вала проходят по краю площадки, ему предшествовал кольцевой вал, выявленный во время археологических исследований О. Н. Левко в 1990 г. [151. С. 135—136]. Верхний слой раскопа был отделен от нижележащего тонкой прослойкой песка, свидетельствующей о наличии лакуны между поселением третьей четверти I тысячелетия н. э. и, возможно, IX в. и поселением, возобновленным на городище в раннегосударственный период. Он датируется X—XII вв. С напольной стороны к городищу примыкает селище. На самом городище во время раскопок О. Н. Левко в 1990 г. выявлены бытовая керамика, в том числе амфорка киевского типа, украшения из цветного металла (пластинчатый браслет, литой рубчатый перстень, накладки), свинцовая пломба, железная булавка с кольцом скандинавского типа. В комплекс с городищем и селищем входит обширный курганный могильник (в 1928 г. насчитывал 136 насыпей), в котором был исследован 21 курган [182. С. 57]. Черкасовский курганный могильник по вещевому составу и керамике соответствует верхнему слою городища и показывает высокий уровень жизни населения, что делало его платежеспособным и привлекательным для основания здесь погоста. Находка амфорки «киевского типа» указывает на связи поселения с Киевом (рис. 11:6).

Само Черкасовское городище размещалось в центре погоста на р. Почалице (правый приток р. Оршицы), а территория погоста охватывала зону между реками Адров и Оршица (Рша). О том, что здесь могла существовать устойчивая территориально-административная единица (погост), свидетельствует значительное скопление поселений и курганных могильников, расположенных на расстоянии 3—6 км друг от друга [191. С. 173, 176]. Косвенным маркером данного территориального образования является д. Погост (рис. 28), существующая и в настоящее время в зоне предполагаемого погоста. Также обращает на себя внимание тот факт, что городища, на которых (либо рядом с ними на селищах) зафиксированы материалы X—XII вв., образуют цепочку, тянущуюся вдоль правобережья р. Адров и ограничивающую его территорию с юга и запада. На востоке *Черкасовский погост* граничил по р. Оршице (Рше) с племенной структурой в районе волоков на р. Лучесу. Видимо, это территориальное образование также выплачивало дань киевским князьям. Значительное увеличение числа курганов в могильниках X—XI/XII вв. на Ореховском волоке свидетельствует об успешном развитии поселений на волоках в это время. А состав находок подтверждает их платежеспособность.

2.3.1. Орша — центр волости

Оба эти территориально-административных образования X—XI/XII вв. стали основой *Оршанской волости* XII в. Упоминание летописями пленения полоцкого князя Всеслава киевскими князьями «на Рши у Смолиньска» в 1067 г. послужило основанием для ряда исследователей признать существование го-

рода Орши (Рши) в XI в. Пытался обосновать этот тезис с помощью данных лингвистики и топонимии Ю. И. Драгун [75. С. 5]. Высказывалось неоднократно и предположение, что Орша была уступлена полоцкому князю за его участие в походе южнорусских князей на торков в 1060 г. [281]. Однако археологические исследования на древнем городище Орши не выявили стратиграфически напластований ранее XII в. В то же время, Ю. И. Драгун относит часть находок к XI в.: ребристые бусы, бусы-лимонки, кресало с язычком и некоторые другие. Это может указывать на возникновение поселения на территории городища в самом конце XI в.

Раскопки О. Н. Левко в 1988 г. на оршанском городище показали, что площадка городища была укреплена валом в XII в. [146. С. 19]. Под насыпью вала был выявлен культурный слой, также содержащий материалы XII в. (рис. 31). Именно с момента возведения укреплений на городище его можно признать «градом», т. е. населенным пунктом с выраженными административными функциями (в первую очередь военно-административными). В процессе дальнейших работ в 1989—2003 гг. автором монографии установлено, что с XII в. с напольной стороны городища за искусственным рвом и напротив него за р. Оршицей начинают формироваться городские посады.

Таким образом, материалы археологии позволяют утверждать, что Орша как город развивается с XII в. С этого времени она уже могла выступать и в качестве центра определенной округи — волости [165. С. 23—25]. Территория Оршанской волости определяется достаточно четко. На севере она граничила с Витебской волостью, еще в XI в. вошедшей в состав Полоцкой земли (1021). На юге ограничивалась правым берегом р. Днепр, вдоль которого в XII в. возникает ряд укрепленных поселений (дд. Стражево, Германы, Гончарово). Укрепленное поселение XII в. у д. Приволье [334. С. 131] на правом берегу р. Березины (приток Днепра) связывает эту часть пограничья с возникшими укреплениями вдоль восточного рубежа Витебской волости в XI в.

Следовательно, вырисовывается пограничье между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, окончательно сформировавшееся в XII в. (рис. 28). Это означает, что с переходом правобережья Оршанского Поднепровья под власть Полоцка племенные структуры, на территории которых киевской властью были установлены погосты для сбора дани, объединяются в территориально-административную раннегосударственную структуру — *волость с центром в Орше*. С этого времени начинает затухать поселение в Черкасово, утратившее свое значение центра округи. На западе Оршанская волость граничила с Друцкой волостью. Южнее д. Кисели также на одном из притоков р. Адров находилось городище у д. Дятлово, в 0,5 км западнее которого выявлен так называемый «Рогволодов» камень, датируемый 1171 г. и установленный, судя по надписи на нем, друцким князем [191. С. 175—176].

2.3.2. Друцкая волость в составе Полоцкой земли

Друцкая волость в Оршанском Поднепровье сложилась ранее Оршанской, и на ее принадлежность к Полоцкой земле в 1078 г. указывает «Поучение» Владимира Мономаха [239. С.159]. С сообщением о походе Мономаха на Полотчину связывается и вероятность наличия в Оршанском Поднепровье еще одного укрепленного пункта — древнего *Одрска*. Н. Н. Карамзин критически

относился к сообщению «Поучения», считая, что название «Одреск» относится к Друцку. Однако ряд исследователей допускают, что такой объект мог располагаться либо на р. Днепр, либо в бассейне р. Адров. Попытки Л. В. Алексеева найти древний город на берегах р. Адровки (Адрова) не увенчались успехом [8. С. 184].

Центр волости на волоках — *Друцк* помимо «Поучения» упоминается в летописи под 1092 г. Как уже отмечалось, основанию «града» Друцка предшествовало формирование племенного центра на одной из двух возвышенностей в пределах укрепленной части средневекового города. Наличие культурных напластований, содержащих лепную керамику VII—IX вв. и, возможно, начала X в., позволяет связывать их с тем периодом, когда поселение на территории будущего города могло выполнять функции племенного центра. Найденные фрагменты тигелька, капли застывшего цветного металла, орнаментированный бронзовый пинцет могут указывать на наличие бронзолитейного ремесла. Ряд предметов, выявленных в нижних напластованиях раскопа на территории окольного города, датируется X в. (плоские ключи в виде квадратной лопаточки, пружинные ножницы, пластинчатые орнаментированные бронзовые перстни и браслеты, бубенчик с прорезью). Заселение территории детинца в племенной период было незначительным и недолговременным. С включением Друцка с округой в состав Полоцкой земли, здесь создается новый, уже государственный военно-административный центр, где в удельный период размещена и княжеская резиденция, а в XIV—XVI вв. — Верхний замок.

В рукописи Друцкого Евангелия первой половины XIV в. имеется вкладная запись следующего содержания: «В лето 6509(1001) створена бысть церкви сия святая Богородица *въ граде* во Дрютьсце» [252]. Она свидетельствует о том, что в самом конце X в. уже мог существовать укрепленный центр — «град», в котором в 1001 г. построен храм. Принятие Владимиром Святославичем, великим князем киевским, в 988 г. христианства дало начало его официальному распространению во всех землях, которые были подвластны Киеву. В течение 991—995 гг. был построен монументальный храм Св. Богородицы в Киеве, известный как Десятинный [116. С. 155, рис. 6]. На строительство церкви и ее содержание Владимир Святославич выделил десятую часть даней и оброков со своих владений. В «Уставе» князя говорится, что десятина на церковь Св. Богородицы дается *по всем «городомъ, и по погостомъ, и по свободамъ, где крестиане суть»*. Исследователи датируют данный отрывок 995 г. [237. С. 105]. Он свидетельствует о наличии христианских центров, получавших десятину, и такими центрами являлись храмы во имя Св. Богородицы. Полоцкая земля в правление Владимира Святославича находилась под его рукой до восстановления в Полоцке местной княжеской династии. Перейдя на княжение в Полоцк, Изяслав, видимо, продолжал выполнять волю отца, что выразилось в строительстве храмов во имя Св. Богородицы в Полоцкой земле. Помимо храма в Друцке, известна и «старая» церковь Св. Богородицы в Полоцке [298].

Территория Друцкой волости складывалась на основе племенной территории, обозначенной наиболее ранними могильниками и общинными центрами на городищах. Она занимала современный Толочинский район и северную часть Круглянского района, заходя своим западным краем на территорию Крупского, северным — Сенненского, восточным — Оршанского и Шкловского районов. В качестве пограничных пунктов волости ориентировочно можно принять местоположение «Борисова» камня (1127?) на рубеже Лукомской, Борисовской

и Друцкой волостей у д. Высокий Городец. Здесь же на северо-западном рубеже Друцкой волости существовало и укрепленное поселение (рис. 32). На юго-западе в пределах современного Круглянского района имеется топоним Рубеж на р. Ослик (приток р. Друть). Северная граница Друцкой волости проходила по верховьям рр. Усвейки (укрепленный пункт Усвиж-Бук) и Кривой (топоним Межеево). На востоке, как уже отмечалось, граница между Друцкой волостью и Оршанской отмечена «Рогволодовым» камнем. Датировка камня (1171) косвенно указывает на позднее время сложения этого порубежья. На юго-востоке (территория Шкловского района) вблизи р. Днепр есть два топонима, также отмечающие возможную границу Друцкой волости: Подкняженье и Межник [164. С. 5—13].

2.3.3. Погосты и волости на р. Днепр и волоках

Вполне очевидным является тот факт, что функциональное назначение поселений древнерусского времени иное, чем это было в племенную эпоху. Первоначально данные укрепленные поселения являлись городищами-убежищами либо общинными центрами (в пользу использования исследованных объектов в качестве культовых данных не выявлено). Когда же племенные территории стали подчиняться государственным образованиям, то укрепленные поселения используются для упрочения власти на местах. В целях сбора дани с подчиненных племенных территорий внутри них создаются хозяйственно-административные пункты — погосты, контролирующие определенные округа. Система погостов известна со времени правления киевской княгини Ольги. Есть основания считать, что первые погосты в рассматриваемом регионе также были связаны с деятельностью киевской княгини. Административно-фискальный центр должен был располагаться в гуще платежеспособного населения. Материалы X в. выявлены на поселениях в Черкасово, Киселях-Дымокурах, Старом Шклове, Горах, Шавнево. Укрепленные поселения в Киселях-Дымокурах и Шавнево расположены на волоках. Первое — при переходе из р. Кривая (приток р. Друть) в р. Адров (приток р. Днепр), второе — при переходе из р. Каменка (приток р. Проня) в р. Мерея (приток р. Днепр). Их функции могли быть связаны с контролем на волоковых системах в условиях активного использования водного пути «из варяг в греки».

Как и *Черкасово, Старый Шклов, Горы* также окружены многочисленными и богатыми сельскими поселениями, о чем свидетельствуют сохранившиеся курганные могильники X—XI вв., и могли выполнять роль *погостов*. На волоковом участке (рис. 28), соединяющем погост Черкасово с Друцкой волостью, на р. Соколянке (приток р. Адров) расположено городище *Кисели*, выступающее за линию поселений в сторону Друцкой волости. О наличии волока между реками Кривой (приток Друти) и Соколянкой свидетельствует как название д. Переволочной в современном Толочинском районе, так и большая концентрация раннесредневековых объектов именно на южном участке территории Черкасовского погоста вдоль обоих берегов р. Адров. По конструкции укреплений (дугообразный вал по краю площадки с напольной стороны с дополнительными внешними валами и рвами) городище у д. *Кисели* приближается к Черкасовскому городищу. Его площадка, как и площадка городища у д. Черкасово, была расширена в сторону реки за счет срытия первоначального кольцевого вала третьей четверти I тысячелетия н. э. Однако, как показали исследования

О. Н. Левко в 1988—1989 гг., вещевой материал здесь более разнообразен. Наряду с многочисленной бытовой керамикой X—XII вв., характерной для данного региона, на городище выявлены различные предметы из цветных металлов (пластинчатые браслеты со штампованным орнаментом, проволочные перевитые, литой рубчатый перстень с расширением по центру, ажурная подвеска и др.). В 1950-е гг. здесь найдена литейная форма для лапчатой подвески [8. Рис. 4:4]. Среди бронзовых изделий подковообразные фибулы: спиралеконечная и с расширенными концами округлой в сечении орнаментированной дуги, характерные для западнобалтского региона XI—XII вв. К западнобалтским изделиям относится янтарная бусина, аналог которой встречен в слое XI в. Полоцка. Она неправильной формы, диаметром свыше 3 см при толщине 1—2 см с закругленными краями и отверстием в центре диаметром 4 мм. На городище найдены железная булавка с кольцом скандинавского типа, а также наконечники стрел, фрагмент лезвия меча. К привозным изделиям относятся шиферные пряслица и два стеклянных браслета (византийского производства).

Здесь также могла проходить и граница еще одного *погоста* на правобережье Оршанского Поднепровья с центром на поселении у *д. Старый Шклов* (рис. 28). Площадка городища, расположенного на р. Серебрянка, укреплена подковообразным валом.

На городище в *Старом Шклове* (рис. 24:1) во время исследований автора монографии в 1980 и 2003 гг. выявлена керамика, шиферные пряслица, фрагменты стеклянных браслетов, датируемые X—XIII вв. На площадке селища, отделенной от городища рвом, в 2003 г. также заложен небольшой раскоп, в котором зафиксированы керамика X—XII вв., бронзовая литая пуговица и стеклянный сосуд, вероятно, киевского происхождения. В целом культурный слой городищ-погостов мало насыщен находками. Сближает городище у д. Старый Шклов с городищем у д. Черкасово также наличие дугообразного вала по краю площадки с напольной стороны, повышающегося в центре, и средние размеры поселений. В пользу того, что на прилегающей к нему территории (бассейны рр. Серебрянка, Березовка) в X в. могло располагаться племенное образование, свидетельствует скопление здесь археологических памятников конца I тысячелетия н. э. и находка языческого идола у р. Серебрянка (маркирует древнее святилище).

Наиболее ранние кривичские погребения по обряду кремации, относящиеся к третьей четверти I тысячелетия н. э., выявлены вдоль Днепра у дд. Новые Стайки, Церковище, Прудки [20, 293]. Более поздние погребения, переходные от обряда кремации к ингумации, исследовались у дд. Троица и Дымово [315]. В них кроме кривичских вещей встречены также радимичские семилучевые височные кольца. Материалы исследований поселений и курганов на территории Шкловского района показывают, что здесь формировались территориально-административные образования из разнородного населения. Богатый погребальный инвентарь свидетельствует о высоком уровне развития приднепровской зоны; безусловно, она представляла интерес для налогообложения со стороны киевской власти, контролировавшей путь «из варяг в греки». Поэтому вполне вероятным представляется размещение центра погоста на городище у д. Старый Шклов [190. С. 93 — 98].

Левобережная часть Оршанского Поднепровья осваивалась государственной властью в несколько этапов. В X — первой половине XI в. здесь располагались пункты сбора дани в пользу Киева. Одним из них могло быть поселение

9. Зак. 2024

(погост) у д. Горы современного Горецкого района [29. С. 16]. Удобное расположение на р. Быстрой вблизи крупной водной магистрали (р. Прони) и волока между реками Поросицей и Переволочкой позволяло данному объекту контролировать значительную платежеспособную территорию. Со второй половины XI в. с установлением в Смоленске княжеской власти левобережье Оршанского Поднепровья постепенно переходит под контроль Смоленска [191] и здесь формируются волости княжества, составившие периферию его территории (Копысская, Басея, Мирятичи).

К материалам X—XI вв. с городища *Горы*, исследовавшегося в 1982—1983 гг. Ш. И. Бектинеевым, относятся железные нож скандинавского типа и булавка с кольцом, бронзовые пластинчатый браслет со штампованным орнаментом и височное перстнеобразное кудрявое кольцо (возможно, с территории Венгрии). X—XII вв. датируются стеклянные браслеты киевского происхождения, 8 византийских бус, 1 греческая бусина и 9 киевских, 8 шиферных пряслиц, ряд изделий из кости [29] (рис. 33, 36).

Укрепленные поселения в Киселях-Дымокурах, Черкасово к XIII в. прекращают свое существование. Это связано с тем, что, во-первых, отмирает в XII в. система погостов, уступая место феодальной вотчине. Во-вторых, в это же время вырастают новые административные центры городского типа, к которым переходит управление округой (волостями, удельными княжествами). Передел территорий между государственными образованиями в Восточной Европе сопровождается изменением границ, появлением ряда порубежных крепостей и потерей значимости отдельных участков волоков на водных путях. Все эти факторы способствуют изменению функционального назначения тех укрепленных поселений Оршанского Поднепровья, которые продолжают развиваться в новых условиях.

3.

Образование северо-восточных уделов Полоцкой земли. Развитие их центров в XII—XIII вв.

Складывание периферийных волостей на территории северо-восточного региона Беларуси, их вхождение в состав Полоцкой земли и дальнейшее развитие сопровождалось важными политическими событиями. Эти события нашли отражение в ряде летописей и позволяют в совокупности с материалами археологии проследить процесс образования новых территориально-административных структур, развитие их центров в XII—XIII вв.

3.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ УДЕЛОВ

3.1.1. Два уровня полоцко-киевских военно-политических конфликтов

Сущность военно-политических конфликтов на территории Восточной Европы конца X—XII вв., отраженных в летописях и других письменных источниках, до сих пор не достаточно исследована. Между тем, именно анализ этих конфликтов позволяет выявить их закономерность и определить степень значимости в развитии форм государственности.

Не вдаваясь в критический обзор существующих мнений и гипотез относительно характера взаимоотношений Киевской державы и Полоцкой земли в указанный период, отметим лишь позитивность новейших исследований, направленных на изучение вопросов формирования территорий государственных образований разных уровней, сложения и развития институтов власти, форм собственности. Важное место в этих исследованиях отводится накопленным к настоящему времени археологическим данным, которые в сочетании с письменными источниками позволяют по-новому взглянуть и на полоцко-киевские военно-политические конфликты XI—XII вв.

События 980 г.: нападение новгородского князя Владимира Святославича на полоцкого князя Рогволода, убийство его сыновей, насильное взятие в жены дочери Рогнеды и затем включение Полоцкого княжества в состав Киевской державы — являются началом сложных полоцко-киевских взаимоотношений. Возвратив Рогнеде с сыном Полоцкое княжество в качестве «отчины», Владимир Святославич видел в Изяславе одного из своих наместников и намеренно определил для него резиденцией порубежную крепость Изяславль. Однако, заключив ряд с местной знатью и заняв княжеский стол в Полоцке в качестве преемника своего деда Рогволода, Изяслав тем самым восстановил полоцкую династию и государственность. О реальности княжеской власти Изяслава Владимировича в Полоцке говорит наличие вислой печати Изяслава [353. С. 41, 249]. Обособленность Полоцкой земли от Киевской державы обусловил и «родовой сюзеренитет», по которому дети Изяслава Владимировича, умершего раньше своего отца (1001), не могли претендовать на наследование киевских земель [214. С.156]. С другой стороны, украинский исследователь А. П. Толочко рассматривает «отчину» полоцких князей как выделенное из общеродового имущества владение, право на которое ограничивается исключительно пределами одной ветви княжеского рода. Он считает, что наделение «отчиной» полоцких князей представило их в глазах потомков Ярослава Мудрого чуждым элементом. Не претендуя открыто на полоцкий стол, киевские князья все же добивались политического подчинения Полоцка Киеву военной силой. Об этом свидетельствуют, по мнению исследователя, войны Ярослава с Брячиславом,

Ярославичей с Всеславом, высылка Мстиславом Владимировичем полоцких князей в Византию и т. д. [312. С. 31, 37, 196, прим. 85].

Как же на самом деле развивались события, в чем была причина полоцко-киевских военно-политических конфликтов и каково их содержание?

В первой четверти XI в. политическую власть в Восточной Европе олицетворяли Ярослав Мудрый (сын Владимира Святославича) и племянник Ярослава Брячислав Изяславич (наследник «отчины» полоцких Рогволодовичей). Как признает А. П. Толочко, убеждение в самостоятельном политическом значении Киева как столицы государства сформировалось к концу XI в. А до этого времени он был принцепским (великокняжеским) уделом, главенствующим над всеми остальными землями Руси [312. С. 38]. По-видимому, для представителей полоцкого княжеского дома было очевидным политическое значение Полоцка, раз они не признали принцепским уделом Изяславль.

Борьба между Киевом и Полоцком за упрочение своей политической власти осуществлялась путем расширения государственной территории и установления границ. Это проиллюстрировано военно-политическими конфликтами межгосударственного уровня. В 1021 г. Брячислав совершил успешный поход на Новгород, но на обратном пути был разбит Ярославом Мудрым и потерял богатую добычу. В основе похода лежало желание Полоцка закрепить за собой важные волоки из Западной Двины в Ловать на пути «из варяг в греки», контролируемые Новгородом. Ярослав Мудрый по соглашению с Брячиславом отдает Полоцкой земле Витебск и Усвят — ключевые пункты на отрезке этого пути в Витебском Подвинье. Около 1024 г. состоялась и передача Менска с волостью Полоцкой земле [85. С. 11]. Ю. А. Заяц убедительно обосновал на археологических материалах и используя сведения «Саги об Эймунде» тезис о первоначальной подчиненности Менской волости киевскому князю [86. С. 10].

Ярослав сознавал важность мирных отношений с Полоцком, поскольку Киеву трудно было удерживать под своей рукой обширные владения, а его собственная борьба с братьями и их союзниками за киевский стол еще не завершилась. Поэтому он предлагал Брячиславу равный союз: «буди же с мною един» [240. Т. 8—9. С. 77] и подкреплял свое расположение территориальными уступками. Таким образом, на севере при Брячиславе Изяславиче определилась граница с Новгородом, на юге — с Туровской землей, входившей в киевские владения. На западе к Полоцкой земле были присоединены земли между реками Западной Двиной и Дисной (возведен порубежный город Браслав).

В 1044 г. после смерти Брячислава на полоцком столе ему наследовал Всеслав Брячиславич. Значительная часть времени правления Всеслава Полоцкого сопряжена с военно-политическими конфликтами провокационного характера. Наследников Ярослава Мудрого также не удерживало наличие полоцкого права «отчины» перед их желанием если не расширить владения Киева, то по крайней мере наказать «Рогволожича» за его провокационные действия (нападение в 1066 г. на Псков, в 1067 г. — на Новгород). Однако пленение Всеслава «на Рши» обернулось тем, что в 1068 г. восставшие киевляне посадили его на княжение в Киеве, длившееся семь месяцев. Понимая всю неправомерность этого поступка, Всеслав покинул Киев и возвратился в Полоцкую землю. Но уже Изяслав Киевский направляет войско следом, и в течение 1069—1071 гг. полоцкий стол находится в руках его сыновей Мстислава, а затем Святополка. Всеслав Брячиславич не оставляет борьбы за свое законное право на полоцкий стол и в 1071 г. возвращается в Полоцк. Примечательно,

что хотя полочане и были разбиты под Голотическом третьим сыном Изяслава Киевского Ярополком, Киев не претендовал больше на полоцкий престол. Однако беспокойный характер Всеслава, нападавшего на владения киевских князей, способствовал тому, что в 1077, затем в 1078 г. Владимир Мономах вместе со своим отцом Всеволодом Ярославичем, великим киевским князем, и с его одобрения неоднократно жег и грабил Полоцкую землю от Логожска до Лукомля и Друцка. А в 1084 г. им был захвачен и разграблен Менск.

Итоги периода правления Всеслава Полоцкого были менее значительны для государства, чем при Брячиславе. Территория Полоцкой земли была расширена лишь в западном направлении до Рижского залива по Западной Двине. Внутри страны сменил свое местоположение центр Менской волости (вместо р. Менки он перенесен на р. Немигу). Последние межгосударственные столкновения имели уже оттенок личностных отношений. Так, полоцкий князь Всеслав Брячиславич выделил своему сыну Глебу на родовом праве Менский удел, хорошо понимая, что он не являлся коренной территорией Полоцкой земли и мог быть при случае востребован назад киевскими князьями. А для упрочения связи данного удела с Полоцком Всеслав сватает за своего сына дочь киевского князя Ярополка Изяславича, чем автоматически вызывает неприязнь Всеволода и его сына Владимира Мономаха, политических соперников киевских Изяславичей (поход 1084 г. на Менск).

В XII в. полоцко-киевские военно-политические конфликты все более переносятся во второй уровень межфеодальных отношений, а государственные интересы остаются на заднем плане. На рубеже XI—XII вв. появились объективные предпосылки для качественно новых форм государственности — образования княжеств-уделов на феодальном праве. Это был переходный период, когда уделы, выделенные на родовом праве (в том числе менский), еще сосуществовали с «вотчинами», учрежденными княжеской властью по феодальному праву [198]. Наследование вотчин осуществлялось в пределах семьи их владельцев. Такое постановление вынес Любечский съезд князей (1097), открывший дорогу узаконенной смене родового сюзеренитета новым типом земельного держания — бенефицием. Зависимость таких держаний в первой половине XII в. от стольных городов Киева и Полоцка очевидна. Киевская и Полоцкая волости продолжают оставаться коллективной собственностью всего княжеского рода (причастием) и тем самым сохраняют за собой политический приоритет в государствах. В то же время отдельные ветви княжеских родов, владеющие уделами, ведут ожесточенную борьбу за их расширение и упрочение. Здесь сталкиваются интересы представителей разных государств.

Наиболее показательна борьба клана Мономаха с Глебом Менским. Расширяя территории своих уделов, и Глеб Менский и Мономаховичи нападали друг на друга, разоряя и отнимая города, входившие в пределы их владений. До 1116 г. Глеб Менский овладел Друцком, Оршей, Копысью, присоединив к Менской волости значительную часть Оршанского Поднепровья. На востоке его интересы встретились с интересами Мономаховичей, владельцев Смоленского удела. Второе направление расширения удела Глеба Менского — южное. Здесь он «воева дреговичи и Случеск пожег». Ю. А. Заяц высказал мнение, что как муж Анастасии Глеб мог претендовать на часть наследства Изяславичей в дреговичской земле, которую подчинил себе также Владимир Мономах [85. С. 11]. Ответный поход южнорусских князей на Менск в 1116 г. лишил Глеба Друцка, Орши, Копыси. А в 1119 г. сам Глеб был пленен и умер

в Киеве, а Менская волость отошла к Киевской державе. Важным является тот факт, что переговоры 1121 г. с полоцкими князьями, результатом которых было возвращение Друцка и Орши Полоцкой земле, происходили в Смоленске, т. е. вотчине Мономаховичей [300. С. 133, 134]. Здесь очевидно, что интересы семьи для Владимира Мономаха были на первом месте. Одновременно, видимо, вынашивалась идея вассального подчинения всей Полоцкой земли Киевской державе. Только так можно объяснить масштабный поход, затеянный южнорусскими князьями против Полоцкой земли в 1127 г. Дело закончилось сменой на полоцком престоле Давыда Всеславича, видимо, более покладистым с точки зрения Мстислава Владимировича, Борисом Всеславичем.

Надо полагать, что полоцкие князья обещали «слушаться» великого киевского князя (т. е. выполнять вассальные повинности) и участвовать в его военных походах. Однако на приглашение поучаствовать в совместном выступлении против кочевников-половцев полоцкие князья ответили с издевкой, что им и дома есть что делать. Тот факт, что киевский князь звал «*кривичских*» (т. е. полоцких) князей в *Русскую землю*, указывает на суверенность Полоцкой земли [240. Т. 2. С. 304].

После победы над половцами в 1129 г., когда умер Борис Всеславич, Мстислав Владимирович принудительно выслал в Византию пять полоцких князей с семьями, тем самым препятствуя вступлению на полоцкий стол представителя полоцкого княжеского дома, и посадил своего наместника. Это было наказанием за неприятие Полоцкой землей государственного вассалитета перед Киевом. Однако уже в 1132 г. вновь в Полоцке княжит представитель полоцкого княжеского дома Василько Святославич.

С этого времени на протяжении всего XII в. неуклонно развиваются феодальные отношения, способствующие созданию коалиций на основе брачных союзов и системы вассалитета как внутри государств, так и между отдельными княжескими родами с киевской и полоцкой сторон. Государственность вступает в новую фазу своего развития. Создаются предпосылки для формирования на основе княжеств-уделов крупных политико-экономических территориальных структур — земель. Таким образом, военно-политические конфликты XII в. носят выраженный феодальный характер, где функционирует система сюзеренитета-вассалитета.

3.1.2. Формирование территории уделов

Новейшими исследованиями установлено, что территориально-административные единицы — *уделы*, характерные для периода так называемой феодальной раздробленности, на территории Полоцкой земли начали создаваться в конце XI в.

В годы правления Всеслава Брячиславича (1044—1101) наряду с волостями, которые подчинялись непосредственно Полоцку, появились *волости-уделы*, управляемые старшими сыновьями полоцкого князя. Такое управление, как отмечено Э. М. Загорульским, осуществлялось в виде наместничества [84. С. 72], т. е. *на родовом праве*. Аналогичные по существу, но более ранние по времени уделы (Полоцкий, Новгородский, Смоленский и др.) выделялись в управление в конце X—XI вв. великими киевскими князьями своим сыновьям.

Исследователи называют два удела (волости), выделенные сыновьям Всеслава при его жизни: Менский и Изяславский. При этом отмечается, что удел

представлял собой сложившуюся территориальную, административно-экономическую и военную единицу [85. С. 11]. На рубеже XI—XII вв. эти уделы были исторически сложившимися территориями Менской и Изяславской волостей и граничили с другими волостями в составе Полоцкой земли, центры которых считались «пригородами» Полоцка. Если князь Глеб, которому был выделен Менский удел, известен по летописям, то кому достался Изяславский удел, письменные источники не сообщают. Можно лишь предположить, что управление им осуществлялось тем из сыновей, который готовился сменить на престоле полоцкого князя, по аналогии с Киевской державой, где также существовали «стартовые» уделы. Исследователь Полоцкой земли Л. В. Алексеев на основе материалов археологии, главным образом скоплений курганных могильников, наметил схематически зоны расположения княжеств-уделов. Он же считает, что количество уделов в Полоцкой земле соответствовало количеству сыновей Всеслава Полоцкого, а основу их территории составили малые племена [16. С. 388]. Письменные источники в совокупности с данными археологии позволяют не только уточнить время образования уделов, выделившихся из состава Полоцкой земли, но и проследить характер изменения их территории в процессе развития. Это хорошо видно на примере северо-восточного региона Беларуси.

После смерти Всеслава (1101) Полоцкая земля вступает на тот путь, которым пошла Киевская держава после съезда в Любече (1097). Политический раскол в среде наследников Всеслава и появление *уделов-вотчин на феодальном праве* характеризуют наступление нового периода в ее развитии. Начинают формироваться особые ветви полоцкого княжеского дома — наследники вотчин [195. С. 20—21]. Процесс феодализации общества получает ускорение. Нельзя согласиться с мнением Л. В. Алексеева, что Полоцкая волость являлась личным владением полоцкого князя, и отождествлять ее с уделом [16. С. 388]. В узком смысле «Полоцкая волость», как и «Русская земля», была основой государственной территории и уже по этой причине не могла стать личной собственностью ни одного из князей, занимавших полоцкий стол. Она лишь давала возможность получения дополнительных доходов во время пребывания во главе Полоцкой земли, и поэтому полоцкий стол оставался притягательным для удельных князей в XII—XIII вв.

Что же касается других волостей, которые входили в состав Полоцкой земли, то они возникали по мере расширения государственной территории и использовались полоцкими князьями для создания личных владений. По сообщению В. Н. Татищева, «в 1102 г. Борис Всеславич полоцкий ходил на ятвяг и, победя их, возвратясь, поставил *град* Борисов в свое имя и людьми населил» [300. С. 123]. Белорусско-литовские летописи также подтверждают, что город Борисов на р. Березине «вчинил» полоцкий князь Борис. Подтверждение времени основания города получено и во время археологических исследований в Старом Борисове, проведенных Г. В. Штыховым. Здесь выявлены напластования XII—XIII вв., показывающие значительность данного населенного пункта [342. С. 101].

В основу волости, центром которой стал «град» Борисов, была положена небольшая территория, сформировавшая еще в племенную эпоху. Сам город был заложен на левом берегу Березины, а его волость располагалась вдоль обоих берегов реки в верхнем ее течении. На пограничье Лукомльской, Друцкой и Борисовской волостей возле современной д. Высокий Городец Толочинского района находился Борисов камень.

Создание Борисовской волости представляет интерес для данного исследования по нескольким причинам. Во-первых, это свидетельство того, что в центре государственной территории была создана личная вотчина полоцкого князя, занимающая достаточно обширную зону. Во-вторых, этим князем являлся Борис Всеславич, потомки которого известны по письменным источникам как владельцы Друцкого удела. И, в-третьих, летописи второй половины XII в. сообщают о том, что менские князья Глебовичи, временно одержавшие перевес над Борисовичами, вынуждены были не только возвратить Рогволоду Борисовичу Друцк с волостью, но и «прида волости Рогволоду». Есть основания полагать, что на стадии формирования территории Друцкого удела Борисовская волость была связана с Друцкой волостью в качестве вотчины князя Бориса. Косвенным подтверждением данному предположению может служить тот факт, что в начале XVI в. Борисовская волость занимала левобережье р. Березины, т. е. она непосредственно примыкала к территории Друцкой волости и была, видимо, той частью вотчины Бориса, которую Глебовичи возвратили Рогволоду Борисовичу. Остальная часть Борисовской волости (правобережная) вошла в состав менских владений [198]. Территория Менского повета XVI в. почти полностью соответствовала Менскому уделу, выделившемуся окончательно из состава Полоцкой земли после 1185 г. [85. С. 14].

Как уже отмечалось, начало дроблению территории Полоцкой земли было положено самим Всеславом Брячиславичем, который отдал в управление сыновьям два удела. Но эти уделы, выделенные еще на родовом праве, не являлись их собственностью. Исследователи отмечают, что на каком-то этапе прослеживается сосуществование уделов ранних, выделенных на родовом праве, с уделами, созданными на феодальном праве. Однако в дальнейшем при развитии феодальных отношений ранние уделы становятся по существу равнозначными феодальным уделам [214. С. 155].

Князь Борис создал волость-вотчину, находясь во главе Полоцкой земли. С этого момента менский князь Глеб начинает предпринимать активные меры к расширению территории удела, полученного им в управление от отца. Весь комплекс военно-политических событий, связанных с борьбой между Глебом Менским и его могущественными противниками — кланом Мономаховичей, позволяет рассматривать их как стремление феодальных собственников расширить и упрочить личные владения. Глеб Менский распространяет власть на значительную часть территории Оршанского Поднепровья. Не случайно во время опустошительного похода Мономаховичей на Менск в 1116 г. ими были взяты крепости-«грады» Копысь, Орша, Друцк. Следовательно, эти центры вместе с волостями подчинялись или входили в пределы удела князя Глеба в первые два десятилетия XII в. Но победившим Глеба Менского Мономаховичам в 1119 г. отошел Менский удел лишь в пределах первоначальной территории Менской волости.

Анализ письменных источников, касающихся сложившейся политической ситуации, позволяет сделать следующие выводы. В первой четверти XII в. интересы Мономаховичей, чьим уделом в составе Киевской державы становится Смоленское княжество, сталкиваются с интересами удельного князя Полоцкой земли Глеба Менского, расширившего свое влияние на Друцкую волость и сопредельные с ней территории правобережья Оршанского Поднепровья. Западная граница Смоленского княжества в это время доходит до р. Днепр, где возводятся укрепления на поселении в Копыси, что подтверждается археоло-

гически [83]. Если строительство крепости Копысь связывать с Мономахом, ставшим смоленским князем в 1101 г., то возведение крепости Орша на противоположном правом берегу Днепра мог осуществить между 1104 и 1116 г. Глеб Менский с целью противостоять дальнейшему расширению Смоленских владений на запад. Видимо, до 1116 г. он захватил и Копысь с волостью, что могло вызвать поход Мономаховичей и утрату Полоцкой землей территории Менского удела, а сам князь Глеб поплатился жизнью.

Сообщение В. Н. Татищева о том, что в 1121 г. «Владимир, князь великий, был с детьми своими в Смоленске для рассмотрения несогласий и усмирения Полоцких князей» [300. С. 134], расценено Л. В. Алексеевым как свидетельство беспомощности полоцкого княжеского дома перед лицом великого киевского князя [8. С. 258]. На самом деле в данном случае речь шла не об интересах Киевской державы, а об интересах удельных смоленских князей — Мономаховичей. Установление границы по р. Днепр между Полоцкой землей и Смоленским княжеством, отмеченное рядом крепостей с материалами XII—XIII вв., по мнению О. Н. Левко, было компенсацией за утрату Полоцкой землей Менского удела [191. С. 175]. Поскольку в Уставной грамоте 1136 г. смоленского князя Ростислава Мстиславича среди городов, выплачивающих десятину Смоленской епископии, названа крепость Копысь, то, видимо, она была возвращена Смоленску.

Поход коалиции южнорусских князей на Полоцкую землю в 1127 г. показывает степень значимости каждого из четырех пограничных пунктов, на которые были нацелены определенные военные силы. Наибольшее число войск приходится на Изяславль, вторым по значимости является Борисов, в ранге обычных крепостей выступают Друцк и Логожеск. Следовательно, лишь в первых двух пунктах ожидалось сопротивление князей с их дружинами. В Изяславле это был сын полоцкого князя Давыда Брячислав, а в Борисове — бывший полоцкий князь Борис. В Друцке и Логожеске в тот период времени удельных князей не было. Подробное описание Л. В. Алексеевым культурных напластований друцкого детинца [8. С. 152—153] не оставляет сомнений в том, что *«вплоть до 30-х годов XII в. жизнь в Друцке не была интенсивной»*. Поэтому не совсем ясно, на чем основываются выводы данного исследователя, сделанные в одной из его последних публикаций [15. С. 12], где утверждается, что князь Борис «мог сидеть» в Друцке уже в XI в. Исходя из письменных свидетельств и материалов археологии, можно полагать, что *начало Друцкому уделу* было положено действительно князем Борисом, но лишь после его второго вокняжения в Полоцке. Заняв полоцкий стол, князь Борис, видимо, присоединил к Борисовской волости (его вотчине) Друцкую волость, ранее находившуюся под рукой Глеба Менского. В это время не было других претендентов на ее территорию. Однако закрепить восточную границу удела уже пришлось его сыну Рогволоду (Василию), который в 1140 г. вернулся из византийской ссылки.

События 1130-х гг. послужили началом нового этапа в политической истории и территориально-административном развитии Полоцкой земли. После ссылки полоцких князей в Византию и короткого периода управления Полоцкой землей киевскими наместниками, в 1132 г. полоцким князем становится Василько Святославич, сын Святослава Всеславича, в числе других сосланного в Византию. По мнению Л. В. Алексеева, он правил Полоцкой землей до 1146 г. [8. С. 267]. Летописи второй половины XII в. связывают наследников Василька Святославича с Витебском. Это позволяет предположить, что именно в прав-

ление князя Василько в Полоцке и был создан *Витебский удел.* Допускаемый некоторыми исследователями переход витебской волости в качестве удела самому младшему из сыновей Всеслава — Святославу в начале XII в. базируется на расхожей версии о соответствии числа уделов Полоцкой земли количеству сыновей полоцкого князя. Ни письменные источники, ни археологические материалы не позволяют поддержать эту версию. Напротив, по археологическим данным, значительные перемены в развитии Витебска наблюдаются лишь с 1140-х гг. [96. С. 57]. Первоначально территория Витебского удела могла состоять из Витебской, Усвятской волостей и тех частей (бывших погостов), которые размещались на территории современного Городокского района. Возможно, эти части вошли в состав Витебской и Усвятской волостей в течение XI — первой половины XII в.

Внутренние и внешнеполитические обстоятельства, общий ход развития феодальных отношений во второй половине XII в. содействуют переменам в территориальном развитии образовавшихся уделов Полоцкой земли. Наследники Глеба, Бориса, Василька ведут борьбу за верховную власть в Полоцке, усиливая уже существующие противоречия, подталкивая Полоцкую землю к окончательному распаду. С 1146 по 1151 г. полоцкий стол находился в руках Рогволода Борисовича Друцкого. Но с помощью политических интриг его место занимает Ростислав Глебович Менский, правивший Полоцкой землей до 1158 г. В течение этого времени Глебовичи закрепляются на всех ключевых позициях. В Менске сидит брат Ростислава Глебовича Володарь, в Изяславле второй его брат — Всеволод. Друцкий удел занял сын полоцкого князя Глеб Ростиславич. После возвращения Рогволода Борисовича на княжение в Полоцк (1158—1162), он восстановил свои права на Друцкий удел, хотя, как уже отмечалось, и потерял правобережную часть Борисовской волости — отцовской вотчины.

Витебский удел с 1165 г. вступает в особые отношения со Смоленским княжеством, из состава которого примерно в это же время выделился Торопецкий удел, примкнувший к Новгородской земле [13]. Допустимо, что союз Смоленского княжества с Витебским уделом был вызван двумя причинами. Во-первых, занявший с 1162 г. полоцкий стол Всеслав Василькович Витебский нуждался в сильной поддержке извне в своей борьбе за верховную власть с внутренними противниками. Во-вторых, Смоленское княжество, утратив Торопецкий удел, могло рассчитывать на прирост территории за счет ближайших соседей. Именно такими мотивами можно объяснить временное управление Витебским уделом одного из смоленских князей Давыда Ростиславича.

В этот период, видимо, расширилась территория Витебского удела, к которому была присоединена и Оршанская волость. Таким образом закладывается основа территории будущей *Витебской земли.* Не случайно, именно в 1171 г. друцкий князь Рогволод устанавливает межевой камень на границе своих владений с Оршанской волостью. Смерть смоленского князя Романа Ростиславича (1180) вынуждает Давыда Ростиславича возвратиться в Смоленск. К этому времени все ключевые позиции на территории Полоцкой земли находятся в руках Васильковичей. В самом Полоцке сидит Всеслав Василькович. Его брат Брячислав княжит в Витебске, сын Брячислава — Василько сидит в Изяславле. Вполне понятно стремление полоцких князей не допустить теперь уже союза Друцкого удела со Смоленским княжеством, который наметился после распада подобных связей с Витебском. Этими причинами можно объяснить

последний объединенный поход всех полоцких сил в 1180 г. на Друцк в защиту целостности территории Полоцкой земли.

В конце XII в. *княжества-уделы*, выделившиеся из состава Полоцкой земли, развиваются полностью самостоятельно. Как отмечает М. К. Любавский, политические группировки городов и волостей, сложившихся в удельное время, были устойчивыми и в начале XVI в. [180. С. 60—61]. С выходом из состава Полоцкой земли увеличивается и территория Друцкого удела за счет расширения в юго-восточном направлении. Достоверно определить южную границу Друцкого удела конца XII в. не представляется возможным. Некоторые исследователи считают, что порубежной крепостью Друцкого удела в XII в. был Могилев [200. С. 183—184]. На присутствие на территории его городища княжеской администрации могут указывать находки днищ сосудов с «трезубцами», аналогичными княжескому знаку с шиферного пряслица, обнаруженного в Друцке. Наличие воинов-профессионалов подтверждается находками вооружения и миниатюрного топорика-амулета.

3.2. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ. ГЕНЕЗИС ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

3.2.1. Социальный состав населения IX—XIII вв.

Необходимость использовать материалы погребальных памятников для выяснения социальной структуры того или иного общества отмечали многие исследователи [19. С. 50; 126. С. 25]. Подавляющее большинство курганов, исследованных в пределах рассматриваемого в монографии региона, принадлежит кривичам. В то же время отдельные элементы могильников указывают на его сходство с соседними территориями, что вполне объяснимо как миграцией населения, так и заимствованиями.

Исследователи отмечают невозможность в большинстве случаев дать социальную интерпретацию погребальных объектов. Это связано как с плохой их сохранностью, так и слабой выраженностью сопровождающего инвентаря, неясностью деталей обряда. Тем не менее, существуют отдельные погребения или могильники, которые взяты за основу в реконструкции социального облика населения раннесредневекового периода на территории Восточной Европы. Выделены так называемые *дружинные могильники, княжеские усыпальницы, погребения с рабами, погребения зависимых крестьян, купцов, ремесленников* и др. Подходы в определении социальной сущности этих захоронений разносторонние и не лишены субъективности, так как каждый исследователь дает свое толкование тем или иным наборам вещей и элементам обрядности.

Рассматриваемый регион также имеет ряд погребений, которые можно связывать с определенными категориями населения, выделяя те или иные признаки для их обозначения. Автор монографии пробует сопоставить имеющиеся данные с материалами смежных территорий, учитывая опыт других исследователей в их интерпретации.

Материалы погребений рядового населения, как зависимого, так и свободного, как правило, не указывают на имущественное различие общественных групп, известных по письменным источникам. В то же время ряд погребений выделяются из общей массы деталями, сближающими их с захоронениями, принадлежащими, несомненно, верхнему социальному слою. Это может быть

связано как с распространением по сельской периферии элементов городской культуры, так и с существованием прослойки, порожденной социально-экономическим и политическим развитием общества. Данные захоронения могут принадлежать лицам, занятым не сельским хозяйством, а ремеслом и торговлей, имеющим непроизводственные профессии.

Существует несколько распространенных ритуальных особенностей, в ряде случаев подкрепленных этнографическими данными, материалами нумизматики и т. д. Так, различия в украшениях и элементах костюма (главным образом головной убор) в рядовых женских захоронениях связаны с возрастом погребенных. А наличие в мужских погребениях шейной гривны (железной или серебряной) — характерный элемент костюма представителя высшего слоя общества. В одном из курганов могильника у д. Дроздово Толочинского района частично кремированное мужское захоронение сопровождалось железной гривной и проволочным серебряным браслетом с эсовидным завитком. Рядом с ним находилось безынвентарное погребение слуги. Для богатых славянских погребений (мужских и женских) характерна постановка у ног *деревянного ведра*, в котором находился мед или вино. Деревянные ведра зафиксированы более чем в 50 погребениях на территории Беларуси. Иногда их заменяет ведерко из бересты, глины. На территории Оршанского Поднепровья деревянные ведра находились у ног при богатых парных погребениях у дд. Багриново, Волковичи, Взносное, Дроздово Толочинского района; в одиночном у д. Черкасово Оршанского района. В кургане у д. Замошье Толочинского района обнаружено маленькое глиняное орнаментированное ведерко с ушком [77. С. 49—53; 139. С. 80]. Эти находки датируются не позднее первой половины XI в.

Вторая категория находок, выделяющаяся среди обычных погребальных наборов, — складные *весы и гирьки*. Исследователи подчеркивают принадлежность этих атрибутов социальной верхушке общества, дружинно-торговому слою, неоднородному в этническом отношении (финно-угры, славяне, скандинавы) [277. С. 146]. В то же время такие находки были сделаны и в погребениях без оружия. Эти захоронения вполне могут указывать на *зарождение купечества* в местной среде. В Оршанском Поднепровье погребение с набором гирек-разновесов, чашечками весов выявлено в могильнике у д. Дроздово в кургане № 3. Здесь же находились нож и горшок, датирующие погребение [140. С. 13].

Курган № 3 могильника у д. Дроздово по характеру обряда погребения аналогичен кургану № 13 этого же могильника и выделяется среди других насыпей наличием ритуального повторного кострища над погребенным, содержащего ряд предметов. Так, в кургане № 3 весовые чашечки были помещены в кострище над мужским погребением, расположенным на подсыпке. В то время, как гирьки, нож и горшок находились рядом с погребенным.

В кургане № 13 на подсыпке располагался погребенный, при котором выявлены топор, нож, кресало с кремнем. На кострище над костяком были помещены ключ, две железные пряжки, два кресала с кремнем, миниатюрный бронзовый рыболовный орнаментированный крючок, медорезка и еще два железных неопределимых предмета. Наличие ритуального кострища над погребенным обычно указывает на проведение тризны. Вещи, положенные в костер, должны были, видимо, символизировать признание за погребенными их особого положения. Если весовые чашечки указывают на занятие торговлей, то вещи, представленные в кургане № 13, отражают какую-то *административно-хозяйственную должность* умершего.

Женские погребения Оршанского Поднепровья помимо украшений содержали предметы, указывающие на их род занятий. Так, в кургане у оз. Ореховское Оршанского района в одном из женских погребений могильника № 5 было найдено шиферное пряслице у пояса, а в курганах у д. Багриново Толочинского района женские погребения сопровождались серпами (X—XI вв.) [146. С. 41].

Захоронения с монетами также характеризуют представителей привилегированных прослоек общества и представлены двумя видами. К первому относятся единичные монеты либо их обломки, которые присутствуют в погребениях с трупосожжениями. По мнению исследователей, это «оболы мертвых», т. е. плата за проникновение «на тот свет», не характерные для славянского населения [277. С. 147]. Половинка дирхема была зафиксирована в погребении с трупосожжением у оз. Луговое на окраине г. п. Городка Витебской области [140]. Ко второму виду относятся монеты-подвески, использовавшиеся в качестве украшений. В Оршанском Поднепровье у д. Багриново выявлено парное захоронение. Женский погребальный инвентарь включал шесть серебряных проволочных височных колец с закрученным наружу эсовидным концом, набор различных бус для ожерелья, витой серебряный браслет с завязанными концами и сканным перевитьем, бронзовый пластинчатый перстень, железный нож с деревянной рукояткой. Возле черепа располагались четыре саманидских дирхема. Наиболее ранняя монета датируется 906 г., поздняя — 969 г. У ног женского захоронения располагалось деревянное ведро. При мужском погребении найдены боевой топор X—XI вв., биллоновая подковообразная застежка и нож с костяной рукояткой. В насыпи этого кургана также выявлены часть кожаного ремня с бронзовой накладкой и кольцом для подвешивания, маленький бронзовый пластинчатый браслет со звериными головками, два сосуда, один из которых с клеймом на днище [282]. Саманидский дирхем-подвеска 914 г. был выявлен Е. Р. Романовым в 1893 г. при раскопках кургана высотой более 4 м у д. Вядец Сенненского уезда. Рядом с трупосожжением находился поясной набор из бронзовых накладок. В основании кургана — дубовая колода [231. С. 11].

Значительный интерес представляют погребения, которые выделяются среди других характером захоронения. Рассматривая курганные древности Заславских некрополей, Ю. А. Заяц выделил ряд захоронений, которые интерпретировал как принадлежащие *зависимому населению и рабам*. В качестве одного из признаков социального положения этих людей он считает наличие в курганах нижней части сосудов с клеймом владельца. Исследователь не исключает возможности выявления в других регионах целых сосудов с клеймом в погребениях зависимого населения [87. С. 140]. Если принять этот признак в качестве показателя зависимого состояния погребенного, то, видимо, наибольшее число социально зависимых людей захоронено в могильнике у д. Черкасово. Здесь во время раскопок выявлено значительное число сосудов с клеймами на днище. В кургане № 12 могильника у д. Дроздово также при трупосожжениях найдены горшки с клеймами на днищах.

К погребениям с рабами в Оршанском Поднепровье можно отнести несколько захоронений. Одно парное трупоположение в могильнике у д. Багриново преставлено *основным мужским костяком*, ориентированным головой на запад и лежащим на небольшой (0,2 м) подсыпке. Слева располагались калачевидное кресало со следами ткани, железный нож. Справа от костяка находился железный топор, на поясе — подковообразная бронзовая пряжка. Ниже мужского погребения, на уровне горизонта выявлено женское захоронение,

также ориентированное головой на запад. Правая нога была согнута в колене, левая вытянута. Погребение сопровождал богатый инвентарь: шесть серебряных браслетообразных височных колец с завязанными концами, скопление бус из сердолика, синего стекла и бисера, ритуальный ножик с деревянной рукояткой [282].

Второе парное трупоположение зафиксировано в кургане № 3 у д. Взносное. *Основное мужское погребение* было выявлено на материке, ориентировано головой на запад. При нем найдены нож, калачевидное кресало и лировидная пряжка. Под мужским погребением, отделенное от него зольной прослойкой толщиной до 0,5 м, в углублении в материке располагалось женское захоронение, также ориентированное головой на запад. Погребение сопровождалось серебряными перстнями (один — пластинчатый рельефный, второй — пластинчатый с завязанными концами), бронзовым браслетом с завязанными концами, стеклянными бусами, тремя бронзовыми перстнеобразными височными кольцами. У ног погребенной выявлен горшок.

Третье парное трупоположение выявлено в кургане № 4 у д. Взносное. На подсыпке располагалось *основное женское захоронение,* ориентированное головой на юго-запад. В ногах найдены железная дужка от деревянного ведра и четырехугольная бронзовая орнаментированная накладка. На горизонте располагалось безынвентарное мужское погребение, ориентированное головой на север [284].

Четвертое парное трупоположение раскопано у оз. Ореховское в курганной группе № 5. *Основное женское захоронение,* ориентированное головой на запад, располагалось в центре кургана на подсыпке толщиной 0,1 м со следами обжига. При нем выявлена золоченая бочонкообразная бусина. У ног женского погребения на уровне горизонта на необожженной площадке размещалось безынвентарное мужское захоронение, ориентированное головой на север. Поза погребенного (согнутые в коленях, как бы связанные ноги), дыра в черепе позволяют предположить насильственную смерть [146. С. 39].

Таким образом, у приведенных погребений прослеживаются несколько схожих признаков. Во-первых, одно из захоронений в них является основным, выделяясь своим расположением и более значимым сопровождающим инвентарем. В тех случаях, где мужское захоронение было основным, женские погребения хоть и имели богатые украшения, но находились в подчиненном состоянии. Это позволяет предположить погребения хозяина с рабыней. Во втором случае на превосходство женских погребений указывали их расположение, а также наличие ведра и золоченой бусины. Мужские погребения были безынвентарны и имели северную ориентацию. Третья отличительная черта этих погребений в том, что в одном случае у женщины, а во втором у мужчины (оба захоронения подчиненные) были согнуты ноги в коленях. Возможно, эти признаки указывают на принадлежность данных захоронений к разряду рабов.

Подводя итог, следует отметить, что в ряде случаев в могильниках рассматриваемого региона были выявлены *мужские погребения, которые можно связывать с дружинным слоем.* Прежде всего это погребения, в которых найдены удила (оз. Ореховское, курганная группа № 5), боевые топоры, фибулы, поясные накладки и другие предметы, характерные для дружинных захоронений. Однако эти погребения произведены в могильниках, где присутствуют и другие социальные категории населения. Возможно, это те дружинники, которые выполняли свои служебные функции в пользу князя в сельской местно-

сти (например: сбор дани или охрана посаженных на землю рабов). Мало вероятно, чтобы в начале XI в. дружинники уже наделялись землей и были похоронены в общинном некрополе в качестве землевладельцев.

Следует также учитывать тот факт, что с внедрением на территорию Восточной Европы христианства погребальный обряд претерпевает ряд существенных изменений. Процесс христианизации погребального обряда был достаточно длительным. В первую очередь христианство утвердилось в Среднем Поднепровье и нашло отражение в его могильниках уже в конце X—XI в. [208. С. 81—104]. У кривичей Поднепровья языческая обрядность (кремация) охватывает IX—X вв. и продолжает сосуществовать с элементами христианской обрядности (ингумации) в течение XI в. [332]. Для населения Верхнего Поднепровья на ранней стадии христианизации характерны: разведение костра на месте погребения, помещение умершего на кострище преимущественно головой к западу, устройство для него домовины из бревен или обкладки из древесной коры, строго обязательное положение рук вдоль туловища, помещение вместе с умершим различных вещей, украшений, пищи в сосуде [270. С. 115]. Утверждение христианских канонов, унификация погребального обряда (наличие погребальной ямы, деревянного гроба или колоды, западная ориентировка умершего при положении рук на груди или животе, отсутствие сопровождающего инвентаря) существенно влияли на отражение социальной сущности захоронений. В связи с этим в могильниках второй половины XI—XIII в. сложно выделить погребенных по их принадлежности к определенному общественному слою. Поэтому материалы могильников, используемые для изучения социальной структуры общества, эффективны и достоверны лишь в сочетании со сведениями письменных источников.

Письменные источники отражают расслоение общества через сложный механизм политических и экономических преобразований. На смену общинному строю приходят государственные структуры власти и подчиняют себе племенные образования. В жизнь племен вмешивается государственный аппарат управления и сбора дани. Во главе государства стоит князь, опирающийся на наемную, неоднородную в этническом и социальном отношении дружину. Политическое развитие общества осуществляется параллельно с экономическим.

В развитии социальных институтов раннего средневековья можно выделить два периода. *Первый из них охватывает IX — начало XI в. и характеризуется переходом от племенных княжений к раннегосударственным образованиям.* Он содержит в себе все социальные категории населения, соответствующие этим политическим структурам. Высшими категориями в обществе были *князь и княжеский род,* из которого мог происходить новый глава племени. «Вы не князья и не княжеского рода», — сказал Олег Аскольду и Диру, тем самым отвергая их полномочия на руководство княжением [239]. Династическое правление в Восточной Европе и постепенное преобразование племенных княжений в раннегосударственные структуры связано с Рюриком, который не вышел из местного «княжеского рода», а был поставлен над княжениями по договору («ряду»). Его ближайшее окружение составили «мужи». Эта категория включала как высшую племенную знать (бояр), так и служилую верхушку, представленную верхним эшелоном наемной дружины. Из этого слоя выходили наместники, воеводы. В противовес высшему слою общества низший слой именовался «людьми». Этот термин еще не раскрывал всех категорий населения данного слоя, существовавших в IX — начале XI в. Огосударствление зе-

мель, принадлежавших свободным общинникам, способствует расслоению населения на богатых и бедных, свободных и зависимых. Особо выделяются ремесло и торговля. Формируется аппарат управления хозяйственными структурами.

Все эти преобразования нашли свое выражение в законодательных актах. По Краткой редакции Русской Правды, термин «люди», ранее обозначавший всю основную массу сельского и городского населения Киевской Руси, относится преимущественно к свободным крестьянам-общинникам. Пространная редакция Русской Правды (сложившаяся в конце XI—XII в.) уже употребляет этот термин для зависимых крестьян. В этом документе есть сведения о «боярском тиуне», «боярском рядовиче», «боярских холопах». Наиболее многочисленную группу сельского населения представляли княжеские данники — «смерды», известные по письменным источникам с XI в. Упоминаются также частично свободные «закупы», связанные «рядом» — «рядовичи», порвавшие с общиной «изгои».

Низшее звено в общественной иерархии — рабы. Договоры начала X в. киевских князей с Византией отражают древние правовые нормы, называя рабов «челядью». Сохранившаяся в составе Краткой редакции Русской Правды Древнейшая Правда начала XI в. содержит статьи, показывающие, что рабы являлись объектом купли-продажи, собственностью своего владельца. С дополнениями «о плоде» (потомстве) челяди, передаваемом по наследству, эти статьи воспроизведены и в Пространной Правде (ст. 32, 99). Значительную часть челяди составляли пленные, которые могли посредством выкупа перейти в состав зависимых (вотчинных) крестьян. С понятием «челядин» в раннем средневековье соотносится понятие «холоп». Краткая Правда называет среди должностей княжеской администрации, исполняемых несвободными людьми, сельского старосту и ратайного (ст. 24), а Пространная редакция — сельского тиуна и ратайного (ст. 13). К холопам относились тиун или ключник без заключения «ряда» (договора).

Второй период в развитии социальных институтов связан с формированием основы будущих сословий и охватывает XII—XIII вв. Развитие феодальных отношений выразилось в наличии широкого спектра представителей не только низшего, но и высшего слоя общества, что требовало приведения их значимости и взаимоотношений в определенную систему. В этот период оформляется *институт вассалитета*. Каждый князь-вотчинник являлся верховным распорядителем в своем уделе, имел свои суд и войско. Ему подчинялись местные бояре и дружинники, получившие от него «в кормление» земельные наделы. Наиболее богатые из них также имели свои дружины и служили князю [195. С. 20—21]. *Дружина в XII—XIII вв.* также является многоступенчатой организацией, деятельность которой была направлена на разные области политической и хозяйственной жизни. Она представляет собой по существу основу военно-служилого сословия. *Старшая дружина* состояла из «мужей» и «бояр», известных с предыдущего периода и занимавших высшие военно-административные дожности в государстве. *Младшая дружина* охватывала низших по служебному рангу воинов. Они были ниже бояр: «детские», «дети бояр». Однако могли выполнять судебно-административные обязанности, были телохранителями князя («гридни»). Службу по дому выполняли «отроки» — рядовые дружинники [124]. Свободное и зависимое население городов и сельской округи было организовано в «ополчение» и «городовые дружины».

Таким образом, в XII—XIII вв. дружина имела развитую служебную и социальную иерархию, ее функции значительно расширились и она перестала быть только военной организацией. В свою очередь, представители верхушки дружины и местное боярство интегрировали в *институт княжеского двора, который составил основу сословия светских феодалов.*

3.2.2. Генезис феодальных отношений

Развитие различных социальных категорий населения было связано с формированием земельной собственности. В Восточной Европе этот процесс охватывает два этапа. Источники сохраняют лишь отрывочные сведения, позволяющие реконструировать механизм формирования феодальных землевладельческих структур на территории Полоцкой земли и в том числе рассматриваемого региона [197].

IX—XI вв. характеризуются преимущественно переходом к государственной форме собственности и ее упрочением. Свободные общинники соседних земель обкладывались *данью*, которая затем превратилась в феодальную ренту [93]. Система сбора дани через «полюдье» в середине X в. была заменена «повозом», дань доставлялась в особые центры сбора — *погосты.*

В X—XI вв. имел распространение так называемый *вассалитет без ленов*, когда представителям высшей знати князь давал право сбора дани в их пользу с каких-нибудь волостей. При этом земля являлась государственной собственностью, а князь — ее верховным распорядителем. В Полоцкой земле наличие печати, скрепляющей поземельные акты, у Изяслава Владимировича свидетельствует о его полномочиях относительно волостей, входивших в ее состав. Исследователи высказывают предположение, что племенное боярство могло иметь собственные земельные наделы раньше, чем их получили князья, которые возглавляли государство [176. С. 95]. Возможно, именно племенное боярство Полоцкого княжества заключило «ряд» с Изяславом Владимировичем, пригласив его на княжение в Полоцк. Оно же дало согласие и на выделение земель из общинного фонда для княжеской семьи. Эти земли составили основу *княжеского домена.*

В XII—XIII вв., на втором этапе генезиса феодальных отношений помимо княжеского домена получает дальнейшее развитие боярская вотчина и формируется церковное землевладение.

Княжеский домен помимо общинной земли, выделенной князю в личное пользование при вступлении в управление государством, уже включает земли, вновь приобретенные путем расширения государственной территории и на которые не распространялась власть родоплеменной знати. Доходы князя делятся на временные, получаемые с государственных волостей, пока он ими управляет, и на постоянные, получаемые княжеским родом с домениальных владений [224]. В этой связи становится очевидным, почему велась ожесточенная борьба за расширение территорий на первом этапе развития государственных структур и как каждый представитель правящего княжеского дома стремился расширить свои личные владения в общедомениальных и за счет приращивания чужих владений.

Боярская вотчина сформировалась на основе земельных владений родовой знати и тех «кормлений», которыми князь наделял служилую элиту. Иму-

щество бояр обозначалось терминами «жизнь», «село», «дом». В научной литературе принято связывать небольшие укрепленные поселения-«городки» с местами обитания владельцев или держателей небольших сельских округов, состоящих из нескольких сел. О «жизни» друцкого князя Рогволода и его дружины известно из сообщения Ипатьевской летописи под 1159 г.

Церковное землевладение начало развиваться на основе пожертвований княжеских родов из личных владений. С конца X в. церковные учреждения существовали лишь за счет десятины, принцип формирования которой был определен Уставом Владимира Святославича [348]. Со временем к церковной десятине стали добавляться земельные угодья и другие княжеские пожертвования с учетом значимости данного храма. Вкладная запись к Друцкому Евангелию (первая половина XIV в.) дает представление о подобных «дарениях»: «Да дал святеи Богородице село Моравьничи и с людьми и со всеми пошлинами и с медовою данью и с селищи и с пожьнями, что ис того села заведають. А то ис тои дани пошлина шла ключнику, та пошлина понамарю, которыи служить у святыи Богородици». Тем не менее, церковные владения еще долго оставались незначительными. В дарственных грамотах епископиям и отдельным храмам фиксируется иммунитет земельного собственника. Так, в грамоте Смоленской епископии (1130-е гг.) говорится о передаче ей «прощенников ... с медом, и с кунами, и с вирами, и с продажами», т. е. с полным податным и судовым иммунитетом. Передавая Евфросинии Сельцо под Полоцком, полоцкий епископ Илья в присутствии князей Бориса и Георгия сказал: «Се отдаваю Еуфросинии место Святого Спаса при вас, да по моем животе никто же не посудит моего даниа».

3.3. ТИПОЛОГИЯ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Исследователи укрепленных поселений древнерусского времени обычно, учитывая визуальные данные и географическое положение, при минимуме археологической информации выделяют общинные центры, городища-убежища, святилища VIII—X вв., часть из которых на протяжении XI—XII вв. становятся городами, замками, крепостями, феодальными дворами. Для каждой из выделенных по функциональной принадлежности категорий памятников существует набор обязательных признаков, позволяющих различать их. В то же время не всегда эти признаки выражены в достаточной степени, ибо укрепленные поселения могут проходить несколько стадий в своем развитии и не каждая стадия приобретает завершенную форму.

Для того чтобы с большей достоверностью определить характер памятника на каком-то временном отрезке, необходимо располагать не только материалами его археологического исследования, но и учитывать место данного объекта в развитии территориально-административной структуры региона в целом. Важным фактором в определении сущности укрепленного поселения является анализ военно-политического, хозяйственно-экономического развития региона, в котором он находится, и взаимосвязи данного региона с прилегающими территориями.

Игнорирование какой-либо части составляющих исторического облика региона в рассматриваемый период способствует упрощенному толкованию сущности происходящих в нем процессов и неверной характеристике отдельно

взятых объектов. В наиболее изученной части региона северо-восточной Беларуси — Оршанском Поднепровье для X—XIII вв. характерно присутствие ряда укрепленных поселений, расположенных непосредственно по берегам Днепра либо на некотором удалении от него на крупных притоках. Из исследовавшихся археологически объектов вдоль течения Днепра расположены укрепленные поселения у д. Днепровка (Германы), д. Стражево, д. Устье. На притоках Днепра расположены укрепленные поселения у д. Кисели-Дымокуры (р. Соколянка, приток р. Адров), д. Черкасово (р. Почалица, приток р. Оршицы), д. Старый Шклов (р. Серебрянка), дд. Горы и Шавнево (на реках Быстрая и Каменка — притоках р. Прони).

Культурный слой укрепленных поселений, как правило, содержит материалы племенной эпохи и древнерусского времени. О наличии преемственности этих напластований говорить сложно. Лишь на городище у д. Кисели-Дымокуры выявлены керамические материалы, которые могут связывать между собой поселение племенной поры (IX—X вв.) и древнерусское. Курганные древности этой зоны свидетельствуют о взаимосвязи южного населения, занявшего ее во второй половине I тысячелетия н. э., и кривичей, проникших в Оршанское Поднепровье в последней четверти I тысячелетия н. э. [165. С. 21]. Однако этнический аспект, несмотря на значительную выраженность кривичских древностей в курганных могильниках сельского населения региона XI — начала XII в., теряет смысл при рассмотрении материальной культуры укрепленных поселений этого времени. Состав вещевых комплексов указывает на степень развитости ремесленной деятельности, характер торговых связей, социальную принадлежность объекта, его значимость в территориально-административной системе.

3.3.1. Города

Города являются политическими и экономическими центрами определенных территориально-административных структур. С XII в. в них выражено развитие ремесла и торговли, выделяются социальные слои общества. Верхний социальный слой представлен князем и служилым боярством, олицетворяющими аппарат управления. К нему же относятся и представители духовенства. Нижний социальный слой включает свободных ремесленников, купцов, рядовых дружинников, других «простых людей» и зависимое население, состоящие на службе у знати.

Во второй половине XI в. шла ожесточенная борьба за право владеть отрезком водного пути из днепровского бассейна в двинский между киевскими и полоцкими князьями. На р. Днепр в рассматриваемом регионе находились два открытых поселения — стана: Орша (правый берег) и Копысь (левый берег). В начале XII в. оба поселка превращаются в порубежные крепости Смоленского княжества (Копысь) и Полоцкой земли (Орша) [191]. Выгодное географическое положение способствует быстрому росту посадов вокруг этих крепостей и превращению их в центры волостей.

Орша и Копысь относятся к числу *малых городов*. Оба упомянуты в летописях в связи с военными событиями XII в. как укрепленные поселения. Археологическое исследование данных объектов подтвердило их городской статус.

Орша

На территории оршанского городища (104×72 м), возникшего при слиянии рек Днепра и Оршицы, в 1965—1966 гг. раскопки проводились под руководством Ю. И. Драгуна и в 1988 г. автором данной работы. В ходе исследований выявлен культурный слой мощностью от 1,5 до 3 м, содержащий материалы XI—XVIII вв. Установлено, что оборонительный вал был сооружен в XII в. и разрушен в XVII в. В XIV в. городище-крепость включается в систему оборонительных сооружений вновь возведенного Оршанского замка, территория которого охватила и часть древнейшего неукрепленного городского посада под стенами городища-крепости (рис. 34). Как выяснилось в ходе исследований 1990—1996 гг., на правом берегу Оршицы напротив городища-крепости в XII в. формируется второй посад, где впоследствии возводится деревянный храм с приходским кладбищем, а вблизи него располагается торг [146, 153].

Исследователь малых городов А. В. Куза отмечает, что ввиду постоянной военной опасности детинцы порубежных городов-крепостей, как правило, не имели усадебной застройки. Здесь располагались городские гарнизоны, а их хозяйственные постройки вместе с огородами выносились за пределы крепости [122. С. 138].

На оршанском городище вскрыты фрагменты деревянных наземных построек, вымосток, частокола. В некоторых постройках находились глинобитные печи. Состав вещевого материала Орши соответствует требованиям городского поселения. Здесь выявлены многочисленные хозяйственные и бытовые предметы из железа (ремесленный инструментарий, ключи, замки, завесы, кресала) XI—XIII вв. Сельскохозяйственные орудия труда — 3 сошника, коса-горбуша. К железным изделиям относятся также оружие (наконечники стрел, копий, оковка нижней части ножен меча, вток), снаряжение коня и всадника (удила, стремена, шпоры). Изделия из камня представлены нательными крестиками, шиферными пряслицами, точильными брусками, жерновами. Разнообразны украшения из стекла: бусы, браслеты, височные кольца. Среди них много изделий киевского происхождения, часть витебского производства, один браслет из Византии (по определению Т. С. Скрипченко). Датируются предметы XII—XIII вв. Есть предметы из кости (гребни наборные, накладки). Среди глиняных изделий выявлены фрагменты амфор киевского типа и поливной керамики домонгольского времени [75, 146].

Копысь

Укрепленное поселение расположено при слиянии рек Сморковки и Днепра на крутом холме, имеет площадку 80×60 м. По периметру насыпан земляной вал, который в XVII в. по наблюдению Э. М. Загорульского был увеличен в размерах (рис. 35). Судя по раскопу 2003 г., при входе на городище первоначальный вал имел деревянные субструкции и небольшую высоту (рис. 55). К северо-востоку от городища-крепости располагался неукрепленный посад. Мощность культурного слоя на городище, исследовавшемся Л. А. Михайловским (1950, 1962), Г. В. Штыховым (1968, 1969), Э. М. Загорульским (1972), автором данной монографии (1980, 2003), достигала 2 м.

11. Зак. 2024

Вещевой материал XI—XIII вв. разнообразен и соответствует городской материальной культуре. Это изделия из железа (ремесленный инструментарий, предметы быта, вооружения), стекла (посуда, украшения). Многочисленны предметы из кости, выявлены следы косторезного производства. Особо выделяются две шахматные фигурки, литая бронзовая иконка с изображением Бориса и Глеба. Согласно Уставу 1136 г., город Копысь выплачивал смоленскому князю четыре гривны полюдья, перевоза и торгового, а также некоторую сумму с корчмы. Епископу в начале XIII в. городом выплачивалось 6 гривен урока, 2 лисицы и 35 кун почестья [76. С. 143].

Впервые в древнерусских летописях Копысь упомянут под 1059 г. Здесь останавливался на пути в Киев и скончался заболевший в дороге новгородский епископ Лука Жидята. Следовательно, в 2004 г. Копыси исполнится 945 лет.

В 1969 г. во время земляных работ во дворе комбината бытовых услуг в центре современного поселка Г. В. Штыховым был зафиксирован культурный слой мощностью до 1,4 м. В его нижнем горизонте выявлена керамика XII—XIII вв., верхний большей мощности слой содержал материалы XIV—XVII вв. Вблизи входа на городище ученый проследил слой мощностью свыше 2 м, в котором обнаружены бревна дренажа, укрепленные вертикально поставленными кольями. По мнению Г. В. Штыхова, дренаж указывает местонахождение древнего рва, отделявшего городище от территории посада и соединявшего р. Днепр с р. Сморковкой в единое водное кольцо вокруг него.

Раскопки на территории посада г. Копыси, произведенные О. Н. Левко в 2003 г., и археологическое наблюдение при прокладке траншей под инженерные коммуникации в исторической зоне Копыси и на его окраинах позволили проследить мощность, характер распространения и хронологию культурного слоя в пределах бывшего укрепленного города и примыкавших к нему слобод. Вблизи городища заложены раскопы, давшие информацию о древнейших напластованиях на территории посада Копыси и его границах.

С запада древнейший посад был ограничен р. Сморковкой, огибающей городище. Развитие его происходило от подножья городища в восточном направлении вдоль современной ул. Ленинской до р. Страшевки, на севере посад доходил до Днепра, а на юге охватывал участок современной площади и застройки вдоль нее. Материалы XII—XIII вв. (керамика, шиферные пряслица, стеклянные браслеты) выявлены в нижнем слое раскопов на посаде. Вблизи городища, за рвом, в раскопе и траншеях в центре поселка обнаружены древние захоронения, ориентированные головой на запад, и нательный бронзовый крест, маркирующие приходское кладбище. На восточном участке древнего посада вблизи р. Страшевки нижний слой был минимальным (до 0,2 м). В раскопе во дворе поссовета в центре поселка мощность древнерусского слоя достигала 0,5 м. В нем зафиксированы следы древесного тлена, собрана керамика, в том числе днища с клеймами и другие предметы XII—XIII вв. Общая мощность слоя в раскопе составила около 2 м.

Таким образом, малые города Орша и Копысь эволюционировали из пограничных крепостей путем превращения их в административно-хозяйственные центры формирующихся волостей.

Горы

Низшую группу в системе городских поселений представляли *города — феодальные вотчины*, созданные княжеской властью в своих доменах. К таким поселениям в XII—XIII вв., вероятно, относились *Горы*. Усиление бывшего погоста произошло в период формирования домена смоленских князей. Городище располагалось на западной его границе. По своим размерам (170×70 м) оно уступало только Мстиславлю и Ростиславлю. Наличие мощных оборонительных сооружений в виде вала и башни-донжона в центре площадки свидетельствует о военном значении данного поселения. Подтверждением являются и выявленные в ходе раскопок на городище Ш. И. Бектинеевым (1982—1983), М. А. Ткачевым и А. А. Метельским многочисленные предметы снаряжения всадника и коня, различное оружие.

К числу поселений городского типа Горы можно отнести и по составу вещевого материала. Здесь фиксируется металлообрабатывающее, гончарное, косторезное ремесло. Рядом с укрепленным городищем располагалось селище. На городище и вблизи него выявлены предметы с изображением на них княжеских знаков (рис. 36). Это гончарные клейма на посуде, а также гривна серебра весом 153,48 г с клеймом и надписью «князь Волод», аналогичная находкам из Смоленска. А. А. Метельским высказано предположение, что поселение в Горах в XII—XIII вв. являлось домениальным городом Изяславлем, известным по грамоте «О погородии и почестии» [210. С. 64].

3.3.2. Замки, феодальные дворы, крепости

Помимо городских укрепленных центров в XII—XIII вв. получают развитие *замки, феодальные дворы и крепости*.

Как военные крепости (государственные), так и жилища бояр (частновладельческие) являются укрепленными поселениями и поэтому в литературе часто объединяются под общим названием «замки». Замки первой группы являются местами средоточия воинских дружин, задача которых — охрана рубежей государства. Социальная сущность владельческих замков выражена в их связи с боярской вотчиной [46, 260].

Городище у д. *Шавнево* расположено на мысу левого берега р. Каменки. Площадка подтреугольной формы размерами 45×40 м, с востока окружена валом плохой сохранности. В конце XIX в. на городище был обнаружен серебряный клад, содержащий серьги, пряжки, браслеты и гривны византийской работы. Часть этого клада попала в Государственный исторический музей в г. Москве [254. С. 393]. Проведенные в 1991 г. А. А. Метельским раскопки (вскрыто 170 кв. м) на городище подтвердили его *социальный статус феодального замка*. Здесь выявлены остатки жилой постройки, а также многочисленная керамика, на двух днищах которой были клейма в виде трезубца. Вещевой материал представлен предметами хозяйственного, бытового назначения, вооружения, украшениями из цветных металлов и стекла [212].

Более низкого ранга, чем укрепленное поселение у д. Шавнево, является укрепленный *феодальный двор у д. Устье*. Поселение расположено на мысу

высокого коренного берега р. Днепр (50×40 м), с северо-востока и северо-запада окружено оврагами глубиной до 20 м, а с напольной стороны по краю площадки проходит дугообразный вал (рис. 24). Раскопки проводились О. Н. Левко в 1990—1991, 1993 гг. (вскрыто 200 кв. м).

На поселении выявлены напластования раннего железного века, XI—XVI вв. Материалы древнерусского времени в основном датируются XII—XIII вв. Помимо многочисленной орнаментированной керамики встречено большое количество стеклянных браслетов, подавляющее большинство которых киевского, витебского производства. Наряду с браслетами встречаются височные кольца. Многие изделия из железа имеют медное покрытие и украшены орнаментом (замки, рукояти ножей). Часть из них выполнена из цветного металла (чаша, блесна). К изделиям из цветного металла относятся украшения (пластинчатый перстень, подковообразные фибулы, навершие меча). Навершие меча и стремя, инкрустированное цветным металлом, характерны для изделий куршей, датируемых XII в. Из других предметов снаряжения всадника и коня выявлены удила, псалий, шпора. К предметам хозяйственного назначения этого времени относится мотыга и др. (рис. 37, 38).

Помимо богатых феодальных дворов и замков в Оршанском Поднепровье известны по раскопкам *порубежные крепости*, возникшие в XII в. при установлении границы между Полоцкой землей и Смоленским княжеством по правому берегу Днепра. К ним относятся укрепленные поселения у дд. Стражево и Днепровка (Германы). Раскопки на городище у д. Стражево (48 кв. м) проведены О. Н. Левко в 1996 г. (рис. 35), у д. Днепровка в 1998 г. исследования производил Ю. В. Колосовский (76 кв. м) [109]. Оба городища имеют бедный культурный слой, содержащий немногочисленную круговую керамику XII—XIII вв., единичные фрагменты стеклянных браслетов, ключи, замки, ножи, а также предметы вооружения. Видимо, данные укрепленные поселения выполняли лишь сторожевую функцию.

3.4. ЦЕНТРЫ УДЕЛОВ В XII—XIII ВВ.

В XII—XIII вв. крупнейшими городами на территории региона северо-восточной Беларуси являются центры уделов: Друцк и Витебск. Структурно они состоят из детинца (бывшего «града») + окольного города (укрепленной части прилегающего к детинцу посада) + неукрепленных городских посадов, развивающихся на прилегающей к укреплениям территории.

Друцк

Возникнув в племенную эпоху, поселение продолжало развиваться в качестве центра округи и в X—XIII вв. Укрепленный «град» уже существовал на рубеже X—XI вв., так как в нем в 1001 г. была построена церковь во имя св. Богородицы [164. С. 8]. Изначально Друцк, вероятно, использовался княжеской властью в качестве погоста в густо заселенной зоне в верховьях р. Друти на переходе из днепровского в западнодвинский бассейн. Данный фактор стал ведущим и при создании на городище крепости, призванной защищать Полоцкую землю с юга. Благоприятные географические

условия, несмотря на частые военные опустошения, способствовали быстрому восстановлению хозяйственной деятельности в округе и росту самого центра в Друцке. В 1130-е гг. *Друцк* включен в вотчинные владения полоцкого князя Бориса, а со второй половины XII в. он уже развивается как *центр удельного Друцкого княжества* [198].

Археологически Друцк исследовался Л. В. Алексеевым (1956—1962, 1965, 1967), который вскрыл на детинце (городище) 1800 кв. м, и автором данной работы, проводившей раскопки на городище (100 кв. м), в окольном городе (132 кв. м), на посаде (196 кв. м) и прорезку между валами детинца и окольного города (40 кв. м).

Укрепления Друцка, составляющие двухчастную систему (детинец + окольный город), площадью около 2 га в комплексе с посадами соответствуют развитому городскому центру раннего средневековья. Территория детинца *Друцка* (площадь 1 га) и окольного города (около 1 га) ограждена земляными валами, имеющими высоту 7—10 м, и отделяется от посада искусственными рвами (рис. 8). Посад превышает площадь укрепленной части Друцка почти в три раза (около 6 га) и входит в пределы современной деревни. Какая-то часть посада уничтожена карьером, почти вплотную подходящим к окольному городу с северо-востока. В обнажениях карьера виден культурный слой мощностью до 1 м. В целом, сохранившуюся часть посада возможно достаточно достоверно определить по характеру слоя на огородах местных жителей.

Как отмечает Л. В. Алексеев, застройка детинца после военных действий 1116 г. восстанавливалась одновременно в разных его частях, но в 1127 г. город снова горел. Поэтому представляется вполне логичным, что основное строительство на территории *детинца* и *окольного города* начало осуществляться после возвращения сыновей Бориса Всеславича из византийской ссылки, т. е. после 1140 г., когда внешнеполитическая обстановка относительно стабилизировалась.

Полученный в ходе исследований археологический материал показал, что в северо-западной части *детинца* размещался княжеский двор, центр был свободен от застройки, а в южной части находились дворы рядовых горожан, состоящие из жилой и одной-двух хозяйственных построек, разделенные частоколом. Вблизи площади выявлены майоликовые плитки, указывающие примерное местоположение деревянного храма Св. Богородицы. Наличие уличных мостовых и усадебной застройки — характерные признаки города. А выявленная княжеская резиденция подтверждает, что это центр удела.

Среди находок с территории княжеского подворья выделяются серебряный перстень и шиферное пряслице с княжескими знаками (рис. 14:18, 19). Еще одно пряслице имеет надпись «Кьняжинъ». Прослеженный Л. В. Алексеевым в одной из больших построек княжеской резиденции в западной части детинца глинобитный пол можно соотнести с таким же глиняным основанием пола в раскопе 1999 г. на окольном городе, при расчистке которого были найдены поливные плитки. Вполне допустимо, что майоликовые плитки могли покрывать не только полы храмов, но и полы светских построек. Это подтверждается находками плиток в западной («княжеской») части детинца. Здесь также найдено значительное количество различных предметов вотчинного хозяйства. Наряду с предметами христианского культа был встречен амулет в виде бронзового ключика.

12. Зак. 2024

Материалы исследований 1999 г. на территории детинца позволяют сделать вывод о том, что рядом с резиденцией князя располагался хозяйственный комплекс княжеского подворья. Здесь выявлены пять очагов, несколько жерновов, в трех местах — скопления зерна. О непосредственной близости хозяйственных строений к княжескому дому свидетельствуют и находки ажурных квадратных металлических (серебряных?) бляшек с изображением грифонов и фрагмента перстня из желтого (золото?) металла со вставкой (рис. 14:12, 13).

Именно со второй половины XII в. по составу находок прослеживается расцвет городской жизни как в укрепленной части, так и на посаде. *Окольный город* являлся местом жительства богатой части населения города, о чем свидетельствуют находки в раскопе 1999 г. (импортная белоглиняная поливная керамика, фрагменты амфор и корчаг). Среди изделий из стекла преобладают браслеты различной техники изготовления, часть из которых привозные (Византия). Один браслет киевского происхождения (XIII в.) относится к очень редким *расписным*. Имеются также фрагменты прозрачного расписанного золотом, синей и красной эмалями стекла (Сирия?) (рис. 39). Дополняют коллекцию находок с территории окольного города бытовые и хозяйственные изделия из железа, камня. Выявлены также различные наконечники стрел, фрагменты доспехов и накладки из цветных металлов. Вся совокупность полученных с территории окольного города материалов показывает непрерывное развитие поселения на данном участке с племенной поры до конца XVI в.

Участок древнего *посада* был изучен на свободной от застройки территории деревни напротив въезда в окольный город за рвом (рис. 8). В керамическом комплексе выделяются импортная белоглиняная, поливная керамика, фрагменты восточных корчаг и амфор XII—XIII вв., амфорка «киевского типа» (рис. 11). К ювелирным изделиям относятся: золото- и серебростеклянные бусы, камень-вставка из горного хрусталя, конек-подвеска, лировидная пряжка с орнаментом (X—XI вв.), фрагмент орнаментированного пластинчатого створчатого браслета и перстни (круглодротовый с заходящими концами и рубчатый XI в.) из цветного металла. Выявлены предметы быта и орудия труда, характерные для раннесредневекового города. Здесь же найдены фрагмент удил, подкова, пряжки, наконечники копья и стрелы. Каменный топор и плоский конек-привеска (X—XI вв.) использовались в качестве амулетов (оберегов), что свидетельствует о достаточной устойчивости языческих реликтов в среде горожан в раннем средневековье. На днищах ряда керамических сосудов имеются клейма различной формы, видимо, являющиеся знаками мастеров-изготовителей (рис. 40). Состав выявленных предметов позволяет определить ремесленный характер поселения (наличие мастерской по обработке металла) и в то же время показывает состоятельность и платежеспособность горожан.

Вещественные комплексы всех исследованных частей города иллюстрируют хорошо развитые ремесла, в том числе ювелирное, гончарное, кузнечное, и даже позволяют предполагать местное изготовление стеклянных браслетов (выявлены стеклянные заготовки и большое количество однообразных оливкового цвета браслетов на детинце) (рис. 39). Изделия из цветных и драгоценных металлов, многочисленные привозные изделия из Передней

Азии, Византии, сирийское расписное стекло, киевские изделия, амфорная тара из северного Причерноморья и многое другое убеждают в хорошо налаженных торговых связях Друцка и показывают высокий социальный статус этого города. В то же время Друцк являлся и военно-административным центром значительной волости Полоцкой земли. Здесь найдены многочисленные предметы снаряжения всадника и коня, доспехи, оружие. Таким образом, Друцк в XII—XIII вв. представлял собой административно-хозяйственный, военный и культурный городской центр. В территориально-административной системе Полоцкой земли он выполнял роль пригорода по отношению к стольному городу Полоцку.

Витебск

В *Витебске* в 1140-е гг. возводятся новые оборонительные сооружения, трасса которых проложена от древнего городища на Замковой горе в западном направлении вдоль р. Витьбы до ее впадения в Западную Двину. Затем вал поворачивал вдоль Западной Двины и снова на восток к городищу. Дендродаты деревянных внутривальных конструкций датируются 1136—140 гг. [96. С. 57]. Площадь, огражденная валом, увеличилась с 0,7 до 4 га. Это является свидетельством возросшей роли Витебска как административно-территориального центра, и он уже выступает в новом качестве в государственной структуре.

Важной чертой городов, которые могут претендовать на роль самостоятельных центров уделов в XII в., является наличие храмов на детинцах и в окольном городе. Как уже отмечалось, вплоть до начала XII в. на территории Витебска, видимо, функционировало языческое святилище на Лысой горе. Затем это место было какое-то время в запустении, о чем свидетельствует нанос речного песка большой мощности, перекрывающий сгоревшие постройки на склоне горы. В 1140-е гг. в Витебске возводится каменный храм Благовещения на берегу Западной Двины [314]. Он одновременно выполнял роль хранилища ценных товаров и весов, как это было принято в значительных городских центрах.

На укрепленной территории, примыкающей со стороны Западной Двины к Замковой горе, были выявлены различные находки, свидетельствующие о возможности существования храма (предположительно архангела Михаила) и на данном участке. Среди них были поливные керамические плитки, как и в Друцке, а также смальта (как в Борисове) для мозаичного украшения храма. Ограниченное количество выявленных материалов не позволяет говорить о конструкции храма и точно определить время и место его возведения. Высказанное по этим вопросам суждение [106] представляется недостаточно обоснованным. Еще менее убедительным выглядит предположение о наличии храма Св. Параскевы Пятницы в середине XII в. на торгу(!) восточного посада Витебска [39].

Дискуссионным остается в свете новейших исследований М. А. Ткачева, Л. В. Колединского и Т. С. Бубенько вопрос о местонахождении окольного города Витебска XII—XIII вв. Выявленные дерево-земляные укрепления по периметру территории Верхнего замка Витебска XIV в. датируются 1140-ми гг., что вполне совпадает со временем образования Витебского удела. Но нельзя

однозначно утверждать, что ими была обнесена расширившаяся территория детинца [96. С. 57—60]. Более правдоподобным кажется, что огражденный участок — окольный город Витебска, примыкающий к центру на Замковой горе [37. С. 40]. Однако и для такого вывода пока не достаточно аргументов. В целом же, исследования, проведенные в последние десятилетия на территории Витебска, показывают, что его статус центра ремесла и торговли утверждается именно с середины XII в. Возведение храмов на территории города (один из них достоверно каменный) также свидетельствует о возросшем его значении. В первые десятилетия XIII в. Витебск наряду с Полоцком и Смоленском включается официально в международную торговлю.

4.

Административные центры региона в XIV—XVIII вв.

В XIII — начале XIV в. на основе существовавших удельных княжеств, в том числе Витебского, Друцкого, сформировались новые территориально-политические образования — «земли», отличающиеся от известных по летописям структур раннесредневекового периода. Природно-географический фактор, игравший главную роль в сложении территориально-административных структур IX—XI вв., в XII—XIII вв. уступает место социально-экономическим и политическим факторам. Эти факторы остаются ведущими и в XIV—XVIII вв.

Земли XIV—XVI вв. являлись территориально-политическими структурами, имеющими развитые административные центры, консолидировавшие прилегающие к ним территории. В рассматриваемом регионе такой структурой была Витебская земля (позднее — воеводство), входившая в новое государственное образование — Великое княжество Литовское (ВКЛ) в числе других автономных территориально-политических структур государственной системы. Территориально-административное деление государства соответствовало тем границам, которые сложились между особыми княжествами до образования ВКЛ. Управление автономными землями осуществлялось на основе так называемого обычного права. Внутри них продолжал сохраняться местный аппарат государственного управления, возглавляемый князьями, состоявшими в отношениях сюзеренитета-вассалитета с великим князем. Позднее их сменили наместники: старосты или воеводы.

4.1. ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА РЕГИОНА

4.1.1. Витебск — центр земли (воеводства)

Великокняжеские уставные грамоты (привилеи) отмечали политическое и экономическое значение центра Витебской земли, подтверждали действие автономного самоуправления. В привилее 1441 г. Витебск назван в числе 15 крупнейших городов Великого княжества Литовского. В 1444 г. уставной грамотой Казимира IV Витебску предоставлено право суда над горожанами, право свободной торговли в пределах ВКЛ. Привилей 1447 г. открыл новый этап в развитии законодательства государства, в нем не только наиболее полно были изложены права феодалов, но и наряду со шляхтой в числе лиц, на которые распространяются правовые нормы, названы мещане [351. С. 145], что свидетельствовало о росте влияния региональных центров в общественно-политической жизни государства.

В 1503 и 1509 гг. Витебску даны привилеи, подтверждающие неприкосновенность земельных владений феодалов и мещан Витебской земли (воеводства). В грамоте 1503 г., выданной великим князем Александром, подтверждаются положения привилея Казимира IV (1444). Содержатся обязательства не посягать на купленные, наследственные и выморочные владения: «в домы церковныи не вступатися», «в купленины», «в безадщины и в отмерщины витебские теж не маем вступатися», «а отчин в них не отнимати, також и в села их купленыи и в поля не вступатися», «а отчин в них не отнимати, також и в села их купленыи и в поля не вступатися». «А который витеблянин, вмирая, откажет остаток своего имения кому, и в то нам не вступатися» [264, док. № 16]. Назначать воеводу верховная власть обязывалась с согласия бояр и горожан

«по старому, по их воли». Запрещались самовольные поборы воевод, фиксировалось право свободного передвижения торговцев внутри государства. Этот привилей подтверждался грамотами 1509, 1541, 1547, 1561 гг.

Исследователь средневекового права на белорусских землях Я. А. Юхо, анализируя статьи областных привилеев, пришел к выводу, что все последующие подтвердительные грамоты, как и первоначальные привилеи великих князей литовских, основывались на тех правовых и законодательных актах, которые вырабатывались в процессе развития государственности в раннем средневековье. Общеземские привилеи синтезировали эти местные законодательные нормы и развивали их в соответствии с общим ходом политического развития государства [351. С. 151—153].

Одновременно грамота 1503 г. отмечала одну из основных повинностей жителей Витебской земли: «А на войну быти им с нами посполу готовыми». Это было связано прежде всего с тем, что Витебск являлся важнейшим из порубежных городов, защищавших Великое княжество Литовское на востоке. Здесь существовала особая группа населения, называемая «конными мещанами». Живя в городе, они одновременно владели имениями, служа за них государству «конем». Неся службу «збройно» в конном земском ополчении во время «посполитого рушенья» вместе со шляхтой, конные мещане во второй половине XVI в. выставляли 100 лошадей. В их обязанности входило также ремонтировать замковые укрепления в Витебске, строить острог, нести сторожевую службу [307. С. 122].

С 1506 г. Витебск становится центром воеводства. Утвержден герб воеводства «Погоня» — изображение всадника со щитом и поднятым над головой мечом на красном фоне. Согласно реформе 1565—1566 гг. воеводства стали и военными округами. Воевода сочетал судебно-административную власть с властью военачальника феодального ополчения данной территории. По решению вального сейма 1566 г., на территории воеводств и поветов учреждались свои судебно-административные ведомства. Членов суда избирала шляхта повета. Эти суды разбирали имущественные споры. Гродский или замковый суд рассматривал уголовные преступления, и его состав определял великий князь. Главный литовский трибунал, учрежденный в 1581 г., являлся высшей апелляционной инстанцией. В нем заседали депутаты от феодалов воеводств и поветов. Структура городского самоуправления сохраняла некоторые традиционные должности: сотников, десятников, известных со времен веча «мужей» (старейшин). Горожане избирали из своей среды войта, которого затем утверждал великий князь. Оформление сословия мещан способствовало развитию его правового состояния в государстве. На это были направлены и привилеи, выдаваемые великими князьями центрам территориально-административных структур.

В 1597 г. Витебск получил магдебургское право, по которому ему разрешалось иметь печать (рис. 27) и городскую хоругвь (знамя), ратушу и гостинный двор, проводить ежегодные ярмарки. Органом городского управления стал городской магистрат, состоящий из рады и лавы во главе с войтом. Однако войта, согласно магдебургскому праву, витебляне уже не избирали. Его назначал великий князь. «Войта мы и потомки наши, короли польские и великие князи литовские, з народу шляхетского и водле воли нашое подавати будем» [264, док. № 37]. Привилеи на магдебургское право освобождали мещан от ряда повинностей, которые они несли ранее наряду с сельским населением данной

земли. Таким образом, происходило отделение города от волости посредством регламентации повинностей горожан (мещан).

Грамоты на магдебургское право ограждали интересы горожан конкретной территориально-административной структуры и в том числе конкретного административного центра. Помимо регламентации пользования доходами с городской собственности, различных торговых льгот, грамоты на магдебургское право признавали за мещанами (косвенно или прямо) право владеть и распоряжаться землей, что приближало их к шляхте и еще более противопоставляло крестьянам.

Города, обладающие магдебургским правом, расширяли свою территорию за счет приобретения феодальнозависимых деревень, которые затем фактически становились их предместьями. На этих участках размещались городские здания, рынок, общественные пастбища, лес и пашни, за пользование которыми горожане платили подати в городскую казну. В Витебске после получения им магдебургского права также имели место подобные процессы расширения городской территории. Верховная власть, поощрявшая образование феодальных юридик в городах в XVI в. с целью увеличения их населения, уже в XVII в. всячески пытается воспрепятствовать их дальнейшему распространению, стремится преодолеть частновладельческую чересполосицу. Грамота на магдебургское право уравнивала всех горожан под властью магистрата. Сужались юридики и права их владельцев: «князьям, панам, шляхте мещан своих, как издавна, не иметь» [264, док. № 37].

Забота об увеличении казны Великого княжества Литовского принуждала великокняжескую власть обеспечивать бóльшие права и более справедливый порядок в отношении городского сословия. Именно этот мотив лежал в основе возвращения Витебску в 1644 г. магдебургского права, которого город был лишен в связи с убийством униатского епископа Иосафата Кунцевича.

Земельные участки, называемые «ратушными», отдавались магистратом мещанам магистратской юридики на условии уплаты за них чинша во временное держание (на срок или пожизненно) либо в наследственное владение. Во втором случае мещанин мог пользоваться землей по своему усмотрению, но без права выхода ее из-под магистратской юридики [23. С. 390]. Магистрат был заинтересован в сохранении городских земель в подведомственном ему состоянии, так как за это с их владельцев взимались подати и устанавливались городские повинности [264, док. № 188]. Требования к духовенству и шляхте о выплате городских повинностей с бывших в их владении «городских» земель содержатся во многих королевских грамотах и привилеях [31. Т. 3. С. 274, 280—282].

Сейм 1764 г. запретил шляхте и мещанам отчуждение земель на территории королевских городов в пользу духовенства по дарственной записи или завещанию. Эти же земли запрещалось давать духовенству в залог [32. Т. 2. С. 314—316].

4.1.2. Структура Витебского воеводства

В состав *Витебского воеводства*, существовавшего до 1772 г., входили *Витебский и Оршанский поветы*. Управление отдельными волостями Витебской земли (воеводства), не принадлежавшими частным лицам, осуществляли наместники витебского воеводы или местные бояре по годам. Акты называют

ряд таких волостей: Лужосенская (Лужесно), Илемницкая, Любошковская (Любашково), Селицкая (Селище или Село), Туловская (Тулово). Все они непосредственно примыкали к городским владениям Витебска (рис. 41).

В держание местным боярам великим князем были отданы ряд волостей, граничащих с Русским государством. *Озерищская волость*, входившая в эпоху средневековья в состав Витебской земли, граничила с Новгородской землей. Из документа конца XIV в. (1377) известно, что княгиней Ульянией, женой витебского князя Ольгерда, была пожалована дань Успенской церкви в Озерищах в виде половины копы грошей в год [2. Т. 1. С. 21]. Этот факт свидетельствует о взаимосвязи Озерищ (современный г. п. Езерище) с Витебском.

При короле Казимире IV управление Озерищской и Усвятской волостями осуществлялось прямо из Вильно, в то же время они сохраняли повинности в пользу Витебска, выставляя людей для работ на замок. В 1526 г. Озерищская волость поступает в держание князю С. Я. Подберезскому, а затем передается королеве Боне наряду с Усвятской волостью [180. С. 250]. В уставной грамоте королевы Боны за 1535 г. говорится о том, что учитывая пограничное положение Озерищской и Усвятской волостей, она считает необходимым освободить их от излишних поборов, которым эти волости подвергаются со стороны витебских воеводы и урядников, а также витебского замкового суда. Королева Бона признала лишь те повинности в пользу замка Витебского, которые выполнялись данными волостями «водлуг стародавного обычая» [32. Т. 1. С. 195, № 89]. К этим повинностям относилась «городовая работа», которую наряду с Озерищской и Усвятской волостями выполняли в Витебске жители и других городов и волостей [307. С. 122]. В 1563 г. на территории Витебского повета был построен государственный Суражский замок, который наряду с Озерищенским и Усвятским замками имел важное оборонное значение [310].

Оршанский повет управлялся наместником, который именовался «державцей», а затем «старостой». В 1390-е гг. Орша стала великокняжеской собственностью. Центром хозяйственной и политической жизни города с округой являлся замок. Под юрисдикцией Оршанского замка находились мещане, которые «в месте домы свои мають и фольварки за местом в пашнях держать». Оршанскому замку принадлежали Оршанская волость, состоящая из сел Баево и Бабино, волость Воронцовская с селами Переволочная, Острие Шапки, Ставки, Грудка, Ельняне, Шарневичи, Соколовичи [146. С. 15].

Документы отражают последовательную борьбу оршанцев за получение магдебургского права. В 1559 г. они обратились к великому князю с просьбой признать и утвердить принятый в городе порядок ведения торговли, сбора налогов, самоуправления. Через 18 лет, в 1577 г. великий князь утвердил практику оршанцев и выдал грамоту, освобождающую их от феодальной повинности «для пашни замковое на пригон сохою, на жниво с серпом, на сеножать с косою ходити» [98. С. 24].

В 1593 г. новая великокняжеская грамота изменила орган самоуправления — вместо лавников вводились войт и 4 сотника. В 1596 г. грамотой короля Сигизмунда III были подтверждены прежние права и привилегии мещанам Орши [32. Т. 1. С. 305—308]. И, наконец, в 1620 г. Орше дана грамота на магдебургское право. В этом привилее жителям Орши предлагалось принять за образец отдельные правила, действовавшие в Полоцке, Могилеве, Киеве. Как отмечает З. Ю. Копысский, представители рады и выборщики в Орше выработали свой статут, который наиболее соответствовал насущным потребностям горожан.

В его 23 статьях предусматривалось соблюдение тех норм и обычаев, которыми оршанцы пользовались издавна и которые были характерными для «обычного права», имевшего распространение в ВКЛ. В то же время учитывались и перемены в жизни городов XVI—XVII вв. Составители статута стремились воспрепятствовать влиянию феодалов на городскую жизнь. Отклонялись как устаревшие нормы вечевого права, так и спорные двусмысленные положения магдебургского права. Статут был утвержден в 1623 г.

Функции центра города в XVII в. перешли к рыночной площади в Заоршинье, где располагалась деревянная ратуша с гостинным двором. В ратуше размещался городской магистрат. На здании установили часы и колокол, перенесенный с воротной башни замка.

В Оршанский повет кроме волости г. Орши входили волость Межевская (Межево), пожалованная в держанье дворянину Петру Фурсу, двор Смолняны с волостью (м. Смольяны), принадлежавший князьям Бельским. После их смерти король Сигизмунд отдал его князю Константину Ивановичу Острожскому. В составе повета находились волости Микулинская, Любавская, Дубровенская (м. Дубровно), Романовская (м. Романово) и ряд сел [2. Т. 1, № 194; Т. 2, № 10, 76, 118]. В «праве земли Витебской» находились примыкавшие к Оршанскому повету владения князей Друцких и двор Сенно (родовое имение князей Сенских).

К Виленскому сейму 1565—1566 гг. было составлено описание границ Оршанского повета, входящего в Витебское воеводство: «Почавши от границы Любавицкое границою давною Витебскою, займуючи Судиловичи, Веретею, што напростей ку Двину у Оршанский повет ку границы Межевской, оттол Козечиньскую и Пашковскую границу, што напростей ку Прихабам, Прихабы ку Орши, а Стецево и Великое Село ку Витебску, оттол ку границы Оболецкой, заставуючи Оболцо, Илемницу, Белицу ку Орши, яко граница Леплю написана, аж до Березины, Березыныо вниз Быховское границы у Днепр, а через Днепр граница Чечерску и Пропойску, Кричову з Могилевом, у Мстиславскую границу, а Мстиславскою границею аж в границу Смоленскую, а Смоленскою границею аж до Любавич, отколе ся почала» [181. С. 163, приложение]. Как показывает этот документ, Оршанский повет в середине XVI в. занимал значительную территорию.

На протяжении XIV—XVIII вв. отдельные волости то входили в его состав, то по каким-либо причинам выходили. Двор Обольцы с волостью в начале правления Казимира IV являлся княжеским, затем поступил в держание оршанскому наместнику. В 1501 г. король Александр отдал Обольцы жене Елене в пожизненное владение, а позднее Сигизмунд — королеве Боне. Став великокняжеской собственностью, Оболецкая волость, видимо, отошла от Витебска и примкнула к Виленскому повету, который врезался клином в сторону Обольцов между Витебским и Полоцким поветами. К нему же принадлежали села Белица, Ульяновичи, Озерецкое, волость Конево. При введении поветовых сеймиков и земских судов Могилев, Тетерин, Княжичи, Обольцы вошли в состав Оршанского повета Витебской земли, к которой принадлежали ранее [180. С. 125]. Таким образом, в XVI—XVIII вв. основу Оршанского повета составляли земли бывшей Оршанской волости, дополненные владениями князей Друцких и князей Сенских. Карта, составленная М. Ф. Спиридоновым, отражает территорию Оршанского повета в составе Витебского воеводства в середине XVI в. (рис. 41).

4.1.3. Частные владения Оршанского повета

В Оршанский повет входили крупные частные владения разветвленного рода белорусской шляхты — князей Друцких, на основе которых сформировались Горы-Горское, Дубровенское и Шкловское графства, волость Копысская с замком и местом и др.

В великокняжеских и частных владениях, преимущественно магнатских, уже в середине XVI в. появляются *местечки*. Их развитие неотъемлемо от развития феодальной усадьбы, которая выступает в качестве хозяйственного и административного центра волости. Местечко выполняет те же функции. Местечки начинают также закладываться вдали от господских дворов в «пустошах», на оживленных трактах. Возникшие в восточной части Великого княжества Литовского в XVI — первой половине XVII в. местечки имели две характерные черты: заметная роль торговли и преобладание сельскохозяйственных занятий. Если жители города были свободны от натуральных повинностей, их права и обязанности определялись городским самоуправлением, то права и обязанности жителей местечек — волей феодала, в пользу которого они несли натуральные повинности. В то же время местечки были поселениями городского типа, так как в отличие от деревни ремесло и торговля составляли неотъемлемую часть их экономического облика. Торговые связи городов простирались за пределы страны, а местечки объединяли близлежащие села и города.

Важную роль в магнатских хозяйствах играла так называемая «волочная померa» — комплекс мероприятий по созданию стандартных участков земли — «волок» (21,36 га). С 1557 г. согласно положению «Уставы на волоки» проводится волочная померa в государственных владениях. Выгода от применения этих мероприятий в магнатских хозяйствах была также очевидной. Владелец латифундий мог точно знать, сколько и какого качества земли есть у него в хозяйстве, и соответственно назначать повинности для получения прибыли. Лучшие земли изымались из пользования у крестьян и передавались хозяйским *фольваркам,* продукция которых уходила на рынок. Каждая волока содержала в себе 30 моргов земли и нарезалась тремя равными частями, на одной из них располагалось подворье крестьянской семьи. Таким образом, в селах застройка занимала центральную часть отведенных им земель.

Несколько сел составляли *войтовство,* а несколько войтовств — *волость.* Центрами войтовств были самые большие села, а центрами волостей — фольварки (хозяйские дворы). Войтовство должно было объединять 300—400 волок. В зависимости от количества фольварков в хозяйстве, было больше или меньше *волок тяглых* (т. е. с них велись отработки на фольварк в виде панщины). Волоки, с которых взимался денежный чинш, назывались *осадными.* По волостям восточной части белорусских земель был выработан целый комплекс дополнений к «Уставе на волоки». Здесь померa проводилась с конца XVI по середину XVII в., и данное мероприятие в целом учитывало пограничный статус земель, постоянно находившихся в зоне межгосударственных военных конфликтов [316. С. 49—53].

Друцкие имения

В XIV в. территория бывшего Друцкого удела, как и другие территориально-административные образования, выросшие на основе Полоцкой земли, уже

входила в состав ВКЛ. За ней в литературе закрепилось название «Друцкое княжество», так как центром нового образования, как и прежнего, древнерусского, оставался Друцк. Однако генеалогической связи между новыми владельцами княжества и представителями полоцкого княжеского дома не прослежено. В летописных сводах под 1339 г. упоминается Иван Друцкий [240. Т. 35. С. 49], который служил московскому князю Ивану Калите. В Друцком Евангелии первой половины XIV в. также назван князь Василий Михайлович Друцкий в качестве реального владельца территории, входившей в состав Друцкого княжества во главе с Друцком. В 1372 г. в составе войска великого князя литовского Ольгерда, направленного к его союзнику князю Михаилу Тверскому, упомянут князь Дмитрий Друцкий, чьей женой была дочь рязанского князя Олега Ивановича Анастасия. После смерти великого князя литовского Ольгерда князья Друцкие служили его вдове Ульяне Тверской, владевшей Витебском.

В битве на р. Ворскле погибли князья Михаил и Александр Друцкие, которые приходились двоюродными внуками Василию Михайловичу Друцкому [216].

Достоверно известным представителем главной линии князей Друцких (рубеж XIV—XV вв.) является Семен Дмитриевич, у которого было шесть сыновей. Его племянница Софья Гольшанская (дочь сестры Александры) в 1422 г. вышла замуж за польского короля Владислава Ягайло и стала основательницей династии Ягеллонов [292. С. 51—54].

Сыновья Семена Дмитриевича Друцкого владели землями, которые не только включали территорию бывшего Друцкого удела, но и значительно превышали ее. Видимо, часть родовых владений была получена в качестве выслуги у великих князей литовских. *Ивану Семеновичу Бабе,* полоцкому наместнику, принадлежали имения Соколино, Конопли, Озерцы, Новое Село, Рыдомль и другие на северо-западе Друцкого княжества. *Иван Семенович Путята* владел имениями Арава, Дудаковичи, Староселье, Коханово, Радча, Лесная на юго-востоке княжества. Ему же и его потомкам принадлежали земли за Днепром (Горки, Горы, Шишево, Басея). *Григорию Семеновичу,* третьему сыну Семена Дмитриевича Друцкого, принадлежало имение Видиничи на севере Друцкого княжества. *Совместно три старших сына Семена Дмитриевича* владели землями, которые граничили с Борисовской волостью (имения Грушка, Гапоновичи, Панское, Шейка, Крупки, Ширневичи), а также бывшими Лукомльскими имениями Худово и Пересекой у оз. Селявы [216].

Из младших сыновей Семена Дмитриевича Друцкого *Михаил Семенович Балобан* погиб в 1435 г., *Василий Семенович Красный* был наместником Витебским и владел обширным имением Бобр в верхнем течении р. Бобр. Еще один его сын, *Дмитрий Семенович Секира* (Зубревичский) известен как владелец имений по берегам Днепра и Друти (Зубревичи, Быхов, Дубосна, Химы). Ему же принадлежала «пустошь Дубровенская». Наследницей имущества Дмитрия Секиры до конца XV в. была его дочь Марина Гольшанская-Трабская. Часть наследства попала к ее внуку Альбрехту Гаштольду (в том числе Зубревичи, земли Шкловского имения). Другие имения, принадлежавшие Дмитрию Секире в Поднепровье, впоследствии частично наследовал Альбрехт Гаштольд, а частично — Александр Ходкевич.

Друцкий замок — родовое гнездо князей Друцких — с начала XVI в. неоднократно попадал в сферу военных действий (1506, 1514, 1524, 1535). В это время территория замка, а также прилегающего к нему местечка принадлежала

представителям князей Друцких-Горских — Любецких-Толочинских. Так, документ 1544 г. фиксирует «держание» князя Василия Юрьевича Толочинского в замке Друцке и «месте», которое составило 1/3 часть от семейных владений. Окрестные деревни Дудаковичи, Сокольня, Толочин, Круглое, Конопляне (Конопельчицы), Коханово, Сенно и другие несли повинности в пользу Друцкого замка в виде «городовой работы». Население этих деревень также укрывалось за стенами Друцка во время военной опасности. М. А. Ткачев приводит сведения, что в конце XVI в. на Верхнем замке Друцка стояли две деревянные башни, в том числе и башня-брама, и находилось 80 городней, а между ними — два дома [308. С. 137].

Отсутствие упоминаний о Друцке в источниках периода войны России с Речью Посполитой 1654—1667 гг. дало основание исследователям предположить, что к этому времени Друцкий замок прекратил свое существование. Проведенные О. Н. Левко в 1999 г. археологические исследования на территории городища и окольного города Друцка показали, что в пределах укрепленной части поселения имеются напластования XIV—XVI и, возможно, начала XVII в. На окольном городе зафиксированы остатки двух построек с подвальными помещениями, датируемых XIV и XVI вв. Конструкция строений аналогична постройкам этого же периода, выявленным на замчище в Дубровно [22. Т. 4. С. 202, мал. 81].

К исследовавшимся археологически владениям отдельных ветвей княжеского рода Друцких относятся поселения в Толочине, дд. Старом Толочине и Багриново Толочинского района.

Толочин впервые упоминается в источниках как город Великого княжества Литовского в 1433 г. [356]. Его древнейшая территория, видимо, может быть отождествлена с ныне существующей д. Старый Толочин. Здесь в 1980 г. О. Н. Левко проведены небольшие разведочные работы, выявившие позднесредневековый культурный слой [128]. Вместе с дд. Озерцы, Конопельчицы, Соколино, Волосово и др., принадлежавшими роду князей Друцких, Толочин в XVI в. входил в обширные владения князя *Василия Юрьевича Толочинского*, сына Юрия Шишевского. В конце XVI в. Толочин вместе с другими землями Друцких князей попадает в собственность Сапег.

Багриново — усадьба князей *Друцких-Багриновских* — располагалась в 0,5 км восточнее современной деревни на мысу р. Кривая. Карьером уничтожена большая часть средневекового поселения, поэтому не представляется возможным восстановить поэтапное его развитие. Проведенные археологические исследования в 1988 и 1990 гг. показали, что здесь сохранились остатки древнего городища, замчища и участка за пределами земляных укреплений, слой которого датируется XVII—XVIII вв.

Нельзя ответить на вопрос, размещалась ли сама усадьба князей Друцких-Багриновских на городище? В то же время на участке, примыкающем к городищу и также защищенному земляным валом, обнаружены культурные напластования мощностью от 0,3 до 1,4 м, содержащие многочисленную керамику XIV—XVII вв., изразцы с многоцветной поливой, кирпич-пальчатку, обожженные камни [146].

Горы-Горское имение (графство)

История Гор и *Горской волости* в XIV—XVI вв. неразрывна с родом князей Друцких.

Ответить на вопрос, с какого именно времени заднепровские земли вошли в состав владений князей Друцких, пока не представляется возможным. Сын Семена Друцкого Иван Путята уже владел этими землями. В свою очередь сыновья Ивана Путяты *Михаил Шишевский и Василий Горский* получили в наследство Горы и Шишево. К началу XVI в. горская часть была разделена между внуками Ивана Путяты *Юрием Михайловичем Шишевским и Иваном Васильевичем Дудой* [216. С. 91—92].

«Реестр попису» 1528 г. называет сыновей Ивана Дуды Федора и Ивана, которые выставляли на войну 21 всадника [181. С. 357]. В 1530 г. владения князей Горских входили в состав Витебского воеводства [180. С. 254].

М. А. Ткачев отмечает, что, согласно инвентарю Друцкого замка 1558 г., князья Горские, как и другие представители рода Друцких, имели долевое участие в содержании и обороне их родовой крепости [308. С. 137]. В Друцком замке была «вежа Дудаковская с князьями Горскими. Подле той вежи с одное стороны городни три князев Горских и дом подле той вежи Дудаковский».

От Юрия Шишевского его часть горских владений перешла к сыну *Василию Юрьевичу Толочинскому*, который был старостой Оршанским, а после его смерти — к внучке *Богдане,* жене Ивана Сапеги. В 1585 г. эта часть владений досталась сыну Богданы *Льву Сапеге*, будущему канцлеру Великого княжества Литовского [216. С.101]. В результате перепродаж между родственниками, начиная со Льва, Горская волость переходит, видимо, полностью во владения Сапег до 1654 г.

Шкловское имение (графство)

Первые упоминания о *Шкловских землях* связаны с родом Гаштольдов. Дарственная грамота могилевского державцы Яна Якубовича Немировича от 8 июля 1518 г. на дворы Городище, Нулавиды и Добромышль в пользу его жены была подтверждена Федором Дурасовичем — *шкловским наместником* полоцкого воеводы Альбрехта Мартиновича Гаштольда [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 15, л. 77об./78об.]. Документы 1527 и 1532 гг. называют *«земли шкловские»* как *имение* Альбрехта Гаштольда, который в это время уже был виленским воеводой и канцлером ВКЛ. В состав данного имения входила и Плещицкая земля (д. Плещицы Шкловского района), на которой могилевский державца князь Василий Соломерецкий незаконно селил людей из Могилевской волости [221, КМФ-18, оп. 1, д. 14, л. 334/334об.]. В 1541 г. шкловское имение уже принадлежало сыну Альбрехта — Станиславу Гаштольду, новогрудскому воеводе и последнему представителю этого рода. Об этом говорится в комиссарском декрете по делу между ним и берестейским старостой, владельцем Быхова Александром Ходкевичем о границах быховских и шкловских сел [221, ф. 694, оп. 7, д. 832, л. 1—4].

В середине XVI в. владельцами Шкловских земель стали магнаты Ходкевичи. Сын Александра Ходкевича кастелян трокский, жемойтский староста Ероним Александрович Ходкевич в 1559 г. получил привилей короля Сигизмунда Августа на *основание места, корчмы и торга* в селе Забобровье на р. Бобр *в его имении Шклов* [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 38, л. 203/203об.]. Сыновья Еронима Ходкевича жемойтский староста Ян Еронимович и его брат Ероним в 1564 г. получили подтвердительную грамоту короля Сигизмунда Августа о передаче им матерью Анной Шеметовной отцовской выслуги — *замка Шклов с дво-*

рами и местами, а также замков и мест Мышь, Быхов и др. [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 38, л. 472—475об.]. А в 1568 г. Яну Еронимовичу Ходкевичу был пожалован титул графа «На Шклове, Слуцке, Мыши и Быхове».

Документы 1567 и 1579 гг. свидетельствуют о том, что жемойтский староста, виленский кастелян и великий маршалок ВКЛ Ян Еронимович Ходкевич являлся *владельцем замков и мест Шклова, Копыси, Ляхович и других имений* [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 531, л. 43/43об.; д. 64, л. 22об.—26]. В 1579 г. подтвержден великим князем литовским Стефаном Баторием фундуш Яна Еронимовича Ходкевича на *Шкловские католические плебанию и костел* [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 64, л. 244—248об.]. После смерти Яна Ходкевича Шкловское графство перешло к его сыновьям: *Александру и Карлу*. Дела в имении (волость и замок Шкловский) вел Александр. Об этом свидетельствуют документы 1595 и 1597 гг. [221, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 284, л. 149/150об.; ф. 1727, оп. 1, д. 3, л. 578—581об.]. С 1599 г. Шклов и Мышь принадлежали уже только Александру [221, ф. 1727, оп. 1, д. 3, л. 576/576об., 577/577об.], а Быхов — Карлу. От Александра Ходкевича Шкловское графство перешло трехлетнему внуку, мать которого Анна Евфросинья, урожденная Ходкевич, была женой Прокопия Синявского. После их смерти спор между Ходкевичами и Синявскими из-за Шкловского графства окончился в пользу Синявских. Первый инвентарь шкловских владений (1643) называет коронного хоружего Адама Иеронима Синявского графом на Шклове и Мыши. Гербовники и титульные листы инвентарей Шкловского графства более позднего времени называют владельцами его сына *Николая* (1674, 1682—1683) и внука Адама (1689, 1692, 1717) Синявских [221, ф.1875, оп. 1, д. 2, л. 52/52об., 168, 173; ф. 1817, оп. 1, д. 54, л. 131; 94. Т. 28. № 38. С. 202—204; № 40. С. 210—211]. В 1731 г. последняя представительница рода Синявских Мария София, дочь Адама, принесла в приданое Августу Чарторыйскому 17 больших волостей и 5 староств. Шкловские владения с того времени стали одним из 39 комплексов хозяйства рода Чарторыйских и были их имуществом до первого раздела Речи Посполитой. Сыну Августа Адаму Чарторыйскому царица Екатерина II оставила в качестве староства все шкловские владения кроме г. Нового Шклова, который выкупила для своего фаворита Потемкина (1773) [190. С. 104—106].

Территория, которая во второй половине XVI в. называлась *Шкловским графством*, занимала только часть современного Шкловского района. На востоке граница графства заходила в земли современного Горецкого района; на северо-западе в пределы графства входили населенные пункты, которые локализуются в современных Оршанском и Толочинском районах (рис. 42). Владения Шкловского графства слагались как бы из двух частей, расположенных по обе стороны р. Днепр. Западная (правобережная) часть примыкала непосредственно к Днепру и была вытянута вдоль него компактным массивом поселений. Восточная (заднепровская) часть графства также была ориентирована с севера на юг вдоль р. Баси. Южный рубеж графства проходил чуть ниже Шклова. А обе части соединялись небольшим перешейком, где располагались дд. Ходулы, Путники, Заходы, Церковище, Слободка, Рудня, Городище. На юго-западе Шкловское графство граничило с волостями Головчинской и Водвинской, принадлежавшими Головчинским. На северо-западе рубеж графства проходил вдоль владений Сапег (Кохановские и Старосельские земли). На севере вдоль границы Шкловского графства размещались владения Смольянских Сангушек, принадлежавшая Тышкевичам Погостская волость, а также начина-

лись земли Дубровенского графства, принадлежавшие Глебовичам. Восточнее Шкловского графства находились земли Горы-Горского графства, принадлежавшие Сапегам. На юго-востоке рубеж проходил вдоль земель Могилевской экономии, а часть южного рубежа пролегла вдоль владений оршанских иезуитов (Фащевские земли). Левобережье Днепра между западной и восточной частями Шкловского графства занимала Копысская волость, принадлежавшая Радзивиллам [362]. В конце XVI в. (1595—1600) Александр и Карл Ходкевичи пытались вернуть крепость Копысь, которая ранее была имуществом Яна Еронимовича Ходкевича, Шкловскому графству, но безуспешно.

Центр графства — Шклов. С этим названием соотносятся д. Старый Шклов, а также известные по письменным источникам «место Шкловское», Новый Шклов, Шкловский замок.

В середине XVII в. (1644—1650) Шкловское графство административно состояло из 13 войтовств (160 деревень, из которых 7 были фольварками Шкловского замка и, следовательно, центрами волостей). *Застройка территории фольварков* состояла из жилых и хозяйственных построек. Отдельно стояли гумно, броварня, мельница, корчма («аустерия»). В Черноручье и Овчиненках дома были покрыты гонтом или драницей, в Борисковичах, Путниках, Городище — просто соломой. Под 1629 г. сохранилось описание фольварка в Черноручье. Здесь размещалась одноэтажная жилая постройка. С крыльца был проход в сени, по обе стороны которых находились светлицы и была еще боковая светлица. Отапливались помещения изразцовыми печами с кирпичными дымоходами. На подворье находился также «дом старый», состоящий из двух светлиц, коморы и коморки, отдельно стояли пекарня, кухня, баня и две пивницы.

В результате военных действий на протяжении XVII—XVIII вв. часть деревень прекратила свое существование (осталось 145), что фиксируется инвентарями. Сократилось и количество фольварков, в конце XVII в. их было уже 5, а в XVIII в. — только 3 [363. S. 36—37, 85].

Между 1554—1560 гг. Ероним Ходкевич получил грамоту на основание *местечка* возле имения *Зубревичи*, которое перешло ему от Гаштольдов [356. S. 97]. Видимо, когда владельцем Шкловского графства стал Александр Ходкевич, он основал *местечко Александрию* напротив Копыси на другом берегу Днепра. Это местечко имело выраженный торговый характер и успешно развивалось в первой половине XVII в. Когда в середине XVII в. (1650) в местечке Зубревичи под застройкой было около 11 га земли, то в Александрии в это же время — 33 га. После военных событий Зубревичи до 1688 г. значительно опустели, а площадь застройки Александрии составила около 40% от первоначальной. При этом местечко утратило свое торговое значение [362].

Копысская волость (имение)

Копысь с волостью со второй половины XIV в. входит в состав Великого княжества Литовского и до конца XV в. является великокняжеским владением. В конце XV — начале XVI в. *Копысское имение* вместе с селом Баранью (под Оршей) и имением Романово (Горецкий район) уже принадлежат *князьям Гольшанским,* затем посредством брака переходят к *князю Константину Острожскому.* После его смерти (1530) *Копысская волость вместе с имением Романово* являются собственностью его сына *Ильи Константиновича,* который умер в 1539 г. В 1576 г. эти имения снова становятся великокняжескими.

Сам *замок Копысский с местом,* согласно письменным источникам, между 1567 и 1579 г. принадлежит Яну Еронимовичу Ходкевичу. В конце XVI в. виленский воевода Кристоф Радзивилл по прозвищу «Перун», будучи женатым на племяннице Ильи Острожского, добился передачи ему выморочных владений князей Острожских. С 1594 г. *Копысское имение вместе с Романовским имением* стали *собственностью биржайской ветви Радзивиллов.* От Кристофа Радзивилла они перешли к его сыну *Янушу Радзивиллу,* а в 1620 г. — к внуку *Богуславу Радзивиллу* и находились в составе Оршанского повета [218. С. 55, 60]. Единственная дочь Богуслава, *Людвика Каролина Радзивилл,* жена немецкого принца Кароля Филиппа Нейбургского, оставила свои имения малолетней дочери *Эльжбете Нейбургской* (1695). Опекуном Эльжбеты стал владелец Горы-Горского имения Казимир Сапега, намеревавшийся присоедить ее имущество к своему. Однако Копысь вместе с Романово оставались во владении принцесс Нейбургских до 1744 г., затем снова перешли к Радзивиллам [308. С. 59].

В период принадлежности Копысской волости Радзивиллам важную роль в ее хозяйстве играло *местечко Барань,* основанное на месте *села Барань.* Здесь в 1587 г. по распоряжению князя *Николая Радзивилла* была организована мастерская по производству ядер и пуль для пушек и гаковниц. Работники-«пульники» добывали руду, выжигали древесный уголь, варили железо и отливали ядра и пули для замка Копысского и для замка Биржы (теперь это г. Биржай в Литве), принадлежавших Радзивиллам. В обязанности членов данной артели входил и ремонт замка Копысского и «парканов мейских», т. е. собственно городских укреплений, а также «перекопов». Каждый из работников был наделен волокой земли, с которой давал зерно на замковых пушкарей, стацию на случай приезда в Копысь Радзивиллов и деньги «на выправу выбранцев».

Крестьянам же Копысской волости категорически под угрозой штрафа запрещалось заниматься добычей руды, выжиганием угля и производством железа. Они же должны были участвовать, как и артельщики, в ремонтно-строительных работах по замку и городу. Это определялось документами 1597—1599 гг., в которых говорится и об обязанностях мещан, земян-шляхты, бояр панцирных и путных Копысской волости [221, ф. 694, оп. 4, д. 1207, л. 6, 9/9об.].

Во всех сохранившихся документах Копыси и его волости постоянно подчеркиваются обязанности населения по содержанию в порядке замковых и городских укреплений, а также пушкарей замковых относительно военного снаряжения. Древесину для строительства укреплений замка брали из близлежащего леса застенка Лазаревского, в то время как на городские укрепления и свои нужды и горожане и сельские жители возили лес из отдаленных мест [308. С. 60].

Дубровенское имение (графство)

«Земля пустая Дубровенская», упоминаемая наряду с другими владениями князя Дмитрия Семеновича Друцкого-Зубревичского (первая половина XV в.) в его грамоте, может рассматриваться как основа формирующейся волости (графства). Документы конца XV — начала XVI в. уже упоминают волость «Дубровенский путь», входившую в Смоленское воеводство. В них называются населенные пункты, которые по современному территориально-административному делению располагались как в границах Дубровенского района, так и на Смоленщине. Следовательно, данная волость рубежа XV—XVI вв. была до-

статочно обширной и, возможно, в какой-то мере совпадала с древней волостью Мирятичи, расположенной по обоим берегам р. Мереи [218. С. 51].

Юрий Глебович Монивид, представитель знатного литовского рода, бывший в 1492—1514 гг. воеводой смоленским, в качестве выслуги получил в 1495 г. от великого князя литовского Александра имение *Дубровно, ставшее основной резиденцией его самого и его наследников* [295. С. 7]. После битвы под Оршей в 1514 г. Дубровно выдвигается в число важнейших восточных форпостов ВКЛ. Об этом свидетельствует и заключенный в 1522 г. между Московским государством и ВКЛ мир [2. Т. 2. С. 313—315].

Ян Юрьевич Глебович, наследник Юрия Глебовича, был вначале воеводой витебским (с 1528), затем полоцким (с 1532) и виленским (с 1542). В 1546—1549 гг. Ян Юрьевич Глебович — канцлер ВКЛ. Женившись третьим браком на дочери князя Федора Ивановича Жеславского (староста оршанский в 1501—1538) Анне, он становится совладельцем ее наследства (имения Вязовец, Жослав, Межово). Высокое положение в государстве и удачные браки принесли Яну Юрьевичу Глебовичу значительное богатство и крупные земельные владения. В Дубровенской волости было развито бортничество, и владелец ее следил за соблюдением правил пользования бортными деревьями. В волости, как и в соседних имениях, выполнялся ряд повинностей в пользу магната, в том числе строительство и ремонт замковых и городских укреплений, участие в охоте в качестве загонщиков и др. [31. Т. 2. С. 363—366, 414]. В 1538 г. новый староста оршанский Василий Друцкий-Толочинский пытался привлечь его к ответу, но безуспешно, за самовольное расширение территории имения.

Сын Яна Юрьевича Глебовича воевода трокский *Ян Янович Глебович* уже титуловался «графом на Дубровне и Заславле». От Яна Яновича (умер в 1591) Дубровенское графство перешло к его сыну *Николаю Яновичу*, а затем к внуку — последнему представителю мужской линии рода Глебовичей — *Ежи Каролю*, который умер в 1669 г. По территориально-административному делению 1565 г. Дубровенское графство вошло в состав Оршанского повета Витебского воеводства, где оставалось до раздела Речи Посполитой в 1772 г. Кроме самого Дубровно, в графстве были еще два *местечка: Баево и Ляды.*

После смерти Ежи Кароля Дубровенское графство разделено на две части между его дочерьми *Марцибеллой* (женой князя Марциана Огинского) и *Кристиной* (женой князя Казимира Сапеги). Инвентарь 1672 г. отражает часть владений, которая принадлежала Кристине (хотя официально раздел графства утвержден в 1677 г.). С конца XVII и в течение XVIII в. Дубровно и графство становятся объектами борьбы наследников со стороны Казимира Сапеги и Марциана Огинского, а во время Северной войны (1711—1716) фактическим владельцем Дубровно является князь Александр Меншиков. После смерти в 1720 г. Казимира Сапеги, Дубровенское графство продолжает дробиться между наследниками, отдающими в заклад свои доли. Канцлер ВКЛ *Александр Сапега* (правнук Казимира Сапеги) в 1774 г. продал свои права на Дубровно Г. А. Потемкину, который в 1783 г. уступил его по обмену князю Ф. К. Любомирскому [349. С. 309—310].

Подводя итог рассмотрению территориально-административной структуры региона северо-восточной Беларуси в XIV—XVIII вв., можно сделать следующие выводы.

В течение XIV — первой половины XVI в. территориально-административное устройство региона сохраняло структуру, сложившуюся исторически на основе территориально-политических образований удельного времени. В соответствии с реформой 1565—1566 гг. Витебское воеводство включало два повета: Витебский и Оршанский. Часть земель воеводства была государственной, другая часть представлена владениями крупных феодалов. Это прежде всего обширные магнатские хозяйства (Шкловское, Дубровенское, Горы-Горское графства). На примере Шкловского графства видно, что их внутренняя структура включала ряд войтовств и фольварков. Со второй половины XVI в. на территории региона получают развитие замки и местечки. Вводится магдебургское право как в государственных (Витебск, Орша), так и в частновладельческих (Шклов) центрах.

4.2. СОЦИАЛЬНО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И ПЛАНИРОВОЧНОЕ РАЗВИТИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРОВ. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ

Планы городов конца XVIII—XIX в. в значительной мере сохраняют планировку, сложившуюся в эпоху средневековья. Имеющиеся письменные источники в совокупности с данными археологии позволяют проследить ее развитие, выявить социально-топографическую структуру поселений на определенных этапах их существования, изменения в системе обороны и характере оборонительных сооружений.

Наиболее изученными археологически являются Витебск и Орша. Достаточно полно прослеживаются социально-топографическая структура, планировка и оборонительные укрепления частновладельческих административных центров Шклова, Дубровно, Копыси. Сохранились остатки укрепленных частей эпохи средневековья в Езерище, Сураже, Городке, Горах. Хорошо прослеживается планировка местечка Толочин.

Различная степень сложности социально-территориального устройства административных центров характеризует их значимость в рамках государственной территориально-административной структуры XIV—XVIII вв.

Для вычленения отдельных хронологических периодов в развитии планировочно-топографической структуры поселений применялся метод ретроспекции. Современная топографическая и планировочная подоснова, на которой имеются четко выраженные элементы планов конца XVIII—XIX вв., совмещалась с объектами, вскрытыми во время раскопок, наблюдений. К ней же привязывались и объекты, указанные в письменных источниках XVI—XVIII вв. Значительная степень вероятности их местоположения на составленных автором монографии реконструкциях обусловлена как стабильностью генеральных планировочных магистралей, так и сохранившимися до настоящего времени природно-ландшафтными элементами.

4.2.1. Витебск

С XIV в. на смену детинцу и окольному городу появляются каменные *Верхний и Нижний замки*, превосходящие их по площади и мощности укреплений. Они составляли связанную систему оборонительных сооружений, выдвигали Витебск в число крупнейших пунктов оборонного значения. Замковые укрепле-

ния оказали влияние на всю планировочную структуру и архитектуру города. Брамы — проезжие ворота соединяли главные улицы с внешними путями, определяли общую композицию сооружений города, были более монументальны, чем «глухие башни».

Верхний и Нижний замки имели общие черты планировки и застройки. В то же время у них были отличительные особенности, обусловленные местоположением, рельефом местности, ролью в системе обороны.

В XVI в. Верхний замок соединялся с Нижним через браму Замковую по ул. Пробойной, примыкавшей в восточной части Нижнего замка к ул. Большой (Великой) (рис. 43). Купчие и закладные грамоты середины — конца XVI в. и начала XVII в. показывают достаточно большую плотность застройки замков этого времени. Так, на Нижнем замке дворы размещались не только на свободных площадях, но и «под обламками стены замковой», «под валом и острогом, на котором было бламкованье», «у самого болотца под горой верхнего замка» [94. Т. XXI. С. 475, 476; Т. XXII. С. 457]. Наличие ряда улиц и переулков (улицы Великая, Большая, Великая Задунайская, Пробойная, заулок Кузьмодемьянский) свидетельствует о достаточно развитой планировке и регулярной застройке Нижнего замка к концу XVI в. Под 1595 г. в его восточной части упоминается церковь Св. Пятницы, а под 1629 г. на западном участке зафиксирован фарный костел [94. Т. XX. С. 505; Т. XXII. С. 464].

В XIV—XV вв. на Взгорье (правый берег р. Витьбы) построены Успенская, Воскресенская-Рынковская, Введенская церкви. Взгорье называется *посадом Завитебным (Великим), а затем «местом»* [94. Т. XX. С. 419, № 76]. В конце XVI в. сюда перенесен торгово-экономический центр с территории Нижнего замка. С введением магдебургского права (1597) на Взгорье построена деревянная ратуша, к которой примыкают гостиный двор, торговые ряды (гончарный, соляной, мясной и др.). С Нижним замком Взгорье соединяется с помощью «Большой дороги уличной» (Великой Илемницкой). В 1596 г. южный участок Взгорья уже обнесен оборонительными укреплениями и называется в документах *«Острогом Узгорским»* [94. Т. XX. С. 511]. Занимал «острог» часть возвышенности под названием Взгорье, а также Успенскую (Лысую) гору. Имел почти прямоугольную форму, площадь около 10 га (рис. 43). С севера ограничивался искусственным рвом шириной 15—20 м, глубиной до 8 м, проходившим вдоль современной ул. Я. Купалы [133. С. 75]. В северной стене острога располагалась брама «Суражские большие проезжие ворота», в восточной — брама «Ворота Кстовские», в западной — брама «Подвинские проезжие ворота». Кроме них были глухие башни «Пречистенская», «Наугольная роговая», две «Средних», «Наугольная Взгорская», два бычка: «Пречистенский» и «Никольский», круглик у мельницы, а также мельницы — монастырская и мещанская. Внутри острога находились улицы Узгорская, Подвинская, Богородицкая, Полупиты. Главная улица Взгорья, проходившая и через территорию «Острога», Великая Илемницкая (XVI в.), впоследствии называется Великой, Большой, Большой Суражской, Старосуражской (XVII—XVIII вв.) (рис. 44, 45).

Взгорская слобода — посад Витебска XVII—XVIII вв. Расположена севернее Взгорского острога между реками Западной Двиной и Витьбой, на севере доходила до современной ул. Урицкого. В XVI в. заселенным был лишь участок так называемой Плоской горы — Федоровщина между рвом Ярковым (современная ул. Баумана), «старым острогом (стена Нижнего замка) и «великой дорогой уличной» (ныне ул. Ленина). В 1522 г. он был закреплен за стоявшей «на

поле за местом» церковью Иоанна Богослова [264. С. 42, № 21, 22]. Вся остальная территория будущей Взгорской слободы в это время состояла из земельных участков, принадлежавших городу: полей «Завитебных», «Воскресенского», «Еваньского Богословского», «Острой могилы» [94. Т. XX. С. 499]. В XVII в. данный участок уже заселен, о чем свидетельствуют улицы на территории слободы: Узгорская (Суворова), Подтычинская (Урицкого), Богословский заулок (Коммунистический пер.). На Острой-Спасской горе (Острая Могила) построена церковь Спасская (ныне площадь перед дворцом губернатора). Дальше вдоль Западной Двины идет слободка Песья Полянка, в пределах которой находилось еврейское кладбище (рис. 44, 45).

Слобода Задунавская — неукрепленное поселение на восток от Нижнего замка и Взгорского острога на левом берегу р. Витьбы. С юга ограничена впадающим в Витьбу ручьем Дунаем. Соединялась с Нижним замком Задунавским мостом через р. Витьбу. Общая площадь 5 га, включала два посада: Кстовскую гору (северный участок) и собственно Задунавье (южный участок).

В XIV—XVII вв. поселение получило развитие в северном и восточном направлениях. Застройка XIV—XV вв. свободная, XVI—XVII вв. — более плотная и регулярная [133. С. 18—19]. Здесь уже имеются улицы Великая (Задунавская), и ведущая с предместья Задунавского на гору Кстовскую. К ул. Великой примыкает заулок Олешниковский [94. Т. XXI. С. 473, 488—489].

С включением поселения в городскую черту его земля становится частично городской, частично архиепископской. В XVII в. на *Кстовской горе* находилась церковь Никольская (Завитьбенская), а в *Задунавье* — часовня и церковь Иоанна Предтечи (Покровская).

Слобода Заручавская — неукрепленное поселение, расположенное южнее и юго-восточнее Нижнего замка. Ограничено с запада Западной Двиной, с севера — безымянным ручьем, с востока — ручьем Дунаем. С юга его территория ограничивается современной ул. Правды. Имеет площадь около 5 га. Поселение XII—XIII вв. занимало ограниченную площадь (около 0,5 га) и располагалось у Западной Двины вблизи Нижнего замка [133. С. 39].

В течение XIV—XVIII вв. поселение развивалось в северном, восточном и южном направлениях. С XVI в. известна Воскресенско-Заручевская (Кожемятская) церковь, принадлежащая корпорации кожевников. В 1693 г. начато строительство женского монастыря при церкви Св. Духа. К этому времени в Заручавье сложилась уличная планировка. Улица Большая (Кожемятская) соединяла его с Нижним замком через браму Заручевскую. От Западной Двины на гору к Святодуховской церкви вела вторая улица [94. Т. XXI. С. 213].

Задвинская слобода — посад Витебска XVI—XVIII вв. Располагалась на правом берегу Западной Двины напротив витебских замков.

Письменные источники свидетельствуют о наличии на этом участке города в эпоху средневековья двух поселений. Одно из них, более раннее, существовало уже в домонгольское время (X—XIII вв.) в северной части Задвинья, где установлено наличие курганного могильника (земля Зверинецкая). На базе этого поселения формируется часть городского посада — *Ильинщина*. Здесь с XV в. известна церковь Св. Ильи. Впоследствии северная часть Задвинья именуется «слобода Волотовка» (1714), «Слободской посад» (1761). Населяют данный городской участок судостроители и люди близких профессий. Кроме церкви Св. Ильи здесь расположена уже в XVIII в. деревянная Покровская церковь.

14. Зак. 2024

Проведенные автором монографии археологические исследования на территории Задвинья [48. С. 180] позволили зафиксировать культурные напластования XVII—XVIII вв. Один из раскопов, судя по плану города XIX в., располагался вблизи бывшей Покровской (гарнизонной) церкви. В южной части Задвинья по источникам XVI в. известно поселение Русь или *посад Русский*. Такие названия обычно характерны для местожительства русских купцов в торговых городах средневековья. Древнейшей деревянной церковью слободы Русь был Семеновский деревянный храм, изображенный на «Чертеже» 1664 г. В 1790 г. возведена каменная Семеновская (Богоявленская) церковь, перестройка которой завершена в 1805 г. Дальше располагалась деревянная Николаевская церковь (возведена в 1779 г., перестраивалась в 1863 г.) (рис. 46). Здесь же, на территории слободы Русь на берегу Западной Двины находились каменные провиантские (соляные) склады, а вблизи их Петропавловская церковь (1780). Раскопками 1999 г. вскрыты остатки Сретенского храма рубежа XVI—XVII вв. под соляными складами [327]. К нему примыкало приходское кладбище (рис. 47). Слобода Русь была также местом поселения гончаров в более позднее время, о чем свидетельствует и ныне существующая ул. Гончарная [48. С. 180].

В конце XVI в. (1592—1594) на территории Верхнего замка проживали представители высшей знати: наместник Витебского воеводства Иван Война Ромейка Ясенецкий, земский ловчий Витебского воеводства Стефан Тимофеевич Лускина, пан Левон Бонич. В 1628 г. здесь имели участки земянин Юрий Буевич, паны Узварцы, Осиповские, Храповицкие, Турковские. Под 1664 г. на «Чертеже г. Витебска» обозначен «дом Горского». Князья Горские владели имением Горы и состояли в родстве с князьями Друцкими.

На территории Нижнего замка в конце XVI — первой половине XVII в. размещались, в основном, дворища витебских земян (бояр), панцирных бояр. Под 1628 и 1629 гг. имеются записи о приобретении на Нижнем замке земельных участков гродским писарем Василием Шапкой Хотольским «подле ул. Великой слева, если идти к рынку, между домами и пляцами земян Базыля и Юря Шапков Хотольских и напротив пляца и дома Огинских». Это дает представление о двух значительных усадьбах, которые также были обозначены на «Чертеже г. Витебска 1664 г.» под названиями «дом Шапки», «дом Огинского».

Со времени приобретения в 1595 г. от землевладельца Витебского воеводства Филиппа Андреевича Голубова имения Голубовского, лежащего над р. Хотолею, ротмистром Гуркою Григорьевичем Шапкою, он и потомки его прибавили к фамилии Шапка прозвище Хотольский [133. С. 86].

Что же касается Огинских, то под 1642 г. имеется «Фундушевая запись на основание Маркова монастыря в Витебске Самуилом Огинским — тивуном Трокским». Именно ему и принадлежал дом на Нижнем замке в 1664 г. Согласно инвентарю 1641 г. Самуил Огинский владел также пятью домами с огородами в посаде Русском [264. С. 368].

В 1687 г. сын Льва Самуила Огинского, подкоморий витебский, князь Семен Карл Огинский дал жалованную подтвердительную грамоту на имения Марково и Шидловщину для витебского Маркова монастыря, основанного его родителями [264. С. 251—255]. Представители княжеского рода Огинских на протяжении XVII—XVIII вв. занимали высокие государственные посты в Великом княжестве Литовском и были тесно связаны с Витебским воеводством как по служебной линии, так и по значительности земельных владений на его территории [321].

Верхний и Нижний замки в XVI—XVIII вв. сохранили свои границы и лишь совершенствовались в архитектурно-планировочном отношении, в то время как территориальный рост и планировка неукрепленных участков города претерпевали постоянные интенсивные изменения. К наиболее важным факторам, способствующим этим преобразованиям, можно отнести учреждение городских юридик и введение магдебургского права. С 1563 г. юридики в городе были узаконены. Во второй половине XVI в. по инициативе королевской власти происходит перемещение части городских строений Нижнего замка и посада, расположенного за Двиной, на Взгорье для преобразования Завитебного посада в «место».

Судя по инвентарям 1618 и 1641 г., здесь размещались посады-юридики, принадлежавшие отдельным владельцам.

Так, архиепископу в 1618 г. подлежали дворы мещан, расположенные на пляцах церковных в посадах: Богородицком (ул. Богородицкая), Узгорском (ул. Узгорская за пределами Острога), посаде на Песьей Полянке за Острогом. В 1628 г. владел «слободкою из 3-х пляцев с домами и мещанами подле острога в месте Витебском» витебский стольник Христофор Храповицкий.

В документах конца XVI в. (1593) упоминаются принадлежащие городу поля Задунайские (за ручьем Дунаем) и поля Заручайские, расположенные юго-восточнее Нижнего замка. В Задунавье, расположенном под Кстовской горой и именуемом в документах конца XVI — начала XVII в. также посадом Витебска, проживали мещане как на земле «меской» (т. е. городской), так и на земле «земян» (т. е. шляхты) [133. С. 85].

Во Взгорской слободе в XVII—XVIII вв., как свидетельствуют инвентари 1641, 1664 гг. и археологические материалы, селились мастера по обработке железа, стекольщики, люди профессий, требующих свободной застройки, так как они имели дело с огнем. В конце XVIII в. на Песковатике (Песья Полянка) был построен один из кафельных заводов, а в районе ул. Подтычинской в XIX в. имелось стекольное производство [133].

Площадь, занимаемая городской застройкой, в конце XVIII в. превышала 35 га. Основными звеньями, увеличившими территорию города, были Взгорье, Задунавье, Заручевье, Задвинье, постепенно присоединявшиеся к нему на протяжении средневековья [135. С. 150].

Как уже отмечалось, на рубеже XVI—XVII вв. в Витебске имелись два административных центра. Один из них (общеземский) продолжал существовать на Верхнем замке, второй — орган городского самоуправления — на Взгорье. На основе находившихся в частном владении мелких посадов во второй половине XVII в. сложилась сеть городских улиц, сходившихся к основным магистралям. В конце XVIII в. важнейшие в градостроительном отношении узлы были заняты католическими монастырями, костелами, иезуитским коллегиумом.

Эпоха позднего средневековья характеризуется достаточно широким каменным строительством в Витебске. В XVIII в. оно получило особое развитие на Взгорье и в Задвинье.

Неотъемлемой частью планировки средневековых городов было сооружение водоотводов. Развитость коммунального хозяйства — свидетельство высокого уровня градостроения. Правовые источники Западной Европы фиксируют необходимость отвода сточных вод в городах уже в начале XIII в. [324. С. 87]. Как правило, водоотводы начинались у важных для жизни города зданий (церквей, ратуши, складов-хранилищ), располагались в центральной части

средневекового города и служили для отвода грунтовых вод от главных уличных магистралей.

На территории средневекового Витебска фрагменты водоотводных систем были выявлены при раскопках Верхнего [102], Нижнего (возле Благовещенской церкви) замков, Взгорского острога (по ул. Толстого и во дворе между сквером Маяковского и ул. Я. Купалы), а также на территории Задунавья [48. С. 181; 133. С. 36—37]. Составные части водоотводных сооружений датируются в основном XVII—XVIII вв. (это деревянные водоотводные желоба, соединительные колодцы, один поглотительный колодец, один каменный фильтрационный канал). Конструкция этих сооружений разнообразна и свидетельствует о развитой водоотводной системе в Витебске в эпоху средневековья.

4.2.2. Орша

В XIV в. происходит расширение укрепленной части территории города. Второй ров, параллельно первому, отделявшему городище-крепость от неукрепленного посада, был прорыт дальше, также соединив Днепр с Оршицей и заключив в водное кольцо участок площадью 3,1 га под названием «замок». [146. С. 7]. Замковые укрепления включали и раннесредневековое городище-крепость (рис. 34).

План Оршанского замка приближался к треугольнику. По периметру он насчитывал пять башен, три из которых были угловыми. Четыре из пяти башен имели до половины высоты каменные основания. Полностью деревянной являлась большая въездная и набатная башня, занимавшая мыс. Угловая башня над Днепром имела тайный выход к реке, а в башне над р. Оршицей у торга было трое ворот [71. Т. 2. С. 123—127].

От замка город развивался в нескольких направлениях. Посады на правом берегу Днепра (Наднепровский) и за Оршицей (Заоршинный), возникшие еще в XII в., к XVII в. значительно выросли, имели развитую уличную сеть. На Оршице возле замковой брамы была устроена плотина с мельницей, которая соединяла посады между собой. На посаде Наднепровском торг осуществлялся у стен замка, куда сходились основные улицы. В центре осевой улицы Заоршинного посада, расположенного вдоль изгиба правого берега Оршицы, также размещалась торговая площадь [290. С. 22]. Северная граница Орши XVII в. фиксируется по распространению культурного слоя пересечением современных улиц Энгельса и Народной. За городской чертой в 1758 г. на пустыре был построен монастырь базилиан (рис. 48, *а*). Возведению церкви Рождества Богородицы на правом берегу Оршицы (посад Заоршинный) во второй половине XVII в. предшествовало приходское кладбище, занимавшее склон небольшой возвышенности. Видимо, рядом находился деревянный храм, который функционировал до конца XVI в., как и само кладбище [153. С. 43]. В Наднепровье поселение, как показали археологические наблюдения, развивалось до современной ул. Комсомольской. На территории иезуитского коллегиума и в месте расположения костела за оградой коллегиума нижние напластования участка, приближенного к замку, относятся к XII—XV вв. [144] (рис. 48, *б*).

С введением в Орше магдебугского права в 1620 г., часть Наднепровского посада была также обнесена рвом и валом, превращена в «земляной город». Здесь и проходила городская черта (рис. 34). Новый укрепленный участок города имел три проезжих брамы: Днепровскую, Витебскую и Могилевскую [307.

С. 100]. Центр города уже сместился на торговую площадь, где располагался городской магистрат. Замковый комплекс постепенно приходил в упадок и больше не восстанавливался.

Рост городской территории осуществлялся за счет увеличения численности населения. Это были беглые и еще не прикрепленные к земле крестьяне, переселенцы из других городов. Феодалы поселяли на своих городских земельных участках (юридиках) крестьян, вывезенных из загородных поместий для занятия ремеслом. Городское население пополнялось и за счет людей, живших на участках, выделенных под монастыри. Королевская власть строго следила за поступлением в казну установленных поборов от вновь поселившихся.

Инвентарь 1560 г. дает представление о застройке территории Оршанского замка. Здесь размещался королевский двор, состоявший из нескольких светлиц, сеней, комор, пекарни, кухни, свирнов на подклетках, пивницы (винного погреба), стайни. Возле построек находился овощной огород. Помимо королевского двора на территории замка находилась церковь, 11 домов шляхты — земян, 17 домов мещан. «Неподалеку замку» находились загородная резиденция короля с двумя светлицами (жилыми помещениями) с сенями, лазней, стайней, гумном, овощными огородами, тремя полями и сеножатями в Маркова, на Грязивце, в Бабине [71. Т. 2. С. 128—134].

На рубеже XVI—XVII вв. как составная часть — посад Заднепровский — в черту города вошла и Ильинская слобода. В 1623 в. при впадении р. Кутеинки в Днепр был основан мужской Богоявленский монастырь. В 1631 г. неподалеку от него появляется женский Успенский монастырь. Кутеинская слобода находилась в некотором отдалении от среднековой Орши, однако была органично с нею связана [146. С. 8].

Через Оршу проходили важнейшие водные и сухопутные международные торговые маршруты, что обеспечивало городу бесперебойный торговый транзит. О существовании Оршанской таможни известно из источников XV в., специальным королевским указом оршанским купцам предоставлялось «право склада» — стапель [75. С. 15].

Основной функцией Орши на протяжении многих веков была оборона государственных рубежей. В «Списке городов русских дальних и ближних» отмечено: «Рша камен» [223. С. 476; 32. Т. 1. С. 112]. И тем не менее, трудно установить начало сооружения каменного Оршанского замка. Ю. И. Драгун, проводивший раскопки на оршанском городище в 1965—1968 гг., считает, что в правление великого князя Ольгерда (XIV в.) осуществлялись перестройка старой земляной крепости (городища) и сооружение новых замковых укреплений. По его мнению, валы на городище были срыты, старый ров засыпан. В то же время он отмечает, что, поскольку площадка городища «значительно возвышалась над окружающей местностью, то на нем не были возведены каменные стены, а лишь по краю насыпаны валы и поставлен частокол» [75. С. 11]. С напольной стороны к городищу примыкали стены замка.

М. А. Ткачев связывает возведение каменного замка с правлением великого князя Витовта, ссылаясь на документ 1407 г., где идет речь о присылке в Оршу мастера каменных работ из Кенигсберга [307. С. 94]. Он считает, что «помурованый» из камня в начале XV в. только до половины, замок был не достроен. В то же время известно, что город устоял во время военных действий 1507, 1514, 1519 гг. Ремонт замка осуществлялся в 1529 г. В описании инвентаря

замка 1560 г. сказано, что он частично каменный, частично деревянный. Таким образом, можно полагать, что до второй половины XVI в. Оршанский замок не был полностью каменным.

Археологические раскопки О. Н. Левко, проведенные в 1988 г. на городище и в 1989—1991, 2003 гг. на территории замка, позволяют внести некоторые дополнения в вопрос о сооружении Оршанского замка. Видимо, следует согласиться с Ю. И. Драгуном, что строительство замка началось в XIV в. В это время осуществлено укрепление вала городища со стороны площадки булыжной отмосткой на известковом растворе (рис. 31). Данные работы могли производиться одновременно с возведением каменных стен замка, примыкавших к городищу.

В то же время, как показали раскопки 1988 г., сам земляной вал городища, сооруженный в XII в., не разрушался. В раскопе четко фиксируются прослойки пожаров, неоднократные подсыпки вала, следы деревянных конструкций на его поверхности, погибавших в огне. Единственный случай срытия вала на городище прослеживается в слое середины XVII в., что вполне согласуется со сведениями письменных источников [146. С. 11]. По данным второй половины XVII в., посады в Орше выгорели и «дворов в каменном городе и в остроге никаких нет» [75. С. 19]. Первоначальный ров, проходивший у подножья городища (XII в.), как показали раскопки О. Н. Левко в 1990 г., постепенно заполнился отложениями более позднего времени. Следы сооружения каменного замка раскопками на территории замчища, проведенными в 1989—1991 гг., не выявлены. Однако во время небольших разведочных работ за линией первоначального рва в центральной части территории замка в 2003 г. в 4 шурфах выявлена каменная кладка на извести, имевшая толщину от 0,2 до 1 м на разных участках. Данная кладка, судя по расположению шурфов, занимала значительную территорию и могла относиться к надворным сооружениям каменного замка. Некоторые фрагменты каменной кладки не имеют следов раствора и, возможно, являются вымосткой двора или пола. Хронология выявленных фрагментов кладки соответствует периоду существования каменного замка (XV — первая половина XVII в.). Остатки фундаментов каменных построек XVIII—XIX вв. и фрагментов кирпичной кладки этого времени встречались на всех участках археологических исследований [144].

4.2.3. Локальные центры

Постоянное совершенствование и обновление оборонной системы локальных центров в течение XVI—XVIII вв. обусловлено в первую очередь тем, что после 1514 г. ряд замков Оршанского Поднепровья вместе с укрепленными частями городов являлись главными форпостами на восточной границе ВКЛ (Шклов, Копысь, Дубровно).

Частновладельческие города

Шклов является наиболее сложным по территориально-топографическому развитию средневековым центром, прошедшим все стадии от погоста (волостного центра) X—XIII вв. до города XVI—XVIII вв. и трижды сменившим свое местоположение.

Первый этап охватывает раннее средневековье и прослеживается только по археологическим источникам. Было ли закреплено название «Шклов» за городищем и селищем, что примыкало к нему в X—XIII вв., расположенным на территории современной д. Старый Шклов (рис. 16), неизвестно.

Второй этап развития топографии и планировки Шклова связан с местоположением центра уже «имения Шкловского» также на городище у д. Старый Шклов. Владели данным имением в первой половине XVI в. Гаштольды. В более раннее время (XIV—XV вв.) территория имения входила в состав земельных владений князей Друцких. Во время раскопок 1979, 2003 гг. на городище в Старом Шклове О. Н. Левко были собраны материалы XIV—XVI вв. (горшковые изразцы, бытовая керамика, а также два фрагмента клейм на днищах горшков с изображением зверя) (рис. 49:4). Целое клеймо с изображением такого же геральдического животного было выявлено Г. В. Штыховым на данном городище в 1968 г. Подобные изображения животных характерны для вислой печати из Полоцка (рис. 50:2), монет ВКЛ, личной печати тверского князя Михаила.

Вокруг укрепленного Шкловского феодального двора в XIV—XVI вв. развивались открытые поселения, на которых неоднократно были найдены монеты, а также различные предметы, характеризующие материальную культуру центра сельской округи (имения). Н. Н. Карамзин сообщает, что в 1535 г. войска русского воеводы Шуйского, «предав огню все места вокруг Княжичей, Шклова, Копоса, Орши, Дубровны» [99. Т. 8. С. 19], отступили к Смоленску. Без сомнения, в данном случае речь идет об укрепленном центре имения у д. Старый Шклов. В других источниках 1570-х гг. встречаются два названия: «Старый Шклов» и «место Шкловское». Это означает, что одновременно с первоначальным Шкловом (Старым) уже существовало новообразование — «место», которым управлял городской магистрат. Документ 1577 г. называет бурмистра места Шкловского Исая Зеновича, а также войта, радцев и лавников [240. Т. 32. С. 109, 121, 175].

Причина создания «места Шкловского» не рядом с укрепленным феодальным двором имения, а на расстоянии около 4 км на берегу р. Днепр могла быть следующая. В соответствии с проектом международного торгового пути по крупным рекам от Прибалтики до Черного моря, во второй половине XVI в. началось строительство канала между Днепром и Западной Двиной в окрестностях Орши [290. С. 16]. Одновременно польским правительством поддерживалась личная заинтересованность польско-литовской шляхты в градостроительстве на ведущих речных путях. Поэтому в конце XVI — начале XVII в. в Верхнем Поднепровье вдоль Днепра возникает ряд частновладельческих городов («мест»), в том числе и «место Шкловское», принадлежавшее графам Ходкевичам. С получением в 1577 г. Шкловом магдебургского права, Старошкловский двор и поселения возле него приходят в упадок. Этому способствовала и Ливонская война [190. С. 92—106].

Третий этап в развитии Шклова связан полностью с поселением на р. Днепр. Кроме «места», здесь при впадении р. Серебрянки (Шкловки, Езоны) в Днепр был заложен замок, который соединялся с укрепленным «местом» (рис. 18). Проведенные О. Н. Левко в 2002—2003 гг. археологические исследования на территории Шкловского замка и «места Шкловского», расположенных на территории современной д. Рыжковичи, подтвердили хронологию и характер данных поселений. *Замок Шкловский* по материалам раскопок датируется второй

половиной XVI — первой половиной XVIII в. Здесь выявлены многочисленные предметы замкового быта (расписная и рейнская керамика, западноевропейское стекло, голландские курительные трубки, медальон с изображением католических святых (рис. 51:1), полихромные и расписные изразцы и разнообразные изделия из железа), а также предметы вооружения, пули, монеты и др.

Застройка территории замка производилась в два этапа. На раннем этапе постройки были деревянными, иногда на каменном фундаменте. Обогревались глинобитными печами с горшковыми изразцами, используемыми в качестве калориферов. На восточном участке площадки замка раскрыта каменная вымостка со следами известкового раствора. По характеру сооружения (более мощные части сочетаются с однослойными), как и хронологически (XVI в.) она соотносится с каменной вымосткой, выявленной в 2003 г. на территории Оршанского замка. Возможно, именно здесь располагались жилые постройки владельцев Шклова. На втором этапе (вторая половина XVII в.) появляются кирпичные строения, в которых использовались разнообразные изразцовые печи. Окна были застеклены. Оборонительные укрепления Шкловского замка имели внутривальные деревянные субструкции. По валу проходили деревянные стены. Подробные сведения об укреплениях Шклова и его замка на протяжении XVII в. содержатся в инвентарях города начиная с 1643 г.

Сохранившиеся до настоящего времени элементы средневековой топографии и фортификации позволяют сделать реконструкцию (рис. 18). При впадении Серебрянки в Днепр размещался подпрямоугольной формы замок (120×130 м), окруженный земляным валом. Запруда на Серебрянке поднимала уровень воды, которая заполняла ров, прокопанный между «местом» и замком, превращая последний в островную крепость. Въезд в замок осуществлялся по подъемному мосту от предместья Рыжковичи к браме Угорской (Рябковой). Со стороны Серебрянки по замковому валу проходил «паркан», а со стороны искусственного рва — острог. По свидетельству проезжавшего через Шклов в 1647 г. князя Богуслава Радзивилла, в замке было две башни. А по данным инвентаря 1661 г., посреди замка располагалась высокая деревянная башня, с которой велся обстрел окрестностей. Как установлено раскопками 2003 г., оборонительная стена «места» подходила к замку с запада (вдоль р. Серебрянки). Второе место соединения городских укреплений с замком было со стороны Днепра, где располагалась упомянутая в инвентаре 1643 г. «мерница».

Место Шкловское простиралось вдоль излучины Днепра, где и в настоящее время сохранились следы земляного вала, а также искусственного рва — «перекопа», отделявшего «место» с напольной (северной) стороны от предместья Заперекопского. Эта часть современной д. Рыжковичи сохранила средневековую городскую планировку. Фундаменты каменной церкви Св. Петра и Павла, построенной на средства купца Василия Овсеевича в 1701 г. вместо сгоревшей в 1690 г. деревянной Воскресенской церкви, также были исследованы в 2003 г. Под ними выявлены остатки подвала деревянного храма с погребениями, датируемыми по монетам XVII в. (рис. 52). Произведена шурфовка и в месте расположения фундаментов каменного доминиканского монастыря, построенного в 1619—1624 гг. вместо кальвинистского храма (1592). Это строение маркирует главную улицу укрепленной части места Шкловского. Она имела выходы через брамы — проезжие ворота: Копысскую (Днепровскую) и Головчинскую (Песочную). Со стороны Копысской брамы на р. Днепр располагалась

пристань вблизи «мерницы». Головчинская брама выводила из места к р. Серебрянке. Вдоль реки напротив «Высокого поля» располагалась Могилевская брама, за ней на углу «перекопа» — брама Козловская. Вблизи Могилевской брамы находился двор ксендза. Он был защищен стеной, рубленной «избицами» (клетями), а не «по городовому» (в одну стену). Полное описание оборонительных сооружений Шклова, сделанное в 1657 г. русским воеводой И. М. Толочановым [247, ф. 137, оп. 1, д. 2. Ч. 2, л. 204—215], свидетельствует о том, что это был хорошо укрепленный порубежный город.

Распространенный в Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII в. тип «замка с местом» имел несколько функций. Он был административным и хозяйственным центром латифундии, торгово-ремесленным и религиозно-просветительским. Кроме того, выполнял роль форпоста в военно-оборонительной линии на границе с Русским государством.

Кроме прилегающей к замку укрепленной центральной части, Шклов имел несколько предместий. Различные источники называют в XVII в. предместья Рыжковское, Ходуловское, Заперекопское (оно состояло, видимо, из двух частей: Оршанского и Шкловского), Заднепровское. Размещение этих предместий вокруг центра и их названия указывают на то, что возникали они не одновременно (рис. 16). С целью развития ремесла и торговли, владельцы латифундий селили в слободах (предместьях) мещан, которым давали временные льготы в выплате податей и выполнении различных повинностей. Этот процесс приходится в основном на первую половину XVII в. До середины XVII в. Шклов стал одним из крупнейших центров ремесла и торговли на территории Беларуси. Он занимал 7 место по размерам и количеству жителей после Вильно, Могилева, Берестья, Слуцка, Менска, Полоцка. Застроенная площадь укрепленной части Шклова составляла около 30 га, предместья Заперекопского — около 18 га, Рыжковского — около 25 га, Заднепровского — около 70 га. Всего вместе с замком под застройкой (учитывая приусадебные огороды) было около 200 га земли [363. S. 34].

Четвертый этап в историческом и территориальном развитии Шклова связан со строительством *«Нового места»*, расположенного на расстоянии 2,5 км на север от старого «места Шкловского». В результате войн середины XVII в. и особенно Северной войны, согласно инвентарю 1715 г., городская застройка составляла 78 га против 200 га в первой половине XVII в. Однако наличие необходимого сырья в хозяйстве, удачное расположение на торговых путях оставались стимулом роста городской территории. В инвентаре 1763/64 гг. есть сведения о выкорчевывании леса и складировании большого количества строительных материалов под монастырем черниц за городом. Уже тогда Адам Чарторыйский, новый хозяин Шкловского графства, задумал расширение города. Строительство «Нового места» началось в 1769 г., когда большой пожар уничтожил почти 300 домов старого «места», а его оборонительные сооружения, значительно разрушенные во время последней войны, пришли в упадок [363, S. 34]. Замок эпохи средневековья, как и старое русло Серебрянки с запрудой были заброшены.

Планировка новой части города осуществлялась в соответствии с действовавшими принципами градостроительства — на ровной местности с красивым пейзажем, окруженной водой (с востока — Днепр, с запада — искусственное озеро на р. Серебрянке, которая уже впадала в Днепр по руслу вырытого ранее «перекопа»). Усадьба владельца графства занимала участок между ста-

рым «местом» и Новым Шкловом. От нее вела липовая аллея к прямым улицам, образовывавшим замкнутые кварталы (рис. 16). Наиболее значительные городские строения «Нового места» были каменными. Среди них в документах конца XVIII — начала XIX в. названы православная церковь, девичий монастырь, еврейская школа, почтовый дом. Посреди прямоугольной площади размещалась каменная ратуша с торговыми рядами. Напротив ратуши находилась кладовая, а по углам торговых рядов — пирамиды с колодцами (рис. 53). Завершилось строительство «Нового места» около 1778 г. [290. С. 47]. В это время оно перешло от Потемкина к другому фавориту Екатерины II — генералу Зоричу. В конце XVIII в. город в хозяйственном и культурном отношении был достаточно высоко развит. Современный Шклов в своей основе имеет планировку «Нового места» конца XVIII в.

Дубровно относится к белорусским городам, основанным в эпоху развитого средневековья. Инвентари XVI—XVIII вв. дают представление о планировочно-топографической структуре города этого времени и его главного звена — замка.

Город имел три линии дерево-земляных оборонительных укреплений. Две из них принадлежали замку, состоящему из двух частей (детинца и пригородка) (рис. 54). Третья линия в виде земляного вала с острогом ограждала территорию так называемого «*Старого города*», примыкавшего к замку и расположенного между реками Дубровенкой и Свинкой [252. С. 129—130] (рис. 56, *б*). Начатые в 1654 г. военные действия способствовали тому, что укрепления Дубровно снова горели, как это было уже не раз в XVI в. В 1655 г. город был занят русскими войсками, получившими царское распоряжение восстановить его укрепления. Воевода Ф. Л. Замятня доложил царю, что его люди копали ров около города, и острог поставили, и «всякие крепости учинили» [308. С. 94].

Инвентарь 1672 г. дает представление о его планировке. Старый город был укреплен валом, по верху которого проходил деревянный острог. В центре его располагалась рыночная площадь, от нее и от замка отходили улицы, ведущие к рекам Днепру, Дубровенке и Свинке. Всего в Старом городе было 15 улиц и 2 переулка. Самые длинные из них (Скребнева, Подгорская) включали 15 и 18 «пляцев» городской застройки, остальные — от 2 до 8 «пляцев». Участком в 4 «пляца» владел поп Николаевской церкви. На правом берегу Днепра и за Дубровенкой с XVII в. развиваются неукрепленные части города: посады Заднепровский и Задубровенский (рис. 56). В Заднепровском посаде также размещалась торговая площадь, одну из ее сторон занимали церковь Юрия и дом священника. В посаде значились три улицы: Перевозная, Хамовская и Мельничная, которая вела к «млыну Тизовскому». Задубровенский посад сформировался позднее и имел также три улицы: Оршанскую, Горную и Среднюю (самая большая), которая вела к Днепру.

Дубровенское замчище представлено хорошо задернованной подпрямоугольной формы площадкой без следов оборонительных сооружений на ее поверхности. На площадке прослеживается уступ, отделяющий восточную часть замчища (размером 35×45 м) от западной (90×45 м). Перепад высот участков составляет 1 м. С востока сохранились остатки глубокого рва, соединявшего р. Дубровенку с р. Днепр и придававшего замку вид островной крепости. Земляная насыпь, узким перешейком подходящая со стороны города к бывшему водному кольцу, показывает место вероятного въезда в замок (рис. 54).

Впервые исследовалась территория замчища автором данной монографии в 1996—1997 гг. Вскрыта площадь свыше 400 кв. м. Полученные материалы позволяют предположить, что первоначально в мысовой части замчища располагалось неукрепленное поселение [22. Т. 4. С. 99]. Слой маловыразителен и по единичным находкам его можно отнести ко времени упоминания Дмитрием Семеновичем Друцким (Секирой) о принадлежавшей ему «земле пустой Дубровенской» [21. С. 242]. На какое-то время поселение оказалось заброшенным, о чем свидетельствует линза песка, перекрывающая нижний горизонт слоя [191. д. № 1710]. Возобновление жизни на нем датируется XV — началом XVI в. (время формирования территории волости «Дубровенский путь»). Этому периоду соответствует верхний горизонт нижнего слоя [159. С. 164—165].

В 1514 г. Дубровно упоминается как *город*, занятый русскими войсками накануне Оршанской битвы на р. Крапивне. «Городом» поселение могло быть названо лишь в связи с наличием на его территории оборонительных сооружений. На карте немецкого дипломата и путешественника С. Герберштейна, составленной в 1517 г. [54], в месте расположения Дубровно показана двухъярусная деревянная башня. Единственный из известных инвентарей *Дубровенского замка* (1645) называет ряд строений на его территории и также существовавшие оборонительные сооружения. Сведения этого инвентаря приводятся М. А. Ткачевым [308. С. 91—92]. Хронология полученных археологических материалов позволяет рассмотреть развитие замка в соответствии с данными, приведенными в инвентаре.

Прорезкой склона замчища с северной (от р. Днепр) стороны площадки зафиксированы пожары и подсыпки, связанные с дерево-земляными укреплениями замка. В материке выявлены следы столбовых конструкций, относящихся к самому раннему этапу ограждения территории замка, когда валов еще не было. Этот «тын» по времени соответствует возведению башни-донжона, приведенной на карте С. Герберштейна. Средний горизонт культурного слоя замчища представлен постройкой, которую можно соотнести с данной башней. Размеры ее по внешнему краю 5,4×5,4 м, по внутреннему — 4×4 м. Она имеет деревянное решетчатое основание, заполненное прокаленной глиной. Под углы положены камни. Внутри башни в одном из углов находилась обогревательная печь. Наиболее ранние горшковые изразцы с квадрифольным и круглым устьем датируются рубежом XV—XVI вв., затем следуют полихромные трехцветные рельефные изразцы и, наконец, материалы XVII в.

Замковые укрепления в виде земляного вала с деревянными городнями были сооружены при Яне Яновиче Глебовиче. В первой половине XVII в. они еще поддерживались в исправном состоянии Николаем Яновичем, а после его смерти в период затишья между войнами при Ежи Кароле пришли в упадок. В 1645 г. со стороны Днепра оставалось только 6 городен и две башни: угловая (на стыке рек Днепра и Дубровенки) и «высокая старая похиленая» при въезде, а также нижняя часть третьей башни.

Видимо, после войны 1659—1667 гг., во время которой конструкции на валу сгорели (мощный слой золы и пепла в прорезке), они более не возобновлялись. Новые подсыпки склона содержат остатки строительных материалов конца XVII—XVIII в.

Раскопками в северной и центральной частях замчища выявлены *постройки*, которые выделяются в самостоятельные строительные горизонты. Самые ранние из них представлены заглубленными в землю жилищами и датируются XV — началом XVI в. (судя по высоким горшкообразным изразцам с квадрат-

ным и круглым устьем и рифлением в верхней части). В строительном горизонте, датируемом рубежом XVI—XVII — второй половиной XVII в., находилась большая постройка с подвалом и остатками печи, а также фрагменты хозяйственных сооружений. В подвале обнаружена стеклянная тара (большие бутли). Печные изразцы украшены гербовыми, сюжетными рисунками и растительным орнаментом. Комплекс вещей соответствует замковой материальной культуре. Время разрушения строений на территории замка совпадает с гибелью деревянных конструкций на валу. Расположенные над указанными постройками остатки каменно-кирпичных конструкций верхнего культурного слоя датируются концом XVII—XVIII в.

Таким образом, дерево-земляные укрепления Дубровенского замка хронологически соответствуют времени существования строений верхнего строительного горизонта (рубеж XVI — вторая половина XVII в.). Упадок замкового комплекса приходится на период конца XVII—XVIII в. (до смерти К. Сапеги). Новые наследники Дубровенского замка, судя по инвентарям XVIII в., придают усадьбе вид, соответствующий дворцово-парковым комплексам. Инвентари Дубровенского замка 1731 и 1775 гг. перечисляют многочисленные строения жилого и хозяйственного назначения и не упоминают каких-либо оборонительных укреплений [352. С. 128—132; 220, ф. 3258, оп. 1, д. 2, л. 1—6; д. 14, л. 1—3].

Копысь (рис. 56, *а*) являлся торгово-ремесленным городом, в котором замок и укрепленная часть «места» XVI—XVIII вв. играли важную роль во время военных действий. По инвентарю 1651 г. в деревянном замке было две брамы: одна большая для въезда со стороны «места» и вторая, стоящая над Днепром, башнеобразной конструкции. На замчище размещался и двухэтажный дом с галереей верхнего боя. Все постройки замка были соединены частоколом и требовали ремонта [4. С. 414]. Укрепления замка, видимо, повторяли конфигурацию древнего городища, по краю площадки которого на рубеже XI—XII вв. был насыпан земляной вал. Этот вал прорезал Э. М. Загорульский, установивший, что он был расширен и увеличен в высоту на 2 м, как полагал исследователь, в XVI — первой половине XVII в. [83]. Однако, согласно инвентарю Копыси, кардинальное переустройство замка было начато в 1668 г. [308. С. 62]. Вал замка был подсыпан, с четырех сторон сооружены бастионы, сохранившиеся до настоящего времени. Въезд в замок уже был только один по подъемному мосту со стороны города. Возле него располагалась мельница на запруде, позволявшей превратить замок в островную крепость. Внутри замка был сделан колодец. Раскопки, проведенные на территории Копысского замка в 2003 г., позволяют дополнить сведения о его новом обустройстве. Проезд в замок был вымощен булыжниками, по краям его ограждали два ряда более крупных валунов (рис. 55). Замощенной была и центральная часть замка перед домом (раскопки 1972, 2003 гг.).

В дальнейшем инвентари Копыси о замковых укреплениях сообщают мало. Во время Северной войны 1700—1721 гг. узловые пункты обороны Верхнего Поднепровья, к которым относились Орша и Копысь, требовали быстрейшего укрепления. В феврале 1706 г. Петр I посетил Оршанщину и начал военные приготовления. В 1707 г., чтобы сорвать переправу шведских войск через обмелевший Днепр, крестьянами Оршанского повета и Могилевской экономии при участии русских полков возводятся вокруг Копыси бастионные укрепления, получившие впоследствии название «Петровский вал». На замковых валах был

установлен «тын». Замок вместе с городом были полностью сожжены отступающими русскими войсками.

В 1713 г. началась очистка заплывшего песком рва вокруг замка. В период с 1726 по 1773 г. деревянный «палисад» по валу замка регулярно обновлялся. Деревянная замковая въездная брама была двухэтажной и имела двойные ворота с прочными запорами. Вокруг второго ее этажа проходила галерея верхнего боя, а само помещение использовалось как для военных целей, так и в качестве замковой молельни [221, ф. КМФ-5, оп. 1, д. 1781/1, л. 3; д. 1790/1, л. 1; д. 1792, л. 3].

Укрепления замка, занимавшего территорию древнего городища-крепости, в позднем средневековье дополнялись вновь созданной линией обороны «места», т. е. собственно городской территории, развивавшейся на базе древнерусского посада вдоль левого берега Днепра.

Недалеко от входа на городище Г. В. Штыхов зафиксировал культурный слой мощностью более 2 м, относящийся к XVI—XVIII вв. На глубине 1,8 м он проследил деревянный дренаж, укрепленный вертикально поставленными кольями. Состав находок позволил исследователю предположить, что в раннем средневековье участок вблизи городища не был заселен, так как затапливался р. Сморковкой [342. С. 95].

Археологические исследования, предпринятые О. Н. Левко в 2003 г., не позволяют сделать полный обзор топографической структуры «места» Копыси и его посадов на разных этапах развития. Однако характер распространения и хронология культурных напластований на разных участках исторической зоны Копыси представляются вполне определенными. Развитие посада происходило от подножья городища, где протекала р. Сморковка, в восточном направлении до р. Страшевки. На севере он доходил до Днепра, а на юге охватывал участок современной площади и застройки вдоль нее. На это указывают материалы XII—XIII вв., выявленные в нижних напластованиях. Древние захоронения маркируют местоположение раннесредневекового городского кладбища вблизи дороги к городищу.

В целом, центральная часть Копыси имеет отложения мощностью до 2 м, которые по характеру находок (рис. 57) соответствуют укрепленному «месту» [175]. Инвентари Копыси разных лет несколько дополняют имеющиеся данные по топографии, планировке и укреплениям города.

В 1654 г. городская стена, подходившая к замку, имела четыре проезжие брамы: Шкловскую, Городецкую, Горскую и Оршанскую. Ремонтными работами 1668 г. вокруг «места» был возведен «паркан» с «избицами». Вместо Городецкой уже названа Крупницкая проезжая брама. Две «фортки» выводили к Днепру, а одна — в поле. Инвентарь 1684 г. называет общую длину городских укреплений — 2190,3 м. К 1690 г. в городской стене снова остались только две проезжие брамы. В 1724 г. построены новые «избицы» и паркан вокруг города. Действовали Оршанская, Шкловская и Крупницкая брамы. Двухъярусные, открывающиеся на обе стороны проезжие брамы имели по две каморки, одна из которых была отапливаемой. Въезд в город осуществлялся по подъемным мостам, которые перебрасывали через оборонительный ров, образованный реками Сморковкой и Страшевкой с запрудами. К концу XVIII в. помимо замка и «места» инвентари называют слободы (неукрепленные посады) на Завалье, «под парканом», на предместье и за брамой Оршанской. Укрепления Копыси регулярно ремонтировались и обновлялись в связи со сложным пограничным положением города (рис. 58).

Езерищенский замок середины XVI в., расположенный на оз. Езерище в Городокском районе, имел выгодное стратегическое местоположение, был достаточно неприступен и способен выдерживать длительную осаду. Об этом свидетельствуют письменные источники: «Приидоша великого государя полковыя воеводы и конница и пехота многое множество воинских людей к городу Озерищам, тако об зовом бе того ради, что тот град обыде округ града того, только малая стезя ко граду бысть. И начаща приступати, но не возмогша езера ради, что велико дебре, а ко граду приход добре мал, и тамо ров глубок учинен есть. И только той город не добре велик да крепок, а в нем живущих и осадных людей много и наряду боевого много... и под тем градом пребыла многое время великого государя воинские люди... Русские вой учиниша многие плоты древяны и тое озеро опешав, и тое плоты подведоша под самую стену городовую и учиниша приступ крепце со всех стран» [22, 187].

Замок занимал юго-западный участок полуострова, вытянутого с востока на запад и имеющего протяженность около 0,5 км. С востока полуостров соединен узким перешейком с д. Местечко, которая в эпоху средневековья, видимо, была составной частью территории центра волости Озерище. С других сторон полуостров окружает оз. Езерище (рис. 59). Замок является одним из немногих памятников военного зодчества эпохи развитого феодализма на территории Северной Беларуси, имеющих удовлетворительную сохранность в археологическом отношении. Площадка его размерами 100×120 м имеет прямоугольную форму, вытянута с севера на юг. Она не повторяет естественной конфигурации мыса, а подогнана к четырехугольнику — системе планировки крепостей XIV—XV вв.

С восточной и северной сторон сохранились валы высотой 2—4 м, выразительно обозначены места расположения трех башен диаметром до 15 м. Высота сохранившихся насыпей достигает 7 м. Въезд в замок осуществлялся с восточной стороны. Не исключено, что помимо связи с территорией, где расположена современная д. Местечко, замок имел связь с близлежащим островом. В пользу такого предположения может свидетельствовать наличие многочисленных свай, выступающих из воды, от юго-западного угла замка по направлению к соседнему острову. По преданию, Езерищенский замок связывался с близлежащими берегами с помощью длинных мостов на сваях [34. С. 32]. С напольной стороны крепость была окружена глубоким рвом. В настоящее время ров сохранился достаточно четко лишь в северной части. Очевидно, заполнявшая его вода из озера превращала замок в островную крепость. В половодье низкая часть полуострова также могла заливаться водой.

Крепость на северо-восточном рубеже ВКЛ, ставшая и центром волости, построена в XIV в. К такому выводу позволяют прийти материалы, полученные во время археологических исследований на замчище, предпринятых в 1979 г. [128]. Основной состав полученной керамики датируется XIV—XV вв. К этому времени относятся и горшковые изразцы с квадрифольным устьем (рис. 49:6). Небольшое количество находок XVI—XVII вв. представлено бытовой керамикой, поливными и терракотовыми изразцами. В данный период замчище, видимо, использовалось, в основном, в качестве убежища во время военных действий.

Прорезка вала замка производилась от центра юго-восточной башни до основания вала с внешней стороны. Высота насыпи составила 6 м, радиус основания башни равен 12 м. На площадке, служившей основанием башни, выявлен ее *первоначальный фундамент* из смеси глины с песком, гравием и мелкими камнями мощностью до 1 м. Выше залегала прослойка темной окраски с большим количеством углей и золы, над которой зафиксированы остатки деревянных конструкций плохой сохранности. Они перекрывались культурным слоем темной окраски мощностью до 1 м, в котором располагался *более поздний фундамент башни*, сложенный из двух рядов крупных валунов. Обнаруженная при прорезке керамика показывает, что первоначальное сооружение башни и ее возобновление, как и насыпи вала, относится к XIV—XV вв. По-видимому, укрепления замчища XVI—XVII вв. обновлялись на уже имеющейся основе, поскольку, по крайней мере, в этой его части, подсыпок вала или фундамента башни позднее XV в. не обнаружено.

В XVI—XVII вв. Езерищенский замок функционировал лишь в качестве порубежной военной крепости, чему способствовали частые военные действия, опустошавшие приграничные территории. В это же время наблюдался неуклонный рост поселения на территории современного Городка, расположенного южнее Езерища по оси Витебск—Невель. Возведение замковых укреплений в Городке в конце XVI в. может означать появление на территории Озерищской волости нового административного центра.

Городокское замчище располагается на левом высоком берегу р. Горожанки (Взгорье) и является градоформирующей основой современного районного центра Витебской области — г. Городка (рис. 22). *Городокский замок* известен с конца XVI в. Он нанесен на карту С. Пахоловицкого 1579 г. Имел мощные оборонительные валы: один — по краю площадки и второй — с внешней стороны склона, а также пять деревянных башен [123]. В настоящее время сохранились лишь остатки рва у подножья замчища с северной стороны. Археологические наблюдения, шурфовка и прорезка северного склона возвышенности показали, что оборонительный вал, проходивший по краю площадки, был снивелирован на рубеже XVIII—XIX вв. Под слоем XVIII—XIX вв. мощностью 0,4—0,6 м на глубину до 2 м прослежен нивелировочный пласт насыпи вала из песка и глины. Под ним выявлен культурный слой мощностью 0,7—0,8 м интенсивно темной окраски с материалами XVI—XVII вв. и более раннего времени [137. С. 75].

В 1988 г. О. Н. Левко были проведены раскопки в центральной части замка на Взгорье вблизи расположения бывшей каменной церкви, отмеченной на плане города 1778 г. Под развалом каменной кладки, относящейся к церковному строению, и вблизи нее с внешней стороны выявлены четыре погребения, углубленные в материк на 0,1—0,15 м. Их можно датировать XV—XVI вв. Судя по размещению, они предшествовали сооружению каменной церкви и относятся к приходскому храму более раннего времени [137. С. 75—77] (рис. 60).

Городокский замок был возведен в XVI в. напротив древнего городища на правом берегу р. Горожанки, объединявшего вокруг себя поселения раннего средневековья. Новый центр (замок) обуславливал и развитие уличной сети. Рост территории прилегающего к нему *местечка* в XVII—XVIII вв. происходил в восточном и юго-восточном направлениях, о чем свидетельствуют выявлен-

ные на прилегающих к замку участках культурные напластования мощностью 0,5—1,5 м. В траншеях, вырытых во время строительных работ в 1988—1989 гг., зафиксированы 1—2 яруса деревянных настилов уличных мостовых, направление которых подтверждает стабильность планировки, сложившейся в XVII—XVIII вв.

Суражское замчище располагается на правом берегу р. Каспли при впадении ее в Западную Двину. Укрепления его имеют очертания треугольника, ориентированного вершиной на запад. Длина площадки городища вдоль берега р. Каспли — 60 м, вдоль р. Двины — 40 м. Центральная линия равна 45 м. В восточной части площадки прослеживается ров, отделяющий мыс от остальной территории. Глубина рва — до 1,5 м. Вал замчища прослеживается плохо. Площадка свободна от застройки, однако значительно испорчена ямами времен Великой Отечественной войны и современными хозяйственными ямами.

Согласно письменным источникам, до 1563 г. территория Суража с окрестностями являлась имением князей Сапег. На городище находился феодальный двор, затем по указу Сигизмунда-Августа был построен *замок*, который являлся одним из форпостов приграничной зоны.

В 1977 г. М. А. Ткачевым при прорезке вала и оборонительного рва выявлены фрагменты деревянных оборонительных сооружений [305]. В 1980 г. небольшие работы в северо-западной части замчища и зачистку разрушающегося слоя по краю площадки со стороны р. Каспли провела О. Н. Левко. Выше прослойки глины, древесного угля и строительного мусора выявлен слой интенсивно темной окраски, содержащий материалы XVI—XVII вв. [128]. Можно предположить, что прослойка строительного мусора, глины и следов пожара связана с возведением замка и вышележащий слой относится уже ко времени его существования. При зачистке на мысу обнаружены следы деревянных оборонительных сооружений вдоль края площадки замчища в виде мощных столбов с заостренным концом. Характер конструкций не определяется.

Горы Великие. В конце XVI в., когда владельцем *Гор* стал Лев Сапега, старый феодальный двор (центр имения князей Горских), размещавшийся на городище, оказывается заброшен. Как показали раскопки, здесь в это время появляется кладбище, функционировавшее еще в XVIII в. Примерно в 300 м юго-восточнее в конце XVI в. возводится *замок*. Данная местность в настоящее время известна как замчище «Вал». Территория замка площадью 230×150 м была укреплена валами, по углам сохранились бастионы. И. Балинский и Е. Липинский сообщают, что стены замка и его 7 башен были деревянными. В северной и южной стенах замка имелись проезды.

Замок, построенный Львом Сапегой, видимо, функционировал до начала XVIII в. Южнее замчища расположено *предградье*, имеющее размеры 190×140—160 м (рис. 61). Оно защищено с южной стороны валом длиной около 220 м, высотой 1,5—2 м и шириной в основании до 5 м. Мощность культурного слоя на территории предградья, как показала шурфовка Ш. И. Бектинеева, составляет 0,6—0,8 м. Материал относится, в основном, к XVIII в. [29]. Имеются отдельные фрагменты керамики, которые можно датировать XVII в. Можно предположить, что предградье было сооружено в период Северной войны, когда в 1708 г. Карл XII, «укрепившись»(?) в Горах, ждал известий от Мазепы [254. Т. 9. С. 392].

Одновременно со строительством замка Лев Сапега уделяет большое внимание развитию *местечка в Горах*. В это же время возникает и *местечко Горки,* расположенное ближе к Орше. Оба населенных пункта в начале XVII в. (1619) известны как *Горы Великие и Горки Малые*. Лев Сапега наделил их записанными в особом Уставе привилегиями, которые обеспечивали право самоуправления и были направлены на развитие торговли и промыслов. Таким образом, в XVII в. Горы являются типичным частновладельческим местечком с характерными для него чертами экономического развития. В конце XVIII в. Горы поступают в казну, затем становятся собственностью Сологубов.

В конце XVI в. на территории современного г. **Толочина** было основано *местечко*. В это время земли князей Толочинских, как и Горская волость, перешли в собственность Льва Сапеги. В 1604 г. Лев Сапега возвел в нем каменную церковь, а в начале XVIII в. здесь был построен также костел.

В 1987 г. во время прокладки траншей газопровода в центральной части современного райцентра зафиксированы культурные напластования вдоль ул. Ленина и отходящих от нее боковых улиц. Мощность слоя составила от 0,3—0,4 до 1,5 м. Три яруса деревянных мостовых выявлены в районе центральной площади. Под трассой ул. Ленина отходили еще два яруса деревянных мостовых. На пересечении ул. Ленина и ул. Энгельса и вдоль последней зафиксированы венцы деревянных строений и фрагмент постройки, сложенной из большемерного кирпича на извести. Направления улиц и выявленные участки застройки свидетельствуют о стабильности планировки, сложившейся на территории местечка с конца XVI в. За ручьем Щань, впадающим в р. Друть, культурный слой отсутствует, что позволяет установить границу расширения средневекового местечка в восточном направлении [146. С. 32—33].

Исследование позднесредневековых ведущих (Витебск, Орша) и локальных центров северо-восточной Беларуси показало, что в развитии их планировочно-топографической структуры и оборонительных сооружений выделяются два этапа.

На первом этапе (XIV—XVI/XVII вв.) увеличивается территория укрепленных частей в ведущих центрах региона Витебске и Орше и возводятся более мощные оборонительные сооружения (каменные). Получают дальнейшее территориальное развитие и неукрепленные городские участки. В Витебске учреждаются светские и церковные юридики, образующие компактные массивы — посады вдоль главных улиц. Локальные центры (государственные и частновладельческие) представлены на первом этапе развития феодальными дворами и замками с дерево-земляными укреплениями. Друцкий замок имел двойную линию укреплений, базирующуюся на основе сооружений удельного времени. Фортификация и планировка вновь возникших замков (Езерищенский, Дубровенский) соответствовали времени их возведения (XIV—XV, XVI вв.).

На втором этапе (XVII—XVIII вв.), совпадающем с введением в ряде государственных и частновладельческих центров магдебургского права, появляются новые центры с ратушей и гостиным двором, охватывающие часть территории посадов, примыкавших к замкам. Они получают название «места», или собственно города. Местечки развиваются на втором этапе и под стенами частновладельческих замков. Они формируются из посадов и слобод, окружавших замки. Развивается уличная сеть, соединяющая эти территории с замками

и между собой. Особенностью второго периода развития планировочно-топографической структуры позднесредневековых центров является наличие земляных укреплений, ограждающих городскую территорию, примыкающую к замковой.

Имеются случаи переноса административных центров. Возводится замок и формируется «место Шкловское» на берегу р. Днепр. В конце XVIII в. появляется «Новый Шклов», построенный в соответствии с новыми принципами градостроительства. Переносится центр с территории городища в Горах. На смену центру в Езерище приходит замок с местечком в Городке. Функции центра округи от Друцкого замка переходят к вновь образованному местечку в Толочине.

5.

Роль административных центров в торгово-ремесленной деятельности населения региона

В экономическом развитии региона северо-восточной Беларуси в эпоху средневековья выделяются два больших этапа. Первый из них совпадает с периодом вхождения Витебска и подвластной ему территории (волость, княжество) в состав Полоцкой земли и затем в состав Великого княжества Литовского. Второй этап охватывает позднее средневековье примерно с середины XVI до конца XVIII в.

В задачу данного исследования входит рассмотрение на основе письменных и археологических источников организации и развития ведущих составляющих экономики административных центров: ремесла и торговли.

5.1. ВИДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЕЛ

5.1.1. Ремесленное производство раннего средневековья

Следы ремесленной деятельности выявлены в регионе на поселениях со слоями последней четверти I тысячелетия н. э. и начала II тысячелетия н. э.

Первой в самостоятельную отрасль производства выделилась *обработка черного металла*. Древняя металлургия основывалась на местных болотных рудах (о чем убедительно свидетельствуют и находки следов этого производства на более ранних памятниках). Железные шлаки встречаются повсеместно как в раннесредневековых городах (Витебск, Орша, Друцк), так и в сельских поселениях этой поры (селища, городища). На территории селища в Городке в слое VI—XII вв. выявлено большое количество шлаков [143. С. 58].

Кузнечные орудия труда встречены при раскопках курганов, поселений. В Друцке выявлены сопла от кузнечных горнов, кузнечный молот, наковальня, клещи, несколько видов зубил [8. С. 122] (рис. 62). Следы мастерской по обработке черного металла в слое XII в. обнаружены на посаде в Друцке. Здесь собрано большое количество шлаков, обрезков металла, инвентарь по его обработке [196]. В Орше при раскопках древнего городища были найдены орудия труда, употреблявшиеся ремесленниками: топоры, долота, сверла, шилья, ложкари и др. Ю. И. Драгун считает, что сырьем для местного железообрабатывающего ремесла служило кричное железо, получаемое в районе г. Орши в 4 и 10 км от детинца и поступавшее на обработку в город [75. С. 8].

Ремесленный инструмент найден автором данной монографии и при раскопках городищ у д. Киселi (Дымокуры) Толочинского района, у дд. Черкасово, Устье Оршанского района, на селище в г. п. Городок [137. С. 75—77; 146. С. 42—49].

Металлографическое исследование продукции железообрабатывающего производства с территории региона показало, что ремесленники владели способом получения стали путем науглероживания железа. Они сваривали сталь с железом, подвергая ее термообработке [63]. Исследования универсальных инструментов, хозяйственных и бытовых предметов, оружия из черного металла доказывают высокий уровень технологии производства, железообрабатывающего ремесла в древнерусский период.

Некоторые изделия из железа подвергались лужению (покрытие тонким слоем олова), инкрустации цветными металлами, украшались орнаментальной мелко-пуансонной чеканкой [342. С. 104]. Находки с такой обработкой были выявлены при раскопках феодальной усадьбы в Устье [146. С. 25—26, рис. 13]. Ремесленники по обработке цветных металлов владели литьем, чеканкой, гра-

вировкой, тиснением, штамповкой, сканью и зернью. Об этом свидетельствуют ювелирные изделия из расколок раннесредневековых поселений и могильников (рис. 63).

Находки в Витебске в слое VIII в. тиглей для плавки цветных металлов и каменных отливочных форм свидетельствуют о древности *литейного дела* [342. С. 103]. Этот же вид ремесла продолжал развиваться и позднее. Литейные формы из местного мелкозернистого известняка выявлены в раннесредневековых слоях Друцка (три), Витебска (четыре), на городище в д. Кисели Толочинского района (одна). В Друцке же были найдены 6 тиглей, сохранившихся почти целиком и железный молоточек для чеканки (рис. 62, 64). Обнаружены тигли в слое древнерусского времени и при раскопках Витебска [8. С. 125; 342. С. 108].

В слоях X—XIII вв. массовым материалом является продукция гончаров. Разнообразие форм посуды, техники орнаментации и улучшение качества глиняного теста и обжига свидетельствуют о совершенствовании технологии *гончарного ремесла* на протяжении ряда веков. Керамическое производство основывалось на использовании ручного гончарного круга. Применение ножного круга на территории исследуемого региона по массовому материалу фиксируется не ранее XVI в. [129. С. 133]. На днищах посуды имеются в ряде случаев гончарные клейма. Единого мнения по вопросу их происхождения пока нет. Однако, исследуя клейма на горшках из курганов у д. Черкасово под Оршей, Б. А. Рыбаков установил, что они усложняются в более поздних погребениях. Это наблюдение позволило ему сделать вывод о переходе деревенского ремесла по наследству [258. С. 180]. О. Н. Левко, сравнивая материалы Витебска, Орши и Друцка, пришла к выводу, что в вотчинных хозяйствах чаще встречается посуда с клеймами, чем в других административных центрах, и они более разнообразны (рис. 40).

При раскопках древних городов региона были выявлены *косторезные мастерские* либо их следы. Отпилы костей, рогов встречены в ряде мест при раскопках Витебска, Друцка. Но наибольшее количество (до 200 заготовок и обрезков) выявлено на детинце Копыси [342. С. 112]. Заготовки из кости найдены наряду с различными предметами в Витебске, Орше. Художественные костяные изделия обнаружены в Витебске, Друцке, Копыси (иконки, накладка колчана с русско-романскими чертами, шахматные фигуры и др.) [6. Рис. 6.1—3; 35. С. 5] (рис. 65).

Обнаруживаемые во время раскопок предметы из дерева (корыта, части бочек, ложки, миски, заготовка черпака X в.) в Витебске и Друцке, а также орудия труда древоделов свидетельствуют о *деревообрабатывающем ремесле.* Кроме таких орудий труда, как топоры, скобели, тесла, долота, сверла, ножи, использовались еще и пила [8. С. 123, рис. 21:3], токарный станок, на котором обрабатывались и изделия косторезов. Возможно, эти два вида производства на раннем этапе были объединены [8. С. 5].

Наряду с другими ремеслами, обслуживающими основные потребности населения, было распространено *кожевенно-сапожное ремесло.* Многочисленные находки обзоленной шерсти, а также лощильных камней и костей — «коньков» указывают на обработку кож. Анализ витебских кож показал высокий уровень технологии их обработки [186]. В Витебске же найдена колодка-правило для изготовления выворотной обуви [342. С. 113], неоднократно встречались скопление обрезков кожи, детали обуви [133. С. 97—101; 169].

В слоях второй половины XI — начала XII в. вместе со стеклянными бусами исследователи встречают большое количество капелек желтого непрозрач-

ного стекла, которые могут расцениваться как отходы местного производства бус. Стеклянные браслеты из раскопок Витебска, Орши, Копыси, Друцка, Устья на раннем этапе их использования были привозными (Византия, Передняя Азия, Киев). С рубежа XII—XIII вв. они в большинстве своем местного производства. О местном *стекольном производстве* и изготовлении украшений свидетельствуют находки в слое конца XIII—XIV вв. Друцка стеклянных матово-бесцветных палочек-заготовок. Некоторые из них имеют грани. Т. С. Скрипченко предполагает наличие в раннесредневековых центрах с территории северо-восточной Беларуси собственной школы стекловарения [35. С. 6; 289. С. 42] (рис. 39, 66).

При раскопках древних центров региона в больших количествах выявлены пряслица, встречаются глиняные диски для ткацких станков, ножницы для стрижки овец, гребни для расчесывания шерсти. Эти находки свидетельствуют о наличии *ткачества и прядения* [8. С. 131; 37. С. 36].

Обработка камня представлена двумя видами продукции. Камнетесное дело связано с заготовкой камня для монументальных построек (храмов, оборонительных сооружений). Второй вид обработки камня — изготовление пряслиц, предметов христианского культа (Витебск, Горы) (рис. 67). Кроме местного гранита и песчаника использовалось привозное сырье — овручский шифер. Кроме камня обрабатывался также янтарь. Из него делались бусы (как и из камня), камни-вставки для перстней и др. [342. С. 113].

5.1.2. Ремесло XIV—XVI вв.

По находкам слоя XIV—XVI вв. можно сказать, что в это время основными видами ремесла остаются те же, что и в предыдущий период (железообрабатывающее, кожевенно-сапожное, деревообрабатывающее, гончарное, ювелирное и др.).

В *железообрабатывающем ремесле* наблюдается некоторое изменение форм предметов хозяйства и быта, однако эти перемены осуществляются в рамках общеевропейских стандартов (замки, ключи, завесы и др.). В технологии производства прослеживается тенденция к упрощению качества изделий широкого потребления (например ножей), что, возможно, связано с увеличением производства на рынок и уменьшением — на заказ [62]. Появляются подковы, подковки на каблук, новые виды оружия и снаряжения воина.

В *кожевенно-сапожном производстве* к концу XVI в. начинает проявляться специализация, отделение кожевенного ремесла от сапожного. С XIV в. появляются новые модели обуви, усложняется технология ее изготовления. На смену мягкой выворотной обуви постепенно приходит обувь с жесткой многослойной подошвой и несколькими видами наборного каблука. Повседневная обувь и обувь для низших слоев населения проста в исполнении. Нарядная обувь украшена шитьем и тиснением, как и в раннесредневековый период [38; 133. С. 101] (рис. 68).

Со второй половины XIII в. набирает темп совершенствование *гончарного производства*. Посуда XIV—XV вв. мало отличается орнаментикой и ассортимент ее почти тот же. Но уже профилировка сосудов более выраженная, улучшается качество теста. Для Днепровского бассейна характерны тонкостенные, часто белоглиняные сосуды с высоким венчиком, насечками по его краю, налепным орнаментированным валиком по тулову. В Двинском бассейне керами-

ка XIV—XV вв. проще, тесто грубее, сероглиняное. Орнамент и профилировка сосудов на территории региона четко выражают два направления: 1) развитие славянских форм раннесредневековой поры с традиционной орнаментикой; 2) наличие форм и орнаментики, идентичных материалам из прибалтийских земель [130].

По другим видам ремесленной деятельности сведения разрознены, не дают возможности проследить пути и характер их развития. Вотчинное ремесло (Друцк, Старый Шклов, Дубровно, Горы) и свободное посадское ремесло (Витебск, Орша) успешно развиваются в XIV—XVI вв. Документы XIV—XV вв. и некоторые другие признаки, например наличие переулка Кузьмодемьянского в Витебске, указывают на корпоративность посадского ремесла в этот период [32. Т. 1. С. 267—268, № 119].

5.1.3. Структура и организация ремесла второй половины XVI—XVIII вв.

Одним из наиболее ярких и сложных этапов средневековой эпохи в истории Беларуси и ее административных центров является вторая половина XVI — XVII в. Это время заметного развития производительных сил и товарно-денежных отношений. Важное следствие этого процесса — рост городов как центров ремесленного производства и торговли [111. С. 200—205]. В XVI—XVII вв. вокруг них складываются обширные локальные рынки.

Принцип развития ремесла и торговли в частновладельческих городах почти не отличался от великокняжеских. Здесь действовали те же законы совершенствования технологии производства, дифференциации и специализации отраслей. Создавались корпорации ремесленников для охраны условий труда, изоляции конкурентов, велась борьба за рынки сбыта продукции. Большую часть ремесленников в королевских (великокняжеских) городах составляли крепостные крестьяне, бежавшие от гнета феодалов. В то же время развивающееся товарное производство привлекало и внимание феодалов, стремившихся подчинить его себе, поселяя на городских юридиках своих крепостных, занимавшихся ремеслом. Церковные феодалы поступали так же, как и светские.

Например, согласно инвентарю 1618 г., в Витебске на земле, принадлежавшей Полоцкой архиепископии, проживало 19 ремесленников [264. С. 344—347]. Беглые крестьяне, переселенцы из других городов пополняли и ряды ремесленников Орши. Вновь поселившиеся «за мельницей и над рекою Оршицей» жители Орши выполняли установленные повинности. «Поскольку в Орше много пляцев шляхетских и церковных, на которых осели мещане, предписываем сейчас, как и в прошлой грамоте нашей, чтобы такие мещане... панам своим, на чьем кгрунте живут, должны платить чинш и выполнять услуги, как договорились» [247, ф. 389, д. 100, л. 43].

Таким образом, прирост ремесленного населения города осуществлялся как за счет беглого, так и переселенного владельцами крестьянства. Стремление к увеличению государственных доходов побуждало верховную власть издавать указы, которые давали некоторые льготы перемещавшимся в город крестьянам. Так, в 1531 г. Витебску было представлено право «люди вольные за собою держати по Полоцкому», т. е. вновь прибывшие на жительство лица на 10 лет освобождались от налогов и повинностей [32. Т. 1. С. 191]. Грамота Си-

гизмунда III (1596) подтверждала прежние права и привилегии мещан г. Орши [32. Т. 1. С. 305—307].

Обслуживание производственных, хозяйственных и личных потребностей населения характеризует городское ремесло как товарное производство. Именно ремесленники формировали городской рынок, образуя специализированные ряды. Торговые ряды, состоящие из горшечных, соляных, мясных, рыбных лавок, известны по материалам XVI—XVII вв. [264. С. 178, 354]. Помимо сбыта ремесленных изделий на местном городском рынке, их вывозили в ближайшие местечки и села, на внешний рынок. Наличие локальных рынков сбыта обеспечивало относительно быстрое развитие сапожного, скорняжного, гончарного, кузнечного ремесел, способствовало росту числа ремесленников этих профессий. Ремесла, изделия которых имели меньший спрос, развивались хуже.

К сожалению, малое количество и неполнота данных о численности профессий и ремесленников в белорусских феодальных городах не позволяют рассматривать такие вопросы, как степень концентрации ремесла в городе и территориальное разделение труда. При составлении городских инвентарей туда, как правило, не включались ремесленники частновладельческих и церковных юридик. Кроме того, эти переписи включали только ремесленников-домовладельцев, без подмастерьев и учеников. З. Ю. Копысский, анализируя данные о ремесленных профессиях в конце XVI — первой половине XVII в., пришел к выводу, что наличие одних и тех же профессий в различных регионах ВКЛ свидетельствует об отсутствии в это время территориального разделения труда, как это было, например, в Русском государстве, где сложились районы железоделательного, меднолитейного, кожевенного, гончарного и других производств. В ряде городов особое развитие получили специфические профессии. Так, Витебск, Орша выделяются профессиями, связанными с обслуживанием речных портов: кормчими, судовщиками, лямочниками, бечевниками, грузчиками, холщевниками. Профессии сабельщика-бронника, булатника, стрельника, бронника-пищальника характерны для Витебска и Полоцка [75. С. 15; 111. С. 83].

Структура городского средневекового ремесла постепенно усложняется. Основные профессии кузнеца, кожевника, плотника, гончара и другие в результате развития товарного производства, побуждаемого потребностями рынка, дифференцируются. Из профессии кузнеца выделились изготовители орудий труда, оружия, ювелирных изделий. Эти специальности, в свою очередь, делились на более мелкие: замочники, кузнецы-пищальники, сабельщики-бронники и т. д. Развитие производительных сил ведет к смене мастера-универсала на мастера узкой специализации. Трудно установить на основе письменных источников положение в городе той или иной группы ремесленников. Можно лишь видеть, что ремесленников, обслуживавших широкие массы городского и сельского населения (сапожников, скорняков, плотников, гончаров, кузнецов, хлебников), больше, чем ювелиров, стекольщиков, оружейников и т. д. Наблюдается рост как количества самих ремесленников, так и количества профессий.

По данным 1665 г., в Витебске было 72 ремесленника 21 специальности [247, ф. 187, л. 1 об., 59]. В Орше в XVI в. насчитывалось 23 ремесленных специальности, в XVII в. — 41, в начале XVIII в. — 49, во второй половине XVIII в. — 52 [75. С. 14]. Инвентарь Копыси 1606 г. отмечает 42 ремесленника 20 профессий. А в инвентаре за 1650 г. отмечены 209 ремесленников, представлявших 37 профессий [59. С. 63]. По данным инвентаря 1643 г., в Шклове насчи-

тывалось 175 ремесленников 45 профессий. А уже в 1650 г. численность шкловских ремесленников увеличилась на 113, т. е. до 288, и количество ремесленных профессий стало 47. К концу XVII в. (инвентари 1688 и 1693 гг.) в Шклове было 49 профессий и он оставался крупным центром ремесленного производства. По сведениям инвентарей 1760—1770-х гг. в Шклове насчитывалось более 70 профессий, а ремесленники составляли около половины жителей города [59. С. 64, 80]. А. П. Грицкевич по численности ремесленников и количеству профессий (от 44 до 52) относит Шклов и Копысь к средним городам Беларуси.

В частновладельческих городах сосредотачивались такие виды ремесла, как деревообработка, обработка минерального сырья, строительное дело (до 13 разных профессий в Шклове и Копыси), обработка металла, изготовление пищевых продуктов, кожевенное и меховое производство.

Анализ данных о структуре ремесленного производства в частновладельческих городах показал, что в центрах латифундий (Шклов, Копысь) изготовление пряжи, одежды, ткачество к концу XVIII в. составило 15—25% всех специальностей; деревообработка, обработка минерального сырья — 38—42% (Шклов). В отличие от большинства великокняжеских (королевских) городов, где преобладали профессии, связанные с обеспечением первоочередных нужд широких слоев населения, здесь более развивались ремесла по обслуживанию господского двора, производство на заказ. Это было спецификой частновладельческих городов [59. С. 84—86].

Во второй половине XVIII в. во всех великокняжеских городах на первом месте стояли ремесленники, занимавшиеся обработкой металлов [92. С. 18]. Углубление процесса специализации металлургического производства повышало производительность труда ремесленников. Это, в свою очередь, приводило к увеличению производства металла, удешевлению металлических изделий. Возросло потребление металла и в хозяйственной сфере, он стал шире применяться для изготовления земледельческих орудий.

Наряду с мелкими ремесленными мастерскими во второй половине XVIII в. в городах Беларуси в отдельных отраслях ремесленного производства стали зарождаться зачаточные формы капиталистической мануфактуры [95. С. 209]. Это были централизованные производственные предприятия с большим числом наемных рабочих и разделением труда. К ним относились кожевенные и кирпичные заводы и мастерские, возникавшие вне цеховой организации. В конце XVIII в. в Витебске имелось 7 кожевенных заводов. Наиболее ранний из них был построен в 1777 г. мещанином Андреем Гарновским, остальные — в 1800 г. и принадлежали Антону Цытро, Семену Стабровскому, Екатерине Стабровской, Ивану Бураку, Прокофию Линсе. На этих заводах изготовляли черную и белую юфть, черные и белые опойки, подошвы, сапоги и башмаки, а также дубленницу, выделываемую из яловичных и низшего сорта лошадиных кож [234, 1865. С. 265—267, 274].

В связи с возросшей потребностью в кирпиче для строительства в 1765 г. Емельяном Плюхиным был построен кирпичный завод. Достаточно высокий уровень производства изразцов позволил наследникам витебского мещанина Андрея Будникова основать в 1790 г. кафельный завод. К середине XIX в. (около 1850) на базе гончарного производства слободы Русь был создан второй кафельный завод, принадлежавший мещанину Еремею Гарбузу. Сырье для кафельных заводов Витебска добывалось в 2 км от города в урочище Цер-

17. Зак. 2024

ковщина, принадлежавшем Богословскому приходу. Кафли изготовлялись трех сортов: белые, зеленые и серые. Материалы для поливы (олово и свинец) приобретались в Риге. В это же время в слободе Ильинщина появился гончарный завод, принадлежавший витебскому мещанину Сергею Ваху, изготовлявший поливную посуду [145. С. 26].

Предприятия мануфактурного типа имели довольно широкие связи с рынком, в то время как мелкий производитель оказался отрезанным от него. Однако эта черта ремесленного производства начинает проявляться лишь в XVIII в., когда в его сферу постепенно проникает наемный труд, способствующий образованию капиталистических мастерских. Господствующее же положение на протяжении развитого и позднего средневековья в белорусских городах занимала цеховая организация труда.

Устройство ремесленных организаций средневековых городов рассматриваемого региона прослеживается лишь частично, в особенности на ранних этапах их существования. Цеховым организациям предшествовали ремесленные корпорации, которые в ряде городов, в том числе в Витебске, назывались *братствами*.

Первый намек на ремесленное объединение в Витебске имеется в документе, датируемом 1495 г., когда двое мастеров-кожемяк выступили в суде с заявлением, что оба они «с своими товарищами» не будут выполнять подводную повинность [94. Т. VII. С. 340]. А в документе за 1539 г. упоминается «староста Ковальский витебский... со всими витебскими помочниками своими..., которые под послушенством того старосты ковальского» [32. Т. 1. С. 267].

Таким образом, можно сделать вывод, что в конце XV — первой половине XVI в. в Витебске уже существовали объединения ремесленников двух профессий: кожемяк и кузнецов.

В грамоте короля Сигизмунда II Августа воеводе витебскому Стефану Зброжскому от 6 июня 1561 г. есть сведения о существовании «звечистых» (давних) «братств» в Витебске [264. С. 56, № 27]. Рассматривая витебские ремесленные организации, В. Краснянский отмечает, что примитивные ремесленные объединения в Беларуси имели место в виде так называемых *«медовых братчин»* на основе обычного («звыклого») права, видимо, без всяких письменных документов [117. С. 40]. Эти организации послужили прообразами цехов и отличались от так называемых церковных братств, появившихся после введения унии на почве церковной и национальной борьбы. В то же время «медовые братчины» группировались вокруг приходских церквей. Эти профессиональные организации обычно строили церкви во имя особо почитаемого ими святого и затем оказывали им материальную помощь. Они ставили в церкви свой братский образ и подсвечник, в котором в дни особо отличаемых братчиками праздников горела свеча из собранного в складчину воска.

Хотя не сохранились уставы витебских «медовых братчин», внутренний распорядок деятельности такой организации можно проследить по материалам виленских объединений. Так, устав Виленской братчины шапочников состоял из двух частей: собственно религиозного и дополнительных статей церковно-добродетельного характера. Внешним выражением такого объединения были «звыклые» склады-кануны для приготовления меда в дни отмечаемых братчиками церковных праздников. По этой причине сами братства назывались «медовыми».

В 1592 г. была выдана жалованная грамота оршанским мещанам на два медовых склада в году при их церковном братстве [94. Т. XXVIII. С. 57, № 39]. О витебских медовых братствах сообщают королевские привилеи 1551, 1561 и 1619 гг. В первом из них устанавливается порядок устройства складов-канунов: «...на кожды год больш складов не мети, одно три и не мают тыи склады должеи тривати, только по два дни...» [264. С. 48, № 24]. Такой порядок устройства складов-канунов был вызван тем, что мед, водка, пиво могли продаваться только витебской плебанией, которой на это были выданы особые льготы еще в 1518 г. [247, ф. 389, д. 5, л. 309, 310]. В то же время витебские братчики, пользуясь правом иметь склады-кануны, устраивали их на длительный срок, вызывая недовольство церковной юридики: «по три недели склады сытять ку великой шкоде корчмам плебановским» [264. Т. 1. С. 47, № 24].

В конце XVI — начале XVII в. по письменным источникам прослеживается преобразование витебских братств в *цеховые корпорации*. Выданная Витебску в 1597 г. грамота на магдебургское право имела разделы, направленные на улучшение экономического положения ремесленников: «...людей ремесленных, золотаров, кравцов, слесарей, ковалев, котляров, резников, сыромятников, кожемяк, пекаров, гончаров, шевцов, теслев, кушнеров и иных всяких ремесленников от работы замковой вольными чиним» [2. Т. 4. С. 169]. При создании цехов в их статуты перешла терминология братств, поскольку цехи были по существу лишь узаконенными братскими объединениями. Сохранилось деление на старших и младших братьев, в руководящий состав входили староста, ключник. Имелась денежная «скрынька» или «шапа». Кроме устава, суда, скрыньки, оружия цехи наделялись внешними признаками своего единства — они имели хоругвь и печать. Каждый цех участвовал в торжественных городских процессиях в полном составе с хоругвью, а во время военных событий образовывал самостоятельные боевые подразделения. В грамоте 1597 г. сказано: «А иж теж места наши упривильеванные для оздобы местское и хоругвы мають... И людем ремесленным каждому цеху свою хоругов в том месте нашем Витебском за справою и ведомостью враду меского мети позволяем и вечне утверждаем» [264. С. 77, № 37].

В местах расселения ремесленников одной специальности строились новые храмы на средства цеховой организации. В грамоте витебским кормникам от 3 февраля 1619 г. сказано: «...мещаном тамошним витебским кормником направити церковь опалую заложенья Преображения господня с пределом св. Николы за рекою Витьбою, на посаде Узгорском у пирожном ряду и меть склады звыклые (кануны — *О. Л.*) на праздник святого архистратига Михаила и св. Симеона... тым же кормником мещаном Витебским при той звышепомененой церкви мети братство церковное, в которое они вписавшиеся могли бы с посродку себе што рок старших обирать и сходки на обмышленье приходов и расходов» [264. С. 97—98, № 47].

Судя по письменным источникам, такие объединения ремесленников вокруг церквей шли двумя путями. Либо это были представители одного цеха (т. е. по профессиональному признаку), либо в церковное братство входили представители разных профессий, но одной веры (православной, католической). Церковные братства играли большую роль в общественно-политической жизни горожан второй половины XVI — первой половины XVII в., так как формировали их позицию в области развернувшейся религиозно-церковной борьбы.

В. Краснянский дает описание 9 цеховых знамен (7 из Успенского собора и 2 из городской управы) XIX в., которые в довоенные годы хранились в Витебском музее. По его мнению, рисунки на знаменах свидетельствуют о тесной связи их с братскими образами, церквями и церковными праздниками, с которыми цехи были связаны в XVII—XVIII вв. [117. С. 40—48]. Известно, что Петропавловская церковь в Задвинье была братской церковью цеха канатчиков и их братским образом был образ Благовещения [234. С. 172]. У кожевников братской церковью являлась Воскресенская Заручевская [234. С. 144], у пивоваров и винокуров — Никольская рынковская церковь [264. С. 191]. Братской церковью цеха портных была Введенская церковь на Взгорье. После ее уничтожения их братский образ Троицы был перенесен в Никольскую Завитьбенскую церковь [234. С. 154—155].

Как правило, цехи в городах Беларуси объединяли ремесленников нескольких смежных специальностей. Преобладание объединенных цехов свидетельствует о небольшом количестве ремесленников отдельных профессий. Согласно данным письменных источников, в 1721 г. в Витебске существовало 7 цехов:

— кожевников;
— кузнецов, мечников, слесарей и медников;
— золотых дел мастеров;
— мясников;
— портных, шапочников, галстучников, шмуклеров;
— горшечников, каменщиков, красильщиков;
— сапожников, шорников, седельников [94. Т. VII. С. 59—60].

В 1738 г. добавился солодоваренный, пивоваренный и винокуренный цех [264. С. 189—191], а в 1760 г. образован цех резчиков, стекольщиков, каретников, плотников, бондарей, столяров и ситников [94. Т. XVIII. С. 488—492].

Несмотря на то, что городское самоуправление охватывало лишь часть населения и не распространялось на граждан, проживающих на частных юридиках, в цеховые организации должны были входить все ремесленники города. Это положение ослабляло частновладельческие права феодалов, так как мастера, являвшиеся их подданными, попадали под юрисдикцию цеха, а затем и городского самоуправления. В частновладельческих городах, как и в королевских (великокняжеских), в цехи входили ремесленники-христиане. Они также были связаны с церковью через церковные братства. Цеховые организации частновладельческих городов объединяли ремесленников, подлежащих не только магистратской юрисдикции, но и шляхетской, духовной [59. С. 98, 116].

Каждый *цех имел устав*, в котором были сформулированы статьи, обеспечивавшие мастерам особое правовое положение в городе в сравнении с теми, кто не состоял в цехе. Стремясь оградить себя от конкуренции вне цеховых мастеров, они предусматривали в своих уставах статьи, требующие изъятия продукции ремесленников, находившихся вне цеха, наложения на них штрафа. Первоначально цеховые уставы утверждались лишь магистратами городов, позднее каждый цех стремился добиться своего утверждения специальной королевской грамотой [111. С. 93]. Сохранилась грамота короля Августа III от 12 октября 1738 г., в которой говорится, что так как «братства и цехи... имеют в себе ту особенность, что лица, к ним принадлежащие, находятся между собой в должном сообществе, то посему... желая видеть порядок как в других цехах ремесленных, ... и склоняясь на просьбу витебских мещан и всех брат-

чиков этих упомянутых цехов», король даровал право «солодоварам, пивоварам и винокурам иметь свой цех и братство» [264. С. 189, № 103].

Уставы определяли и правила приема в организацию. Всякий вступающий в цех мастер должен был предъявить «лист вызволеня от науки», т. е. документ, подтверждающий завершение полного обучения ремеслу, и «лист о рождении», удостоверяющий его законнорожденность. Основным источником содержания уставов белорусских ремесленников были уставы цехов Вильно с добавлением пунктов из уставов Кракова, Варшавы, Гданьска, Крулевца, Ковно. З. Ю. Копысский пришел к выводу, что в XVI в. уставы однотипных цехов разных городов Беларуси были различны. В то время как более ранние цеховые организации знали уже довольно развитую систему регламентации, уставы позднее образовавшихся цехов отмечают лишь регламентацию сбыта продукции и покупки сырья. Нивелировка различий в цеховых уставах происходит в течение XVII—XVIII вв.

Устав цеха витебских солодоваров, пивоваров и винокуров, датируемый 1738 г., состоит из 14 статей. Статья 1 предусматривает выбор ежегодно при собрании всех братчиков 4-х старшин из преданных интересам города лиц. Обычно в состав руководства цехом (старшин) избиралось по 1—2 человека — представителя от каждой профессии. Под «преданными интересам города лицами» подразумевались мастера, находящиеся под юрисдикцией городского магистрата. Такой принцип провозглашался основным, так как в обязанности старост (старшин) входило хранение кассы и документов цеха, о чем говорится в статье 2 рассматриваемого устава.

Статья 3 отмечает, что спустя год производятся перевыборы старшин. В статье 4 говорится, что цеховой сундук (касса) должен храниться не на предместье, а в самом городе в подвале. Такая предосторожность вполне понятна в связи с тем, что сундук содержал не только денежное достояние цеха, но и его документацию. Цеховые доходы складывались из различных источников. Значительную доходную статью цеховой «скрыни» составляли вступительные взносы ремесленников. В статье 6 устава говорится о том, что каждый хозяин заведения, принадлежащего к цеху, обязан внести на нужды цеха по 4 копы литовских грошей. Эта сумма невелика. Обычно цехи, чье производство было тесно связано с рынком, взимали до 4 коп или 10 злотых. В то же время цехи ремесел, работающих, в основном, на заказ, взимали до 10 коп литовских грошей.

Статьи 7 и 8 поясняют, куда должны пойти деньги из кассы цеха. Первая обязанность цеха — жертвовать на церковь Св. Николы на рынке. Кроме того, необходимо иметь цеховое знамя и воинское вооружение, чтобы во время церковных праздников сопровождать процессию по распоряжению магистрата. Статья 9 предусматривает соблюдение моральных и этических норм членами цеха и проведение собраний по этим вопросам.

В осуществлении своих административных и судебных функций цеха не стремились игнорировать городское самоуправление. Наоборот, они искали пути сближения с радой. Например, в статье 5 устава говорится о том, что братчика принимают в цех только после принесения им присяги на верность городской раде. В статье 10 сообщается, что цеховой сундук должен быть под наблюдением ратуши, а статья 14 отмечает, что члены цеха должны отбывать всеобщие повинности и вносить складчину в городскую ратушу.

В статье 12 сообщается, что хозяин заведения, входящего в цех, по всем вопросам подчиняется решению цеха, кроме тех, которые не относятся к це-

18. Зак. 2024

ховым. Более четко эта статья оговаривается в уставе витебского цеха резчиков, стекольщиков, каретников (1760): «Никто из членов цеха по своим делам не должен обращаться к своему ведомству, под которым живет, в ремесленных делах члены подведомственны лишь своему цеху» [94. Т. XVIII. С. 491]. В частновладельческих городах магнат передавал власть внутри цеха старшине, который регулировал деятельность цеха [59. С. 100].

Городские ремесленники внутри цеха делились на учеников, подмастерьев и мастеров. Взаимоотношения между ними также регламентировались уставом. Однако срок обучения зависел от возраста и характера будущей профессии. В ряде цехов вообще отсутствовали какие-либо юридические или традиционные нормы обучения ученика. А. К. Супинский приводит сведения «Книги о хлопцах» витебского канатного цеха: 1. «Я, Стефан Епимах, взял до научения ремесла канатницкого на восем год с половиной витебской мещанки вдовы Марии Шишаковой родного сына Евдокима Шишака... а по заслужении осми год с половиною летнего срока должен я помянотому Евдокиму мастерское благословение дать, и при том онному дать кумачу, боты, жупан, валку и кушак»; 2. «Я, нижеподписавшийся, витебский мещанин Иван Рутковский, взял по контракту в научение ремесла канатницкого от вдовы витебской мещанки Катерины Козловской, сына ее родного на шесть лет... а по отбытии его числа лет должен я, Рутковский, дать канатный верстак, трое веретен и одно коло» [297].

К сожалению, витебские источники не освещают взаимоотношений мастеров с подмастерьями, не отвечают на вопрос: были ли здесь, подобно цехам других городов, переходные ступени между учеником и подмастерьем.

В Орше также имелись цехи. В начале XVII в. в Орше существовал цех портных, постригачей и скорняков. Прямых указаний на наличие цехов в городе в более раннее время в документах не выявлено. Однако косвенные данные подтверждают объединение мещан для перевозки купеческих товаров сухим путем и водою. Видимо, была и корпорация городских торговцев [75. С. 15].

При введении уставов цехов частновладельческих городов за образец брались уставы цехов великокняжеских (королевских) городов. Имеются сведения о наличии цеха в Копыси в середине XVII в. [59. С. 92]. По данным М. Б. Топольской, в Шклове в XVII в. имелись цехи пекарей, мясников, пивоваров, сукновалов, кожевенный, скорняцкий, сапожный, общий слесарный и кузнечный, плотничий, гончарный. Большинство этих цехов возникло в первой половине XVII в. Всего в Шклове насчитывалось 11 цехов. Исходя из инвентарей Шклова второй половины XVII и XVIII в., М. Б. Топольская отмечает наличие в это время цехов олейницкого, портняжного, рыбацкого, котельного, колесного и бондарского [362. S. 25—26]. А. П. Грицкевич добавляет к этим цехам по данным инвентарей Шклова за 1693, 1720, 1724, 1764 гг. цехи мясницкий, кожевников, сапожников, пекарей. Он же отмечает, что с середины XVIII в. в Шклове было лишь 4 цеха: мясников, пекарей, олейников, рыбаков.

Цеховые организации частновладельческих городов могли объединять ремесленников без различия вероисповедания. Так, в 1764—1772 гг. в Шклове были мясницкий и пекарский цехи, состоявшие из христиан и евреев. Однако деятельность ремесленников-евреев, входивших в некоторые цехи, состояла под надзором городского магистрата. Магистраты частновладельческих городов в большей мере контролировали экономическую деятельность еврейского населения, чем в великокняжеских (королевских) городах [59. С. 93, 120].

В заключение можно сделать следующие выводы.

Средневековое ремесло региона по своему характеру было мелкотоварным производством. Постепенно, к концу XVIII в. наряду с ним зарождается мануфактурное внецеховое производство, основанное на наемном труде. Структурно на протяжении ряда веков ремесло все более дифференцировалось и специализировалось, о чем свидетельствует появление новых, более узких профессий.

Выделяются *два этапа в организации ремесла.* Ранний этап становления городских центров характеризуется наличием *свободного посадского ремесла*, которое развивается на территории поселенческих структур племенной поры, окружавших укрепленный центр и превращавшихся в городские составляющие. Этот процесс начинается в конце X в. и приобретает черты корпоративности во второй половине XII в., когда центры волостей (княжеств) оформляются в полноценные города. Корпоративное ремесло («братчины») развивалось на основе «звыклого» права, не имеющего твердой уставной регламентации.

Второй этап характеризуется *созданием цехов* на основе предшествующих им «братчин» с уставом, в котором нормы магдебургского права соединялись с нормами обычного («звыклого») права.

5.2. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ

5.2.1. Денежное обращение и торговые пути

Наличие активной торговой деятельности на территории северо-восточной Беларуси фиксируется уже в IX—XI вв. в связи с прохождением через регион пути «из варяг в греки». Направления торговых связей указывают предметы импорта, выявляемые в археологических раскопках, а также отдельные находки монет и кладов этого времени. Часть перемещавшихся через регион товаров оседала в административных центрах, распространялась внутри региона. Однако торговля имела преимущественно транзитный характер и была связана с передвижением дружинных отрядов по водному пути. Вместе с войском шли купцы. Существовал и ближний торговый обмен, связывавший соседние регионы (Витебский, Псковский, Смоленский; Оршанское Поднепровье с Киевскими землями).

Денежное обращение характеризуется кладами монет и отдельными находками. Топография кладов северо-восточной Беларуси показывает, что большинство из них тяготело к бассейнам судоходных рек. Концентрация кладов в Витебске и вблизи него наблюдается по течению р. Лучесы, на волоковом переходе, соединявшем Западную Двину с Днепром.

Основу денежного обращения составляли арабские дирхамы, появившиеся на данной территории во второй период их распространения в Восточной Европе (833—900) и господствовавшие до XI в. В этот период они были единственным средством оборота, платежа и накопления древних восточнославянских рынков. Клады куфических монет IX—X вв. сосредотачиваются возле Полоцка, Витебска, Лукомля, Друцка, Могилева [262].

В отличие от данного региона, в течение IX в. Смоленское Поднепровье находилось в некоторой изоляции в системе распространения монетного серебра [276. Рис. 11—15]. С середины X в. ареал обращения дирхама на территории Беларуси начинает сокращаться, смещаясь в области Верхнего По-

днепровья и Подвинья. Под Витебском найден клад в 100 куфических монет, а в самом Витебске в 1822 г. — 15 куфических монет, единичные находки встречаются здесь и в настоящее время. Со второй половины X в. в этом же регионе фиксируются поступления западноевропейского серебряного денария, регулярный приток которого начинается лишь с XI в. после прекращения чеканки серебряной монеты в странах арабского Востока. Наибольшее число западноевропейских монет в XI в. поглощали Новгородская (45 кладов), Полоцкая (7 кладов) земли. Г. В. Штыхов считает, что клады отражают также потребность в денежном серебре для местного обращения [343. С. 86—87]. Большинство белорусских кладов с денариями содержат и куфические монеты, составляющие свыше 30% общего числа монет. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что обращение куфических дирхамов продолжалось на данной территории параллельно с обращением денария до середины 1060-х гг. [232. С. 168].

В «безмонетный период» на территории северо-восточной Беларуси помимо новгородской гривны имела хождение литовская гривна («изрой»).

Возможно, существовала так называемая «переходная денежно-весовая система» в XIII—XIV вв. в северо-восточном регионе Беларуси. Основной денежной единицей региона в это время сначала была ногата массой 1,8 г, затем в XIV в. — 1/2 пражского гроша и грош [30]. На существование в этот период, как и в более ранний, мелких платежных единиц указывают гирьки-разновесы, неоднократно встречаемые во время археологических раскопок. Ранние гирьки относились к денежно-весовой системе ногаты, основанной на массе арабского дирхама в 3,41 г. и имевшей распространение в Киевской Руси во второй половине X—XI в. Использовались для взвешивания драгоценных металлов, в том числе монет и их частей. Набор гирек первой половины XI в. (6 штук разной массы) обнаружен автором данной монографии при раскопках курганного могильника у д. Дроздово Толочинского района Витебской области в погребении купца. Здесь же была найдена весовая бронзовая чашечка. Гирьки имеют изображение кратности в виде точек или крестов на одной или двух сторонах (рис. 50). Гирьки-разновесы, датируемые XIII в., найдены Л. В. Алексеевым при раскопках Друцка, здесь же обнаружены 2 чашечки для весов. Свинцовая гирька XIV в. обнаружена в Витебске. По массе она равна 1/5 части литовского рубля в 180,1 г, либо примерно 12 пражским грошам Вацлава (III) I (1378—1419) массой около 3 г. [28].

Надзор за мерами и весами нашел наиболее раннее отражение в договоре Смоленска, Полоцка и Витебска с Ригой 1229 г. и проекте договора Новгорода с Любеком и Готским берегом 1269 г. Договор 1229 г. упоминает о хранении двух равнозначных (аутентичных) эталонов гирь, немецкого и русского, в смоленских церквах — русской кафедральной и латинской, которая находилась на немецком дворе в Смоленске [291. С. 20—52]. Подразумевалось обеспечение правильности эталонов при равенстве заинтересованных сторон. Полоцкие грамоты XIV—XV вв. и правительственные постановления более позднего времени (XVI—XVII вв.) также подтверждают соблюдение надзора за мерами и весами в Западнодвинском бассейне на протяжении всего рассматриваемого периода [101].

Между экономическими центрами обширных территорий, к которым относился и Витебск, существовали постоянные и оживленные торговые связи, основанные на обмене изделиями местного производства и товарами, привозимыми из соседних стран. Фрагментарность письменных источников не позволяет полностью реконструировать направления этих связей. Возможна лишь

привязка к основным магистралям. Использовались как *водные пути* сообщения, так и *сухопутные дороги*.

Северная часть древнего водного пути «из варяг в греки» из Западной Двины по волокам в реки Великую и Ловать-Волхов соединяла Витебск с Псковом и Новгородом. Путь из Витебска в Псков шел через Еменец и Великие Луки, из Витебска в Новгород — через Усвят. «Великий путь» из Смоленска к Витебску—Полоцку—Двинску—Риге лежал вдоль Западной Двины и упоминается под 1444 г. [3. С. 17]. З. Ю. Копысский называет купеческий тракт «гостинец великий», который соединял Смоленск—Витебск—Полоцк—Глубокое—Вильно [111. С. 153]. В XIV—XV вв. особенно прочными были связи между Витебском—Полоцком—Псковом и Новгородом на северо-востоке и Витебском—Полоцком—Ригой на северо-западе. С конца XVI в. Западная Двина входила в систему коммуникаций, соединявших Москву с Ригой через Смоленск—Витебск—Полоцк. На рубеже XVI—XVII вв. снова активизировались торговые связи Витебска с Русским государством. Товары поступали в Витебск из Белого, Торопца, Смоленска. В отдельных случаях указывалось, что их доставляли просто «из-за границы». В дальнейшем эти связи продолжают укрепляться.

Витебские ярмарки привлекали немало населения из близлежащих мест. Купцы посещали Витебск в течение всего года. Согласно таможенной книге Витебска 1605 г., на городской рынок приезжали купцы из Усвята, Смолян, Полоцка, Езерища, Дисны, Глубокого, Суража, Шклова, Путивля, Игумена, Шидловца, Головчина, Куровичей, Орши, Лукомля, Мстиславля, Могилева, Вильно, Минска, Велижа [32. Т. 1. С. 313—328]. В 1654 г. устанавливается право беспошлинной торговли по Западной Двине [256. С. 412—413]. А к концу XVIII в. по территории северной Беларуси пролегали надежные сухопутные маршруты. Важнейшими из них считались: Москва—Смоленск—Витебск—Полоцк—Вильно; Петербург—Витебск—Могилев—Киев.

Витебск выполнял роль грузоформирующего пункта при поставках товаров из Русского государства на территорию Беларуси и в Ригу. Географическое размещение Витебска было таково, что он не имел непосредственных прямых контактов с городами Польши. Крупнейшая магистраль средневековья, связывающая Русское государство с Польшей, проходила через Оршу, Борисов, Слоним, Брест, Люблин, Варшаву. К ней была привязана торговля локальных центров Оршанского Поднепровья [204. С. 118—130]. В то же время поднепровские города были связаны и с Витебском, через посредство которого направляли свои товары по Западной Двине в Ригу [2. Т. 3. С. 223].

5.2.2. Начальный этап торговых операций

Официальным местом производства торговых операций, взимания пошлины в раннесредневековых городах был *торг*. Известно, что Полоцкая земля в XI в. (в состав которой в это время входил и Витебск) имела в Киеве торговый «двор Брячиславль», принадлежавший полоцкому князю Брячиславу. «Торг» упоминается в документе конца XIII в. по Витебску [257. С. 25—28, № 49]. Местоположение витебского торга можно связывать с каменным храмом Благовещения на берегу Западной Двины, где, видимо, как и в других городах (Смоленск, Рига), хранились весы и ценные товары [133. С. 81] (рис. 7). Предположение Т. С. Бубенько о возможности существования в Витебске с XII в.

второго торга на восточном участке посада [40. С. 45] весьма гипотетично, так как не подкрепляется материалами.

Торговые пошлины — «перевоз», «торговое», «корчьмити», взимавшиеся на территории северо-восточной Беларуси (Копысь), называют Уставные грамоты князя Ростислава Мстиславича (1136—1150) [291. С. 76]. За взвешивание воска, золота и серебра бралась «весчая» пошлина [209]. В «Пространной Русской Правде» упоминаются «купля» — внутренняя торговля и «гостьба» — торговля иноземная [235. С. 113, 159].

К торговым операциям имеют отношение свинцовые пломбы. Они отличаются от печатей гораздо меньшими размерами, а также своим назначением. Пять небольших пломб из Витебска XII—XIII вв. имеют изображения каких-то знаков. На одной из них надпись — «Петр» [337. С. 36]. Существует несколько мнений относительно использования пломб. Одни исследователи считают, что пломбы прикреплялись к шкуркам пушного зверя, выполнявшим роль разменной монеты в «безмонетный период». Другие расценивают их как своеобразную «охранную грамоту», гарантирующую качество и целостность тюков с товаром. Найденная при раскопках Полоцка пломба XVII в. принадлежит витебскому воеводе [299] (рис. 27:10). Единственная в Белорусском Подвинье берестяная грамота, найденная в Витебске в 1959 г. во время строительных работ, датируется рубежом XIII—XIV вв. и также является документом, свидетельствующим о торгах. Эта грамота носит следы цокающего северо-западного произношения и предположительно происходит из Новгорода [8. С. 106].

«Готский берег», под которым подразумевался сложившийся в XI—XII вв. единственный город острова Висбю (Готланд), выступал как один из равноправных партнеров в договорах Балтики XII—XIII вв. С ним торговали новгородцы, смоляне, полочане, витебляне, псковичи, рижане, купцы из Саксонии и других немецких земель, Англии и т. д. К концу XII в. в Восточной Прибалтике в результате военно-миссионерской, экономической и политической экспансии немецкого рыцарства и складывающегося бюргерства на месте славянских и балтийских торговых местечек появляются торговые центры Любек (1143), Рига (1201) и др. Первые сведения о контактах западнодвинских центров с Ригой содержатся в Ливонской хронике Генриха Латвийского [53].

Наиболее ранним достаточно обширным документом, освещающим *торговые связи Витебска* в первой трети XIII в., является *договор 1229 г.*, который заключался от имени Смоленска, Полоцка и Витебска с рядом городов балтийского региона: Ригой, Висбю (о. Готланд), Любеком и др. Он насчитывает 36 статей по пяти основным направлениям: уголовное право; долговые обязательства; о моральном поведении иностранцев; провоз товаров; продажа-покупка [13. С. 28—29]. Наиболее важные из них те, в которых четко регламентирован характер торговли для немецких «гостей» в русских землях и русских купцов в балтийских городах. Это беспрепятственный проезд по всей территории торгующих сторон, возможность свободной покупки и продажи товаров, как немцам в русских городах, так и русским в балтийских, строго установленные пошлины на товары [264. С. 17, 18, 29, 30, 33]. В середине XIII в. Полоцк и Витебск уже заключают торговые договора с ливонским магистратом независимо от Смоленска. Так, в 1264 г. (1263?) литовский князь Гердень подтвердил основные положения договора 1229 г.: «Немечькому гостю в Полочькую волно ехати торговати, купити и продати. Такоже Полочаном и Видиблянину волно гостити в Ригу и на Готьскы берег» [257. С. 13, № 25а].

Около 1265 г. те же самые положения подтверждает и полоцкий князь Изяслав: «Полотеск, Видьбеск одно есть, ...как было при первых князьях Полочьскы, Полочаном, Видьбляном волное торгованье в Ризе, на Готьском береге и в Любьце, а рубежа не деяти» [241. С. 36, № 2].

Но уже между 1271 и 1289 г. немецкие «гости» подвергались в Витебске и его волости грабежам как со стороны самого витебского князя, так и других жителей. Были отняты товары и деньги у одного купца, конь, понравившийся князю, — у другого. Витебский князь нарушил и статью договора о свободе торговли, приказав «кликати сквозь торг: гость с гостем не торгуй!» [257. С. 25—28, № 49]. Еще одним важным нарушением торгового договора было произвольное увеличение витебским князем «весчего», т. е. пошлины за взвешивание товара в его пользу. Витебские купцы также подвергались притеснениям со стороны немцев. Так, между 1282 и 1284 г. витебляне жаловались, что «выехали 20-ть муж из Риги и убили человека (т. е. витебского купца), узяли 10-ть берковцев воску» [257. С. 18, № 34].

Таким образом, в течение XIII в. торговые отношения административных центров с балтийским регионом носили неустойчивый характер; в то же время, в отличие от X—XII вв., наблюдается попытка поставить эти отношения на законодательную основу. Заключение торговых договоров Смоленска, Полоцка, Витебска с Ригой и более отдаленными балтийскими городами свидетельствует о приобщении их к режиму международных норм купеческого и торгового права.

В течение XIV в. Рига проводит политику отстранения купечества других стран от непосредственного контакта с купцами белорусских и русских земель. Не пуская за пределы Риги купцов Смоленска, Витебска, Полоцка вопреки торговым соглашениям, она стремилась навязать им свои измерительные и весовые единицы, в результате чего стало бы невозможным заключение прямых торговых сделок с немецкими купцами других городов. Вытесняя в двинском бассейне из торговли заморских ганзейских купцов, Рига стала добиваться замены кельнского фунта, применявшегося ими, на рижские весовые единицы.

Кельнский фунт был в употреблении в рижско-полоцкой торговле до конца XIV в., на весах типа пуд, однако 31 января 1399 г. в Ригу поступило сообщение, что «полоцкие граждане приняли новый пуд, и кельнский фунт отменен» [257. № 126]. Рига, таким образом, к концу XIV в. добилась того, что стала единственным посредником в торговле между городами Западнодвинского бассейна и Балтийского региона.

К сожалению, отсутствуют источники, из которых следовало бы прямо, что Витебск в течение XIV в. пережил ту же борьбу с Ригой за самостоятельность в торговле, что и Полоцк. Однако договор 1229 г. и его последующие редакции вплоть до середины XIV в., где наряду со Смоленской упоминается и Витебская волость, а также договоры полоцких князей, в которых Витебск также выступает равноправным торговым партнером, могут служить основанием заключению, что в XIV в. судьба Витебска была аналогична другим торговым центрам Западнодвинского бассейна. Дальнейшее развертывание торговых отношений между Ригой и Полоцком показывает, правда, что Витебск, как и Смоленск, уже занимает зависимое от Полоцка положение, что диктовалось стремлением последнего пробиться через преграды Риги на арену большой международной торговли, даже жертвуя торговыми возможностями в этом вопросе Витебска и Смоленска.

5.2.3. Торговое право XV—XVI вв.

Вторым важным торговым документом в средневековый период стал так называемый *«Копыский договор» 1406 г.*, подтверждавший старое право на проезд «полочане мимо Ригу у землю, а рижане мимо Полтеск у землю куде хочють, то на обе стороны межи нас волно, водою и землею» [257. № 160]. Немцам разрешалось покупать товар оптом и в розницу, но продавать только оптом. Эти же правила были применены к полочанам в Риге.

Подготовка Копыского договора осуществлялась в сложной политической обстановке. С одной стороны, Великое княжество Литовское стремилось соблюсти свои интересы в торговле. С другой — поход Витовта зимой 1405/06 гг. в Псковскую землю нарушил мир с Московским государством и вынудил его воспользоваться помощью немцев против Василия Дмитриевича, «ходившего войной» в Полоцк. Как считает А. Л. Хорошкевич, именно эти события послужили причиной того, что полочанам не удалось ограничить немецкую торговлю пределами Полоцка [322. С. 86]. Копыский торговый договор находил неоднократное подтверждение в последующие годы (14 мая 1407 г., 5 февраля 1439 г., 3 мая 1447 г.). Однако в подтвердительных грамотах 1439 и 1447 гг. уже появляется новая статья: «Если случится, что мы или наши преемники князья Полоцка или рижане в Риге учредят *стапель*, они должны его соблюдать, так, как они установили» [241. С. 134, № 52а]. В грамоте за 1447 г. термин «стапель» заменен термином «складское право». Этот новый пункт договора отражает реально сложившуюся обстановку в двинской торговле.

В первой половине XV в. значительно расширились на восток владения Великого княжества Литовского. В договорной грамоте 1427 г. великого тверского князя Бориса Александровича с великим князем литовским Витовтом перечисляются Вязьма, Смоленск, Витебск в числе городов, где должна взиматься торговая пошлина с тверских купцов [32. Т. 1. С. 118, № 44]. Соответственно, такая же пошлина взималась с купцов этих земель в Твери. Договорные грамоты 1431, 1440—1447 гг. называют условия торговли северо-восточных земель ВКЛ с Великим Новгородом: «А што моих людей, или литвин, или *витеблянин*, или полочанин, или смолнянин, или с иных наших руских земль, тым путь чист... торговати им в Новгороде бес пакости по старине... Також и новгородчем изо всей Новгородской волости торговати бес пакости по всей Литовьской земли» [58. С. 115, № 70]. Здесь же подробно оговаривается, какое мыто должно взиматься на литовских пограничных таможнях при проезде в Новгородскую землю «по старому рубежю земли и воде и с полочаны, и с витбляны, и с торопчаны». Витебск и Смоленск стремились иметь прямые торговые контакты не только с городами Московского государства, но и с рижанами. Такие контакты Витебска отмечены с 1446 г. [233. С. 86].

Вторая половина XV в. характеризуется дальнейшим развитием организации внутренней торговли наряду с внешней, об этом свидетельствует концентрация товаров из округи в городских центрах (Полоцк, Витебск). Закупки их в сельской местности осуществлялись уже не приезжими купцами («гостями»), а торговцами близлежащих городов. Во второй половине XV в. происходят изменения в номенклатуре товаров, поступающих в Ригу. К концу XV в. первое место в рижском экспорте занимают лес, зола, деготь, конопля, лен. Привозными товарами в XV в. были фландрские и английские сукна, соль, голландские и вестфальдские полотна, железо, медь, олово, свинец, сельди, вино, пи-

во, пряности [264. С. 282—28]. В самом конце XV в. (1498) Полоцк получил магдебургское право и гарантию на стапель [32. Т. 1. С. 263, № 116]. Проезд в Витебск и Смоленск для иностранных «гостей» предусматривал только взимание долгов за кредит. Устанавливались жесткие меры для продажи различных видов товаров. Все это способствовало, с одной стороны, большей свободе в торговых операциях непосредственно полоцких купцов, с другой стороны, устанавливало преимущества экспорта над импортом, что впоследствии давало возможность значительного обогащения лицам, занятым в сфере торговли.

Ограничения для иностранных купцов в Двинском регионе не подрывали торговли местных купцов из Витебска и Смоленска. Судя по документам начала XVI в., витебские купцы имели право свободного беспошлинного провоза товаров во всех направлениях, а также самостоятельность в выполнении торговых операций. «Також и в весы Витебские, а ни в локоть нам не вступатися, и коли который витеблянин в весях проступил, або в локти, ино витбляном самим казнити по своему праву, а нам в то не вступатися; а у которого витблянина загудят воск в Ризе, або инде, а приедет до Витебска, ино витбляном самим казнити виноватого... Также есьмо им и мыта отпустили по всей отчине нашей вечно», — говорилось в привилее боярам и мещанам Витебска 1503 г. [264. С. 35, № 16].

В первой половине XVI в. «революция цен» в Европе, и в частности в восточных Прибалтийских землях, способствовала наращиванию торговых оборотов. В то же время из документа 1528 г. известно, что когда витебские купцы ездили в Ригу, то воевода Иван Богданович Сапега брал с них дополнительные пошлины с каждого струга и с различных видов товаров (соль, сельдь, мед). По распоряжению воеводы с них взимали также пошлину в Лужесне и Усвяте, т. е. во время торговли на территории Витебского воеводства. Он же для контроля местных торговых операций ввел специальные печати, без которых запрещалось всякое передвижение купцов на территории воеводства. Купцы жаловались королю Сигизмунду I и на то, что воевода запрещал им «...ездити куповати рысей, куниц и бобров и иного зверю и тех еду пресного по волостем... и по селом князским и боярским, чего им за первшых воевод николи не бывало» [71. Т. 1. С. 209—210, № 186].

Таким образом, княжеские наместники, соблюдая личные интересы, тормозили развитие внутренней торговли. Этому способствовала и монополия на продажу спиртных напитков, которая закреплялась за церковными корчмами. «Иж во всем Витебску, в городе вышнем, и нижнем, и на месте, и у двоих милях, около Витебска не мають ничией корчмы быти, а ни пивные, а ни медовые, а ни винные, а ни горелочные, только костельные плебанов Витебских» [264. С. 47, № 24]. Городским торговцам позволялось продавать спиртные напитки только три раза в год во время ярмарок.

Русской стороной запрещался пропуск торговцев с территории Великого княжества Литовского с небольшим товаром дальше Смоленска. «А именитых людей лутчих... с лутчими товарами, з жемчугом с яхонтом, с скорлаты тех государь мимо Смоленск к Москве пропущати веле» [256. С. 11, 17]. Трудности были и у русских купцов, направлявшихся на территорию ВКЛ. Нередко на пути в Витебск державцы грабили русских купцов и отправляли их назад [256. С. 51, № 33]. Как видно из грамоты Сигизмунда III воеводе витебскому Николаю Сапеге (1591), местные урядники не щадили и своих купцов, выпуская их с товаром за границу. Так, витебские, суражские и велижкие урядники вместо 1 гроша

пошлины со специальных «квитов», выдававшихся на проезд купца за границу, как было установлено, «немалые подарки от таковых квитов на них вытегают, приводечи их до немалых шкод» [264. С. 60—61, № 31].

В жалованной грамоте Сигизмунда III на магдебургское право Витебску (1597) отмечалось, что витебляне освобождаются, как и в прежние времена, от всяких пошлин при проезде по торговым делам «во всих панствах наших, в Короне Польской и Великом княжестве Литовском и в земле Лифляндской, в местах наших князских, панских, духовных и свецких и в дорогах». Привилей утверждал право использования всех доходов, получаемых от обслуживания торговли (струговое, челновое, возовое, узвестки, квитовое, пересуды, вины и т. д.), за городской общиной. В данном привилее важным является утверждение ярмарки один раз в год на день св. Петра, когда «всякого стану люди наши и чужоземцы, так тыя, которые торговати... яко и тыя, которые куповати будут, никоторых мыт наших и жадных инших никому давати не мають и повенны не будуть». Вторым положением ярмарочного торга было то, что приезжие купцы «только купцом обывателям места Витебского всякие товары огулом продавати мають, а они здесь купцы Витебские каждому обчому и на сторону, также и в месте порозну тые же товары продавати будут» [2. Т. 4. С. 165—170, № 118].

Лица, подлежащие замковой юрисдикции, и витебская шляхта пользовались особыми правами, так как не подлежали магдебургскому праву. Таким образом, положения о торговле, высказанные в жалованной грамоте Сигизмунда III, касались не всего населения Витебска, занимающегося торговлей.

5.2.4. Развитие торговли в XVII—XVIII вв.

Как показывают материалы первой трети XVII в., свобода торговли витеблян и их освобождение от пошлин оставляли желать лучшего. Начавшиеся в 1600 г. военные действия между Швецией и Речью Посполитой закончились в 1629 г. Альтмаркским перемирием и разделом водного пути по Двине между этими государствами. В период войны продолжался произвол наместников и чиновников. В 1600 г. Сигизмунд III вновь вынужден был выдавать грамоту витебским мещанам об освобождении от «податков незвыклых, названных струговою, челновою, возовою, квитовою и обвестки» [264. С. 91—92, № 42], которые налагались на торговцев, выезжающих за пределы воеводства.

По Деулинскому перемирию 1618 г. Речи Посполитой с Русским государством был принят ряд статей о торговле. Согласно им, московским купцам разрешалось «изо всих земель Московских во вси земли коруны Польское и Великого князства Литовского приездчати зо всяким товаром и торговати на всякий товар». Литовским купцам разрешалось то же самое в отношении «вси Московские земли, оприче стольного города Москвы» [256. С. 65, № 45].

Таким образом, из этого документа следует, что Московское государство не стремилось открывать доступ в свою столицу широкой купеческой массе западных земель, видимо, соблюдая интересы своего мелкого купечества и ремесленников, торгующих собственной продукцией. Царская власть благосклонно принимала лишь тех купцов, которые доставляли особо ценные товары. В то же время, еще в 1604 г. был наложен запрет на вывоз Московским государством в Литву «заповедного товара». В эту категорию входили «золото и серебро, суда золотые и серебряные, деньги, доспехи, шеломы, саадаки,

сабли, копья, стрелы, железцы стрельные, пищали, зелье пищальное, уклад и др.» [256. С. 59, № 39; С. 62, № 42]. А по грамоте Разрядного приказа, датируемой 1634 г., русским торговым людям запрещалось ездить торговать с литовскими купцами в Дорогобуж, а назначался торг в пограничном городе Вязьме. «А торговати с торговые и всякие люди с литовскими людьми в Вязьме, чтоб нашем пошленным деньгам убыли никакие не было» [256. С. 123, № 98].

Несмотря на торговую политику Русского государства и неблагоприятное военное положение в первой трети XVII в., данные таможенной ведомости Витебска 1605 г. показывают преобладание вывоза и транзита над ввозом, что может свидетельствовать о высоком уровне развития торговли Витебска к началу XVII в. [32. Т. 1. С. 313—328, № 141]. Вывоз льна, пеньки, пакли, конопляного и льняного семени, зерна и других сельскохозяйственных продуктов, а также лесных материалов продолжался витебскими купцами и позднее. В первой половине XVII в. в Ригу прибывают купцы из Шклова, Орши, Толочина, Лукомля, связанные узами местного рынка внутри государства с Витебском. К середине XVII в. Витебск входит в число самых важных мест концентрации товаров [233. С. 92].

Войны Русского государства со Швецией (1656—1658) и Речью Посполитой (1653—1667) не повредили торговой деятельности в бассейне Западной Двины. Напротив, ряд документов свидетельствует об оживлении торговли мещан Витебска и увеличении их доходов. Так, в 1654 г. русское правительство предоставило городским купцам право «беспошлинной торговли по реке Двине» [256. С. 412—413].

Политика царского правительства открыла на некоторое время для витебских мещан возможность торговли лесом. Так, царский воевода в Кокнесе (1656—1661) Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин развил деятельность по сплаву «товаров царского величества», в котором в 1660 г. приняли участие и 6 купцов из Витебска. Известно, что в период с 1654 по 1667 г. крупные витебские купцы: бургомистр Парфен Юревич, Яков и Парфен Игольники, Прокоп Кривич, Федор Боневич — привозили в Ригу большие партии клепки «ваньчоусу», леса, получая их из «царской казны» в пограничных районах Смоленска, Поречья [72. С. 134, 137, 143]. Поставки пеньки в это время витебскими мещанами в Ригу составили 56,3% стругов и 72,5% стоимости всех привозимых товаров. В течение 1661—1662 гг. витебские купцы неоднократно выбирались в Ригу «сухим путем» для «товарное покупки» и «для отыску долгов», а также в Полоцк «для отыску поклаженной соли, что положена... едичи из Риги» и сельдей [94. Т. XXXI. С. 270].

Из Витебска рижские товары развозились по пунктам местной торговли, а также поступали в порубежные русские районы. Соль «для торжишку» направлялась в Смоленский, Велижский и другие уезды. Таможенные книги Смоленска за 1673—1679 гг. дают представление о развитии торговых связей пограничных районов Великого княжества Литовского и Русского государства в этот период. После Андрусовского перемирия 1667 г. Смоленск уже торговал с Витебском на правах пограничного города соседнего государства.

Помимо Смоленска, части экспорта формировали Вязьма и Торопец. Товары из этих пунктов имели выход на Витебск. Торговля Витебска со Смоленском носила постоянный характер. Витебские купцы скупали и вывозили пеньку, поташ, ввозили рижскую соль, сельди, промышленные товары, ткани и др. [206. С. 82]. Вывоз товаров из Смоленска производился на большие суммы на

протяжении ряда лет. В торговых операциях со Смоленском были задействованы различные социальные группы витеблян. Источники второй половины XVII в. свидетельствуют о преуспевании Витебска в экономическом развитии. Так, в документе 1676 г. говорится: «Через этот, наделенный привилеями город, почтовая дорога никогда не лежала, никаких подвод он не поставлял и сверхобыкновенными повинностями обременен не был» [264. Т. 1. С. 155, № 82]. А грамота короля Яна III от 1681 г. освободила витебских мещан на 2 года от купеческой повинности, от уплаты замковых, струговых и прочих сборов в связи с тем, что они «потерпели от пожара значительное разорение имущества и строений» [264. С. 159—160, № 86].

В 1698 г. король Август II требует от своих урядников, чтобы с витебских мещан не взимали на таможнях чрезвычайно большого квитационного сбора от стругов. А в 1699 г. этот же король выдает привилей на постройку лавок, мясных и рыбных рядов на мосту в г. Витебске, «отдельно не должно продавать ни в замках, ни в предместьях, ни на рынке, чтобы не загромождать мест, исключая мясных и рыбных рядов и лавок, издавна на самом рынке построенных» [264. С. 176, № 96; С. 178—179, № 98].

В конце XVII в. Витебск прочно занимает первое место в торговле с Ригой. Значительно возросла торговая активность шляхты Западнодвинского региона. Монополия шляхты на торговлю лесом и лесоматериалами признавалась и в Риге. Особого расцвета в XVII в. достигла система кредита, который был в основном односторонним. Благодаря ему были возможны экспортные операции Риги, купечество которой в свою очередь находилось в зависимости от западноевропейского капитала. Кредит рижане предоставляли как шляхте, так и мещанам ВКЛ [94. Т. XIX. С. 309]. Под крупные денежные кредиты в несколько тысяч талеров в Ригу поставляли лес витебский земский судья Ф. Лукомский, подкоморий витебский К. Огинский, воевода витебский К. Поцей [72. С. 131]. В течение всего XVII в. лес и лесоматериалы в Ригу поставляли представители рода Храповицких. Взыскивались долги по-разному. Оршанский стольник Анджей Храповицкий вынужден был уступить группе рижских купцов права на разработку его лесов в течение 10 лет [72. С. 126]. Должником рижских и шкловских купцов одновременно явился владелец Шкловского графства А. М. Сенявский. С витебских купцов долги взыскивались иногда с помощью военных отрядов [264. С. 462].

Ф. И. Адащик отмечает, что в конце XVII—XVIII вв. торговля Витебска носила в основном транзитный характер, однако «она оказала заметное влияние на рост города, увеличение численности и занятости его населения, значительная часть которого обслуживала торговлю» [1. С. 572—580]. Везли через Витебск свои товары в Ригу и русские купцы. В 1714 г. через витебскую таможню фактор смоленского купца Дмитрия Минчукевича провозил рожь, водку, мед, семя льняное, овес. А в 1716 г. витебские купцы Фома Остахович и Борис Наумович отправили в Ригу 1200 бочек ржи, ячменя, льняного семени и других сельскохозяйственных продуктов [94. Т. XXIII. С. 72]. Продолжали поступать в Ригу через витебскую таможню сельскохозяйственные и лесные товары шляхты [94. Т. XXIV. С. 135, 151; Т. XXVI. С. 411—413]. Из Риги привозили соль, западноевропейские сукна, шелковые ткани, железо, железные изделия, водку, вино, пиво, стекло, пряности [94. Т. XVI. С. 104; Т. XVIII. С. 237, 272]. Наряду с традиционными товарами в XVII в. из Риги поступали табак, кофе, лошади [94. Т. XIX. С. 164; Т. XXIV. С. 78].

Высоким был уровень торговли витебских купцов в середине и второй половине XVIII в. Особенно ходовым товаром была пенька. В 1750 г. только два купца — Иван Толоцко и Фома Лоренс — отправили в Ригу пеньку на сумму 1789 талеров [94. Т. XVIII. С. 381]. О большом товарообороте Витебска во второй половине XVIII в. свидетельствует следующий факт. По данным 1765 г., в казну поступило 78 565 злотых денежных сборов с витебской сплавной таможни, что составляло более половины сборов от 8 сухопутных таможен на территории Беларуси в целом [32. Т. 2. С. 353].

Успех товарооборотов в немалой степени зависел от организации торгового дела. Известно из документов, что в сплаве товаров купцы участвовали группами. Совместными поставками занимались представители «торгового дома»: купцы Игольники, Гайки, Татарки из Витебска. Либо это были компаньоны на одну-две операции или на несколько лет. По материалам конца XVII в. известны группы витеблян Алексея Татарки и Давида Наумовича (1694), Василия Королькевича и Василия Данилевича (1692), Василия Королькевича и Кузьмы Скорба (1694—1699) [72. С. 138].

Купцы-мещане вступали во взаимодействие со шляхтой. Это выражалось в скупке товаров, перевозке шляхетских товаров на купеческих стругах либо транспортировке купеческого товара под протекцией магната и т. д. Так, в 1670—1680-х гг. крупными операциями занимался Василий Овсеевич из Шклова, скупая лес, пеньку, коноплю у мещан Могилева, Шклова, а также у духовенства и шляхты. У В. Овсеевича были свои струги, кормщики, приказчики, слуги. Помимо витеблян, составлявших «торговые дома», подобные корпорации были в Орше (Рагузы), Дубровно (Пилаты), в «компаньонах» состояли представители разных городов. Под 1689 г. зафиксированы четыре жителя Шклова (Василий Овсеевич, Клим Говорковский, Ян Мазуревич, Орешкевич), под 1688 г. — два представителя Дубровно: Семен Пилат и Анисим Пичуля, под 1695 г. — шкловский купец Василий Овсеевич и оршанский — Иван Рагуза [72. С. 138].

Крупным *центром транзитной торговли региона* северо-восточной Беларуси была *Орша.* Через нее проходили международные водные и сухопутные торговые маршруты, ориентированные главным образом на Польшу и Москву. А. Вавжиньчик называет торговый путь, который в XVI в. связывал Смоленск с городами Польши через Дубровно—Друцк—Бобр—Начу—Борисов—Минск—Койданов (далее идут ответвления на Августов, Торунь, Познань, Люблин, Варшаву). Она же отмечает, что часть русских товаров направлялась по северному пути через р. Западную Двину, обслуживающую примыкавшие к ней регионы [364. S. 82]. В Баркулабовской летописи упоминается «дорога великая Шкловская» до Могилева [242. С. 116]. По Днепру и Лучесе купцы перевозили товары до Западной Двины. По пути они торговали в Орше, Дубровно, Бабиновичах [204. С. 96].

В XV в. в Орше располагалась таможня, которой было предоставлено право на стапель [2. Т. 4. С. 57]. С середины XVI в. Орша — организующий центр торговли повета, имела постоянные контакты с Могилевом, Копысью, Шкловом (локальными центрами торговли в Белорусском Поднепровье). «Околичные города» (Шклов, Копысь, Смольяны, Толочин) участвовали в ежегодно проводимых в Орше торгах, о чем упоминается в соглашении могилевских купцов 1623 г. З. Ю. Копысский, рассматривая развитие торговли в городах XVI—XVII вв., отмечает, что крупное купечество было занято в основном транзитными операциями, в то время как на местных рынках торговлей в «лав-

ках» и «лотках» занимались также перекупщики («прасолы»), ремесленники [111. С. 145, 166—167].

По данным инвентарей, собранным С. Александровичем, в Шклове в 1643 г. была 301 лавка и множество лотков, в Копыси в 1650 г. — 80 лавок [355]. Шклов достиг наибольшего развития среди локальных торговых центров рассматриваемого региона. Отсутствие в нем таможни привлекало купцов как с ближних мест, так и занимающихся дальними перевозками товаров. В середине XVII в. в нем располагалось два рынка, и он оставался крупным центром лавочной торговли на протяжении XVII—XVIII вв. [59. С. 133, 140, 141, табл. 10]. Несколько раз в неделю на торги в Шклов съезжались торговцы из округи: Орши, Могилева, Головчина, Толочина, Лукомля, Смольян, Дубровно, Копыси. А на ярмарки, которые проходили там два раза в год, прибывали купцы из Русского государства, Лейпцига, Франкфурта, Силезии и др. [32. Т. 2. С. 352, № 239]. Богатые шкловские купцы выступали в качестве посредников в торговле Русского государства с городами Центральной Европы. Они возили товары в Ригу, Гнезно, Торунь, Крулевец, Люблин. М. Б. Топольская считает, что в Шклове существовала торговая корпорация, ведущая иноземную торговлю [362. S. 14—24, tab. 5].

Одной из доходных статей королевской казны являлись торговые пошлины («мыто»). Поэтому таможни и таможенные заставы устанавливались как на главных магистралях, так и на второстепенных. Торговая пошлина взималась за провоз товаров внутри государства из одного города в другой, а также за границу. При поездках купцов на ярмарку, торг и при возвращении домой их товар облагался «мытом». В этой связи купцы старались избегать провоза товаров через пункты, где были установлены таможни. На территорию Русского государства купцы из поднепровских городов ехали через Романов, объезжая Оршу, где взималось мыто [204. С. 144]. Подскарбий ВКЛ Л. Война, ведавший сбором пошлины за провоз товаров, в 1577 г. обратился ко всем купцам Витебска, Орши, Шклова, Копыси, Могилева и других городов Оршанского Поднепровья, чтобы они не уклонялись от уплаты пошлины при поездках в Польшу [229]. С конца XVI в. документы фиксируют таможню в Витебске [94. Т. IX. С. 435]. В 1646 г. магистрату Витебска было предъявлено обвинение в том, что купцы не хотят платить «не только цла старого на коморах и прикоморках... но и всего» (т. е. любых пошлин) [247, ф. 389, д. 330, л. 190].

Важно отметить, что *пошлины за провоз товаров* подразделялись на *старые и новоповышенные*. Р. Рыбарский, исследовавший этот вопрос, сделал вывод, что «старое мыто» первой половины XVI в. составило 1/15 часть «мыта нового», распространенного на территории Речи Посполитой [361]. Как отмечает В. И. Мелешко, новоповышенное мыто не имело постоянной величины, оно увеличивалось каждый год либо каждые два года в соответствии с потребностями государственной казны. Мыто за провоз товара водою отличалось от мыта на сухопутных маршрутах [204. С. 141].

Кроме главных «пограничных» мыт, которые к 1576 г. обложили товар на территории Великого княжества Литовского до 8% его стоимости, а иногда и выше [358. S. 515], купцы выплачивали различные другие пошлины («мостовое», «обвестки» или «квиты») при проезде внутри государства. Взимание этих пошлин сопровождалось насилием и беззаконием со стороны местной администрации, а также арендаторов таможенных пошлин. Право феодалов на бес-

пошлинный провоз товаров ставило их в более выгодное положение, чем мещан-купцов [203. С. 100].

Для поддержания торговой деятельности населения издавались различные королевские грамоты, указы и т. д., освобождающие его от излишних поборов. Большая роль купечества Витебска в экономической жизни города в XVII—XVIII вв. подтверждается изданием 12 декабря 1738 г. королем Августом III Устава купеческой думы [264. С. 192, № 104]. Этот устав состоял из 17 статей и в общих чертах отражал организацию витебского купечества. Согласно статье 4, «ремесленникам никакой торговли не давать», торговля полностью выделялась в самостоятельную экономическую отрасль. Статья 8 гласила: «Посторонним и приезжим людям — мелочная продажа, ремесленникам цеховым и нецеховым воспрещается торговля». Таким образом, витебское купечество в своих руках сосредотачивало всю основную торговлю, оставляя возможность мелкого торга, видимо, за представителями округи. Статья 11 устанавливала систему жесткого контроля за соблюдением правил торговли: «4 человека должны наблюдать за приезжими купцами с товарами и витебскими мещанами, которые не купцы, а хотят торговать». Товары клеймили специально учрежденной купеческой печатью. Статьи 14—17 предусматривали: 1) честность торговых сделок: «купцы не должны препятствовать друг другу в торговле, перекупать и перенимать сторгованные товары»; 2) обособленность купечества, входящего в состав Думы от остальных торговцев, 3) соблюдение Витебской купеческой Думой устава в соответствии с правилами Виленской торговой корпорации.

В частновладельческих городах, в отличие от королевских (великокняжеских), торговая деятельность населения регулировалась не только постановлениями сейма и королевскими привилеями. Она находилась под контролем владельца города, его наместников и магистрата. По сведениям, собранным А. П. Грицкевичем, купеческие организации частновладельческих городов возникали как цехи [59. С. 140].

Подводя итог характеру торговых связей северо-восточного региона Беларуси в эпоху феодализма, можно сделать следующие выводы.

На протяжении X—XI вв. Витебск, являвшийся волостным центром, видимо, находился в той стадии экономического и политического развития, когда не мог еще претендовать на сколько-нибудь самостоятельную роль в формировании Двинского торгового пути. Кроме того, сам этот путь еще не обладал необходимыми атрибутами международного торгового права и не был включен официально в систему международных торговых маршрутов. Конец XII — первая треть XIII в. — время официального признания Двинского торгового пути, выработки первых договоров и определения основных партнеров Западнодвинского бассейна, в том числе и Витебска, в качестве контрагентов западноевропейского купечества. XIII — первая половина XIV в. характеризуются становлением основ торгового права в Западнодвинском бассейне, постепенным выдвижением на первые роли в торговом обмене между западом и востоком Риги и Полоцка. Основные виды экспорта: воск и пушнина.

Конец XIV — первая половина XV в. — утверждение Полоцка в качестве ведущего торгового пункта белорусского Подвинья с западноевропейскими странами. Начальный этап в организации внутренней торговли. Ориентация Витебска на торговлю с русскими землями (Тверской, Новгородской). Вторая по-

ловина XV в. характеризуется дальнейшим совершенствованием организации внутренней торговли, о чем свидетельствует концентрация экспортных и повседневного пользования товаров из округи в ведущих административных центрах (Витебск, Орша). В этот период происходят изменения в номенклатуре экспорта. На первое место вместо воска выдвигаются лен и лесные материалы, продукты сельского хозяйства. К торговле подключаются представители феодальной знати.

Весь XVI в. был временем постепенного усиления Витебска как торгового центра, чему способствовали внешнеполитические обстоятельства и экономическая политика великокняжеской власти. В данный период достаточно четко определяется радиус внутреннего рынка Витебска. В самом конце XVI в. Витебск наделяется рядом существенных льгот для торговли в соответствии с полученным магдебургским правом (1597). В XVII—XVIII вв. Витебск и Орша являются ведущими центрами транзитной торговли Подвинья и Оршанского Поднепровья с другими регионами. Среди локальных административных центров региона наибольшего расцвета достиг Шклов.

На протяжении всего средневекового периода экспорт преобладает над импортом, что способствует значительному обогащению торгового населения, созданию торговых компаний, торговых домов, объединившихся в 1738 г. в Витебскую купеческую Думу с развитым торговым уставом.

6.

Культовое строительство XIV—XVIII вв. Погребальные объекты

6.1. ЦЕРКОВНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

6.1.1. Развитие церковного землевладения в XIV—XVI вв.

Сложные межконфессиональные отношения эпохи средневековья, имевшие место в Великом княжестве Литовском и Речи Посполитой, нашли свое материальное выражение в культовых памятниках городов: приходских храмах и монастырях. Характер размещения этих объектов на территории города, количественное соотношение в разные периоды свидетельствуют о роли различных религиозных направлений в духовной жизни средневековых городских центров.

До конца XIV в. практически единственной централизованной церковной организацией ВКЛ являлась православная церковь. Особым влиянием она пользовалась до середины XVI в. в землях, сохранявших территориально-административную автономию, в том числе и Витебской земле.

Внедрение католицизма на территории восточных славян, входивших в состав населения ВКЛ, в конце XIV — первой половине XV в. сопровождалось острыми политическими внутригосударственными конфликтами. Католическая церковь, поддерживаемая великокняжеской властью и литовской знатью, за короткое время превратилась в крупного землевладельца. Двадцать три из тридцати трех наиболее богатых парафий были основаны на территории Беларуси [360]. По объему землевладения католическая церковь в середине XVI в. значительно превосходила православную. В 1387 г. на территории региона северо-восточной Беларуси в личных владениях Ягайло Обольцах был возведен один из первых католических костелов. По данным хозяйственных ревизий, в Витебске в середине XVI в. было 7 православных церквей, а всего с конца XIII по середину XVI в. в Витебском повете основано 4, а в Оршанском — 5 православных монастырей, относящихся к разряду мелких землевладельцев [215. С. 167].

Усилению духа веротерпимости на территории ВКЛ в первой половине — середине XVI в. способствовало реформационное движение, охватившее всю Европу. Проводниками кальвинизма как основной формы церковно-религиозной реформации в белорусском регионе выступили представители феодальной знати. В это время повсеместно возникают кальвинистские общины, находящиеся в зависимости от феодалов-протекторов, субсидировавших протестантские церкви. В конце XVI в. сложилась организационно-территориальная структура кальвинистской церкви в Беларуси и Литве, почти неизменная до конца XVIII в. В состав одного из шести дистриктов — Русского (позднее назывался Белорусским) входили Витебск и Орша [91. С. 41].

Подрывая устойчивость положения православной и католической церквей, феодалы-реформаторы, поддерживаемые некоторой частью мещанства, стремились укрепить свои позиции в государстве. Кульминацией сбалансированного сосуществования нескольких конфессий на территории ВКЛ было принятие в 1573 г. акта Варшавской конфедерации о свободе вероисповедания, текст которого вошел в Статут 1588 г. В то же время, как отмечают исследователи [26. С. 70—72], право собственника духовного или светского, зафиксированное в акте 1573 г., позволяло ему в своих владениях применять любые меры наказания к находящимся в зависимости от него людям. Заключение Люблинской унии 1569 г. и переход значительной части местных феодалов в католичество способствовали упрочению позиций католической религии в государстве. Не-

смотря на сохранение практически до конца XVI в. наибольшего представительства в Великом княжестве Литовском православной церковью, ее влияние было подорвано. Ситуацию усугубило введение в 1596 г. церковно-религиозной унии (Берестейский собор). Одной из попыток противостоять наступлению контрреформации в ВКЛ было заключение по инициативе князя К. Острожского в 1599 г. в Вильне союза (конфедерации) между православными, лютеранами и кальвинистами [26. С. 75].

Созданию местной реформационной общины в Витебске в 1560-е гг. [57. С. 113] способствовала деятельность бежавших сюда из России монахов Феодосия Косого, Артемия и Фомы. Королевским привилеем Сигизмунда Августа от 14 июня 1562 г. было разрешено строительство в Витебске кальвинистского храма при условии, что и в костелах и в церквях русских обычаев и «справ давных отменяти они не мают».

Л. С. Иванова приводит сведения из фондов Отдела рукописей Национальной библиотеки Литвы о пожалованиях, выделенных для постройки храма и кальвинистской школы в Витебске. На фундуши князей Друцких-Соколинских в Нижнем замке возле Великой улицы на повороте к браме Верхнего замка был построен кальвинистский храм. Королевский маршалок и витебский подкоморий князь Павел Юрьевич Друцкий-Соколинский в 1571 г. к постройке сбора записал дом и огород свой «на вечные времена». Его сын Юрий Павлович в 1593 г. подтвердил дарение отца и добавил к нему «подле того збору дворище мое з будованем и з огородом». В 1601 г. он же выделил пляц (участок) под кальвинистскую школу. В этом же году витебский хоружий Ян Храповицкий записывает на кальвинистов купленные им у разных лиц пляцы вокруг храма. В 1560—1580-е гг. вклады и сделки с кальвинистской общиной осуществляли и витебские мещане [91. С. 42].

Однако реформация не имела длительной поддержки среди православного населения Восточной Беларуси. Связь с Виленским синодом у протестантских общин Витебска, Копыси и других городов региона была слабой. Общины Русского дистрикта почти до середины XVII в. пользовались не новым грегорианским календарем, принятым протестантами и католиками ВКЛ, а старым юлианским, как и православные [230, f. 40, д. 1157, л. 91, канон 21; д. 1136, л. 73, канон 8].

Отход богатых фундаторов от кальвинизма, католическая экспансия, напряженная политическая обстановка с военными конфликтами в восточном регионе ВКЛ способствовали упадку витебской кальвинистской общины. В 1653 г. Виленский синод принял решение о реставрации Витебского кальвинистского храма [230, f. 40, д. 1136, л. 172, канон 9]. Но во время войны между Россией и Речью Посполитой последний казначей общины Ян Ранишевский с семьей был вывезен в Россию, а деревянные строения кальвинистской общины разобраны, перенесены в Верхний замок и сожжены. На общинных пляцах после отступления московского войска построены дома витеблян [359. Т. 1. S. 150—151]. Дальнейшее существование общины кальвинистов в Витебске затруднялось действиями иезуитов и доминиканцев. Попытки витебского хоружего Е. Храповицкого возобновить постройку храма в другом месте [230, f. 93, д. 1786] не увенчались успехом.

Кальвинистский храм до 1590 г. существовал и в Орше. Он размещался в центральной части города под стенами замка и в числе других входил в состав Русского дистрикта протестантской церкви ВКЛ [155. С. 83].

6.1.2. Земельные владения витебских церковных организаций в XVII—XVIII вв.

Со второй половины XVII в. происходит активный передел земли в пользу католической церкви — опоры верховной власти на территории Витебска. Обеспечением католических монастырей землей занимались также магнаты и богатая шляхта. Основателем Витебской иезуитской коллегии был воевода Александр Гонсевский, создавший в 1639 г. в городе резиденцию. Он пожаловал предполагаемой коллегии на территории Смоленщины земельный участок в 1000 кв. миль, а также пристань на Западной Двине [199. С. 122]. В 1640 г. ксендз Станислав Косинский ходатайствует о выделении участка для постройки здания коллегии и костела в Витебске. Король жалует для этой цели земли, находящиеся в его личном распоряжении.

Начинаются также дарения феодалов в пользу коллегии. В 1641 г. дарственную запись на половину пляца с постройками делает подстолий Витебского воеводства Андрей Гурко, гродский судья Юрий Холоминский дарит собственный пляц. Затем следует королевская грамота с пожалованием ордену ряда пляцев и указанием о постройке для него мельницы на р. Витьбе [94. Т. XXVI. С. 430—442]. В 1646 г. возный Витебского воеводства Егор Янковский продал иезуитам третью часть пляца в Нижнем замке [94. Т. XXI. С. 481]. В 1649 г. иезуиты построили в Витебске костел. В последующие годы они продолжают скупать или получать в дар земли на Нижнем замке, Кстовском и Задунайском посадах [94. Т. XXI. С. 473, 474, 487—489] города.

В конце XVII в. в Витебске появились монахи-базилиане. Полоцкий архиепископ Киприан Жаховский специальной грамотой в 1682 г. подарил ордену земли и луга в самом Витебске и его окрестностях. Сюда входили 1 пляц Взгорской юридики возде церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы для постройки училища, «поляны возле св. Духовской церкви и сама разрушенная церковь во имя св. Духа за посадом Заручайским» [264. С. 161—163]. В 1697 г. униатский архиепископ полоцкий Беллозор назначил фундуш для постройки женского базилианского монастыря при церкви Св. Духа в Заручавье [264. С. 175, док. № 95]. Под 1675 г. и 1713 г. упоминается предместье Витебского замка (Нижнего?) в посаде Заручайском, где против улицы, ведущей к церкви Св. Духа, у реки Двины имеются земельные участки Виленской капитулы и Витебской архиепископии [94. Т. XXI. С. 213, 214].

Главным фундатором витебских базилиан являлся земский писарь Адам Франтишек Кисель, на средства которого в 1680-е гг. были возобновлены деревянный храм Св. Пречистой на Успенской горе в Пречистенском посаде и при нем монастырское строение для пользования монахов. После того как в 1708 г. Витебск был сожжен Петром I, монастырь вновь отстроен Адамом Киселем, а деревянный храм возведен на средства братства во имя Успения Пресвятой Богородицы. В конце XVII в. Адам Кисель передал базилианам в пользование свои фольварки Жабентяи, Пуризы, Яшковичи с озером и речкой Селявицей. В 1719 г. он дополнительно передает «на вечные времена» базилианам три своих имения в Витебском воеводстве, а также земельные пляцы в самом Витебске на Взгорье, в Заручавье и за Двиною. По воле фундатора настоятелем монастыря должен был бессменно оставаться его племянник Антоний Августин Любенецкий [94. Т. XXV. С. 88—89]. Богатые пожертвования Адама Киселя, умершего около 1724 г., спровоцировали конфликт между

витебскими базилианами и иезуитами. Последние выкрали ночью тело усопшего из базилианской каплицы и перезахоронили его в иезуитском костеле, чтобы получить большую сумму денег по завещанию [266. С. 18].

Земельные пожертвования базилианам в 1716 г. были сделаны витебским бурмистром Игнатием Литвинкой: несколько лавок, пляцев, полянок, полей, сеножатей [94. Т. XXIII, док. № 31—32]. Свои имения и фольварки жертвовали базилианам шляхта и богатые горожане. К середине XVIII в. витебский базилианский монастырь стал крупным землевладельцем и имел значительные денежные суммы. В 1785 г. фольварковые земли монастыря составляли 326,25 волоки. На них было размещено 6 корчм и 5 мельниц. В самом Витебске базилианам принадлежали 62 дома и 3,75 волоки земли на юридиках [220, ф. 2617, оп. 1, д. 6, л. 1].

В Историко-юридических материалах содержатся сведения о широком предоставлении монахами-базилианами ссуд под залог имущества жителям Витебского воеводства и других территорий ВКЛ. Залог осуществлялся с выплатой годовых процентов. В одном из документов названа сумма годовых — 8% [94. Т. XIX, док. № 33].

В XVIII в. в городе появляются также францисканцы, доминиканцы, пиары, мариавитки, скупающие городскую недвижимость. В течение 1744 г. происходит скупка и дарение земельных участков, расположенных в районе рыночной площади на Взгорье для постройки Бернардинского монастыря [94. Т. XVII. С. 303, 304, 307, 311, 315, 319, 324].

Церковь была заинтересована в росте своих юридик и противодействовала продаже земельных участков ее юрисдичанами. В ординации для Сожицы, составленной в 1751 г., Виленский капитул выражал неудовольствие тем, что продажа шляхте дымов и пляцев, принадлежавших его юридике в Витебске, вызывает трудности в выплате юридикой налогов Речи Посполитой. Поэтому запрещалось впредь передавать участки церковной юридики светским лицам. В результате этой политики Виленского капитула за 16 лет после 1751 г. пустых пляцев в Витебске не стало [199. С. 174—175]. По данным ведомости 1797 г., в Витебске насчитывалось 1758 земельных участков площадью 488 264 кв. сажен. Из них в руках католической и униатской церкви состояла площадь в 65 191 кв. сажень, что составляло почти 19% всей земли города [264. С. 367—368]. На момент вхождения в состав Российской империи в Витебске не было ни одной православной церкви. Витебский комендант граф Миних способствовал возведению в Задвинье в 1779 г. для солдат гарнизона деревянной Николаевской церкви.

6.1.3. Оршанское церковное землевладение в XVI—XVIII вв.

В Орше, как следует из путевых заметок Т. Коробейникова, в 1593 г. находилось 7 приходских православных церквей [61. С. 46]. На плане-схеме г. Орши из Рукописного отдела библиотеки Вильнюсского университета обозначен перечень церквей с пометкой «уничтоженные» (рис. 79) и указано их бывшее местоположение [251]. Основой плана-схемы, возможно, послужил план г. Орши 1844 г. [248, ф. 1487, оп. 42, д. 310, 2 л.; д. 311, 1 л.]. На это могут указывать как идентичное расположение городских кварталов (посадов) вдоль рек Днепра и Оршицы, так и присутствие на плане-схеме Воскресенского собора (быв-

ший костел тринитариев). Известно, что православный соборный храм с пятью башнями появился после закрытия монастыря тринитариев в 1831 г.

Конечно, местоположение на плане-схеме храмов, существовавших в первой половине XIX в., не является подтверждением точности привязки уничтоженных православных церквей, нанесенных на схему по неизвестным источникам. В то же время их количественное совпадение с отмеченными Т. Коробейниковым позволяет предположить, что схема отражает примерное расположение приходских церквей Орши конца XVI в. [155. С. 87]. Одна из них (Св. Троицы) находилась в пределах территории средневекового замка. Три церкви (Воскресения Христова, Св. Николая, Пятницы) располагались вдоль посада Заоршинного. В Заднепровье действовали две приходские церкви (Ильи-пророка и архангела Михаила).

Церковь Ильи-пророка — одна из известных древнейших церквей на территории Орши. По преданию, она была возведена наряду с другими шестью церквями в белорусском регионе в честь Ильи-пророка во второй половине XV в. по указу великого князя литовского и короля польского Казимира IV. Как показывают источники, Ильинская церковь в Орше постоянно пользовалась покровительством великокняжеской власти. В 1505 г. на месте сгоревшей деревянной церкви Ильи-пророка возводится новый храм под тем же названием, просуществовавший до постройки каменной (ныне действующей) церкви. Строительство каменного храма в псевдорусском стиле было завершено в 1880 г. В Историко-юридических материалах отмечается, что княгиня Софья Юрьевна в начале XVI в. придала церкви Ильи-пророка в пользование перевоз через р. Днепр в г. Орше в дополнение к издревле принадлежавшей храму пашенной земле. В 1595 г. комиссия по люстрации земельных владений г. Орши и волости обменяла церковный участок на «певную волоку земли» в другом месте «подле священника Троицкого». Земля, принадлежавшая церкви ранее, вошла в число городских владений, а выделенный новый участок был отнят у оршанских мещан. Это постановление, изданное Сигизмундом III 2 августа 1595 г., оставалось в силе и при его преемниках. Привилей Яна III от 15 марта 1676 г. подтвердил Ильинской церкви владение землей и перевозом через р. Днепр напротив замка [94. Т. XXVIII, С. 204—205]. Видимо, покровительство королевской власти дало возможность Ильинской церкви избежать участи других православных приходских церквей на территории Орши, которые были уничтожены.

Церковь архангела Михаила располагалась в урочище Михайловская Горка и обслуживала приход в северо-восточной части Заднепровья, в то время как церковь Ильи-пророка принадлежала приходу Ильинской слободы в юго-западной части Заднепровья. Значительная территория Наднепровского посада в XVI в., видимо, обслуживалась кальвинистским храмом, располагавшимся в зоне проживания городской знати, и храмом монастыря Благовещения. Этот единственный монастырь, названный в перечне *уничтоженных* православных храмов, находился в Наднепровье за городской чертой. Орден базилиан, основанный в начале XVII в., пользовался, в основном, монастырями, отобранными у православной церкви [202. С. 217—218]. Учитывая этот факт, можно предположить, что монастырь Благовещения перешел к базилианкам, ибо он обозначен на том же месте в числе католических храмов и монастырей на плане Орши начала 1770-х гг. (рис. 69).

В 1590 г. канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега выкупил у оршанских кальвинистов принадлежавший им в центре города участок земли

для иезуитской резиденции и в 1604 г. построил деревянный костел. Добавленные в 1609 и 1612 гг. королем Сигизмундом III земельные пожалования позволили начать строительство монастыря иезуитов [319], самого раннего католического комплекса в центре Орши. В дальнейшем фундаторами оршанских иезуитов выступали монархи Речи Посполитой Владислав IV, Ян Собеский. В 1690 г. начали возводить каменные здания двухэтажного коллегиума и костела, освященного в 1768 г. во имя архистратига Михаила [290. С. 32].

Иезуитский коллегиум должен был стать не только религиозным, но и культурно-просветительским центром в Орше. В 1621 г. королем Сигизмундом III была предоставлена монополия иезуитам на образование молодых шляхтичей не только в городе, но и во всем Оршанском повете [365. S. 199]. Коллегиум имел статус неполного низшего, а в 1740—1770 гг. высшего с неполным курсом философии учебного заведения. При нем была также 5-классная публичная школа, где обучались дети из высшего общества, и бурса для детей обедневшей шляхты и горожан. Находясь на полном обеспечении иезуитов, бурсаки учились в школе, дополнительно обучались музыке, пели в хоре, участвовали в театральных постановках и т. д. Театр при оршанском коллегиуме действовал с конца XVII по середину XVIII в. При коллегиуме находились различные мастерские по обучению монахов ремеслам, а также аптека и ботанический сад (рис. 48, *б*) с лекарственными растениями и большим количеством фруктовых деревьев [319].

Иезуитский коллегиум был главным, но не единственным проводником западной культуры и католического духовного начала в Орше. Как свидетельствует план города начала 1770-х гг., весь центральный Наднепровский посад, а также густо заселенный Заоршинный посад находились под контролем католических орденов, имевших здесь свои монастыри. В Наднепровском посаде кроме иезуитского коллегиума размещались монастырь мариавиток (XVIII в., без храма), тринитариев (с костелом Св. Троицы начала XVII в., а в 1714 г. построен каменный костел Страстей Господних), бернардинский (с костелом Рождества Богородицы первой половины XVII в.). В Заоршинном посаде в двух соседних кварталах находились доминиканский монастырь (с костелом Св. Иннокентия середины XVII в.) и францисканский монастырь (с костелом Рождества Богородицы середины XVII в.).

Все эти монастыри возводились на пожертвования магнатов Андрея Млоцкого, Адама и Владислава Саковичей, Иеронима Друцкого-Соколинского. В 1808 г. вместо деревянного костела в доминиканском монастыре был построен новый каменный храм, который в настоящее время передан в пользование католической общине [153. С. 8—9]. В описании к плану г. Орши 1813 г. [248, ф. 1487, оп. 32, д. 157, л. 1] францисканский костел обозначен как сожженный. Однако известно, что с 1831 г. после закрытия католических монастырей в Орше продолжали действовать принадлежащие римско-католической церкви костел Св. Иосифа (доминиканский, переосвященный в 1808 г.) и костел Св. Антония — францисканский [67. С. 102], который, видимо, был заново отстроен и также переосвящен.

За городской чертой в XVII—XVIII вв. располагались (базилианский женский, первая половина XVII в.) и были возведены храмы и монастырские строения (миссионерский, середина XVII в.; базилианский мужской, середина XVIII в.) трех комплексов. Таким образом, в течение XVII—XVIII вв. на посадах Орши и у городской черты функционировали 7 католических и 2 униатских монастыря (рис. 69).

Конституция 1607 г. и постановления вального сейма 1609 г. формально подтвердили неприкосновенность прав и привилегии «греческое руское» религии. В то же время первая треть XVII в. прошла в напряженной борьбе за искоренение православия через посредство набиравшего силу униатского течения в ВКЛ. Подчиняясь папе римскому, но сохраняя внешне обрядность восточной греческой церкви, униатские проповедники стремились привлечь в новое церковное русло как можно больше верующих, главным образом из низших слоев населения. Им противостояли православные братства, организации, включавшие разные социальные слои, объединенные идеей общего духовного и культурного наследия с выраженной национальной окраской. Одним из них было Оршанское братство, появившееся в 1592 г. [2. Т. 4. С. 57]. Первопричиной создания Оршанского братства явилась необходимость защиты интересов городского сословия мещан, что хорошо проиллюстрировано ходом подготовки документа на получение магдебургского права. В то же время события первой трети XVII в. вынудили братства стать центрами борьбы и с униатством, и с католической экспансией.

В 1595 г. король Сигизмунд III издал привилей о свободе и неприкосновенности прав униатского духовенства, где архиепископом Полоцким, Витебским и Мстиславским назван Нафанаил Селецкий, перешедший в унию. Проповедники, не желавшие принять униатство, объявлялись еретиками (схизматиками), отлучались от церкви. Те же священники, которые способствовали распространению униатства, получали земельные наделы и привилегии, уравнивавшие их с католическим духовенством. Параллельно, как было показано выше, шло активное освоение городских территорий католическими орденами, широкий охват этими организациями сфер духовной и культурной жизни горожан и прилегающих к городам регионов.

В 1623 г. православная шляхта восточных областей ВКЛ обратилась к Варшавскому сейму с жалобой на притеснения и преследования, чинимые православному населению католической и униатской церквями. В ней отмечается, что на Белой Руси в Полоцке, Витебске, Мстиславле, Орше, Могилеве православных отстраняют от городских ратушных должностей, исключают из ремесленных цехов, лишают церквей, наказывают штрафами, налагают арест на имущество и т. д. В Орше и Могилеве в течение 5 лет Иосафат Кунцевич держит церкви опечатанными. В Полоцке и Витебске нет ни церкви, ни дома, где бы было разрешено богослужение православным [32. Т. 1. С. 393—403].

Видимо, в этот период начинают приходить в упадок приходские православные храмы, существовавшие на территории Орши в XVI в. Драматическая развязка событий 12 ноября 1623 г. в Витебске (убийство горожанами Иосафата Кунцевича), последовавший за этим ряд королевских указов о запрете строить и ремонтировать православные церкви, опечатывание, разрушение либо перевод в унию оставшихся делают вполне понятным исчезновение этих храмов на планах Орши и Витебска конца XVIII в.

В условиях официального навязывания унии защита православия перерастала в защиту народности, языка и культуры. В 1623 г. подкоморий Мстиславский Богдан Стеткевич, его жена подкоморыня Браславская, урожденная Анна Огинская, выделили свое имение Кутейно на юго-западной окраине Орши при впадении в Днепр р. Кутеинки для строительства православного монастыря. В пользование монастырю было приписано и сельцо Поддубцы. Главный Богоявленский собор (деревянный) был освящен в 1635 г. прибывшим из Киева

митрополитом Петром Могилой. В середине XVII в. здесь были построены и каменная Святодуховская церковь, ряд строений бытового и хозяйственного назначения. В 1869 г. перестроенная Святодуховская церковь была переосвящена во имя Живоначальной Троицы [51]. Является действующей в настоящее время (рис. 70:2, 3). На территории монастыря размещались типография, библиотека, госпиталь, школа (затем духовное училище). Типография сыграла большую роль в истории белорусского книгопечатания. Литургические, морально-поучительные и просветительские издания были рассчитаны на православные братства и различные слои городского населения. Здесь же сформировалась местная школа книжной гравюры [57]. Резчики по дереву, мастера-ценинники (кафельщики) приняли участие в последующие годы в оформлении царских палат и монастырей Русского государства.

Основание православного Кутеинского мужского монастыря было негативно воспринято королем Сигизмундом III, который, подчеркивая в своей грамоте от 18 марта 1627 г. отсутствие благословения монастырю со стороны униатского архиепископа Антония Селявы, назначил штраф 10 000 коп литовских грошей за укрывательство православных священников в домах мещан. Он же отмечал, что мещане оршанские «своволне упорне з некоторых церквей оршанских звоны операты, начыня церковные, серебреные крыжы, келихи и ризы, лихтари, свечи повыбиравшы, до того Кутейна отпровадили» [32. Т. 1. С. 446—447, док. № 209]. Видимо, опасаясь гонений и грабежей, создатели Кутеинского монастыря построили подземную пещерную церковь Св. Лазаря под каменными фундаментами деревянного Богоявленского храма.

Борьба между православными и униатскими священниками привела к тому, что в 1632 г. кафедра Полоцкого архиепископства была отдана униатам, а православная епархия, подчинявшаяся Киевской митрополии, перенесена в Могилев. Ее архиреи стали называться Могилевскими, Мстиславскими и Оршанскими, а с 1675 г. иногда и белорусскими [60. С. 20, 27].

С 1631 г. рядом с мужским Кутеинским монастырем (Богоявленским) размещается женский Успенский монастырь, который со дня основания подчиняется Киевской митрополии. Основатели монастыря Анна Огинская и ее сын Ян выделили землю под строительство монастыря и придали ему в пользование д. Свистелки вместе с людьми и угодьями. В 1635 г. деревянный собор Успения Божьей Матери сгорел, и на его месте к 1653 г. был возведен каменный храм, освященный во имя Сошествия Святого Духа [51].

В самом городе на территории Заоршинного посада вблизи торговой площади строится соборный православный храм Рождества Богородицы (рис. 72), датированный по архивным документам 1661 г. [248, ф. 799, оп. 33, д. 845, л. 31]. Можно предположить, что его возведение было начато в период, когда Орша находилась под контролем Московского синода во время войны России с Речью Посполитой. Все же, несмотря на значительные успехи православных мужского и женского Кутеинских монастырей в области развития культуры и просветительства, их деятельность была затруднена как давлением католиков и униатов, так и сложной внешнеполитической обстановкой в течение XVII—XVIII вв.

С момента создания Могилевской православной епархии (1633) и вплоть до 1755 г., когда ее возглавил архимандрит Георгий Конисский, ректор Киево-Могилянской академии, епархия не имела постоянных епископов (одних не утверждали короли Речи Посполитой, другие, не выдерживая гонений со стороны католиков и униатов, сами уезжали из Могилева, оставляя наместников).

В периоды между их выборами часть храмов и монастырей епархии неизменно переводилась в унию. В 1754 г. папа Бенедикт XIV требовал от Речи Посполитой полного присоединения могилевского «схизматического» престола к унии и подчинения полоцкому архиепископу [202, С. 204, 196].

Ухудшению положения православной церкви на территории Беларуси способствовали и те действия, которые предпринимались Москвой для достижения своих политических целей во время войны 1654—1667 гг. В этот период царское правительство подчинило Могилевскую епархию Московскому синоду (1655), доходы с нее поступали в Москву, там же утверждался епископ. Взамен этого православному духовенству передавались владения, имущество униатов и католиков, храмы. Обособленная после распада Киевской митрополии на Московско-Русскую и Польско-Литовскую, Могилевская епархия подвергалась дальнейшим притеснениям. Польское правительство рассматривало ее как пособника русского государства и издало ряд запретов: 1673 г. — шляхетство только для католиков и униатов, 1678 г. — лишены привилеев православные братства и запрещено православным выезжать за границу, 1699 г.— запрещено православным занимать выборные магистратские должности [263].

Как отмечает И. И. Григорович, Кутеинский монастырь, согласно грамоте Иерусалимского патриарха Феофана, назывался Лаврой, имел приписные обители (Лукомскую и Миорскую). Игумен или архимандрит Кутеинской Лавры руководил всеми православными белорусскими монастырями — мужскими и девичьими, а трактат о вечном мире между Россией и Польшей 1686 г. подтверждал все церковные права, свободы и вольности этой архимандрии (Лавры). Несмотря на это, в 1695 г. у нее была отнята вооруженными иезуитами Миорская православная мужская обитель, а в 1715 г. князь Лукомский с помощью оружия отнял Лукомский мужской монастырь. Оба монастыря вместе с церковным имуществом были переданы униатам. Земельные владения Кутеинского монастыря состояли из пяти селений, где насчитывалось до 145 душ мужского пола, обрабатывавших монастырскую землю. Всего земель, принадлежавших Кутеинскому монастырю, в том числе под селениями и непригодных к обработке, было 1359 десятин [60. С. 51— 53, 77—78, 82].

6.2. ГОРОДСКИЕ ХРАМЫ И МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Изучение городских храмов и монастырских комплексов Витебска и Орши позволяет получить дополнительную информацию об истории развития культового строительства в административных центрах XVII—XVIII вв. Именно в этот период возводятся каменные постройки, запечатлевшие различные архитектурные формы и строительные приемы, свойственные тем или иным школам и направлениям.

Большинство средневековых культовых сооружений не сохранилось до наших дней. У исследователей не всегда есть возможность в полном объеме проследить планировку и развитие этих объектов во времени. Тем не менее, сопоставление имеющихся письменных, графических источников с археологическими данными позволяет значительно расширить наши знания об истории некоторых из них.

6.2.1. Храмы и монастыри Витебска

В 1991 и 1998 г. проводились архитектурно-археологические исследования в месте расположения остатков фундаментов бывшего *Успенского кафедрального собора* в г. Витебске [22. Т. 4. С. 107].

Это был самый большой по размерам храм города. Его высота достигала 45 м. Находясь на Пречистенской горе (правый берег р. Витьбы при впадении ее в Западную Двину), Успенский собор занимал доминирующее положение в системе общегородских вертикалей.

Сооружению Успенского собора предшествовало возведение на Пречистенской (Лысой) горе нескольких сменявших друг друга деревянных храмов. Наиболее ранний из них — православная церковь во имя Пресвятой Богородицы — известен по источникам с 1406 г. В привилее 1503 г. на права и вольности боярам и мещанам г. Витебска указывается, что церковь Пречистой Богоматери была одним из главных храмов, в котором хранились важные городские документы [264. С. 26—27, 34—35].

В начале XVII в. рядом с деревянной соборной Пречистенской церковью, ставшей уже униатской, построен двор полоцкого архиепископа. В 1629 г. церковь сгорела, и на ее месте на средства города возводится новый храм (1636), который вследствие обветшания к 1680-м гг. обновлен на средства земского писаря Адама Киселя. Рядом с храмом уже находятся деревянные строения базилианского монастыря [320. С. 201].

Новый деревянный храм во имя Успения Пресвятой Богородицы возведен после пожара 1708 г. на средства братства, а монастырские постройки возобновлены Адамом Киселем. Церковь, построенная Успенским братством, вновь отстраивалась в 1717 г., затем в 1722 г. [266. С. 18].

С 1743 г. начато строительство каменного храма, зафиксированное в «Летописи города Витебска». Подходящие близко к земной поверхности грунтовые воды вынудили базилиан соорудить надежную дренажную систему из кирпича и дерева. Своды в кирпичных водоотводах были такой высоты, что позволяли свободное перемещение человека для их прочистки. Поэтому позднее, в XIX в. появились слухи о существовании подземного хода под Западной Двиной, начинающегося под собором на Пречистенской горе. В 1745—1746 гг. начато строительство подвалов и возведение стен храма. Вероятно, автором проекта собора был итальянский архитектор Иосиф III Фонтана [25. С. 41]. В возводимых одновременно с храмом каменных помещениях монастыря располагались монашеские кельи и школа. К ним примыкало двухэтажное крыло с трапезной и библиотекой. Служебные и хозяйственные строения монастыря располагались по периметру небольшого двора с каменной оградой (рис. 73).

В целом, строительство храма и монастырского комплекса осуществлялось на протяжении почти 40 лет и закончилось в 1785 г. Монастырь удерживал на своем обеспечении несколько учебных заведений, в том числе философскую студию для монахов, школу для светского юношества [27. С. 28].

Рескриптом Павла I от 18 июля 1799 г. храм, который стал называться Успенским собором, передан в православное ведомство, а помещения монастыря — в подчинение губернской администрации [264. С. 202]. Храм перестраивался в 1804 г. и позднее, в результате чего барочные формы приобрели черты классицизма.

На месте бывшего Успенского собора (взорван в 1936 г.) располагался корпус завода заточных станков, возведенного в послевоенные годы. В настоящее время планируется восстановление храма, и были предприняты раскопки остатков его фундаментов. В ходе работ установлено местоположение юго-западного угла храма с башней, прослежена трасса наружных западной и южной стен. Выявлены остатки фундаментов, стен и пола подвальных помещений,

примыкавших к основной части храма с южной стороны (рис. 74). Исходя из материалов раскопок, можно предположить, что первоначально собор планировался как трехнефный. Со стороны башни внутри примыкающего к ней помещения прослеживается разрушенный контрфорс, а проход в башню заложен. Наружная южная стена храма имеет меньшую ширину, чем параллельная ей внутренняя стена, ограничивающая ориентированные с запада на восток малые помещения, соединенные сквозными проходами.

Вторым исследовавшимся униатским каменным храмом Витебска была *Воскресенская церковь*, размещавшаяся ранее на Рынковой площади возле ратуши (Взгорье). По сведениям А. М. Сементовского, над входом в церковь указывалась дата ее возведения — 1772 г. [279. С. 140]. Построен каменный храм на средства мещанина Николая Смыка и в дальнейшем содержался за счет этого купеческого рода. Среди 16 униатских храмов Витебска конца XVIII — начала XIX в. Воскресенская Рынковская церковь занимала главное место. Она была соборной и кафедральной, ей принадлежала земля внутри города, застроенная 34 домами витебских мещан.

На месте каменного храма прежде располагалась деревянная Рынковская церковь Воскресения Христова, известная по «Чертежу г. Витебска 1664 г.». Этот православный храм упомянут во вкладной записи Евангелия под 1558 г., а также в числе других витебских церквей в Инвентаре имущества Полоцкой архиепископии под 1618 г. [264. С. 348].

Проведенные в начале 1990-х гг. археологические исследования фундаментов и подвальных помещений Воскресенской церкви позволили уточнить время ее возведения [326]. Выявленный в процессе раскопок нумизматический материал (в погребениях и во внутренней части фундаментов) относится к 1740—1750-м гг. Этим временем, видимо, определяется и период возведения храма. Освящение Воскресенской церкви могло быть в 1772 г. Новый каменный храм построен на старом кладбище и ориентирован апсидой на север. Остатки выявленных при строительстве храма погребений были перезахоронены в специальной нише в центре фундамента апсиды. В 2000—2003 гг. осуществлялась подготовка котлована для строительства храма-«новодела» на месте бывшей Воскресенской церкви. Как показали археологические наблюдения и шурфовка, проведенные О. Н. Левко на южном участке расположения фундаментов церкви XVIII в., под ними сохранились погребения, относящиеся к периоду существования здесь православной церкви и приходского кладбища (рис. 75).

К наиболее полно изученным археологически культовым объектам Витебска относится женский базилианский *монастырь при церкви Св. Духа* в Заручавье [22. Т. 4. С. 110—111]. Здесь в середине XIV в. уже существовала православная церковь Св. Духа. По преданию, она была построена князем Ольгердом, а его супруга Ульяния устроила при церкви монастырь [264. С. 598, 614].

На «Чертеже Витебска 1664 г.» храм Св. Духа изображен каменным (рис. 76, *а*).

Ряд документов XVI—XVII вв. упоминает наличие вблизи церкви так называемых «волотовок», т. е. курганного некрополя, который, видимо, датировался древнерусским временем и являлся одним из городских кладбищ той поры.

В 1697 г. назначен фундуш для постройки женского базилианского монастыря при церкви Св. Духа в Заручавье. Таким образом, имеющиеся сведения позволяют датировать первые постройки нового монастырского комплекса самым концом XVII — началом XVIII в. В дальнейшем имели место неоднократ-

ные перестройки, расширение территории монастыря за счет новых строений, а также изменения во внутренней планировке храма. Об этом имеются отдельные упоминания в письменных источниках, а также свидетельствует информация, полученная в ходе архитектурно-археологических исследований на памятнике, проведенных О. Н. Левко в 1986 г. Конечный этап строительных работ может быть отнесен к XIX в., а некоторые следы ремонта датируются XX в. Имеющиеся фотодокументы дают представление о том, каков был внешний вид церкви Св. Духа на рубеже XIX—XX вв. (рис. 76, *б*) и в 1954 г. накануне ее разрушения. Что касается планировки монастырских построек, их назначения, взаимосвязи и строительных периодов, то по этим вопросам информация отсутствует. Имеются лишь общие схематические изображения местоположения монастыря на планах конца XVIII, XIX в., а также ситуационный план строений бывшего монастыря, снятый накануне их сноса в 1954 г.

Судя по плану 1954 г., постройки монастыря были ориентированы так, что смыкались с существующим ныне зданием на углу ул. Правды. В раскопе площадью 1200 кв. м вскрыты остатки 6 помещений, выполненных в одной технике и по ряду конструктивных признаков объединенных в строение 1 (П-1). Четыре помещения располагались вдоль восточной стены-ограды монастыря и два примыкали к помещениям 1, 4 с запада. Характерным признаком всех 6 помещений является то, что они сложены из кирпича размером 27×13×5 или 24(24,5)×13(12)×7(6; 5,5) см в технике, аналогичной той, в которой построена витебская ратуша конца XVIII в.

В ходе расчистки помещений П-1 были установлены места расположения дверных и оконных проемов, уровни пола, места позднейших ремонтных работ, закладки стенных ниш и др. Южная стена П-1 являлась наружной, и примыкающий к ней участок стены-ограды ограничивал с востока небольшой внутренний дворик. Стена-ограда на данном участке и до самого конца в южном направлении значительно уменьшалась по высоте относительно того северного участка, где она играла роль внешней стены П-1 (рис. 77).

Внутренняя часть замкнутого пространства (дворика) была вымощена булыжниками, на которых не выявлено следов раствора.

В западной части раскопа был раскрыт каменный фундамент на извести, представляющий собой остатки сооружения, идущего параллельно с П-1, смыкающегося с ней на отдельных участках и также развивающегося в южном направлении. Это сооружение условно было обозначено П-2. Установлено, что для помещений П-2 характерны две глубины залегания фундамента. Внутренние стены П-2 имели мощность фундамента 0,3 м, внешние — 0,7 м.

На северном участке раскопа в северо-западном углу зафиксирован фрагмент фундамента крытой галереи, соединявшей монастырские постройки с церковью. Фундамент имел ширину 3 м, длину по линии *с-ю* 6,4 м. Сложен из камня на извести мощностью 0,7 м, на нем встречены отдельные бороздчатые кирпичи, имеющие размеры 30(31)×15(15,5)×6(5,5) см. Прослежены остатки кирпично-булыжной отмостки шириной 3,6 м, указывающей место соединения галереей-переходом церкви и монастыря со зданием женского духовного училища (ныне здание облисполкома).

Подводя итог исследованию монастырских построек, можно сделать следующие выводы. Жилые помещения представлены П-1 и П-2. Причем П-2 является более ранним сооружением (возможно, рубеж XVII—XVIII вв.). К нему позднее была пристроена вторая жилая часть монастыря с той же ориентацией,

представленная П-1. Видимо, одновременно с П-1 были сооружены и помещения хозяйственного назначения (П-3). Они встраивались между наружной стеной П-2 и оградительной восточной стеной монастыря, образуя замкнутый комплекс с небольшим внутренним двориком. Поворот восточной стены монастыря был обусловлен рельефом местности, ибо развитие комплекса по прямой могло привести к размещению строений по склону возвышенности. Самая ранняя П-2 была ориентирована по линии *с-ю* и имела соединение с церковью в северо-западном углу. В пределах П-2 выявлены материалы рубежа XVII—XVIII вв.

Таким образом, можно предположить, что время сооружения этого участка монастырского комплекса согласуется с документом 1697 г. и он является наиболее ранним звеном монастыря. Вторым звеном жилого назначения были помещения П-1, пристроенные к П-2 с восточной стороны и развивавшиеся параллельно ей в южном направлении. Остатки сооружений П-1, как и витебская ратуша 1775 г., могут датироваться также второй половиной — последней четвертью XVIII в. Видимо, одновременно с П-1 или чуть позже были сооружены и помещения П-3. Культурный слой на площади раскопа, судя по вещевому составу, имеет нижнюю датировку — первая половина — середина XVII в. Это соответствует упоминаниям в письменных источниках XVII в. (1618) о том, что при церкви Св. Духа рядом с «волотовками» имелись несколько дворов, обслуживавших нужды церкви.

Помимо монастырских строений были также изучены остатки фундаментов и подвальных помещений храма, располагавшегося севернее монастырского комплекса (раскопана площадь в 350 кв. м).

В процессе расчистки руин церкви Св. Духа было установлено, что апсида ориентирована на восток, а к центральной части храма примыкали южный и северный нефы, в подвалах которых имелись погребальные камеры, расположенные в два яруса. В центральной части церкви также выявлены погребальные камеры, ориентированные с севера на юг, и прямоугольная кирпичная конструкция, верх внутренней части которой оцементирован. При расчистке данной конструкции внутри нее найдены печная дверца, следы копоти, угли, остатки дерева, фрагменты изразцов: терракотовых рельефных, белоэмалевых рельефных и гладких XVIII—XIX вв. (рис. 78). Некоторые из них с клеймом мануфактуры И. Будникова [145. Рис. 69—72]. В процессе работ выявлено большое количество фрагментов фресок, а также единичные экземпляры половой плитки, других строительно-отделочных материалов, предметов из погребальных камер, фрагменты керамической и стеклянной посуды, две медные монеты.

Все предметы, а также строительные материалы дают основание отнести сооружение изучавшегося храма к концу XVII — началу XVIII в. Возможно, что фундаменты, выявленные в шурфах № 1, 2 за пределами апсиды с ее наружной стороны, имеют отношение к более ранней каменной церкви (XIV—XVI вв.), о которой упоминают источники. Лишь два фрагмента керамических сосудов с зеленой поливой и медный солид (1648—1668) Яна-Казимира могут быть отнесены к предметам второй половины XVII в. Но их происхождение может связываться с теми небольшими культурными напластованиями этого времени, которые, по-видимому, были уничтожены во время строительных работ. Духовская церковь представляет собой трехнефный шестистолпный храм с продольной осью запад—восток. Руины помещений подвалов под алтарной и подкупольной частью позволяют заключить, что здание претерпело несколько перестроек.

Наиболее ранними являются западная стена с апсидой, южная стена, столбы внутреннего пространства, участок внутренней восточной стены, расположенный под углом к наружной южной стене.

Кладка апсиды, восточной, южной и западной стен храма выполнена из кирпича 23×14×5 и 29×15×6 см со вставками из булыжника. В толще стены апсиды снаружи были устроены 4 погребальные камеры по 2 справа и слева.

В ходе исследования выявлено, что подвал располагался под подкупольным квадратом, алтарем и примыкающими участками боковых нефов. Имеются остатки крестовых сводов, перекрывавших эти помещения. От южной стены в настоящее время сохранился фундамент из камней. Столбы внутреннего пространства выполнены из того же кирпича 23×14×5 и 29×15×6 см.

К следующему периоду относятся обстройка юго-восточного столба подкупольного пространства, устройство погребальных камер по периметру подкупольного квадрата. Камеры устраивались с южной, западной и северной сторон в двух уровнях: 5 в нижнем и 4 в верхнем — и были полукруглыми в сечении.

К самому позднему периоду относятся закладка отверстий в погребальных камерах, устройство перегородки между восточной парой столбов подкупольного квадрата и сложенная из кирпича, облицованная изразцами отопительная печь, примыкающая к западной паре столбов подкупольного квадрата.

6.2.2. Культовые объекты Орши

К средневековым культовым объектам на территории Орши относятся православные, католические, униатские храмы и монастырские комплексы.

Уцелевшим, хотя и видоизмененным храмом, расположенным в центральной части города на территории Заоршинья, является *костел доминиканцев*, возведение которого было начато в 1780-х, а закончено в 1808 г. [290. С. 33].

Относительно данного костела имеются отрывочные и достаточно противоречивые сведения. Так, А. С. Дембовецкий сообщает, что в 1649 г. князь Иероним Друцкий-Соколинский «приютил» доминиканцев в обширном *каменном костеле* [67. С. 102]. По другим данным, каменному костелу предшествовал *деревянный на каменном фундаменте* храм с семью алтарями, расположенный в середине двора доминиканского монастыря и освященный во имя св. Иннокентия. Именно он был построен на средства князя Соколинского.

Как отмечает И. Н. Слюнькова, для храмового зодчества верхнеднепровских городов в XVII—XVIII вв. было характерным расположение соборов в глубине участков, отведенных под монастыри. На улицу могли выходить ограды, колокольни, хозяйственные службы. *Доминиканский монастырь* занимал часть участка по ул. Советской, где в настоящее время вдоль р. Оршицы расположен городской сквер. В 1993 г. на территории сквера между ныне существующим зданием костела и р. Оршицей производились земляные работы по благоустройству. В глубине участка в слое с материалами середины XVII в. (большое количество керамики и изразцов с зеленой поливой, изделий из стекла и металла) выявлен фрагмент каменного фундамента на извести шириной 1,2 м, ориентированный вдоль реки. Возможно, он относится к первоначальному деревянному костелу XVII в.

Нынешнее здание доминиканского костела соотносится с последним этапом существования монастыря. В 1808 г. вместо деревянного храма на каменном фундаменте в доминиканском монастыре был возведен новый каменный

костел и переосвящен во имя св. Иосифа. После закрытия и передачи в 1831 г. католических монастырей Орши в православное ведомство костел доминиканцев оставался в ведении римско-католического духовенства и являлся приходским. Имеются сведения, что в костеле найдены портреты князя Друцкого-Соколинского и его жены, выполненные художником Ф. Смуглевичем. Значительная реконструкция костела Св. Иосифа (разобраны две симметричные башни-звонницы главного фасада) осуществлена в 1870 г. [347]. В 1950-е гг. при новой реконструкции к основному зданию храма были сделаны пристройки и строение использовалось в качестве городского Дома культуры строителей. В 1990-е гг. храм возвращен католической общине для реставрации.

В процессе земляных работ в 2000 г. открылись мощные стены и фундаменты подвальных помещений пристройки к костелу, которые по своим конструктивным данным, строительному раствору соответствуют времени сооружения самого храма. Стены подвалов пристройки были сложены из кирпича размером 31×15,5×6,5 см. Вскрытые конструкции располагались вдоль юго-восточной стороны костела, на всем ее протяжении и были связаны с ним, образуя три помещения (П-1, П-2, П-3), сообщающиеся между собой. Толщина стен П-1 (4,5×6 м) достигала 1,4—2 м. П-1 отделено от центрального П-2 (4×9 м) поперечной стеной, имеющей ширину 2 м и проход. Ширина наружной стены П-2 достигает 2,9 м. Центральное помещение отделяется от П-3 (3×11 м) поперечной стеной, ширина которой 1,5 м. Ширина наружной стены П-3 равна 1,7 м. Параллельно ей проходит отрезок стены длиной 4,5 м при ширине 0,8 м и высоте 1,4 м, сложенный из бута на извести. Данная кладка примыкает торцом к наружной стене П-2. Верх ее находится на том же уровне, что и верх кладки стены П-2. Выявленная кладка из бута позволяет предполагать наличие особого сооружения, ориентированного в сторону р. Оршицы.

Общая высота наружной стены помещений 1—3 составляет 3 м, она сильно заглублена в материк. По наружной стороне стены пристройки проходит выступ шириной 0,2 м, видимо, отмечающий уровень первоначальной дневной поверхности. На участке соединения кладки из бута с П-2 под этой кладкой прослежен культурный слой темного цвета толщиной 0,4 м. На других участках траншеи, вырытой под новый фундамент, он достигает 1,0 м. Над культурным слоем от уровня дневной поверхности располагался мощный слой строительного мусора, достигающий 1—2 м.

Проанализировав полученный материал, можно сделать следующие выводы. Архитектурно-археологическими исследованиями в зоне реконструкции костела Св. Иосифа в г. Орше выявлены культурные напластования, датируемые XII—XVIII вв. и содержащие предметы этого времени. Данные отложения соответствуют формированию и развитию территории Заоршинного посада средневековой Орши. Посад в раннем средневековье был достаточно развит и плотно заселен. Фундаменты костела Св. Иосифа полностью прорезали культурный слой на данном участке и были заглублены в материк на 1—2 м и более. Вскрытые мощные фундаменты первоначальной пристройки к зданию костела датируются временем возведения самого костела. Важно отметить, что такая конструкция, когда храм и монастырская пристройка составляют единое строение, встречена в изучаемом регионе впервые. Конечно, имели место и какие-то перестройки в пределах XVIII—XIX вв., однако сильное повреждение фундаментов во время строительных работ техникой не позволяет их установить.

Монастырский комплекс (костел с пристройкой) создавался, вероятно, одновременно с другими каменными культовыми сооружениями в г. Орше и в целом может датироваться XVIII в. Наличие более ранних напластований вблизи костела (не связаных с ним) не дает основания считать, что данный культовый объект был построен в XVII в. Вероятнее, что в это время деревянный костел на каменном фундаменте располагался в другом месте.

Судя по планам конца XVIII — первой половины XIX в. [55, ф. 3, оп. 25, д. 1747; 298, ф. 1488, оп. 2, д. 744, 1 л.], на территории современного сквера вдоль р. Оршицы кроме доминиканского монастыря располагался еще один культовый объект, имеющий отношение к эпохе средневековья. На плане Орши начала 1770-х гг. восточнее доминиканского монастыря изображен храм напротив замка, занимавшего противоположный берег р. Оршицы при впадении ее в р. Днепр. На том же месте храм под названием *«греко-российская соборная церковь»* присутствует и на плане Орши 1813 г. Этот объект, отмеченный как церковь Рождества Богородицы, указан и на плане-схеме из Рукописного отдела библиотеки Вильнюсского университета (рис. 79). А вблизи него у края квартала обозначен второй объект под названием «древний склеп под улицу». На плане Орши 1843 г. склеп опущен, зато у самой улицы перед церковью изображено строение вытянутой формы, ориентированное вдоль улицы. В описании г. Орши конца XVIII в. [247, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 724(1), л. 1] говорится, что *«соборная каменная во имя Рождества Пресвятые Богородицы» церковь* построена «иждивением прихожан с помощью князя Соколинского в 1781 году».

Материалы, относящиеся к вопросам церковного строительства, под 1818 г. фиксируют дело «об отпуске средств на ремонт соборной церкви» в г. Орше, а также проектный чертеж соборной церкви с колокольней [248, ф. 799, оп. 2, ед. хр. 8026, 16 л.]. *Церковь Рождества Богородицы с колокольней*, фасад которой выходит на Вокзальную (нынешнюю Советскую) улицу, запечатлена на открытке начала XX в. Видимо, сооружение колокольни с примыкающим к ней с севера и юга одноэтажным строением было завершено до 1843 г. и именно это здание изображено на плане перед церковью. Есть также основания полагать, что ремонт соборной церкви и возведение колокольни связаны с появлением *второго названия храма — «Никольский»*. На это указывают следующие факты. Древняя Никольская церковь (деревянная) находилась на южной окраине Заоршинья и после прекращения существования не возобновлялась. В то же время документ 1910 г. [248, ф. 799, оп. 33, д. 845, л. 31—32] называет два храма: *церковь Рождества Богородицы каменную и Николаевскую церковь (тоже каменную)*, с одной и той же датой основания (1661). Кроме того, архивный проект Никольской церкви в Орше соответствует зданию церкви Рождества Богородицы на открытке начала XX в., а ее план — фундаменту, вскрытому в раскопках 1995—1996 гг. автором данной работы (рис. 72) на площади свыше 250 кв. м.

В результате раскопок удалось зафиксировать сохранившуюся часть фундаментов и стен церкви Рождества Богородицы, расчистить внутреннее пространство между ними на глубину до 2—2,5 м. Храм имел протяженность с востока на запад 19 м, его апсида в виде полуовала выступает за пределы восточной стены на 1,6 м. Ширина храма в центральной части равна 11 м, у восточного и западного краев — 13 м. Северный участок фундамента плохой сохранности. При расчистке внутренней части фундаментов церкви было выявлено бессистемное скопление камней разных размеров, остатки многочисленных погребе-

ний. Кости погребенных были перемешаны, и все же местоположение костяков показывает, что погребения располагались рядами на примерно равном расстоянии достаточно близко друг от друга. Они залегали чуть ниже кирпичной отмостки вдоль внутреннего края фундамента, которая фиксирует уровень настила пола. Всего выявлено три уровня (горизонта) залегания погребений. Нижний (самый ранний) зафиксирован в материковом песке.

Храм состоял из трех объемов, расположенных по оси запад—восток (бабинец, центральная часть, апсида). С севера и юга к апсиде примыкали два небольших, квадратных в плане помещения (ризницы?). Церковь имела три наружных входа: один центральный с западной стороны и два боковых с севера и юга. Алтарная часть, видимо, сообщалась с примыкающими к ней помещениями проходами. В юго-западном углу прямоугольного в плане подкупольного пространства обнаружен фундамент помещения размером 2,9×2,9 м, сложенный из кирпича-пальчатки и большемерного (31×5×14, 30×6×14 см) [153].

Ширина наружных фундаментов церкви достигает 1 м, высота — от 1,5 до 2,5 м. Сложены они, как и сохранившиеся фрагменты стен храма, из большемерного кирпича и кирпича-пальчатки с включением камней на известковом растворе. На 1,1 м ниже уровня современной дневной поверхности обнаружен выступ, отмечающий уровень первоначальной дневной поверхности церкви. Выше него в стене располагалось слуховое окно (0,4×0,65 м), ведущее во внутреннюю часть помещения. На уровне залегания выступов под настил пола внутри храма были выявлены лаги, сложенные из кирпича и камней, скрепленных известью и имеющие ширину 0,4 м. Лаги лежали на культурном слое интенсивно темной окраски толщиной 0,3 м, содержащем большое количество фрагментов изразцов с зеленой поливой и растительным орнаментом первой половины XVII в., бытовой керамики этого же времени.

Ниже, в темно-коричневом слое выявлены погребения (взрослые и детские), находившиеся в гробах, о чем свидетельствует обнаруженная древесная труха. Захоронения не связаны с церковным зданием и представляют собой часть кладбища, предшествовавшего сооружению церкви. Верхний горизонт погребений залегает непосредственно под слоем первой половины XVII в. Культурные напластования позволяют выделить четыре периода, связанных с возведением, ремонтом и разрушением храма.

Первый период относится к XVII в., так как соответствующий ему слой содержит материалы этого времени (изразцы с зеленой поливой, керамику, фрагменты бокалов с налепным валиком и др.). Поэтому вполне вероятной представляется дата возведения фундаментов храма — 1661 г., чему не противоречат и строительные материалы, использованные в кладке основания церкви. Кирпич-пальчатка и большемерный кирпич аналогичны тем материалам, которые использовались при строительстве Святодуховской церкви и фундаментов Богоявленского собора в Кутеинском монастыре.

Второй строительный период, представленный мощной прослойкой извести с вкраплениями кирпичного боя, видимо, соотносится со второй половиной XVIII в. и завершение работ приходится на 1781 г. Работы по возведению колокольни между 1818 и 1843 г. и некоторые, возможные, переделки в храме, связанные с проектом его реконструкции *(третий строительный период)*, нашли отражение в слое XVIII—XIX вв. в виде битого кирпича и вкраплений извести и песка.

Верхний слой под дерном относится к *последнему периоду* существования церковного здания, его приспособлению к хозяйственным нуждам и затем полному разрушению.

Выбор времени для начала строительства храма представляется вполне обоснованным. С момента создания Могилевской православной епархии (1632) наблюдается интенсивное строительство храмов Кутеинских мужского и женского монастырей, в том числе и каменных. Видимо, православные братства в это время располагали достаточными средствами для найма строительных артелей и оплаты их работы. Однако в самом городе строились только католические храмы на фундуши крупных феодалов. В период войны Речи Посполитой с Россией могли создаться благоприятные условия, когда православное братство получило возможность начать строительство соборного каменного храма в центре города. Поскольку все свободные от застройки участки были уже заняты католическими монастырями, храм возводился на территории заброшенного кладбища, о чем свидетельствует прослойка песка, отделяющая верхний горизонт погребений от слоя, сопутствующего функционированию храма.

Если храм возводился в период войны между Речью Посполитой и Россией, то он мог быть перестроен как униатский к 1781 г., когда резко обострились межконфессиональные отношения. Переосвящение церкви Рождества Богородицы в Никольскую в XIX в. также могло произойти на волне утверждения «истинно русского» православия, как и переосвящение Святодуховского храма Кутеинского мужского монастыря во имя Животворящей Троицы.

В центральной части Орши — Наднепровском посаде — главное место в эпоху средневековья занимал *иезуитский коллегиум* — монастырский комплекс, созданный в течение XVII—XVIII вв. Он располагался на левом берегу р. Оршицы рядом с замком, имел форму неправильного пятиугольника и был окружен каменной оградой (рис. 48, *б*). Строительство каменного здания коллегиума началось в 1690 г. с разрешения короля Яна Собеского. Некоторые работы в нем осуществлялись в течение 1704—1705 и 1708—1709 гг. [319. С. 230]. *Здание коллегиума* было двухэтажным, состояло из двух частей, расположенных под прямым углом друг к другу. В месте их пересечения с восточной стороны примыкало одноэтажное помещение трапезной с окнами, выходящими в сад. В помещении коллегиума, ориентированном с юга на север, располагались монашеские кельи, библиотека и склад. Вторая часть постройки коллегиума состояла из больших комнат, расположенных друг за другом вдоль коридора с одной стороны. Здесь находился интернат для учащихся.

Каменное здание костела вместо существовавшего деревянного начали возводить только в 1741 г. Окончено его строительство в 1760 г. Алтарная часть костела ориентирована на север, его фасад выходил к замку, где находился королевский двор. В 1786—1788 гг. проводились ремонтно-строительные работы внутри костела по замене деревянных алтарей каменными, росписи интерьеров и др. К западному нефу костела примыкало длинное одноэтажное здание, ориентированное в сторону р. Оршицы, в котором размещались *школа и бурса*. Костел, школа и коллегиум соединялись между собой *крытым переходом.* В 1831 г. наряду с другими католическими монастырями иезуитский коллегиум был закрыт. Костел передали православной епархии, в 1835 г. составлялась документация на его перестройку в православный храм, выполнен проектный чертеж [248, ф. 1488, оп. 2, д. 745, 5л.]. Однако вскоре костел про-

дается на снос. Это, видимо, было связано с тем, что сам монастырский комплекс, переданный в 1839 г. военному ведомству, приспосабливается под городскую тюрьму. В 1841 г. разработан ее проект [248, ф. 1488, оп. 2, д. 746, 1 л.], а с 1842 г. она уже функционирует. В качестве тюрьмы бывший иезуитский коллегиум просуществовал до 1989 г. С восточной стороны между помещениями аптеки и школы в XIX в. построена новая каменная стена, прошедшая по двору бывшего монастыря и прорезавшая здание трапезной. Значительно перестроенные в течение XIX—XX вв., большинство зданий иезуитского коллегиума сохранились до настоящего времени.

В связи с предполагаемой реставрацией сохранившихся строений монастырского комплекса, в 1989, 1991 гг. была проведена шурфовка на его территории автором данной работы, а в 1991—1993 гг. — зондаж зданий и шурфовка территории «Витебскпроектреставрацией». В результате этих работ удалось получить некоторые сведения, дополняющие информацию о монастыре.

Мощность культурного слоя на территории иезуитского коллегиума колеблется от 0,6 до 1 м. Нижние напластования содержат редкие находки XII—XVI вв. Это свидетельствует о слабой заселенности участка в период, предшествующий строительству монастырского комплекса [144]. В шурфах 1989 г. у северо-восточного угла *коллегиума* с культурными отложениями, содержащими материалы XVII—XVIII вв. (бытовая керамика, изразцы), выявлена прослойка раствора извести, соответствующая времени возведения здания. Здесь же зафиксирована отмостка из валунов, отмечающая первоначальную дневную поверхность каменного здания коллегиума. Отмостка была прослежена также между главным (южным) фасадом коллегиума и *школой*. Вероятно, коллегиум и школа строились одновременно, и их сооружение можно отнести к концу XVII — началу XVIII в.

Шурфовкой на территории монастыря (1990—1991) выявлены фрагменты здания *костела* восточнее существующих строений, сложенные из кирпича 7×15,5×32,5 см [319. С. 233]. Стена имела ширину 0,8—1,2 м и поворачивала в сторону коллегиума, выходя за пределы раскопа. Кладка стены скреплена известковым раствором, на отдельных кирпичах имеются продольные борозды. Идентичность строительного материала, использованного в данном фундаменте, материалам других культовых строений XVII в. на территории Орши позволяет предположить, что каменный фундамент был возведен под деревянным строением костела еще в XVII в. Он мог в какой-то мере быть использован при строительстве каменного собора.

В шурфах 1989 и 1991—1993 гг. выявлены остатки фундамента восточной и южной стен *трапезной*, разрушенной в середине XIX в. Фрагмент стены этой постройки стал составной частью каменной ограды тюремного комплекса. На внутренней ее стороне имеются следы фресковой росписи. Здесь же и напротив на стене коллегиума выявлены также остатки арочных сводов — перекрытий трапезной. Возможно, каменное здание трапезной было возведено в то же время, когда строили каменный костел. Фрагменты половых плиток, которыми был вымощен пол трапезной, аналогичны тем, которые использовались в костеле.

На последней стадии существования монастырского комплекса, одновременно с каменным костелом и трапезной был сооружен *крытый переход*, соединявший костел с коллегиумом и школой. Остатки его выявлены в шурфах. Фундаменты перехода не имеют перевязки с фундаментами коллегиума и школы. Пол сделан из таких же плиток, как в костеле и трапезной [319. С. 234].

Интересной деталью средневекового строительства являются обнаруженные фрагменты дренажных систем. Стоки, сложенные из камней, проходили вдоль костела и коллегиума. Водоотвод был ориентирован в южном направлении с уклоном к р. Оршице. Устройство водоотводных систем, связанных с важными общественными, административными, культовыми зданиями, было характерным для средневековых городов.

Одним из самых поздних каменных культовых строений средневековой Орши является *монастырский комплекс Ордена базилиан*, возведенный на правом берегу р. Оршицы за городской чертой.

Как уже отмечалось, в XVII в. женский монастырь базилиан располагался на левом берегу Оршицы в бывшем православном монастыре Благовещения.

В 1738 г. по инициативе оршанского старосты Ивана Ленковского начато строительство мужского монастыря Ордена базилиан. Постройки: церковь Опеки Матери Божьей и двухэтажное здание с монашескими кельями — возводились из камня. Городская территория к этому времени уже была разделена между другими монастырями, принадлежавшими католическим орденам. Поэтому данный монастырь был построен у городской черты, однако в максимальном приближении к центру города (базарной площади). Строительство комплекса было завершено в 1774 г. Монастырская постройка, состоящая из двух частей, соединенных под прямым углом, имела галерейную систему планировки. Она вплотную примыкала к храму (рис. 48, *а*).

В настоящее время храм разрушен, только в месте соединения его с монашеским корпусом, используемым как жилой дом, видны остатки стен.

Базилианский монастырский комплекс, как и другие, в 1831 г. был передан в православное ведомство и преобразован в Покровский мужской православный монастырь. Здесь же было открыто духовное училище. В 1920-е гг. в самом храме действовал сельскохозяйственный музей, проводились выставки, а в 1930-е здесь был устроен краеведческий музей [347. С. 25].

В настоящее время предполагается реставрация существующего монастырского строения, проведены небольшие археологические исследования в месте расположения бывшего храма и на прилегающей к нему территории. Автором данной работы в шурфах 1987 и 1989 гг., а также во время наблюдений в 1994 г. был выявлен культурный слой мощностью до 0,4—0,6 м, содержавший керамику конца XVIII—XIX в. Это доказывает, что монастырь был построен за городской чертой на пустыре.

Фундамент монастырского здания, примыкавшего к храму, имеет глубину залегания 1,3 м. Сложен из кирпича 31×6,5×15,5 см. По сохранившимся фундаментам храма установлено, что ширина наружных стен *церкви* составляла 1,4—1,6 м. Они сложены из кирпича 32×15,5×6 либо 33×15×7 см. Иногда на постели кирпичей встречаются продольные полосы. Наблюдением и зачистками открывшихся участков фундамента храма во время строительства вблизи него (1994) установлено, что ширина церкви со стороны апсиды составила 20,4 м. С противоположной стороны она достигала 22 м. Общая длина здания — 30 м, апсида выступает за пределы храма на 2,6 м. Фундамент апсиды сохранился на глубину до 1 м, фундаменты боковых наружных стен в отдельных местах прослежены на глубину от 0,8 до 1,8 м. Они сложены из валунов и кирпича на известковом растворе. Небольшой объем предварительных работ не позволил определить внутреннюю планировку храма, проследить особенности конструктивных приемов, установить периоды пере-

строек, ремонта и др. На данный момент имеется лишь общая схема бывшего монастырского комплекса.

В заключение остается отметить, что, видимо, между отдельными монастырскими комплексами, занимавшими центральную часть Орши, существовали связывающие их подземные ходы. Так, на плане-схеме из хранилища Вильнюсского университета вблизи иезуитского коллегиума отмечен «провал» в «склепе». Его местоположение дает основание предположить, что это перекресток подземных ходов между иезуитским коллегиумом, бернардинским и тринитарским монастырями.

6.3. КУТЕИНСКИЙ МУЖСКОЙ БОГОЯВЛЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Характер сложившихся в XVII—XVIII вв. отношений между конфессиями не мог не отразиться как на устройстве самих культовых объектов, так и на их исторической судьбе. Как уже отмечалось, наиболее значимым средоточием идей православия, традиций и культуры белорусов в это время являлась Кутеинская Лавра под Оршей.

От бывшей речки Кутеинки, у места впадения которой в р. Днепр размещался *мужской Богоявленский монастырь*, сейчас остался небольшой ручей с запрудой. А на территории самого монастыря (рис. 80) находятся ныне действующая *церковь Св. Троицы* и две монастырские постройки. Частично сохранилась и *каменная ограда* (с северо-восточной и западной сторон), ограничивавшая монастырский комплекс в средневековье. Центральным объектом средневекового комплекса являлся *Богоявленский собор*, сгоревший в 1885 г. от удара молнии и более не возобновлявшийся.

Описывая в 1824 г. Кутеинский монастырь, белорусский историк и археограф протоиерей И. И. Григорович еще видел, каким был этот храм. Он отмечал, что деревянный храм во имя Богоявления Господня был построен в 1623 г. при основании Кутеинской Лавры и являлся ее главной церковью. Внутри храма находились портреты основателей монастыря Богдана Стеткевича и его жены Анны [60. С. 76]. Следует уточнить, что строительство Богоявленского собора осуществлялось с 1623 по 1635 г. Во время его освящения в 1635 г. киевским митрополитом Петром Могилой в алтаре храма были положены мощи св. великомучеников Артемия, Пантелеймона и Анастасия Персянина. В 1639 г. одним из монахов монастыря были расписаны тесанные стены внутри храма. Роспись включала 38 многофигурных композиций. Внизу на стенах изображены сюжеты из истории Старого и Нового Завета, а вверху на хорах — подвиги святых [56. С. 77—79].

Внешний архитектурный облик Богоявленского собора сохранился на рисунке Д. Струкова, сделанном в 1864 г. Внушительных размеров (в высоту около 40 м) пятиглавый храм опоясывала невысокая обходная крытая галерея, имевшая несколько входов [51]. Как определяют исследователи архитектуры, собор Богоявления слагался из четырех срубов в виде крестово-центрической композиции, которые образовывали центральное квадратное в плане помещение. К нему примыкали апсида, два боковых придела и бабинец со входом [352. С. 243]. Деревянное здание храма было возведено на мощном каменном фундаменте.

В 1910—1912 гг. монахами монастыря под фундаментами Богоявленского собора были вскрыты остатки древней пещерной подземной церкви Воскре-

шения Праведного Лазаря. Как сообщалось в журнале «Наш край» (1926), церковь эта располагалась на большой глубине, куда вели узкие ступени. Она имела крестообразную форму с низким каменным сводом, площадь — около 11 кв. м. В центральной (алтарной) части площадью 2,5 кв. м на месте престола находился низкий деревянный крест, обложенный камнями. В двух боковых помещениях, куда вел проход из алтарного, хранилось, видимо, наиболее ценное церковное имущество. Влево от пещеры начинался подземный ход, опускавшийся вниз и направленный в сторону р. Днепр. Этот ход не исследовался, хотя такие попытки предпринимались [325].

В 1988 г. И. М. Чернявским, собравшим сведения местных жителей о подземных ходах на территории монастыря, была сделана попытка привязки их к местности. В раскопе, заложенном в северо-западной части монастыря, был выявлен каменный подвал размером 4,8×4,2 м, перекрытый полуциркульным сводом. Спуск в подвал осуществлялся с южной стороны через вход шириной 1 м по плохо сохранившимся ступеням. Подвал был сложен из кирпича-пальчатки с вкраплениями небольших камней. Расчистка помещения не производилась [153].

Наиболее плодотворные результаты были получены автором данной работы во время исследований, проведенных в 1993 г. Раскоп площадью 300 кв. м был заложен южнее выступающего на дневную поверхность контура кладки фундамента апсиды Богоявленского храма [22. Т. 4. С. 114—115]. Он включал южную часть фундамента и каменных подвальных помещений Богоявленского собора, а также галереи, окружавшей его (рис. 70:1).

Соотнесение раскопов 1988 и 1993 гг. с выделяющейся на уровне дневной поверхности алтарной частью позволяет объединить выявленные конструкции в качестве составных элементов Богоявленского собора, имевшего общую площадь около 1000—1200 кв. м. Высота подвальных помещений составляла 2,8 м, пол подвалов был выложен шестигранными и квадратными плитками, аналогичными выявленным в отмостке древнего пола Святодуховской (Св. Троицы) церкви. Потолки подвалов были сводчатыми, переходы из одного помещения в другое осуществлялись через арочные проемы.

В западной части раскопа 1993 г. выявлены два входа в подвалы храма снаружи. Один из них ведет в помещения, связанные с южным приделом. Второй вход имеет резкий спуск вниз из нескольких рядов ступеней и поворачивает узким тоннелем в центральную часть подвалов храма. Ширина стен подвалов различна, внутренних — 0,8 м, наружной — 1 м. Сложены они из кирпича-пальчатки и большемерного с редким включением камней.

Интерес представляет фундамент галереи, наружная стена которой отстояла на 0,6 м от внешней стены храма и шла параллельно, повторяя ее очертания. Ширина этого фундамента составляла 0,4 м, глубина залегания 0,2—0,3 м, высота доходит до 0,6 м. Сложен он из камней на извести. С юга почти на уровне современной дневной поверхности выявлен боковой вход в галерею, вымощенный кирпичом и половыми плитками. Характер залегания фундамента галереи и отмостки входа в нее в культурном слое, а также дополнительное увеличение ширины фундамента внешней стены собора на 0,4 м позволяют предполагать разновременность сооружения храма и галереи.

Видимо, первоначально фундамент храма имел форму равновеликого креста. Его северная, восточная и южная части (под апсидой и боковыми приделами) были пятигранными, центральная образовывала квадрат, форма запад-

ной неизвестна. Часть помещений, выявленных в раскопе 1993 г., могли быть достроены позже. На дополнительные строительные и ремонтные работы указывают также заложенный камнями и кирпичом арочный проход в подвал алтарной части, различия в характере кладки и строительного материала на отдельных участках. В целом, датировать сооружение можно XVII—XVIII вв. Не исключено, что какие-то работы осуществлялись и в XIX в. Что касается подземной церкви Воскрешения Праведного Лазаря, то она должна располагаться ниже уровня залегания подвалов Богоявленского собора, т. е. на глубине более 3 м от современной дневной поверхности.

Вторым, ныне действующим, храмом на территории Кутеинского мужского Богоявленского монастыря была *каменная Святодуховская церковь*, строительство которой также осуществлено в XVII в. На рисунке Д. Струкова 1864 г. изображен храм, состоящий из трех расположенных по продольной оси объемов: притвора (бабинца), в верхнем ярусе которого находится звонница; центрального, прямоугольного в плане; алтарной пятигранной части (апсиды). С северной стороны к бабинцу примыкает небольшое помещение (ризница?).

До наших дней храм пережил несколько реконструкций. В литературе приводятся даты, связанные с различными ремонтно-строительными работами. Самой значительной из перестроек было преобразование церковного помещения из двухэтажного в одноэтажное с сохранением двухъярусного расположения оконных проемов. Эта реконструкция относится к 1762 г. [352. С. 243] либо к 1868 г. [290. С. 33]. Представляется более правомерной последняя из упомянутых дат. С нею непосредственно связано переосвящение церкви во имя Животворящей Троицы в 1869 г. Известно, что в XIX в. после возвращения в «истинное» православие древних монастырей Беларуси, которые в тяжелейших условиях сохраняли православную традицию, всякие отклонения от ортодоксальных канонов, в том числе и не «истинно русские» архитектурные приемы устранялись. Видимо, и Святодуховская церковь Кутеинского Богоявленского монастыря утратила второй этаж в своем интерьере, преобразовавшись в 1868 г. в помещение зального типа с престолом Рождества Богородицы. Тогда же видоизменилось и придававшее храму своеобразие его шатровое покрытие с устремленными ввысь стройными главками. Храм стал выглядеть более приземистым и массивным. По сведениям И. И. Григоровича, вторая церковь Богоявленского монастыря — теплая (т. е. отапливаемая), каменная, была восстановлена (?) в 1819 г. [60. С. 76].

Проведенные в 1987—1988 гг. архитектурно-археологические исследования фундаментов Святодуховской церкви и прилегающих к ней участков дали информацию о том, что во второй половине XVII, XVIII и XIX вв. осуществлялись ремонтно-строительные работы по благоустройству и совершенствованию внешнего вида храма.

В раскопе 1987 г., который располагался в непосредственной близости от Святодуховской церкви с южной стороны, была выявлена яма, содержащая разнохарактерный вещевой и строительный материал, датируемый, в целом, XVII—XIX вв. Как в раскопе, так и в заполнении ямы фиксируются прослойки битого кирпича, черепицы, строительного раствора, свидетельствующие о ремонтно-строительных работах. Кирпич и черепица, выявленные в прослойках строительного мусора, датируются, в основном, XVII в., что показывает длительность существования храма в его первоначальном состоянии. Выявленные в заполнении ямы многочисленные изразцы, широко датируемые XVII в.

(здесь есть и единичные горшковые первой половины XVII в., и четырехчастные коробчатые с растительным орнаментом, и гербовые первой половины — середины XVII в., а также изразцы второй половины XVII в. нескольких разновидностей), позволяют расчленить культурные отложения на отдельные хронологические этапы. Более объективному членению способствует наличие здесь разных видов глиняной посуды, стеклянных изделий XVII—XVIII вв. В верхних напластованиях присутствуют также предметы XIX в. [145. С. 46—50]. Весь комплекс полученных при раскопках вблизи церкви материалов позволяет соотнести прослойки строительного мусора и сами культурные отложения с периодами возведения храма, сооружения пристроек к нему и работ по реконструкции существующих строений.

Таким образом, можно полагать, что сама церковь была построена в первой половине XVII в. и имела отопление. Строительный материал (кирпич-пальчатка, половая плитка, черепица, фрагменты оконного стекла), а также наиболее ранние разновидности изразцов подтверждают этот вывод. Наличие в яме изразцов второй половины XVII и XVIII в., а в пристройке к церкви с северной стороны бабинца — остатков печища, выявленного И. М. Чернявским, показывает, что отопительная печь была перемещена из церкви в пристройку после сооружения последней, т. е. во второй половине XVII в. Упомянутые даты ремонтно-строительных работ второй половины XVIII в. (1762) или начала XIX в. (1819) могут указать на то время, когда изразцы второй половины XVII и XVIII в. попали в мусорную яму.

Кроме храмов на территории Кутеинского мужского Богоявленского монастыря на протяжении всего времени его существования был построен ряд жилых, служебных и хозяйственных помещений. Часть из них были каменными, но, видимо, большинство деревянными. Известно, что здесь располагались в разное время госпиталь, школа, где обучались дети прихожан. Среди хозяйственных построек XIX в. названы амбары, погреб, ледник, прачечная, кучерская, кузница. Сведения о выходцах из монашеской среды монастыря, известных своей общественно-политической деятельностью (Афанасий Филиппович), мастерством в резьбе по дереву (старец Арсений), книгоизданием и развитием школы гравюры (Спиридон Соболь, Иоиль Труцевич), показывают высокий уровень их образования и культуры, а также художественных навыков. Под началом талантливых руководителей работали артели мастеров, выходцев из низших слоев населения Орши, Дубровно, Копыси. Они развивали и успешно распространяли далеко за пределы монастыря традиции народного творчества, создавали настоящие шедевры (рис. 71).

Кутеинский Богоявленский монастырь был хорошо известен и своей типографией, ставшей в XVII в. центром белорусского кириллического книгопечатания. Основателем ее был уроженец Могилева Спиридон Богданович Соболь. С 1635 по 1654 г. Кутеинская типография осуществляла свою деятельность под руководством игумена Иоиля Труцевича. Выпускаемые значительными для того времени тиражами (до 200—350 экз.) книги Кутеинской типографии имели широкую известность.

Интерес к кутеинским книгопечатникам проявил и патриарх Никон. Воспользовавшись военным положением, усугубившим обстановку в пограничных регионах Речи Посполитой, смутными настроениями местного населения, он провел кампанию по переселению части монастырской братии и работавших при монастыре книгопечатников и ремесленников в вотчины Валдайского

Иверского монастыря. Вывоз монастырского имущества осуществлялся в течение 1655—1657 гг. Из 200 монахов, проживавших в Кутеинском монастыре в 1650-е гг., в конце XVII — начале XVIII в. осталось около 60. Многие семьи крестьян и ремесленников из Могилева, Орши, Копыси, Мстиславля нашли себе пристанище в вотчинах Иверского монастыря и других местах. В 1658 г. кутеинскими книгопечатниками на новом месте в Иверской типографии был выпущен учебный «Часослов». Однако большое количество кутеинских псалтирей, подготовленных по старой богословской редакции, были признаны патриархом Никоном «не исправными» и к печати не допускались. Успевшие выйти в свет иверские издания продолжали художественные традиции кутеинской типографско-граверной школы [57. С. 55—56, 61—63].

Одним из известных мастеров кутеинско-иверской книжной гравюры является гравер-ксилограф Паисий. В 1660—1670-х гг. многие из выехавших в Россию белорусских мастеров работали в ведении московского Печатного двора, Оружейной, Серебряной палат и др. Значительные потери понес монастырь, лишившись замечательных профессионалов в деле просветительства, книгопечатания и художественных ремесел.

С разделом Речи Посполитой и переходом культовых объектов в ведение Российского православного синода, Оршанский Кутеинский монастырь стал заштатным и именовался Загородным. Здесь находилась аптека и с 1874 г. действовало одноклассное училище для детей бедняков из окрестных деревень.

Территория монастыря была обнесена каменной стеной высотой до 2,5 м. В 1889—1890 гг. над северными воротами ограды вместо прежней, изображенной на рисунке Д. Струкова деревянной башни-колокольни выстроена каменная. Она должна была, видимо, завершить новый вид монастырского комплекса после реконструкции Святодуховской церкви (1868) и утраты Богоявленского собора (1885).

Во время реставрации каменной ограды Кутеинского мужского монастыря на ее северном участке были замечены сводчатые конструкции, выступающие на дневную поверхность. Автор данной работы в 1994 г. исследовала фундаменты ограды протяженностью 20 м, представлявшие анфиладу арочных проемов, соединенных между собой столбами-опорами. Арки высотой 0,35—0,4 м сложены из кирпича-пальчатки, поставленного на ребро. Их длина достигает 3 м, ширина — 1 м. Столбы-опоры имеют в основании известковую подушку с вкраплениями битого кирпича и мелких камней, зауженную книзу. На подушке выкладывались крупные валуны, пространство между которыми заполнялось мелкими камнями и кусками кирпича. Толщина кладки составляла 0,4 м. Данный фундамент можно датировать временем возведения первых каменных строений на территории монастыря. Его конструкция позволяла экономить строительные материалы и в то же время не снижала прочности фундамента [153. С. 23—24].

В 1889 г. при настоятеле монастыря архимандрите Платоне вместо прежней деревянной колокольни начато строительство новой каменной трехъярусной с готической крышей. Окончено ее сооружение в 1890 г.

Проведенные археологические исследования в месте расположения бывшей колокольни [157] (вскрыта площадь 144 кв. м.) позволили зафиксировать планировку ворот с колокольней. Прослежены конструктивные особенности строения и хронологические периоды его возведения, перестроек (рис. 81).

Постройка состояла из двух прямоугольных помещений размерами 6,4×4,2 м, вытянутых с севера на юг и со стороны двора соединенных на уровне фунда-

ментов стеной-стяжкой. Первоначально проезд между помещениями составлял в ширину до 3,4 м. Позднее, когда деревянные строения были заменены каменными и фундаменты усилены (наращивание их в ширину составило от 0,2 до 0,4 м), ширина проезда стала 2,8 м. Усиление фундаментов и контрфорсов было осуществлено на последнем этапе реконструкции ворот с колокольней.

Ширина наружных фундаментов обоих помещений равнялась 1,2 м, в то время как внутренних (со стороны проезда) — 1,4 м. Ширина возводившихся на данных фундаментах стен соответственно равнялась 0,8—1 м, о чем свидетельствуют следы кирпичной кладки и раствора. Рисунок 1864 г., на котором среди прочих строений показана и колокольня (Д. Струков), изображает двухъярусное сооружение. Это, видимо, постройка второго этапа, когда были заложены первые каменные фундаменты. Второй ярус опирался в основном на внутренние стены помещений, и поэтому они были более мощными, чем наружные.

К первому этапу строительства ворот с колокольней относятся два фрагмента фундаментов кирпично-каменной стены — ограды (с арочным фундаментом), примыкавшей к помещениям с востока и запада, а также следы древесной трухи и прослойка пожара у материка.

Первоначальная (деревянная) колокольня (XVII в.) сгорела, и на ее месте была построена *новая на каменном фундаменте* и, видимо, с кирпичными стенами нижнего яруса. Об этом свидетельствуют следы кирпичной кладки между нижним горизонтом фундамента и верхним, относящимся уже к строению 1889 г. В восточном помещении сооружения выявлен подпечек, аналогичный тому, что был обнаружен в пристройке к Святодуховской церкви. Здесь же обнаружено большое количество изразцов, угли. На втором этапе существования ворот с колокольней подъем на нее осуществлялся из маленькой пристройки (с юга) к западному помещению.

На третьем этапе на колокольню поднимались уже по лестнице, расположенной внутри западного помещения. Тогда же к нему с юга была сделана новая пристройка на легком (без раствора) фундаменте, аналогичном фундаменту галереи вокруг Богоявленского собора. Проезд между двумя помещениями на первом этапе, когда строение было деревянным, был вымощен булыжниками. Вымостка проезда сохранялась, видимо, и на втором этапе при двухъярусной постройке. На третьем этапе расстояние между камерами сузилось и в основании прохода имелась известковая подушка толщиной до 0,3 м с добавкой средних булыжников. Печь внутри восточной камеры была, видимо, уже разрушена, и помещение не отапливалось. Крыша ворот с колокольней покрывалась сначала плоской черепицей (иногда с зеленой поливой), затем волнистой с загнутыми боковыми краями без поливы.

При исследовании территории двора Кутеинского мужского монастыря был обнаружен развал горна для обжига черепицы вместе с остатками бракованной продукции. Такая черепица, плоская с закругленным краем и крепежным хвостом, иногда с зеленой поливой, была встречена и в завалах строительного мусора, где имеются следы ремонтно-строительных работ. Поэтому есть основания полагать, что для покрытия зданий монастыря черепица производилась прямо на месте.

И. И. Григорович упоминает о том, что при генеральном межевании, проведенном на территории Беларуси в 1783 г., Кутеинскому монастырю было выделено 435 десятин и 3836 кв. саженей земли. Кроме того, на р. Кутеинке была

построена мельница, осуществлявшая помол муки весной во время разлива. К Кутеинскому монастырю также относились д. Поддубцы, пожалованная при основании мужского Богоявленского монастыря Богданом Стеткевичем, и слобода Песчанка, а также небольшой завод для выжигания извести. На правом берегу Кутеинки сохранились остатки сложенной из крупных валунов на известковом растворе плотины водяной мельницы.

Архитектурно-археологические исследования городских храмов и монастырей дают значительный объем новой информации об отдельных периодах их возведения, перестроек, позволяют установить конструктивные особенности этих объектов.

6.4. ПОГРЕБЕНИЯ В ХРАМАХ И НА ПРИХОДСКИХ КЛАДБИЩАХ

Средневековые городские могильники до нашего времени почти не сохранились. Этому способствовали изменения в планировке и застройке городов, а также перестройка храмов. Вместо небольших деревянных церквей, многие из которых берут начало в раннем средневековье, в XVII в. и особенно XVIII в. возводились новые каменные храмы, значительно превышающие их размерами. Они могли перекрывать часть бывшего кладбища, существовавшего возле деревянной церкви. За городской чертой, где ранее также находились кладбища горожан, в позднем средневековье строились монастыри. Информация о городских могильниках в основном появляется случайно, во время земляных строительных работ или при реставрации храмов в городах и археологическом исследовании культурных напластований вокруг них. Погребения в храмах часто нарушены во время перестроек и ремонта помещений. Они, как и погребения в городских могильниках, датируются на основании монет, вещей, по местонахождению в культурном слое и архитектурно-художественному оформлению.

В северо-восточной Беларуси городские погребения исследователи находили, главным образом, рядом и внутри остатков культовых сооружений или в культурном слое, который предшествовал их строительству.

Наиболее ранние достоверно городские погребения обнаружены во время раскопок на территории Замковой горы в *Мстиславле*. Исследователь этого памятника Л. В. Алексеев, изучая культурный слой детинца древнего Мстиславля, проследил его планировку и застройку на протяжении всего периода существования в качестве городского центра.

Раскопками были выявлены погребения нижнего горизонта, углубленные на 0,6—0,65 м в материк, в гробах из толстых колотых плах. Умершие лежали на спине и были ориентированы на юго-запад, изредка на запад. Руки сложены на животе одна параллельно другой. У некоторых из погребенных на ногах была кожаная обувь (как считает Л. В. Алексеев, сделанная «на скорую руку», т. е. специально для умершего), другие были покрыты шерстяной тканью с узором, вышитым льняными нитями [14. С. 127, рис. 3]. В надматериковом слое выше погребений найдена иконка-подвеска с тисненным изображением Матери Божьей с младенцем Иисусом, датированная концом XII в. [14, рис. 7:1]. Как оказалось, погребения в материке (около 10) соотносятся с прямоугольной постройкой небольших размеров, которая была зафиксирована в слое пожарища в надматериковом слое. Они размещались вокруг нее на запад и на север, некоторые захоронения находились внутри постройки [14. С. 130].

Погребения, которые датируются 20—40-ми годами XIII в., XIV в. и позднее, образовали новые горизонты городского кладбища, были частично нарушены во время прокладки деревянных улиц и возведения новых капличных (церковных) построек или оборонительных сооружений на их месте. Л. В. Алексеев пришел к выводу, что в раннем средневековье в городах на территории Беларуси могли совмещаться функции культовой постройки (церкви, каплицы) с функциями оборонительного сооружения — донжона. В мирное время здесь совершали церковную службу и захоронение умерших, а во время военных действий данные постройки использовались в качестве оборонительных. Никаких особенностей в погребениях на кладбище и погребениях внутри храма исследователем не отмечено.

Во время исследований на территории *посада в г. Копыси* (2003) вблизи древнего городища у материка были зафиксированы погребения, *ориентированные головой на запад*. В слое найден нательный бронзовый крест (рис. 63:2). Погребения занимали компактную зону и, видимо, относились к приходскому кладбищу.

Три погребения, *ориентированные головой на запад*, в 2003 г. выявлены автором монографии при изучении территории поселения, отделенного оврагом от городища у *д. Старый Шклов*. Расположение погребений указывает на то, что они представляют собой фрагмент кладбища. Остатков гробов не зафиксировано, как не выявлено и следов погребальных ям. При расчистке одного из захоронений обнаружена бронзовая литая пуговица с широкой датировкой (XII—XVII вв.). Остальные захоронения безынвентарные. Их подстилает культурный слой, содержащий керамику X—XII вв., а какие-либо предметы более позднего времени в раскопе отсутствуют. Учитывая, что верхняя граница поселения на городище Старый Шклов — XVI в., можно предположить, что данное кладбище соотносится со временем его функционирования в пределах XII—XVI вв. и принадлежит жителям Старого Шклова, выполнявшего функции центра волости (затем имения Шкловского).

В 1988 г. во время раскопок на территории замка (Взгорье) в г. п. *Городок* Витебской области О. Н. Левко обнаружен развал стены каменной церкви, построенной в XVII в. Рядом с ней были вскрыты четыре погребения (рис. 60). Одно из них было наполовину разрушено этой стеной (погребение 3) при строительстве храма, что свидетельствует о более раннем времени захоронений. Умершие были ориентированы головой на северо-запад, руки сложены на груди или животе. Погребальные ямы с закругленными углами углублены в материк на 0,1—0,15 м. Расстояние от дневной поверхности до уровня захоронений составляет 0,7—0,8 м. Три погребения (2—4) безынвентарные. В одном из них (погребение 1) найдены маленькая бронзовая пряжечка с косыми насечками, фрагмент крестика и перстень из цветного металла со вставкой, 21 целая и 7 фрагментов синих и черных стеклянных бус. Рядом с погребенным были медная монета плохой сохранности (обол мертвых?) и кусок полотна. В слое, который перекрывал захоронение, найдены кружевные ленты с металлической нитью и две бронзовые накладки. Пряжечка, перстень, крестик, а также 14-гранные синие бусы характерны для слоев XV—XVI вв.

Все погребения были совершены в гробах, о чем свидетельствуют древесный тлен и железные гвозди. Судя по выявленным материалам, допустимо, что данные погребения относятся к кладбищу XVI, а возможно и конца XV в., когда на территории Взгорья формировался новый центр. Известно, что в XVI в.

на Взгорье был построен замок. Возможно, там, где позднее возвели каменную церковь, сначала существовала каплица или деревянная церковь, а рядом с ней находилось кладбище.

В 2003 г. в месте расположения бывшей каменной церкви в *«месте» Шкловском* (современная д. Рыжковичи), построенной в XVIII в. после того, как сгорела деревянная церковь (1690), автором данной работы были проведены небольшие раскопки. По выступающим на поверхность остаткам удалось определить внутреннее пространство храма. Шурф площадью 8 кв. м был заложен с внутренней стороны на юго-восточном участке храма. Здесь у кирпичного выступа высотой 0,7 м при выборке слоя установлено, что он содержал угли, фрагменты половой плитки XVI—XVII вв., фрагменты металлических пластин, форма которых в сочетании с большим количеством гвоздей с остатками дерева на них указывает на то, что это оковка гробов. Здесь же в слое выявлены монеты первой половины — середины XVII в. и горелое дерево. На уровне залегания фундамента церкви вскрыты три погребения (рис. 52).

Погребение 1 располагалось вдоль северной стены шурфа. Одна рука была положена вдоль пояса, а вторая — на груди. Здесь же выявлен нательный крест. Данное погребение имело следы пожара. Череп и часть ребер сильно обгорели. *Погребение 2* располагалось рядом с погребением 1 параллельно ему. Руки сложены в области таза. Костяк сохранился хорошо, в верхней части также прослежены угли и следы закопченности. Погребение безынвентарное. *Погребение 3* находилось у южной стены шурфа, располагалось параллельно двум другим. Правая нога умершего отсутствовала (возможно, погребение было нарушено при постройке каменной церкви). На левой ноге, видимо, была какая-то обувь, от которой сохранились шнурки (кожаные?) с металлической нитью (золотая нить?). На груди у погребенного была выявлена также золототканная (?) одежда или покрывало с ажурными кистями или пуговицами (рис. 82).

Все погребения находились почти на материке в светло-сером слое. Их перекрывал слой, содержащий горелое дерево, выше которого выявлены фрагменты половой плитки. Есть основания полагать, что данные погребения относятся к деревянной церкви, существовавшей до 1690 г. Они были в деревянных гробах с металлической оковкой. Возможно, не все, а только одно, погребение 3, не пострадавшее от огня во время пожара. Гробы находились под полом в подвальном помещении. Об этом свидетельствуют следы лаг пола, выявленные в профилях шурфа, и половая плитка над погребениями. В шурфе были обнаружены также глиняное пряслице с резным орнаментом, монеты и другие предметы.

Наибольшее количество средневековых городских кладбищ и погребений в храмах было выявлено в процессе археологических работ в *Витебске*. На Замковой горе (бывший детинец) в конце XIX в. вскрыты 14 погребений, которые, возможно, соотносятся с кладбищем возле существовавшей в средневековье церкви архангела Михаила [97]. Большое количество разновременных погребений найдено во время раскопок Т. С. Бубенько в витебской *церкви Благовещения XII в. и вокруг нее*. Характерной чертой погребений в церкви является забутовка камнями пространства между гробом и стенками ямы, а также установка гроба на возвышениях из камней. Среди находок есть солид 1664 г., культовые предметы и ряд украшений, которые можно связать с униатскими захоронениями XVII в. [22. Т. 4. С. 134, мал. 149, 150].

В раскопе восточнее церкви Благовещения в 1993 г. Т. С. Бубенько проследила несколько горизонтов погребений взрослых и детей. Почти все они

были ориентированы головой на запад, изредка на юго-запад. Руки согнуты в локтях и сложены на груди. Древесный тлен свидетельствует о наличии гробов. Самые ранние погребения размещены ниже каменно-известковой вымостки вокруг церкви (время ее постройки). Только в одном из них найдено обручальное кольцо. Остальные безынвентарные (Сведения о могильнике любезно представлены автору Т. С. Бубенько из ее отчета: Архив ИИ НАНБ, д. № 1560).

Во время реставрации бывших *соляных складов XVIII в.* и подготовки к восстановлению Воскресенской церкви и Успенского собора (1998—2001), а также земляных работ по реконструкции сквера им. Маяковского (2003) в г. Витебске автором данной работы открыты средневековые городские могильники. В 1986 г. в Заручавье также были исследованы погребальные ниши в витебской Свято-духовской церкви (рис. 83:1).

Архитектурно-археологические исследования бывших витебских соляных складов конца XVIII в. на территории Задвинья в 1993 г. проводил И. А. Тишкин. Случайно были найдены не связанные с исследуемым зданием складов, фундаменты апсиды, помещение подвала под ней, четыре основных угла постройки. Открытый храм И. А. Тишкин по технике кладки фундамента относит к готически-ренессансному типу, известному в Беларуси со второй половины XVI в., и считает его аналогом Духовской церкви Кутеинского Богоявленского монастыря в Орше (однозальный храм с выступающей пятигранной апсидой первой половины XVII в.). Найденные при раскопках храма зелено-поливные изразцы с изображением ренессансного венка, который обрамлял герб, вместе с другими материалами позволили продатировать его строительство первой половиной XVII в. [327. С. 394; мал. 1].

В 2000 г. автором монографии продолжены работы по исследованию помещений соляных складов. Под полом и каменной вымосткой внутри них найдены погребения с остатками деревянных гробов, которые образуют два стратиграфических горизонта (рис. 47). Нижний залегал в материке и относился ко времени постройки в месте расположения соляных складов церкви Сретенья Христова, которая упоминается в документе 1618 г. В нижнем горизонте выявлены погребения женщины и рядом с нею ребенка (№ 5, 6). В женском погребении собраны остатки ткани с тисненым орнаментом. Верхний горизонт погребений (№ 1—4) относится к XVII—XVIII вв. Они размещались внутри помещений в культурном слое под каменной вымосткой, сделанной при постройке соляных складов. В одном погребении (№ 4) на голове умершего была лента, остальные безынвентарные, сохранились плохо. Все умершие ориентированы головой на запад. Многие погребения были повреждены при постройке складов. Таким образом, возможно датировать городской могильник при данной церкви от рубежа XVI/XVII до XVIII в.

На протяжении 1998—2001 гг. на территории витебского Взгорья проводились подготовительные работы по восстановлению разрушенных в 1930-е гг. Свято-Успенского собора на Успенской (Лысой) горе, а также Воскресенской (Рынковой) церкви на углу ул. Суворова и Толстого (бывшие улицы Взгорская и Подвинская).

При переносе коммуникаций *на площадке Успенской горы* в одной из строительных траншей, на юго-запад от местонахождения остатков каменных фундаментов и подвалов Успенского собора, в 2000 г. выявлен культурный слой, который содержал человеческие кости. Он был светло-серого цвета с большой примесью желтой глины и песка и без каких-либо вещей. Культурный

слой был перекрыт значительной прослойкой строительного мусора, образовавшейся при разрушении храма. Сохранность костного материала слабая. Особые кости и костный тлен составили два горизонта. Кости верхнего горизонта были размещены на разной глубине в культурном слое, общая мощность которого доходила до 0,8—1 м. Нижний горизонт проходил на пограничье культурного слоя с материком. Характер культурного слоя позволяет допустить, что он образовался при использовании данной площадки под кладбище вокруг храма. *Более ранние погребения (нижний горизонт)* могли соотноситься с деревянными постройками церкви Успения (Пречистенской), которые сменяли друг друга в течение XVI—XVII вв. *Погребения верхнего горизонта* были *расположены, очевидно, более плотно, поэтому и образовался культурный* слой. Они могут быть соотнесены как с самой поздней деревянной церковью, так и с каменным храмом, построенным вместо нее в конце XVIII в.

Православная Воскресенская (Рынковая) церковь в Витебске известна по источнику 1558 г., поэтому она могла быть построена не позднее первой половины XVI в. Изображение этой церкви сохранил «Чертеж г. Витебска 1664 г.». Церковь была построена на углу улиц Взгорской и Подвинской, ориентирована по оси восток—запад. Состояла из трех срубов: основного, алтарного и бабинца с колокольней над ним. Деревянная церковь горела в 1708, 1733 гг.

В XVIII в. вместо нее был построен *каменный униатский храм.* Он имел значительно большие размеры, его апсида была ориентирована не на восток, а на север, вход в церковь находился с южной стороны (рис. 75). Фундаменты каменного храма исследовались И. А. Тишкиным на протяжении 1991—1994 гг. В процессе работ с северной стороны на возвышенности за апсидой церкви был открыт ряд безынвентарных погребений, *ориентированных головой на восток.* Исследователь отнес их к захоронениям предшествующего времени, так же как и остатки погребений, которые были выявлены в специально сделанной нише в центре фундамента апсиды.

Одно погребение И. А. Тишкиным открыто в западной части внутреннего объема фундаментов церкви возле выступа под основание колонн. Оно было *ориентировано головой на юг* и размещалось в деревянном гробу возле фундамента. Руки умершего были согнуты в локтях и сложены на груди. Под ними найдены две медные российские монеты: денга 1731 г. (времен Анны Иоанновны, 1730—1740) и денга 1743 г. (времен Елизаветы Петровны, 1741—1761). Опираясь на эти находки, исследователь высказал предположение, что каменный храм строился на рубеже 1740—1750-х гг., а 1772 г. — время его освящения [326. С. 55].

В 2001 г. О. Н. Левко проводилось наблюдение во время подготовки строительного котлована для фундаментов нового каменного православного храма на месте бывшей униатской церкви. Было установлено, что каменные фундаменты храма XVIII в. имели наклон в южном направлении. Перепад между уровнем их поверхности на северном участке (апсида) и южном (вход) составлял 3 м. На северном участке в пределах северо-западного угла фундаментов под слоем строительного мусора на материке вскрыто пятно пожарища черного цвета толщиной 0,2 м и размерами 7×8 м. Тут же были выявлены отдельные валуны диаметром 0,6—0,8 м, угли, кусок дубового бревна диаметром 0,6 м. Возможно, это остатки деревянной церкви, изображенной на «Чертеже» 1664 г., которая сгорела в 1730-х гг.

Таким образом, южный пониженный участок (склон возвышенности) возле этой церкви мог быть отведен под кладбище. И действительно, здесь под пес-

чано-глинистой подсыпкой, которая должна была поднять уровень фундамента каменного храма XVIII в., найдены остатки погребений, *ориентированных головой на запад* (погребения 4—6). Они были впущены в материковый песок на 0,2—0,3 м. Погребальные ямы со следами древесного тлена имели округлую форму.

Никаких вещей в светло-сером слое, образованном захоронениями, найдено не было. Однако рядом с погребением 4 в траншее выявлена керамика, которая может датироваться XV—XVI вв. Фрагменты подобной керамики найдены и в культурном слое под песчаной подсыпкой. В траншее с западной наружной стороны каменного фундамента храма XVIII в. на 0,1 м ниже него под булыжной отмосткой найдено *погребение 1, ориентированное головой на юг, также как и погребения 2, 3* возле выступов под юго-западную башню храма с внутренней его стороны (рис. 75). Данные погребения выявлены в слое черного цвета, впущенном в светлый (подсыпочный) песок. У погребения 1 руки согнуты в локтях и сложены на животе. Погребение 2, так же как и погребение 1, было вскрыто под булыжной отмосткой на 0,1 м ниже верха фундамента. Погребения 1—3 в отличие от погребений 4—6 имели другую ориентацию, образовывали верхний горизонт и размещались в черном, а не светло-сером слое. Они привязаны к каменному храму. Следовательно, *погребения 4—6 относятся к кладбищу православной церкви* (западная ориентация погребений). А *погребения 1—3 (храмовые) униатские*. К какому кладбищу относятся погребения, выявленные И. А. Тишкиным в северной части возвышенности за апсидой, неизвестно. Однако их ориентация головой на восток отличается от двух других групп погребений.

В 2003 г. севернее участка, занимаемого Воскресенским храмом, по ул. Суворова (бывшая Взгорская) в северо-западной части современного сквера им. Маяковского при его реконструкции выявлены также несколько погребений, *ориентированных головой на запад и юг*. Захоронения залегали на глубине 0,6—0,8 м от дневной поверхности. Сохранность их плохая. Возможно, эти погребения относятся к приходскому *кладбищу Введенской церкви*, существовавшей на данном участке в эпоху средневековья.

Следы погребений прослежены автором данной работы и при раскопках в 1986 г. подвальных помещений бывшей Святодуховской церкви XVII—XIX вв. в Витебске. В подвалах храма в двухъярусных кирпичных нишах, частично разрушенных, найдены фрагменты досок, обточенные деревянные ручки, железные гвозди с древесными волокнами на них. Сохранились остатки обшивки гробов и часть каменного надгробья с надписью кириллицей [22. Т. 4, мал. 136, 147—148]. В одной из ниш найдены пряжка с остатками ткани и пуговица из цветного металла, а также кружевные ленты с металлическими нитями [138]. Фрагменты тканей были собраны в погребальных нишах Святодуховской церкви М. С. Кацером при обследовании ее в 1944 г. [100].

В *Орше* во время раскопок фундаментов каменной *церкви Рождества Богородицы* второй половины XVII в. были выявлены погребения в деревянных гробах [153. С. 12—16]. Они относятся к кладбищу, которое предшествовало возведению каменного храма, и подразделяются в соответствии с залеганием в слое на три горизонта. Нижний горизонт, самый ранний, углублен в материк на 0,1—0,15 м. Средний и верхний горизонты размещались в слое XIV—XVI вв., и погребальные ямы тяжело проследить. Погребения безынвентарные, *ориентированы головой на запад*, руки сложены на груди (накрест, параллельно

или одна рука поднята к подбородку). Только в одном случае на груди умершего из верхнего горизонта (датируется по находкам в слое XVI — началом XVII в.) выявлена ладанка из цветного металла. Она была перевязана льняной нитью (рис. 51:5). При раскопках погребений найдены остатки деревянных гробов и крышек от них. В слое рядом с костяками выявлены бронзовые шпилька и изделие в виде крылышка ангела с дырочкой. Погребения в Орше являются типичными для городских приходских кладбищ. Они размещались рядами, плотно примыкая друг к другу. Вместе со взрослыми захоронены дети. Как показывает стратиграфия раскопа, это кладбище занимало юго-западный склон небольшой возвышенности, на которой могла размещаться деревянная церковь, предшествовавшая каменной.

Следует отметить, что погребений, которые бы относились к каменной церкви, выявлено не было, однако раскопками вокруг ее фундаментов в 1999 г. вскрыта *каменная конструкция,* частично зафиксированная в шурфе 1995 г. [153. С. 40]. Шурф был расширен в западном и южном направлениях. Это позволило раскрыть полностью прямоугольную конструкцию, сложенную из камней и впущенную в культурный слой рядом с юго-западным углом церкви. Она была углублена ниже первоначальной дневной поверхности церкви на 0,5 м. По внешнему краю размеры данного сооружения 3×1,2 м, по внутреннему — 2,4×0,6 м. Каменные стены постройки имели толщину 0,35—0,5 м и высоту до 1 м. Внутри было заполнение рыхлым слоем темного цвета, содержащим пережженные кости, на всю высоту конструкции. Ориентировано данное сооружение с северо-запада на юго-восток и северной стеной стыкуется с углом церкви. Его низ доходил до материка, а верх совпадал с тонкой прослойкой белого песка, которая перекрывает погребения под фундаментами церкви. Это позволяет отнести данное сооружение также ко времени, предшествовавшему возведению каменной церкви. В основании постройки выявлена известковая подушка.

С южной стороны перпендикулярно основанию постройки к ней примыкает стенка из валунов и кирпича на известковом растворе шириной 0,45 м, выходящая за пределы шурфа. Вдоль южной стенки шурфа параллельно ей на расстоянии 0,3 м прослежены выложенные в одну линию большие валуны (рис. 83:2). Выявленные сооружения, вероятно, имеют погребальное назначение. Они чем-то напоминают каменные обкладки могил в Благовещенской церкви Витебска. Возможно, это был склеп на приходском кладбище, и его не нарушили при строительстве каменной церкви.

Большое кладбище существовало *возле Богоявленского собора и Святодуховской церкви в Кутеинском монастыре* под Оршей. Здесь хоронили священников, монахов Кутеинской лавры, а также зажиточных жителей Оршанщины. Сейчас возле Святодуховской церкви находится надгробье с именем Марии Есиповой — владелицы д. Есипово. Здесь же захоронена в 1640 г. Елена Соломерецкая — жена основателя монастыря подкомория мстиславского Богдана Вильгельмовича Стеткевича-Завирского. Древнее кладбище, которое размещалось на высоком холме на восток от монастыря и содержало множество надгробий, украшенных высокохудожественной резьбой с эпитафиями, было разрушено в 1987 г. [347. С. 51—52].

Рассмотрев имеющиеся материалы по погребальным комплексам, можно сделать следующие выводы. На территории северо-восточной Беларуси археологически изучались городские кладбища и погребения в культовых соору-

жениях, которые датируются XII—XVIII вв. *Городские кладбища* определяются по наличию мужских, женских и детских погребений. Ориентация умерших позволяет разделить их на православные (западная), униатские (южная, северная и восточная). Преобладающее большинство погребений находилось в деревянных гробах, конструкция которых не прослеживается. Только на раннем кладбище Мстиславля (XII—XIII вв.) они были из колотых плах, а более поздние, в том числе и в других городах, видимо, из досок. Городские кладбища сначала были с редким размещением погребений, о чем свидетельствуют нижние горизонты Витебска (Нижний замок, Задвинье, Успенская гора), Орши (Заоршинье). Позднейшие горизонты более плотные. Это может указывать как на демографическое состояние городов на протяжении средневековья, так и на то, что захоронения в более раннее время могли производиться в курганных могильниках за городской чертой. На территории Витебских предместий XIV—XVII вв. письменные источники называют «волотовки», т. е. курганы. В местах их размещения (Заручавье, Кстова гора) позднее появляются храмы с кладбищами XIV—XVIII вв. (Святодуховский, Никольский).

Как правило, средневековые городские кладбища безынвентарные. В некоторых погребениях, приближенных к храму, встречается вещевой материал (Городок, Витебск, Орша). Это может свидетельствовать о социальном статусе погребенных. Наиболее *богатые погребения характерны для храмов*. Их гробы были украшены кружевными лентами с металлическими нитями, имели выточенные на станке деревянные ручки, ткань крепилась к гробу гвоздиками из цветного металла (Святодуховская церковь, погребение из Городка). На умерших была дорогая одежда (Задвинье, погребение 6; «место Шкловское», погребение 3), украшения, предметы культа (церковь Благовещения, погребение 1 в Городке, погребение 1 в «месте Шкловском»). Сопровождались погребения монетами — оболами мертвых (Воскресенская церковь, погребение 1 в Городке). Погребения в подвалах храмов могли быть обложены камнями, сделаны в специальных нишах (храмы Благовещения, Святодуховский), или деревянные гробы дополнительно окованы металлом («место Шкловское»). Когда подвала в церкви не было, погребения перекрывались настилом из камней (Воскресенская церковь). Возможно, кроме обычных погребений приходские кладбища содержали склепы, где покоились более богатые и важные горожане (Орша, Заоршинье).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в монографии процесс формирования и развития средневековых административных центров на территории северо-восточной Беларуси позволяет сделать следующие выводы.

В конце I тысячелетия н. э. в Витебском Подвинье и Оршанском Поднепровье в результате расселения славянских племен образовались локальные структуры (*малые племена),* объединенные на территориальной основе. Во главе этих структур стояли административные центры, выделяющиеся наибольшей концентрацией населения, наличием зачатков ремесленной деятельности (Витебск, Друцк). В этих центрах (Витебск) или внутри племенной территории (Городокское поозерье) находились племенные святилища. Данная ситуация подтверждается наличием зон скопления археологических памятников (селищ, городищ, курганных могильников, культовых объектов), относящихся к последним векам I тысячелетия н. э. в рассматриваемом регионе, а также выявленными на них в процессе раскопок материалами.

Наличие волоков в системе водных коммуникаций способствовало формированию сельских поселений, осуществлявших функцию «контроля на водном пути». Эти поселения выступали и в роли организующих центров плотно заселенной округи. Они существовали на участках волоков как в Витебском Подвинье, так и в Оршанском Поднепровье. Население этих поселков оставило кроме курганов компактные группы сопкообразных насыпей, датируемых IX—X вв. Такие группы прослеживаются на всем протяжении водного пути из Витебского Подвинья (р. Ловать — р. Лужеснянка — р. Западная Двина — р. Лучеса — р. Узменка) в Оршанское Поднепровье (Ореховский волок). В северном направлении от Западной Двины сопкообразные группы также фиксируются в районе оз. Лосвидо, оз. Луговое, р. Оболь, р. Свина (оз. Осмота), т. е. на переходе в бассейн р. Великой. Хотя «сопочники» и представлены особыми группами, они соседствовали либо примыкали к курганным могильникам основного населения Витебского Подвинья — кривичей и составляли с последними единые территориально-хозяйственные комплексы (поселения смешанного типа). В юго-западной части Оршанского Поднепровья расселению кривичей предшествовали и сопутствовали носители культур, которые также принадлежат славянскому этносу и, возможно, имеют отношение к сформировавшимся летописным дреговичам. Юго-восточная часть Оршанского Поднепровья была заселена кривичами, однако здесь встречаются также материалы, характерные для радимичей.

В X в. в регионе северо-восточной Беларуси помимо центров племенных структур появляются центры государственного контроля за сбором дани. Это погосты, которые развиваются на месте бывших общинных центров третьей четверти I тысячелетия н. э. либо племенных. В Витебском Подвинье погосты были, видимо, установлены киевской властью на территории Витебска, Усвят, ставших позднее центрами волостей. Наличие погоста в западной части Городокского района в зоне племенной территории может маркироваться соответственным топонимом. В Оршанском Поднепровье погостами охвачены густо-

заселенные зоны, их центры размещались на малых реках, притоках крупных водных магистралей (д. Черкасово Оршанского района, д. Горы Горецкого района, д. Старый Шклов Шкловского района). На друцко-усвейском волоке (Толочинский район) центром сбора дани является «град» Друцк, который превращается в центр волости.

Сельским поселениям племенных структур, «контролирующим водный путь», вероятно, противопоставлены государственные поселки (XI в.), расположенные вдоль водных артерий и фиксирующие определенные отрезки пути «из варяг в греки». Они занимают природные возвышенности и могут не иметь земляных укреплений. Такие поселки фиксируются на Днепре (г. п. Копысь, д. Устье, поселение на мысу при впадении р. Оршицы в р. Днепр).

Размещенные наиболее выгодно географически раннегосударственные центры Витебск, Усвяты и Друцк объединяют вокруг себя территории волостей. В их состав вошли племенные структуры ближайшей округи, сельские поселения, «контролирующие водный путь». Формирование территории волостей сопровождается появлением укрепленных пунктов, расположенных вдоль рек, являющихся их естественными границами. Именно так складываются восточный участок границы Витебской волости со смоленскими владениями в XI в. и пограничье Полоцкой и Витебской волостей с погостом в западной части Городокского района. Формирование территории Оршанской волости в составе Полоцкой земли и Копысской волости в составе Смоленского княжества связано с появлением на поселениях в Орше (начало XII в.) и Копыси (рубеж XI/XII вв.) укреплений, превращающих их в «грады». Вокруг укреплений начинают развиваться торгово-ремесленные посады по тому же принципу, как это происходило в Витебске и Друцке. Основа Оршанской волости в составе Полоцкой земли в XII в. представлена территорией Черкасовского погоста и племенных структур на правобережье Оршанского Поднепровья (зоны волоков у р. Верхиты, оз. Ореховского). Ее юго-восточный рубеж отмечен рядом укрепленных поселений, возникших в XII в. вдоль правого берега р. Днепр. Таким образом, была полностью очерчена восточная граница Полоцкой земли со Смоленским княжеством, территория которого к этому времени охватила все левобережье р. Днепр в пределах региона северо-восточной Беларуси.

В 1130—1140-е гг. в рассматриваемом регионе формируются новые территориально-административные структуры в границах Полоцкой земли. Это уделы (Друцкий, Витебский), создаваемые на основе феодального права (вотчины). Территории уделов-княжеств уже состояли из нескольких волостей. Витебск и Друцк, как центры уделов, становятся городами с двойной линией укреплений (детинец + окольный город), развитыми торгово-ремесленными посадами, сакральными постройками. Помимо городов — центров уделов, волостей, с XII в. получают распространение феодальные замки — центры боярских вотчин. Часть из них создается на основе порубежных крепостей либо на основе бывших погостов, неукрепленных поселков, контролировавших водный путь в XI в.

Образование Друцкого, а затем Витебского уделов внутри территории Полоцкой земли отражает общее политическое и экономическое развитие государств Восточной Европы, становление феодальной системы хозяйства в раннем средневековье и новых социально-политических отношений. Об этих переменах в жизни раннесредневекового общества свидетельствуют летописные материалы второй половины XII — первой половины XIII в. В XII в. ослабляется связь крупных вотчинных владений — земель (княжеств) на территории Ки-

евской державы с их политическим центром в Киеве, что способствовало установлению тесных контактов этих структур с уделами Полоцкой земли по интересам. Таким образом осуществлялось политическое, а позднее и экономическое расчленение государственных территорий. Временные территориально-политические объединения (например, Витебского княжества со Смоленской землей) управлялись на основе сюзеренитета-вассалитета. Такие союзы были непрочными (Друцк также подпадал в конце XII в. под сюзеренитет смоленских князей). Однако постепенно складывались стабильные экономические регионы, объединенные общими политическими интересами: земли, княжества.

Эти структуры разными путями в конце XIII — начале XIV в. вошли в состав Великого княжества Литовского. Витебская земля, Друцкое княжество — формирования, известные по источникам XIV — начала XVI в. на территории рассматриваемого региона. Исследование позднесредневековых ведущих (Витебск, Орша) и локальных центров северо-восточной Беларуси позволяет выделить два этапа в их планировочно-топографической структуре и системе оборонительных укреплений.

Первый этап охватывает в основном XIV—XVI/XVII вв. Характеризуется увеличением территории укрепленных частей в ведущих центрах региона: Витебске и Орше — и возведением в них более мощных оборонительных сооружений (каменных). Получают дальнейшее территориальное развитие и неукрепленные городские участки. В Витебске учреждаются светские и церковные юридики, образующие компактные массивы — посады вдоль главных улиц. Локальные центры (государственные и частновладельческие) представлены на первом этапе развития замками с дерево-земляными укреплениями. Друцкий замок, являвшийся собственностью рода князей Друцких, имел двойную линию укреплений, базирующуюся на основе сооружений удельного времени. За каждым представителем рода был закреплен определенный участок замковой территории для поддержания его обороноспособности. Фортификация и планировка вновь возникших пограничных замков (Езерищенский, Дубровенский) соответствовала времени их возведения (XIV—XV, XVI вв.).

Второй этап в развитии позднесредневековых административных центров региона северо-восточной Беларуси охватывает XVII—XVIII вв. Он совпадает с введением в ряде государственных и частновладельческих центров магдебургского права. В Витебске и Орше появляются новые центры с ратушей и гостиным двором, охватывающие часть территории посадов, примыкавших к замкам. Они получают название «места», или собственно города. Местечки развиваются на втором этапе и под стенами частновладельческих замков. Они формируются из посадов и слобод, окружавших замки. Развивается уличная сеть, соединяющая эти территории с замками и между собой. Особенностью второго периода развития планировочно-топографической структуры и оборонительной системы позднесредневековых центров является наличие земляных укреплений, ограждающих городскую территорию, примыкающую к замковой.

Имеются случаи переноса административных центров. Так, в пределах Шкловского графства вместо феодального двора в Старом Шклове с введением магдебургского права возводится замок и формируется «место Шкловское» на берегу р. Днепр. В конце XVIII в. появляется «Новый Шклов», построенный в соответствии с принципами градостроительства этого времени. Переносится центр с территории городища в Горах. На смену центру в Езерище приходит замок с местечком в Городке. Друцкий замок утрачивает свое значение воен-

ной крепости, и функции центра округи переходят к вновь образованному местечку в Толочине.

Развитие ремесла и торговли оказывало влияние на развитие планировочной структуры городов, их территориальный рост. На протяжении XI—XIII вв. в Витебске, Друцке, являвшихся волостными, а затем удельными центрами, на территории их посадов формируется торгово-ремесленное население, составляющее городскую общину. Средневековое ремесло Витебской земли по своему характеру было мелкотоварным производством. Постепенно, к концу XVIII в. наряду с ним зарождается мануфактурное внецеховое производство, основанное на наемном труде. Структурно на протяжении ряда веков ремесло все более дифференцировалось и специализировалось, о чем свидетельствует появление новых, более узких профессий. Ремесленные организации насчитывают два этапа в своем развитии. До введения цехов ремесла в региональных центрах развивались на основе «обычного» права и не имели твердой уставной регламентации. Первые ремесленные объединения фиксируются в Витебске по источникам XV в. В более поздних документах (XVI—XVII вв.) они известны как «братчины». С введением магдебургского права в XVII в. в регионе получают развитие цеховые организации на основе предшествовавших им «братчин». Деятельность цехов была определена уставом, в котором соединялись нормы «обычного» и цехового права.

Официальное признание международного Двинского торгового пути связано с первыми известными договорами (начало XIII в.). Конец XII — первая треть XIII в. — время разработки этих договоров и определения основных партнеров Западнодвинского бассейна, в том числе и Витебска с волостью, в качестве контрагентов западноевропейского купечества. В XIII — первой половине XIV в. происходит совершенствование торгового права в Западнодвинском бассейне, постепенно первые роли в торговом обмене между западом и востоком закрепляются за Ригой и Полоцком. Основные виды экспорта: воск и пушнина.

В конце XIV — первой половине XV в. регион северо-восточной Беларуси ориентирован на торговлю с Тверской и Новгородской землями. В XV в. происходят изменения в номенклатуре экспорта. Преобладают лесные материалы, продукты сельского хозяйства. Весь XVI в. был временем постепенного усиления Витебска как торгового центра, чему способствовали внешнеполитические обстоятельства и экономическая политика великокняжеской власти. В данный период достаточно четко определяется радиус внутренней торговли рассматриваемого региона. В самом конце XVI в. Витебск наделяется рядом существенных льгот для торговли в соответствии с полученным магдебургским правом (1597). В XVII—XVIII вв. он становится ведущим торговым центром белорусского Подвинья с обширным географическим районом связей. Орша — крупный центр транзитной торговли. Ей было также предоставлено право на стапель и она сама являлась центром торговли повета. В это время интенсивно развиваются локальные торговые центры на территории региона. Особого размаха достиг Шклов. На протяжении всего средневековья экспорт преобладает над импортом, что способствует значительному обогащению торгового населения, созданию торговых компаний, торговых домов, объединившихся в 1738 г. в Витебскую купеческую Думу с развитым торговым уставом.

Изучение культовых памятников конца XVI—XVIII вв. на территории ведущих административных центров региона северо-восточной Беларуси в эпоху средневековья позволило установить масштабность этого строительства,

определить место храмов и монастырей, принадлежавших разным конфессиям, в системе городской планировки. Данные о церковном землевладении вскрывают характер государственной конфессиональной политики в культовом строительстве позднего средневековья на территории административных центров рассматриваемого региона.

Впервые исследованы фундаменты некоторых не сохранившихся храмов и монастырских строений Витебска и Орши XVII—XIX вв., в результате чего вычленены особые хронологические этапы в их сооружении и перестройках на протяжении функционирования. Установлено, что монастырские постройки при Святодуховском храме в Витебске сооружались в два этапа. Первые каменные строения возведены в XVIII в. Расширение застройки территории монастыря приходится на XIX в. В Орше во второй половине XVII в. строится каменная соборная церковь Рождества Богородицы. Деревянный Богоявленский собор Кутеинского монастыря имел каменные подвальные помещения, а в XIX в. вокруг храма сооружена обводная галерея. Исследование конструкции монастырских ворот с колокольней показало, что первоначально (XVII в.) они были деревянными, в XVIII в. нижний этаж колокольни сооружен из кирпича, а в XIX в. уже все строение каменное. Выявлены особенности техники отдельных конструкций, позволившие предположить, что при строительстве Кутеинского монастыря и возведении церкви Рождества Богородицы в Орше работала одна и та же артель.

Исследование погребальных памятников на территории административных центров позволяет подразделить их на приходские кладбища и захоронения в храмах. Погребения разных конфессий различаются ориентацией, а сопровождающий инвентарь указывает на социальное положение погребенных.

SUMMARY

The problems of state making and development in the period of Middle Ages take an important place in Belarusian historiography. New approaches in the study of the main trends practiced in domestic historical science in the former Soviet Union gave rise to criticism of firm stereotypes related to the interpretation of the process of statehood formation in East Europe. They also generated interest to those aspects on the problem that have been poorly studied yet. Research of the administrative centres of the territorial structures in the pre-state and early state periods and their further transformation during the period of late Middle Ages is one of the areas that has been insufficiently explored to this date. The study of that process based on a given historical region in the 9th–18th centuries gives the opportunity to define the way of formation and development of the administrative centres.

The first part of the book represents a review of historiography and sources connected with the region under study in a determined chronological order. The purposes of the research have been formulated there.

Chapter 1.1 contains the general description of the historical and archaeological study of the north-eastern region of Belarus since the 19th century, review of the works on territorial making of the East European early-state territorial formations and on certain questions of the Medieval period in that region. The problems of genesis, settling of Kryvičy and formation of early state structures on the territories they occupied (В.В. Седов, Е.А. Шмидт, В.В. Енуков, ГВ. Штыхов) are still among debatable items. The author proposes a new approach as to how Kryvičy originally settled on the territory of Belarus: rule of Palačanie in the North-West and isolated tribal structures in the North-East. Establishemnt of the East European early state territories on the basis of tribal ruling has drawn the scholars' attention since the middle of the nineteenth century. This process was also examined in the works connected with the northern part of Belarus (М.В. Довнар-Запольский, В.Е. Данилевич). However, even in the middle of the twentieth century the problem was still represented rather generally. (A.N. Nasonov). A considerable amount of new archaeological data put in circulation in 1960-90's contributed to the appearance of a number of substantial historical works (П.П. Толочко, И.Я. Фроянов, Э.М. Загорульский) including those dedicated to separate regions (Л.В. Алексеев, В.М. Рычка, Н.Ф. Котляр, П.Ф. Лысенко, etc.). A number of research works carried out on the ground of archaeological materials examine the problem of urban genesis and development in the period of the 9th–13th centuries (П.П. Толочко, А.В. Куза, Г.В. Штыхов, etc.). There are, however, no works which trace the mechanism of state territorial and administrative organization together with forming and development of administrative centres in the course of the whole period of Middle Ages and Early Modern time. This book serves to explore this very problem. Using the archaeological material and a comparative historical approach, the author concludes that the stages involved in the process of state territory developments of Polack Land and of Kiev Land were synchronic by nature. This hypothesis gives the opportunity to connect separate historical events and phenomena with the archaeological data on the whole and represent logically-grounded reconstruction of development of the region in 9th–18th centuries.

There is a number of works dealing with special aspects of development of the Belarusian territory (including its north-eastern part) in the medieval period connected with the topic of this book. Among them there is research on territorial and administrative organization and governing of the state (М.К. Любавский, И.А. Юхо), its social, political, and economical development (З.Ю. Копысский), private towns (А.П. Грицкевич), military organization and towns' defence (М.А. Ткачев), development of structure and organization of handicraft industry (А.П. Игнатенко), production technique (М.Ф. Гурин), cultural and religious life (Г.Я. Голенченко, Я.Н. Мараш), ethnic history (Г.В. Штыхов), financial currency (В.Н. Рябцевич). Some works relate to the very region under study: examining of secular and church architecture (Ю.А. Якимович, И.Н. Слюнькова, О.Н. Левко), urban development (Г.В. Штыхов, Ю.И. Драгун, О.Н. Левко, Л.В. Колединский, Т.С. Бубенько), and magnates' estates (M. Topolska), trade and handicraft (О.Н. Левко).

In chapter 1.2, the categories of sources used to reveal the subject-matter under study and the main arguments of the results obtained are characterized. The archaeological sites and materials are the most important in the series of sources. The sites and objects of different kinds and periods provide the archaeological evidence on topography, planning, construction of defensive and church buildings, funeral ritual and findings. Due to the complex analysis of the sources, chronology of the whole sites and separate constructions was established and their interpretation was made.

The cartographic data and images are represented by the maps and plans of archaeological sites drawn up and published by different scholars (Л.В. Алексеев, В.В. Седов, Г.В. Штыхов, З.М. Сергеева) or being saved in archives (plans of towns dated by the period of 18th–19th centuries; ground-plans and photos of church buildings), part of which has been published ("Drawing of Vitebsk", 1664; plan of County of Šklou, of the towns of Hory and Orša); up-to-date plans (Haradok, Talačyn with outskirts); geographical and administrative maps (Спірыдонаў М.Ф. *Беларусь у сярэдзіне XVI стагоддзя/Belarus in the mid 16th century*). The data of the sources mentioned constituted the foundation of retrospective topographical, territorial and administrative reconstructions made by the author.

Written sources are represented by old chronicles, acts concerning the territory of Polack Land including the region under study (9th–12th centuries) which describe different aspects of regional development and its administrative centres in the period of the 13th–18th centuries. Old chronicles were examined by different scholars and though information these documents contain is rather poor, there is a wide range of their interpretations. The author compares the data of the chronicles with archaeological evidence, establishes a number of regularities which come out of synchronic processes that took place by stages in Polack Land and in Kievan state during the 11th–12th centuries. Acts used in this work have been predominantly published in special series such as *Смоленские грамоты/Deeds of Smalensk*, *Полоцкие грамоты/Deeds of Polack*, *Историко-юридические материалы/Historical and law material*, *Беларускі архіў/Belarusian archives*, etc. They reflect information about trade, handicrafts, landownership and land-tenure, territorial and planning structure of administrative centres, their defensive systems and church buildings.

Special attention is paid to insufficiently studied or disputable items and new discoveries having their roots in the archaeological data. The author found it to be necessary to classify contradictory positions and conclusions in the most important aspects of the study of the subjects under review.

Part 2 consists of three chapters where successively the problems of making of territorial tribal structures in the region together with development of their centres, of early state centres (so called *pahosty*), districts (*volasci*) during 9th–11th centuries are illuminated.

Two types of social and political structures existed in the region under study in the 9th–11th centuries. Territorial tribal formations which appeared in the course of Kryvičy settlement among the tribes that had already inhabited those lands and were united on the basis of kinship are related to the first type. Early state structures belong to the second one. They are the following: *pahosty* and *volasci* (districts) that were created out of the territories inhabited by the local tribal unions. The structures of the first type used to be changed by those of the second type in the course of the 10th–11th centuries. The centres of larger districts (i.e. *volasci*) were developed from those of the minor ones (i.e. *pahosty*) and included comparatively big territories consisting of several minor districts (*pahosty*). At the same time, their qualitative transformation into towns (as political centres of early medieval states) was taking place.

Chapter 2.1. The sites of the archaeological culture of Long Barrows are considered to be the outer mark of the area of Kryvičy settlement. In Belarusian Dzvina basin H.V. Štyhau defines three stages in the development of Kryvičy's antiquities: the first one relates to the middle of the first millennium AD – 6th-7th centuries; the second takes the period of the 8th – 9th centuries; and the third is dated to the 10th–11th centuries. In Smalensk Dnieper region E.A. Šmidt identifies two stages in development of the Long Barrows Culture: the first of them dates back to the break of 7th–8th century or the 8th century and the second one relates to the 9th–10th centuries. The chronology of the sites in question suggested by H.V. Štyhau and E.A. Šmidt gives the opportunity to define the directions and stages of penetration of Kryvičy into Polack-and-Vitebsk Dzvina region and Orša-and-Smalensk Dnieper region. One direction (to Polack) can be traced according to the movement of groups of Kryvičy from Pskou area along the rivers Nišče and Drysa (villages of Jankavičy and Rudnia of up-to-date Rasony region) to the part of the Western Dzvina river between its left tributaries: the rivers of Ušača and Ula. The other direction (to Vitebsk) is marked by two streams: a) from the Velikaja basin along the river Usča and from the lake group to the river Obal; b) from the region between the Lovat and Dzvina rivers (complex near the village of Darahi, town of Haradok in Haradok region, villages of Latohi, Staraje Sialo in Vitebsk region). Farther to the south along the river of Lučosa, Kryvičy moved into the Orša Dnieper region to the lake of Arehauskaje (minor town of Arehausk in Orša region), to the river Verhita (villages of Aziory, Nova-Tuhina in Dubrouna region), to the Dnieper river (villages of Prudy, Carkavišča, N. Stajki in Šklou region). Along the river of Abalanka they assimilated the left bank of the Western Dzvina in the area of its tributaries Svečanka and Kryvenka (villages of Kaplany, Ladzikava in Senno region). Kryvičy moved and assimilated the mentioned zones in the 6th–$7/8^{th}$ centuries. The whole settlement pattern shows that it was scattered by nature and linked to the important water routes and places of portage.

In the areas of separate concentrations of barrows (between the rivers Ušača and Ula, Haradok lake district, outskirts of Vitebsk, between the rivers of Aršyca and Verhita), formation of territorial cores of tribal structures was taking place during the 9th–10th centuries. In the ninth century the area assimilated by Kryvičy in the Orša-

and-Smalensk Dnieper region was significantly widened. The making of the military and trade route "from the Vikings to the Greeks" (from Scandinavia to Byzantium), the main branch of which in the 9th–11th centuries went through Orša-and-Smalensk Dnieper and Vitebsk Dzvina regions (the early hoards on the Lučosa-river, near the villages of Dobryna and Sobaleva, etc. give the evidence of that) connected the tribal structures along it into the whole with and organizing centre in Smalensk (Gniozdava). At the same time, in Polack Dzvina region Polack became the ruling centre of Kryvičy-Palačane. Totality of local territorial tribal unions of the region under study in the 9th–10th centuries is represented by smaller tribes: in Vitebsk Dzvina region they had their centres in Haradok, Vitebsk, Usviaty and in Orša Dnieper region their centres were situated of the portage place between the rivers Aršyca and Verhita, in Čarkasava (the Adrou river-basin), on Druck portage.

The centres of those tribal structures in the Vitebsk Dzvina region, as far as the data of archaeological investigation show (Vitebsk, Haradok), have been developed on the basis of settlements which had existed since the third century AD. In the last quarter of the first millennium AD, the territory of Haradok was inhabited by population associated with the Long Barrows Culture and artificial mounds. A barrow cemetery near the village of Smolki together with round barrows and a mound-like one on the side of an open settlement of the Haradok centre dating to the 3rd–8th centuries bear evidence thereto. Early wheel-made pottery of the first half of the tenth century (according to the dirham of Samanids 892–907) come out of the barrow cemetery in Haradok shows that population bearing the southern traditions used to be present there at that time. The tribal centre of Haradok was supplemented by a religious site situated on the hillfort near the village of Novy Boleck. So, taking into account hand-made pottery of the third quarter of the first millennium AD, we can suppose that this centre had been functioning in the district earlier as well.

As a tribal center, Vitebsk developed in the surroundings of settlements of the third quarter of the first millennium AD which constituted its district. The settling of Vitebsk's territory, not dissimilar to Haradok, began in the third century AD (as far as materials extracted from the cultural layer on the Castle Hill reveal). The opened settlements of the third quarter of the first millennium AD and of a later period were discovered in the course of long-lasting investigations on different grounds constituting the territorial core of medieval Vitebsk. The data obtained show that in the last quarter of the first millennium AD the population correlated with the Long Barrows Culture used to live there and that in the lower layers of cultural deposit in Vitebsk ceramic ware of Romna-and-Boršava is present (excavations of T.S.Bubenka). As H.V. Štyhau considers, the abortion of life on hillforts in the district of Vitebsk suggests that their inhabitants moved in the last quarter of the first millennium AD to the territory of Vitebsk. This may be estimated as concentration of population in a tribal centre. Such a conclusion is confirmed by presence of opened settlements of that time on various grounds around the Castle Hill and on the opposite (right) bank of the Vitba-river not far from Lysaja Hill. The latter seems to house a tribal sanctuary. The findings of items of cult and constructions discovered along the slope of the hill (the author's excavations of 1998) together with the hill's name itself make this supposition highly probable.

The tribal centres of the Orša Dnieper region were formed later than in the Vitebsk Dzvina region. First Kryvičy assimilated the territory between the rivers Aršyca and Verhita at the portage place from the Western Dzvina basin to that of the Dnieper and moved along the Dnieper-river (districts of Dubrouna and Šklou). This

territory had already been densely populated in the third quarter of the first millennium AD. The settlements of the Orša Dnieper region combined in them, as far as the data of archaeological excavations are concerned, show both southern and northern traditions. However, most of the findings collected from the hillforts (Kisiali, Čarkasava, Vežki) give the opportunity to relate them to the circle of the sites of Kaločyn Culture (Levko O.N., Kolosovskij J.V.). Hand-made pottery with special shape of profiles in section including pots with a roll under brims was extracted out of the lower layers of the suburbs in Druck (excavations of the author, 1999). In the last quarter of the first millennium AD, in the Orša Dnieper region the Kryvičian population significantly increased and numerous barrow burial grounds give the evidence of that. In the basin of Adrou-river the settlement of Čarkasava was the centre of a district. It included hillforts and opened settlements with cultural deposit of that time. The cemetery of Čarkasava contains burials dated as early as 10th–12th centuries that correspond to the date of the upper layers on the hillfort and opened settlement. Since the tenth century the settlement of Druck has become a centre at Druck portage place. It consisted of numerous settlements discovered as a result of archaeological investigation. Those sites were connected with the barrow burial grounds along the Druck–river and its tributaries. As the materials collected from cemeteries and hillforts reveal, in the last quarter of the first millennium AD, Druck portage place was inhabited by the population who may be associated with the Luka-Rajkaveckaja Culture (Sinčuki, Arava, Drazdova, Kisiali) through pottery and wooden fences around barrows. Kryvičy appeared there only in the late tenth century and their burials are present in the same cemeteries with those belonging to the culture just mentioned above (Drazdova).

Chapters 2.2 and 2.3. Beginning with the middle of the tenth century in the region under study on the territories of the tribal structures the early state centres called *pahosty* have been developed. The toponimic name "Olhava" is recorded near Vitebsk and in the area of concentration of lakes Miaža, Sosna, Čarniasta, Sesita in Haradok region along the route connecting the Dnieper portages, rivers Lučosa and Lavac. That route could be the way Princess Olga traveled along in 947 when establishing the points of prince's authority. Before the eleventh century part of *pahosty* (i.e. minor district centres) have been transformed into larger district centres – *volasci* (Vitebsk, Usviaty, Druck). The cultural layers of the 10th–12th centuries suggest the presence of district centres in the shape of *pahosty* in Haradok, Čarkasava, Stary Šklou, Hory. The mentioned settlements differed from the other by their fortifications and things used by their inhabitants. The settlement named "Pahost" near Haradok and Čarkasava may mark the minor districts – *pahosty*. In the early twelfth century, in the borders of Polack Land and Smalensk principalities whose territories were still under development new fortified centres appeared: Orša and Kopys. Both strongholds became the cores of forming larger districts – *volasci*. Volasc of Orša united the lands of the Adrou basin (the former *pahost* of Čarkasava) and area between the rivers Aršyca and Verhita on the right bank of the Dnieper. Archaeological data confirm that the eastern border of Polack Land has been formed in two stages. In the eleventh century, after joining of Vitebsk and Usviaty to Polack Land in 1021, border between Vitebsk and Smalensk was formed and in the twelfth century frontier line between Orša and Smalensk was established. The right bank of the Dnieper with the centre in Orša was included into Polack Land. The *volasc* of Kopys marks the western part of Smalensk Principality on the left bank of the Dnieper. The larger district centres – *volasci* – were distinct by their

artifacts which are of tribal (ethnic) nature. Being the core settlements of tribal period they gave birth to early urban suburbs (Vitebsk, Druck). The traces of production and trade activities were revealed there. We can suppose that the prince's administration of larger district centres (*volasci*) seated beyond the place of the core of tribal centre. The changing character of cultural layers on various grounds of the early medieval sites may give the evidence of that.

In **part 3** the process of transformation of periphery *volasci* of Polack Land into domains in the north-western region and making of new territorial and administrative structures (apanage principalities) and their centres during the 12th–13th centuries are examined.

Chapter 3.1. In the first half of the twelfth century, on the basis of feudal law, domains of Druck (late 1130s) and Vitebsk (second part of 1140) were formed. In the course of the 12th–13th centuries, they have developed into principalities. Both were founded by the princes who ruled in Polack (Barys Usiaslavič and then Vasilka Sviataslavič) as their own feudal estates. The territorial formation of Druck domain was preceded by incorporation of *volasc* of Druck into Mensk domain which was granted to Hleb Usiaslavič according to the patrimonial law. As a result of defeat of Hleb Usiaslavič *in the struggle with clan of Manamahavičy for extending of allodial land* Polack Land lost *volasc* of Mensk (1116). Since then, the area of the Orša Dnieper region with the centres provisionally subordinate to Hleb Usiaslavič (Druck, Orša) has become governed directly by Polack again. At that time, after negotiations between princes of Polack and Vladimir Monomah with his sons took place in Smalensk in 1121, the borderline between Polack and Smalensk was finally set up. It was marked by strongholds of Stražava, Hermany, Hančarova, Pryvolle. Having become prince of Polack for the second time (1127) Barys Usiaslavič seems to join *volasc* of Druck to his own *volasc* of Barysau (founded in 1102 with the centre in Barysau). Druck became the centre of a new domain. The written sources show that heirs of Barys Usiaslavič have owned Druck domain since the second half of the twelfth century.

Vitebsk domain was founded later than that of Druck – in the years when Vasilka Sviataslavič ruled in Polack (1132–1146). The desire to keep the central power in Polack Land forced the representatives of house of Polack princes to look for allies abroad and to establish relations of suzerain–vassal with the latter. That resulted in temporal ruling of Davyd Rastislavič of Smalensk in Vitebsk domain (1165–1180) and in protectorate of Smalensk over Druck at the end of the twelfth century. In 1180, princes of Polack tried to keep Druck domain in their hands for the last time. In the period of alliance between Smalensk and Vitebsk *volasc* of Orša seems to be joined to Vitebsk domain which earlier included only the territory of Vitebsk Dzvina region. Druck domain extended in the south-eastern direction. It is possible that in the twelfth century Mahiliou was a frontier stronghold of Druck apanage principality. Since the twelfth century, apanage principalities that exceeded Polack Land have been developed by themselves. Domains of Vitebsk and Druck constituted the territorial core of Vitebsk Land (province) which is known as territorial and administrative part of the Grand Duchy of Lithuania *and of* Polish–Lithuanian Commonwealth.

Chapter 3.2. Social types of settlements of the 12th–13th centuries are represented by towns, feudal estates, fortresses. Towns were political, economical, and cultural centres of definite territorial and administrative structures. Inside their communities, social classes were defined. The latter were formed in the course of the 9th–11th centuries during the transition from tribal society to early states. Social and

economic development can be traced using the data obtained from excavations of barrow burial grounds. On the territory of the region under study, since the twelfth century such towns as Orša and Kopys are known. They became the centres of *volasci* (larger districts) of Polack Land or Smalensk Principality. The fact that Orša disappears from the written sources (deeds of Smalensk) after the report about its siege by Monomahavičy in 1116 served to be a reason for some scholars to consider that this town belonged to Smalensk and for the others to suggest that it was returned to Polack Land. The historical link between Orša and Vitebsk and its inclusion into Vitebsk province (*voivodship*) as a district centre allow a consideration that this town was part of Polack Land.

Fortified settlements can be divided into military fortresses (of state ownership) and nobility residences (of private ownership). Military strongholds in the region under study are represented by borderline fortresses – Stražava, Hermany, Suraž. While feudal land ownership has been developed, part of former administrative centres (of minor districts – *pahosty*) turned into feudal estates (Stary Šklou) or continued to exist in the form of early towns (Hory?). Uscie may serve as an example of newly created private estates.

Chapter 3.3. The centres of apanage principalities Vitebsk and Druck are characterized by presence of two lines in their system of fortifications (the citadel and the suburb), of prince's residence (Druck), and of religious buildings (Vitebsk and Druck). They appeared to be the centres of craft production and trade.

The archaeological data confirm the fact that prince's residence was placed in the citadel of Druck since the middle of the twelfth century. The artifacts with prince's marks and elements of prince's dress were found there. The articles of luxury, numerous imported things, weights of different scale, silver neck decoration made of coins, etc. give the evidence of developed trade in the centre of domain. The findings of different implements and production wastes show that various kinds of handicraft were in practice (excavations of L.V. Alekseev, V.M. Lauko). In 1140s, in Vitebsk strong earth-and-timber fortification was erected. It was adjoined to Castle Hill which occupied the place of a hillfort of tribal period (excavations of M.A. Tkačou and L.U. Kaladzinsky). T.S. Bubenka supposes that the given fortification defended the territory of the suburb adjoined to the citadel. L.U. Kaladzinski considers that construction of the rampart was the result of widening of the citadel. Absence of any fortification on the territory of the suburb (which became later the Lower Castle) before the fourteenth century so as the political situation in Polack Land (exile of prince's family of Polack to Byzantium) give no evidence of fast expanding of the citadel's square during 1136–1140 (according to dendrodate of the rampart). The supposition about the defensive line around the suburb adjoined to the citadel that occupied the place of the former hillfort seems to be more appropriate. Unfortified suburbs spread in the middle of the twelfth century to all the territory around the Castle Hill to the left bank of the Vitba-river (excavations of H.V. Štyhau, V.M. Lauko, T.S. Bubenka) and appeared on the opposite bank of the river, in Zadunauje and Zaručauje (the author's excavations, 1981–1998).

Regularity of synchronic and stage processes in Kievan State and in Polack Land is also revealed in construction of churches dedicated to St. Mother of God in early administrative centres after introduction of Christianity (Druck, 1001), in the struggle for territorial extending of domains, shared out according to patrimonial law (Smalensk, Mensk). Creation of domains according to the feudal law (Druck,

Vitebsk) appeared to be the reason that caused destruction of formed early state territories, making of temporal territorial and political alliances on the basis of suzerain–vassal relationship, and then development of stable economic regions united by general political interest (Vitebsk Land).

In **part 4** of the book which consists of two chapters administrative centres of the region and its territorial and administrative structure in the period of 14th–18th centuries are analyzed. According to new data put in circulation by the author, the stages of planning and topographical development of the main (Vitebsk, Orša) and a number of local centres are defined.

In *chapter 4.1* materials demonstrating qualitative changes in territorial and administrative structure of the region in the period of the 14th–18th centuries are classified. As it was mentioned above, in 13th–14th centuries on the basis of existed apanage principalities new territorial and political creations – *lands* – were formed. They differed from those of the medieval period that we know from the old chronicles. Natural and geographical factor which was quite important in making of territorial and administrative structures during the 9th–11th centuries now loses its significance in favour of social, economic and political reasons (12th–13th centuries). Lands of 14th–16th centuries appeared to be territorial and political structures with mature administrative centres which consolidated the whole district. In the region under study this type of structure is represented by Vitebsk Land (province or *voivodship*) which was a part of a new state – the Grand Duchy of Lithuania – together with other autonomic territorial and political units of the state system. Administrative division of the state based on the border principle had been set up between the separate principalities before the making of the Grand Duchy of Lithuania. The governance of the autonomous lands was brought about on the basis of the so called customary law. Inside of them local administrations continued to work. The local administrations were headed by special dukes who were in relationship of suzerain–vassal type with the Grand Duke. Later on they were changed by governors-general: senior men (*starosty*) or governors of province (*voivodes*).

Special acts (privileges) reflected the political and economical importance of the centre of Vitebsk Land and confirmed legitimacy of autonomous self-rule. At the same time, the population of the Land was subordinate to the central administration and fulfilled general state duties (for example military duty). In accordance with the reform of 1565–1566, Vitebsk province (*voivodship*) consisted of two districts (*pavety*): that of Vitebsk and of Orša. The latter was governed by senior man (*starosta*). During the 14th–18th centuries separate districts (*volasci*) were its parts or went out of it. Part of land in Vitebsk province was in state ownership and the other part belonged to higher nobility. Vast magnate estates such as counties of Šklou, Dubrouna, Hory-Horki are related to the latter. According to the "law of Land of Vitebsk", there was estate of Senno owned by dukes Druckije. Districts (*volasci*) of Aziaryšča and Usviaty governed by the Grand Duke's governors-general performed duties for the sake of the castle of Vitebsk. Since the late sixteenth century, a network of castles with small towns has spread along the territory of Vitebsk *voivodship*. The Magdeburg Law used to be granted both to the state towns and private ones.

Chapter 4.2. On the basis of retrospective analysis of towns' plans of the late 18th–19th centuries, available records and archaeological data, the social and topographical structure and planning of administrative centres of the region (both large and small) are examined. The systems of fortification are described too. Vitebsk

and Orša are the most archaeologically investigated sites. Social and topographical structure and planning of some other administrative centres can be traced well enough (Šklou, Dubrouna, Kopys). Identification of up-to-date topography and planning which bear distinctive elements of the plans of the late 18th–19th centuries with the objects discovered in the course of excavations and with those mentioned in the written sources gave the opportunity to make a number of reconstructions. Probability of location of objects mentioned in the reconstructions is determined by stability of general planning of highways and preservation of natural landscape names to date. Various levels of complexity of social-and-territorial organization of the administrative centres show their significance within the framework of the administrative structure of the whole state in the 14th–18th centuries.

In the period of the 14th–18th centuries, the cetnres of the north-eastern part of Belarus underwent two stages in their development. The first one (14th–16/17th c.) was characterized by territorial growth of defended parts and by erection of stone fortification in Vitebsk and Orša, by introducing of church and secular feudal jurisdictions in towns. The latter formed compact settlements – suburbs along the main streets. Unfortified urban territories were being developed, too.

Concerning the social aspect, the town's castles housed administration (residence of governor of province in Vitebsk, royal court in Orša) and residences of higher nobility. On unfortified grounds predominantly craftsmen and tradesmen lived. Part of newly created suburbs was called "*slabody*" because people liberated from different taxes for a definite term used to settle there. This was done for the sake of further urban development. Such a measure really contributed to urban growth in the period under review. In Vitebsk we know the following suburbs-*slabody*: Uzhorskaja, Zadunauskaja, Zaručauskaja, Zadzvinskaja, in Orša – Iljinskaja and Kuceinskaja. The local centres (state and private) were represented on the first stage by earth-and-timber castles. Castle of Druck owned by an important feudal family was enclosed by two lines of fortifications based on the defensive constructions of the previous period (apanage principality). Each representative of the family had a definite part of the castle under his responsibility and he was to keep its fortification in a good state. Fortification and planning of newly founded castles (in Jeziaryšča, Dubrouna), according to the data of archaeological investigations, corresponded to the time of their erection (14th–15th, 16th centuries). The section of a rampart in the castle of Jeziaryšča discovered a stone foundation of a tower. On the ground of the castle in Dubrouna the remnants of wooden tower (donjon?) were found. This construction can be identified with that depicted on the plan by Herberstein of 1517.

The second stage in the development of the administrative centres of the region is dated by the 17th–18th centuries. It coincides with introduction of the Magdeburg Law in a number of state and private centres. In Vitebsk and Orša new urban cores with town hall and arcade that occupied partly the suburbs appeared on the opposite from the castles banks of the rivers. They were called "*mesta*", i.e. "town". Minor towns had been developed during the second stage by the walls of private castles. They consisted of several suburbs called "*pasady*" or "*slabody*". The network of streets was developing there to connect the suburbs with the castles and with each other (Šklou, Dubrouna, Kopys). Presence of earth-and-timber fortification which enclosed the town and was adjoined to the castle was the peculiar feature of the second stage of topographical and planning structure developments of the urban centres. In Vitebsk on the break of 16/17th century, part of suburb Zavitebny ("*mesta*") turned into "Astroh" that can be translated as "a stockaded town". In Orša, part

of suburb Nadneprovsky became "Zemliany horad" – "Earth town". Adjoined to the castles "old towns" of Dubrouna and Kopys were enclosed with earthen ramparts with gate-towers. Sometimes it happened that administrative centres changed their places. For example, in the county of Šklou with the introduction of the Magdeburg Law a new castle was erected and "town of Šklou" developed on the bank of the Dnieper-river instead of estate in Old Šklou. In the late eighteenth century, 2.5 kilometers to the north of the "town of Šklou" "New Šklou" appeared and its planning corresponded to the principles of contemporary town-planning. The town hall with an arcade and a square between them formed the centre of a new town. The core of the town was replaced from the hillfort in Hory. Functions of the administrative centre went over from Jeziaryšča to a castle and a minor town of Haradok. The castle of Druck lost its importance as a defensive stronghold and the role of a district centre was transferred to the minor town of Talačyn. Such a transfer of administrative centres was connected with various factors: a better geographical position (town of Šklou), introduction of new planning principles (New Šklou, Hory) or loss of military significance of the centre (Druck, Jeziaryšča).

Part 5 consists of two chapters and covers the role of administrative centres of North-Eastern region of Belarus in the process of making and development of handicraft industry and trade during the period under study.

In *chapter 5.1* the main kinds of handicraft and its organization in the region are analyzed. During the 9th–13th centuries, in Vitebsk, Druck which were the centres of districts called *volasc'* and later apanage centres, making of handicraft and trade population constituted the towns' community was taking place. Craftsmen settled down in the suburbs transformed from settlements situated around the fortified tribal centre. Among the branches of industry that have been developed first there were those already revealed on the sites of the previous tribal period. They are the following: iron and non-ferrous metal processing and ceramic production.

The old metallurgy was based on the local marsh iron ore. Its traces in the shape of numerous pieces of slag can be found everywhere. Metallographic investigation of the items of metal processing production of the region confirms that steel was obtained through iron carburization. Steel was welded together with iron and then subjected to heat treatment. Household utensils, armory and jewelry items brought out in the result of excavations give the evidence of such techniques as tinning, inlay with non-ferrous metals, embossing, engraving, stamping, etc.

In the cultural layer of the 10th century in Vitebsk, things which tell about wood and leather processing and shoemaking were found. During the 11th–13th centuries the number of handicrafts has been increased. A lot of implements revealed both in medieval towns and in villages and barrows give the evidence of technological progress. The tools of craftsmen in towns (Vitebsk, Uscje, Orša, Kapys) are more variable than those found on the rural sites – settlements and burial grounds (Kisiali, Uscje, Čarkasava, Hory, Haradok). In medieval towns, bone processing and glass-making were developed too. Numerous items of bone with traces of processing on lathe, wastes of bones were found in Vitebsk, Kopys, Druck, Orša). Examination of glass recipes of bracelets led to the conclusion about their local production (Vitebsk, Druck, Orša), although imported items were in usage too.

The layers of the 14th–16th centuries show that handicraft varieties in administrative centres remained the same. Some changes can be traced in nomenclature of the products and their shapes according to general European standards. Tech-

nology of metalwork reveals a tendency to simplification of consumer products (especially knives). This seems to be connected with the increase of production for market and decrease of production to order. Perfection of leather processing and shoemaking technique, widening of range of leather items (Vitebsk) may suggest the deepening of specialization inside those handicrafts. The increase of commodity output took place in 17th–18th centuries when we see a considerable growth of private towns together with royal ones. In both kinds of urban settlements, handicraft industry developed according to the same principles. Increase of commodity output attracted fugitive peasants to towns where they settled down in the suburbs and were granted some privileges. Feudal lords used to settle down in towns on the grounds under their jurisdiction groups of peasants who worked then as craftsmen. Local markets stimulated relatively fast development of leather processing, shoemaking, earthenware and blacksmith production as well as the increase of number of craftsmen in those fields. There were some specific professions connected with the service of river docks (Vitebsk, Orša) or with manufacture of armory (Vitebsk).

Medieval handicraft in Vitebsk Land was a kind of a small-scale production. At the same time before the end of the eighteenth century the first manufactories based on the hired labour appeared. In the course of several centuries, structure of handicraft industry has been becoming more and more differentiated, new professions, which were quite special, appeared. Two stages in the process of development of organization of handicraft can be traced. Before professional corporations were formed, handicraft in regional centres had developed on the basis of customary law and strict statute regulations were absent. First professional associations in Vitebsk, according to the written sources, are known in the fifteenth century. In the later documents (16th–17th centuries) they are called "brotherhoods" (*"bratčyny"*). After granting the Magdeburg Law to a number of towns in the seventeenth century, those "brotherhoods" developed into significant professional corporations. The guilds' activity was regulated by statute where the rules both of customary and corporate law were combined.

In *chapter 5.2* the questions of trade ties of the region in the epoch under study and making of Vitebsk as the main commercial centre of the Western Dzvina river-basin are examined. Traces of trading activity in the North-Eastern Belarus are noted for the period of 9th–11th centuries in connection with the fact that it was a part of a route "from the Vikings to Greeks" (i.e. from Scandinavia to the Black Sea). Isolated findings of coins and hoards dated as early as 9th–11th centuries (dirhems, West-European denarius) together with another imported articles come out of the archaeological excavations mark the directions of commercial links. Coin silver, jewelry, armory, amphoras with wine and oil among other various goods moved through the region. Part of the articles sat down in administrative centres and was spread inside the region. The findings of weights of different scale and details of balance in barrows and on settlements give the evidence of commercial development of local districts in the 9th–11th centuries. Trade in that period, however, seems to be a transit one and was connected with the moving of warrior detachments along the water route between the North and the South. Tradesmen used to travel together with the warriors. At the same time, as far as the findings of jewelry, ware and stone spinning wheels from Ovruch show commercial relations also connected the region under study with the nearest territories (i.e., Pskov and Smalensk for Vitebsk and Kiev for Orša). The first trade treaties give the evidence of acknowledgement of the route along the Dzvina-river as an international one. Those treaties were worked out during the period of the late 12th–the first quarter of the 13th cen-

tury. At that very time the main commercial partners of the Western Dzvina region including Vitebsk with its district have been determined. On the territory of the region lead stamps (Vitebsk), weights, silver grivna (Druck) used during so called "coinless" period were found.

Treatment of 1229 regulates the character of trade including authentic standards of weights belonging to both sides. This gives the evidence of control for weights and measures and is confirmed in a number of later Polack deeds of 14th–15th centuries and state acts of 16th–17th centuries. Trade operations were accomplished in special places – in the markets. The written sources mention "Bračyslaul's yard" in eleventh century Kiev. The deeds of Rascislau (1136–1150), prince of Smalensk, enumerate trading taxes which were collected in Kopys. The market in Vitebsk is mentioned in thirteen century document about actions of the prince in relation to the German "guests" how merchants from abroad were used to be called there. Birch-bark deed of the break of 13th–14th centuries found in Vitebsk informs about trading operation, too. In the term of the 13th–first half of 14th century the trade law in the Western Dzvina region was perfected and step by step Riga and Polack came to the first roles in trade between the West and the East. Before the end of the 14th century Riga obtained legitimacy of its own weight measures instead of pound of Köln and it became a mediator in trade between the towns of the Western Dzvina and Baltic regions. The Treaty of Kopys of 1406 confirmed the right of free traveling for merchants "by water and by land". Its later editions (1439 and 1447) have already provided predominant right of Polack and Riga and limited trading possibilities for other towns. Wax and furs were the main articles of export.

In the late 14th–mid 15th centuries, the region of North-Western Belarus was oriented in its trade to Tver and Novgorod. At that time the boundaries of the Grand Duchy of Lithuania expanded considerably to the east. In the fifteenth century, the nomenclature of exported goods changed though the products of wood and agriculture predominated. The second part of the fifteenth century is marked by the concentration of goods from the district in administrative centres. The European "revolution of costs" caused the increase of trade circulation in the first part of the sixteenth century. At that time Vitebsk was gradually strengthened as a commercial centre. That was determined by foreign and economical policy of the central authority. According to the Magdeburg Law which was granted to Vitebsk in 1597, the town obtained a number of important privileges. The written sources including "The custom's book of Vitebsk" (1605) give the opportunity to define quite exactly the radius of domestic trade of the region under study. In the 17th–18th centuries the town became the main trading centre of the Belarusian Dzvina basin with wide geographical area of links.

Orša was the other big centre of transit trade in the region. Important water and land international routs went through it including those that led to Poland and Moscow. The town had a custom and it was granted a right for stocks. Orša was the commercial centre of the district ("*pavet*") and was in constant contact with Mahiliou, Kopys, Šklou (the local points of trade in Belarusian Dnieper basin). The minor towns (Kopys, Šklou, Smalany, Talačyn) took part in annual market in Orša, as we can see from the document of 1623. Šklou was one of the most developed among the local commercial centres. It had two market-places in the middle of the seventeenth century. It provided successful close and far trade. Inside the region, Šklou had commercial links with Mahiliou, Orša, Haloučyn, Kopys, Smalany, Talačyn, Lukaml, Dubrouna. Merchants from Russian state, Leipcig, Frankfurt, Silesia, etc. vis-

ited fairs in Šklou which took place twice a year. Merchants of Šklou were mediators in trade between Russian state and Western Europe. They used to bring their goods to Riga, Gniezno, Torun, Lublin, Krulavec traveling along the road through Orša. In the course of all the period under study export predominates over import. In the result, the merchant class of the region flourished. At a certain stage trade companies were created and in 1738 they were united in Vitebsk Mercantile Council which had a mature statute.

Part 6 is dedicated to the issues dealing with church land-ownership, church building and funeral objects in the biggest administrative centres of the region (Vitebsk, Orša) in 16th–18th centuries. Complicated religious relations in the Grand Duchy of Lithuania and in the Polish-Lithuanian Commonwealth have been reflected in the church buildings of the towns: parochial churches and monasteries. The character of location of those monuments in the whole urban structure and their quantitative correlation show the difference in various confessions' significance in spiritual life of urban centres.

In *chapter 6.1* on the basis of the evidences from written sources and cartographic material reconstruction of general character of church land-ownership in the 16th–18th centuries in the main administrative centres of North-Eastern part of Belarus is done.

The study of church buildings gave the opportunity to determine the scale of construction, the places of the churches and monasteries of different confessions in the system of urban planning. The data of church land-ownership reveal the direction of official religious policy in the field of church building at that time. Making of multi-confessional relations has been taking place in the 15th–mid 16th century though penetration of Roman Catholicism to the territory of the Eastern Slavs in the borders of the Grand Duchy of Lithuania had been already going on in the period between the late fourteenth century and the middle of the fifteenth century. On the territory of the region under study Roman Catholic Cathedral in Abolcy was built at that time (1387). The movement of Reformation in Europe affected the lands of the Grand Duchy of Lithuania in the first part and in the middle of the sixteenth century and contributed to strengthening of the spirit of religious tolerance there. Reformation was supported by nobility. Territorial organizational structure of the Calvinist Church was formed in the late sixteenth century and has remained unchanged till the end of the eighteenth century. Vitebsk and Orša belonged to the Ruthenian (later Belarusian) district. The Act of Warsaw confederation on freedom of religion (1573) was the culmination of a balanced co-existence of several religious confessions. At the same time The Union of Lublin of 1569 served as an impulse to abandon the Reformation and led to the strengthening of Roman Catholicism. Nevertheless, the Orthodoxy has still remained to be the most representative confession in the country till the late sixteenth century. Situation has been changed after introduction of Church Union in 1596 (the Union of Berascie).

In 1562–1601, on the territory of the Lower Castle of Vitebsk the buildings of Calvinist church and school were erected, according to the permission of King Zygimont August. The building was financed by the local nobility. The Calvinist churches appeared in Orša (before 1590) and Kopys, too. However, life of Calvinist community was impeded by Jesuits and Dominican brothers. In Vitebsk it existed till 1660s and in Orša till the early seventeenth century.

Residence of Jesuit College in Vitebsk was founded by *voivode* A.Hanseuski in 1639. On the ground in the Lower Castle which was given for building of a church and a college and belonged to the king the church was erected in 1649. Later on Jesuits bought and obtained as donation land in the Lower Castle, in Kstou and Zadunajski suburbs. Jesuit residence in Orša was founded on the ground of the Calvinist community for the money of the Chancellor of the Grand Duchy of Lithuania Leu Sapeha. In 1604, a wooden church was built there. Then, in 1609 and 1612, King Zygimont III granted more land for construction of college. Kings Uladzislau IV and Jan Sobesski used to give foundations to Jesuits of Orša.

In the seventeenth century, in Orša and then in Vitebsk brothers of St. Basil's Order appeared. St. Basil's convent in Orša got the place of the Orthodox monastery of Annunciation and St. Basil's monastery was erected in the middle of the eighteenth century in the outskirts of the town but as close to the market as it was possible. In Vitebsk, St. Basil's brothers were donated lands by archbishop of Polack Cyprian Żahouski. On those places they constructed new monasteries and erected churches in honor of Holy Spirit (in Zaručauje suburb, 1697) and of Assumption of God's Mother (Uzhorje suburb, early 18th century) instead of ruined Orthodox churches. St. Basil's brothers of Vitebsk had in their ownership lands both in the town and in the whole province (*voivodeship*) and lend to dwellers of the Grand Duchy of Lithuania big sums of money on security of property. According to the evidence of 1593, there were seven Orthodox parochial churches in Orša at that time. On the town's plan (from the Manuscript departments of the University of Vilnius) seven Orthodox churches are enumerated with a note "destroyed". According to inventory of 1618, in Vitebsk many of Orthodox churches were closed or ruined.

The Orthodox nobility of the eastern parts of the Grand Duchy of Lithuania addressed in 1623 to Warsaw sejm (i.e. the parliament of the Commonwealth) with a complaint about suppression and persecution which bared the Orthodox population from the Roman Catholic and Uniate churches (including Vitebsk and Orša). The situation finished with explosion that took place on November, 12 of 1623 in Vitebsk when the town-dwellers murdered Archbishop Josaphat Kuncevič. This dramatic outcome was followed by royal acts that prohibited to build and to repair Orthodox churches. So, sealing up, destroying, and turning to the Union of the rest Orthodox churches brought to a result that in the end of the eighteenth century no one of Orthodox churches remained in Vitebsk. Together with Jesuits other Roman Catholic Orders founded their residences in the central parts of Vitensk and Orša during the 17th–18th centuries. The town parishes were headed by the Uniate churches.

In *chapter 6.2* church building in the towns is characterized. The study of urban churches and monasteries gives additional information to the history of church building in administrative centres. The author was the first who investigated the foundations of several church and monastery buildings of the 17th–19th centuries which have not been preserved: Assumption Cathedral, Holy Spirit monastery (church and cloister) in Vitebsk, Jesuits' College, church of St. Basil monastery and church of God's Mother's Nativity in Orša. Chronological stages in their constructions and repair have been defined. The results of archaeological research have shown that Holy Spirit monastery in Vitebsk was erected into two stages. The first stone buildings were constructed in the eighteenth century. Then the building of the monastery was expanded in the nineteenth century. In Orša, in the second part of the seventeenth century a stone church of God's Mother's Nativity appeared on the

place of former parochial cemetery of the 12th–early 17th century. In 18th–19th centuries it was rebuilt for some times.

In *chapter 6.3* history of development and activity of monastery of Epiphany in Kutejna near Orša founded in 1623 are described. The results of archaeological study of different buildings of the monastery (now existing and not preserved) are given. The author investigated the foundations of Epiphany Cathedral, the yard where kiln for roof tiles firing, the construction of the stone fence and gates with a bell-tower (17th–18th centuries) were discovered. Wooden Epiphany Cathedral of the monastery in Kutejna had stone basement and in the nineteenth century the church was surrounded by a gallery. The study of the monastery gate which included a bell-tower has shown that originally (in the seventeenth century) it was wooden. In the next century, the lower level of the bell-tower was made of brick and in the nineteenth century the whole building became stone. Some peculiarities of building technique were defined that gave the opportunity to suppose that God's Mother's Nativity church in Orša and the monastery complex in Kutejna were constructed by the same builders.

In *chapter 6.4* the funeral objects of urban centres are considered. They are represented by parochial cemeteries and church burials. The specific features of burials of both kinds and those characteristic to various Christian confessions have been defined.

Conclusion. In the end of the first millennium AD in the Vitebsk Dzvina and Orša Dnieper regions in the result of settling of the Slavonic tribes local tribal structures (*minor tribes*) united on the basis of territorial area they occupied were formed. Those structures were headed by the administrative centres which were more densely populated and characterized by beginnings of handicraft production and presence of tribal sanctuaries. In the Vitebsk Dzvina region the common territorial and economical complexes were constituted by mixed settlements of Kryvičy and population that left barrows in the form of mounds. In the south-western part of Orša Dnieper region the settling of Kryvičy was preceded by and connected with bearers of the cultures associated with Dryhavičy mentioned in old chronicles. The south-eastern part of Orša Dnieper region was occupied by Kryvičy and Radzimičy.

In the tenth century, in the north-eastern Belarus centres of official control for collection of taxes – *pahosty* – appeared. They developed from the former communal centres of the third quarter of the first millennium AD or from tribal ones. In Vitebsk Dzvina region *pahosty* seem to be introduced by Kievan authority in Vitebsk, Usviaty which later became the district centres. In Orša Dnieper region *pahosty* developed in densely populated zones and their centres were situated on smaller rivers which were tributaries of important water routes (Čarkasava, Hory, Stary Šklou). On Druck-Usveja portage such a centre for collecting of taxes formed in "town" of Druck (10th century) which then turned also into a district centre. Rural settlements of tribal structures that "controlled a water route" were supplemented by state settlements (11th century) marking separate parts of the route from "the Vikings to Greeks" along the Dnieper-river: Kopys, Uscie, "Rša".

Early state centres of Vitebsk, Usviaty and Druck united the territories of districts around them (called *volaşci*) which included tribal structures and rural settlements that "controlled a water route". Along the rivers being natural borders between the districts fortified strongholds appeared. They mark the border of Vitebsk district with ownership of Smalensk in the eleventh century. Territories of district as a part of Polack Land and of Kopys district as a part of Smalensk Principality were

consolidated around the strongholds – fortified "towns" – in Orša and Kopys (break of the 11th–12th century). The core of Orša district is represented by *pahost* of Čarkasava and right bank tribal structures on portages near the Verhita-river and Arehouskaje-lake. Its south-eastern border was marked by fortified settlements of the twelfth century along the right bank of Dnieper-river. Before that time Smalensk Principality had occupied the left bank of the Dnieper in borders of the region of the North-Eastern Belarus.

Domains (of Druck and of Vitebsk) were created on the ground of feudal law during 1130–1140s. Their territories consisted of several districts (*volasci*). Vitebsk and Druck were enclosed by two defensive lines (citadel + suburb) and included developed trade-and-craft suburbs, church buildings. Except towns – centres of domains and districts – feudal castles and estates have been spread since the twelfth century which served as cores of allodiums of nobility or as borderline strongholds. Formation of domain of Druck and then that of Vitebsk within Polack Land reflected making of feudal economic system in Middle Ages so as new social and political relationship on the area of the Eastern Europe. In the twelfth century the connection between large allodial ownerships with their political centre (Kiev) became weaker. That contributed to establishment of tight contacts of those structures with domains of Polack land according to their interests. In the result, stable economic regions united by general political interests were formed – lands and principalities which in the late 13th–14th centuries in different ways were included into the Grand Duchy of Lithuania.

Vitebsk Land and Druck Principality are known from the written sources of the 14th–early 15th century in the region under study. Investigation of the main (Vitebsk and Orša) and local centres of the North-Eastern Belarus in the next period gave the opportunity to distinct two stages in the development of their planning and topographical structure. The first of them date by the 14th–16/17th centuries is characterized by territorial growth of fortified parts in the main centres of the region (Vitebsk and Orša) and erection of stone fortification there. Non-fortified grounds widened too. In Vitebsk and Orša secular and church jurisdictions were introduced. Local centres (state and private) were represented on the first stage by feudal estates with earth-and-timber fortification. Double defensive line of the castle of Druck was based on the constructions of the previous period. Fortification and planning of strongholds and castles just appeared (Jeziaryšča, Dubrouna) was appropriate to the time of their erection (14th–15th and 16th centuries). The second stage in the development of administrative centres of the region of the North-Eastern Belarus occupies the period of the 17th–18th centuries and coincides with introduction and functioning of Magdeburg Law in them. In Vitebsk and Orša new urban centres ("town" or "mesta") with town halls and arcades were situated opposite the castles across the rivers. Near the walls of private castles the suburbs (*posady* and *slabody*) developed into minor towns. The network of streets connected those territories with castles and with each other. The peculiar feature of the second period in development of planning and topographical structure on urban centres was presence of earthen fortification enclose partly their suburbs. The transfer of a number of administrative centres that took place at that time was determined by geographical factor (building of a castle and "town of Šklou" on the bank of the Dnieper), or new principles of planning (castle of Hory, "New Šklou"), or loss of military importance by the object (Talačyn became a centre instead of Druck, Haradok instead of Jeziaryšča).

In administrative centres trade-and-craft population has being formed. The town dwellers constituted its community. Handicraft production in Vitebsk land was in its character small-scale production. Professional corporations in regional centres developed on the ground of customary law without strict regulations ("*bratčyny*"). With the introducing of the Magdeburg Law, in the seventeenth century corporations whose activities were regulated by statutes combined regulations of customary and corporative law appeared. The structure of handicraft used to become more and more specialized. In the eighteenth century, production in the form of manufactories founded on manual labor developed.

The official recognition of the international trade route along the Dzvina was connected with that the main partners of the Western Dzvina basin including Vitebsk with its *volasc* were determined as contractors of the west-European merchants (early thirteenth century). In the 13th–first half of the 14th century Riga and Polack took the leading role in commercial changing between the West and the East. Wax and furs used to be the main articles of export.

In the late 14th–first half 15th century the region of north-eastern Belarus was oriented to trade with Lands of Tver and Novgorod. In the nomenclature of export wood and agricultural produce predominated. In terms of all the sixteenth century Vitebsk has gradually become more and more significant as commercial centre and the radius of domestic trade has been determined. In the 17th–18th centuries the town got the status of the leading trading centre in Belarus Dzvina region which had a wide network of links. Orša was both an important centre of international transit trade and had the right to stocks and of domestic trade in frames of its district (*pavet*). Among the local centres Škłou was quite significant one. In the course of all the period export predominated over import. That fact contributed to flourishing of local merchants, to creation of trading companies and trading houses which united in 1738 into Vitebsk Merchant Council with a mature professional statue.

While researches on the topic under study the foundations of several churches and monastery buildings of 17th–19th centuries which have not been preserved were investigated by the author in Vitebsk and Orša for the first time. In the result, separate chronological stages in their erection and re-building were defined. It was established that monastery buildings of Holy Spirit monastery in Vitebsk had been constricted into two stages. The first stone buildings appeared in the eighteenth century. The widening of the monastery's building took place in the nineteenth century. In Orša in the second part of the seventeenth century a stone cathedral church of God's Mother's Nativity was constructed. The wooden cathedral of Epiphany in Kutejna monastery had stone underground part and in the nineteenth century a gallery around the church was built. Investigation of constructions of monastery's gate with a bell-tower showed that originally (in the seventeenth century) it was wooden, in the next century the lower level of the bell-tower was made of brick and in the nineteenth century all the building became stone.

The study of church buildings in the administrative centres gave the opportunity to discover parochial cemeteries of the medieval and early modern periods. They were situated by the churches so as included burials set inside the churches. All that made it possible to examine the character of burials belonging to different religious communities.

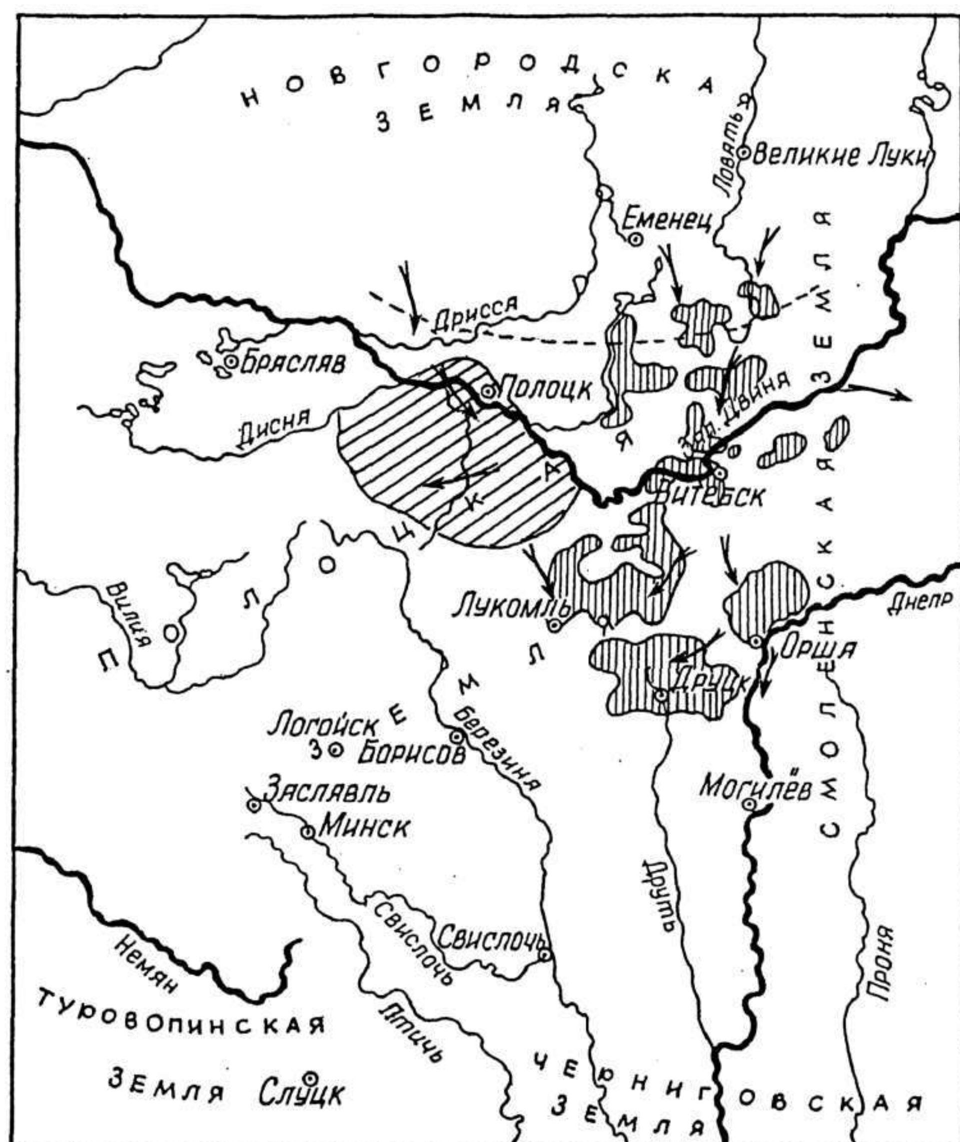

Рис. 1. Зоны скопления поселений последней четверти I тысячелетия н. э.

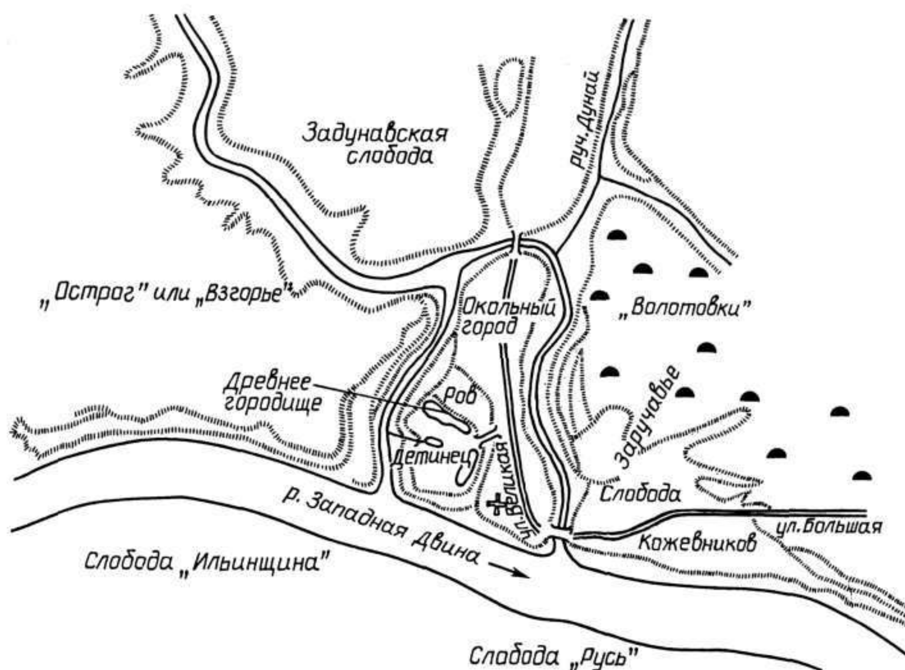

Рис. 2. Реконструкция древнейшей топографии Витебска, проведенная Л. В. Алексеевым

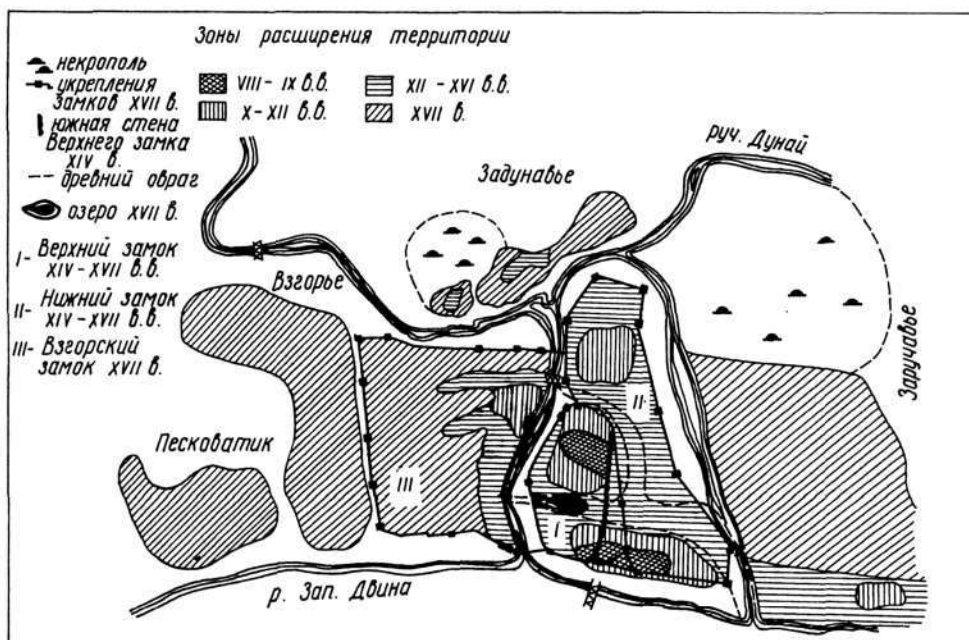

Рис. 3. Древнейший рельеф исторической части Витебска и зоны расширения его территории (реконструкция О. Н. Левко)

■ – Городища ● – Селища ▲ – Могильники ✢ – Культовые объекты

Рис. 4. Археологические памятники VIII—XI вв. Витебского Подвинья

Рис. 5. Витебск — племенной центр (реконструкция О. Н. Левко)

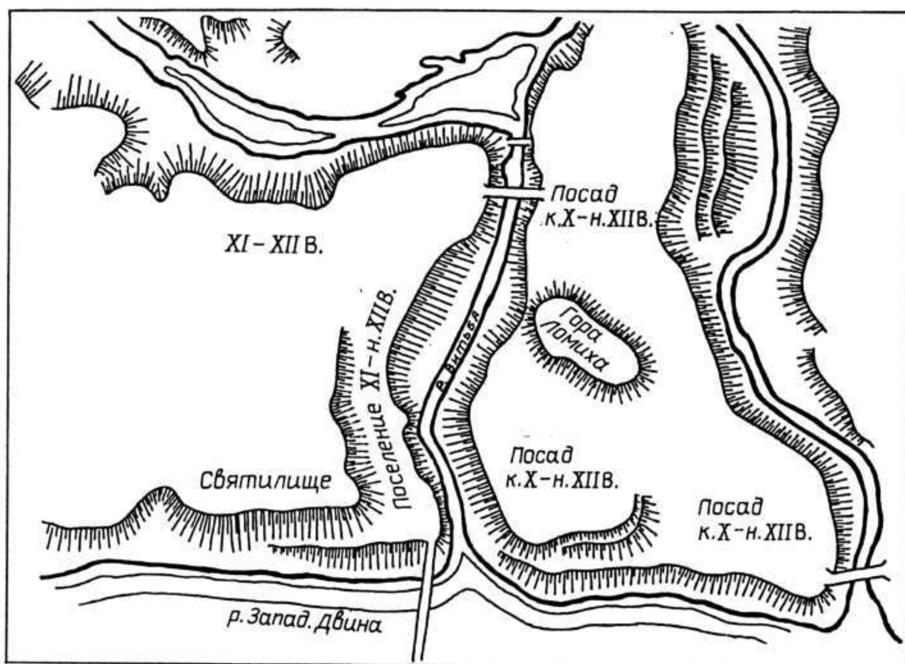

Рис. 6. Витебск — центр волости. Конец X — начало XII в. (реконструкция О. Н. Левко)

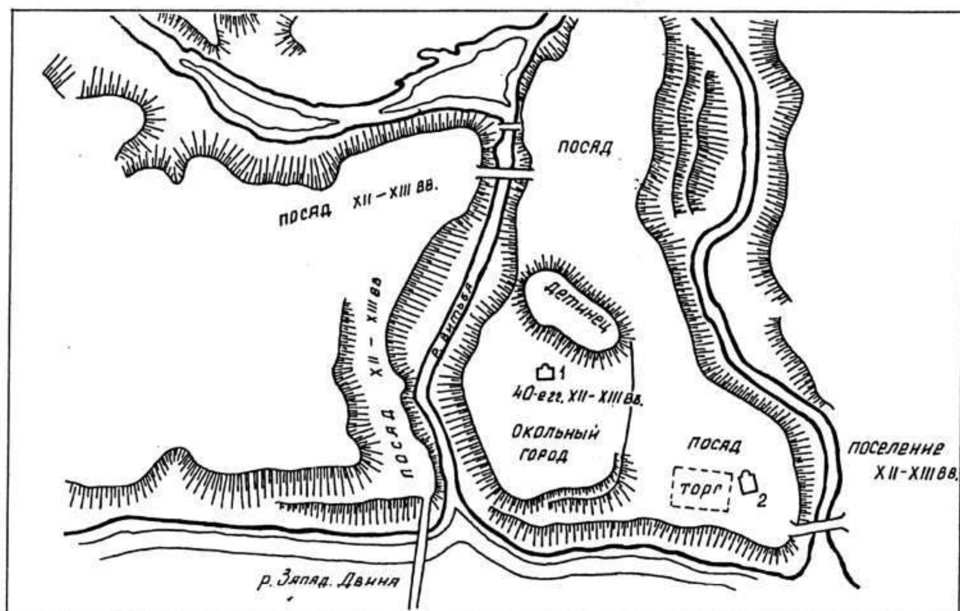

Рис. 7. Витебск — центр удела (реконструкция О. Н. Левко): *1* — церковь Св. Михаила, *2* — церковь Благовещения

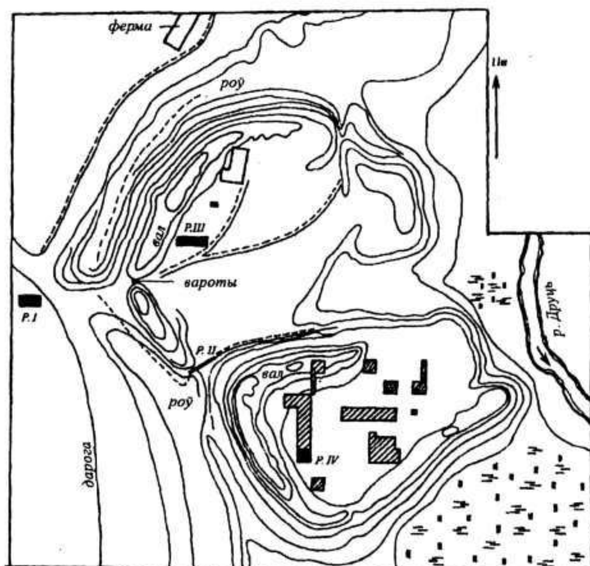

Рис. 8. Друцкий замок (реконструкция Л. В. Алексеева) с обозначенными раскопами О. Н. Левко

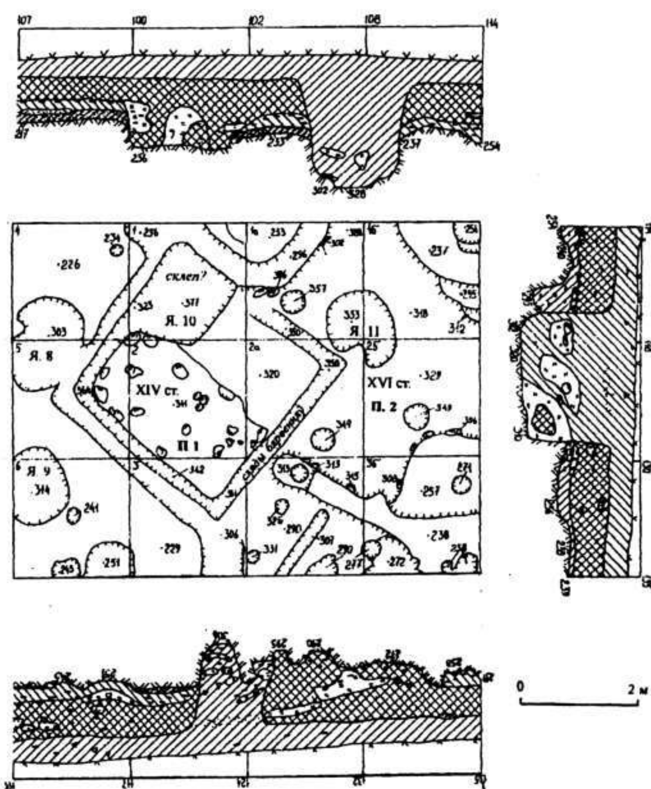

Рис. 9. План и профили построек XIV—XVI вв. в окольном городе Друцка (раскопки О. Н. Левко)

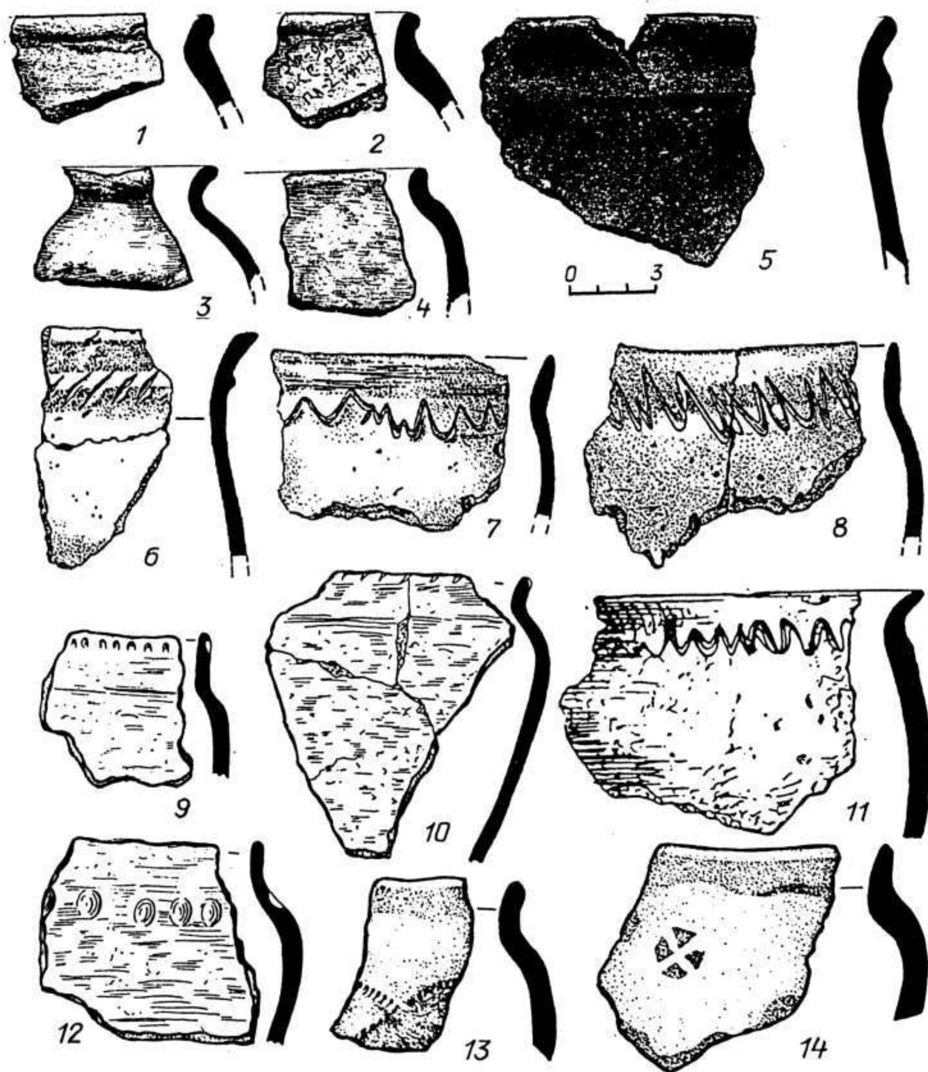

Рис. 10. Керамика VIII—X вв.: *1—5* — Друцк; *6—8* — Кисели; *9—14* — Витебск

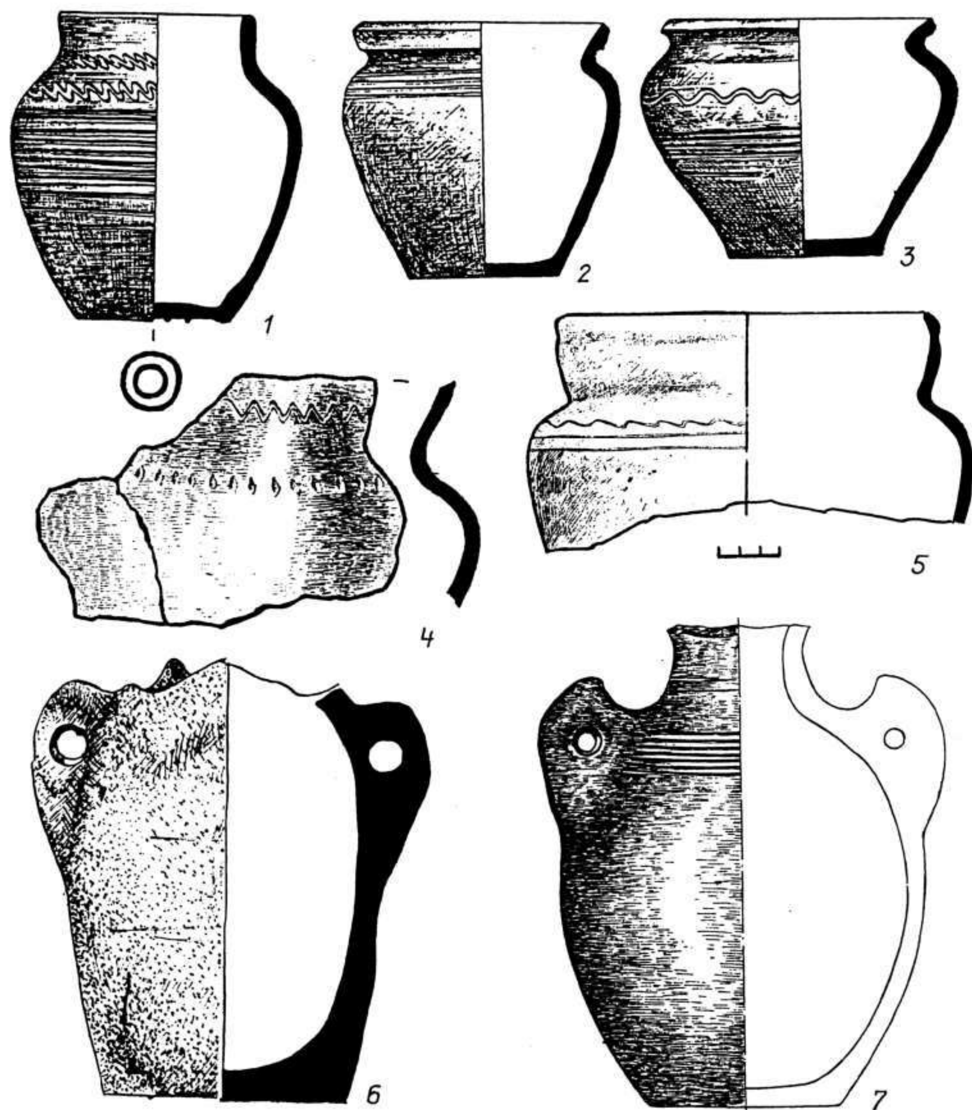

Рис. 11. Керамика X—XI вв.: *1—3* — Дроздово; *4* — Витебск; *5* — Копысь; *6* — Черкасово; *7* — Друцк

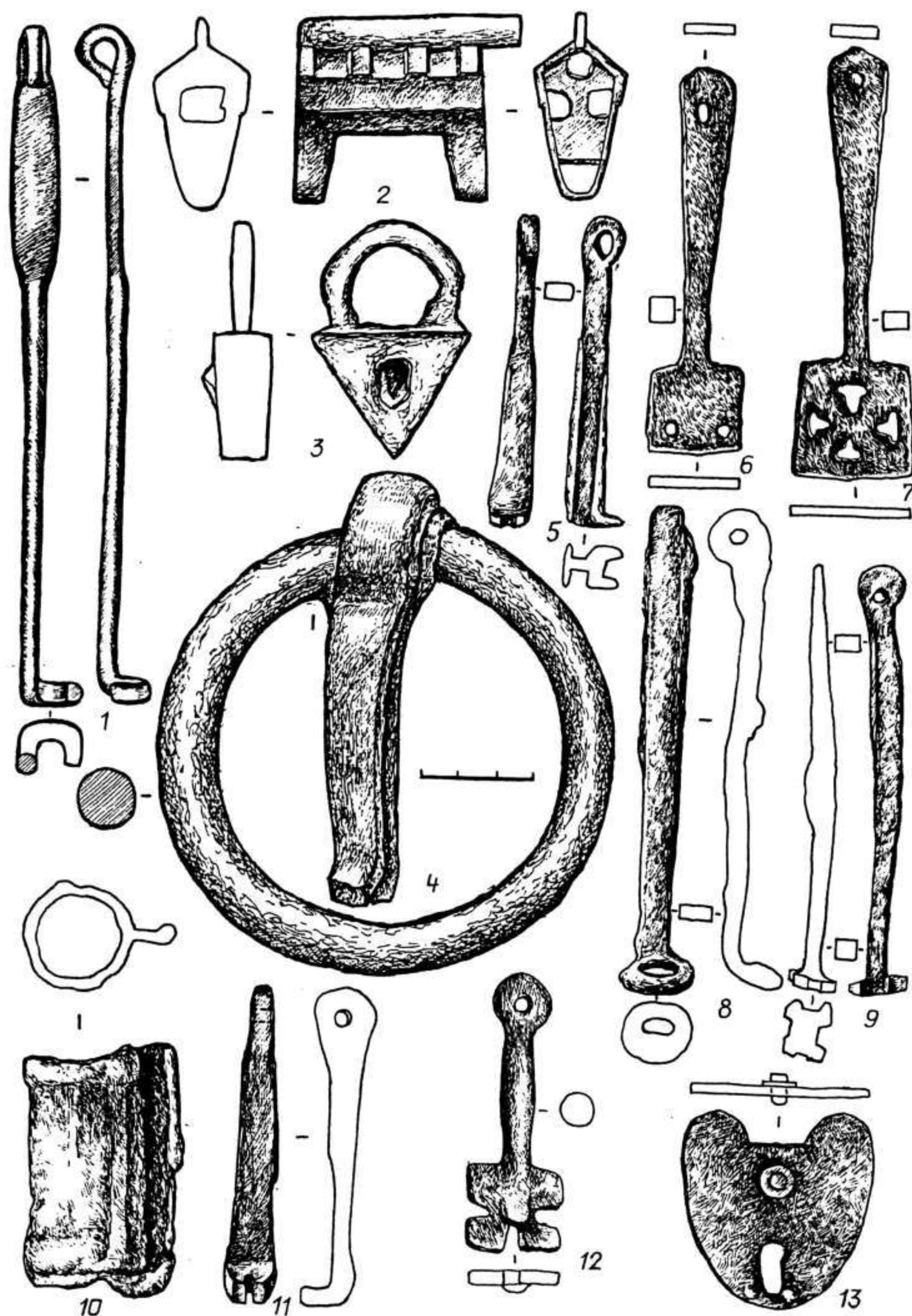

Рис. 12. Ключи, замки, дверное кольцо X—XVI вв.: *1—4* — Дубровно; *5—13* — Друцк (раскопки О. Н. Левко)

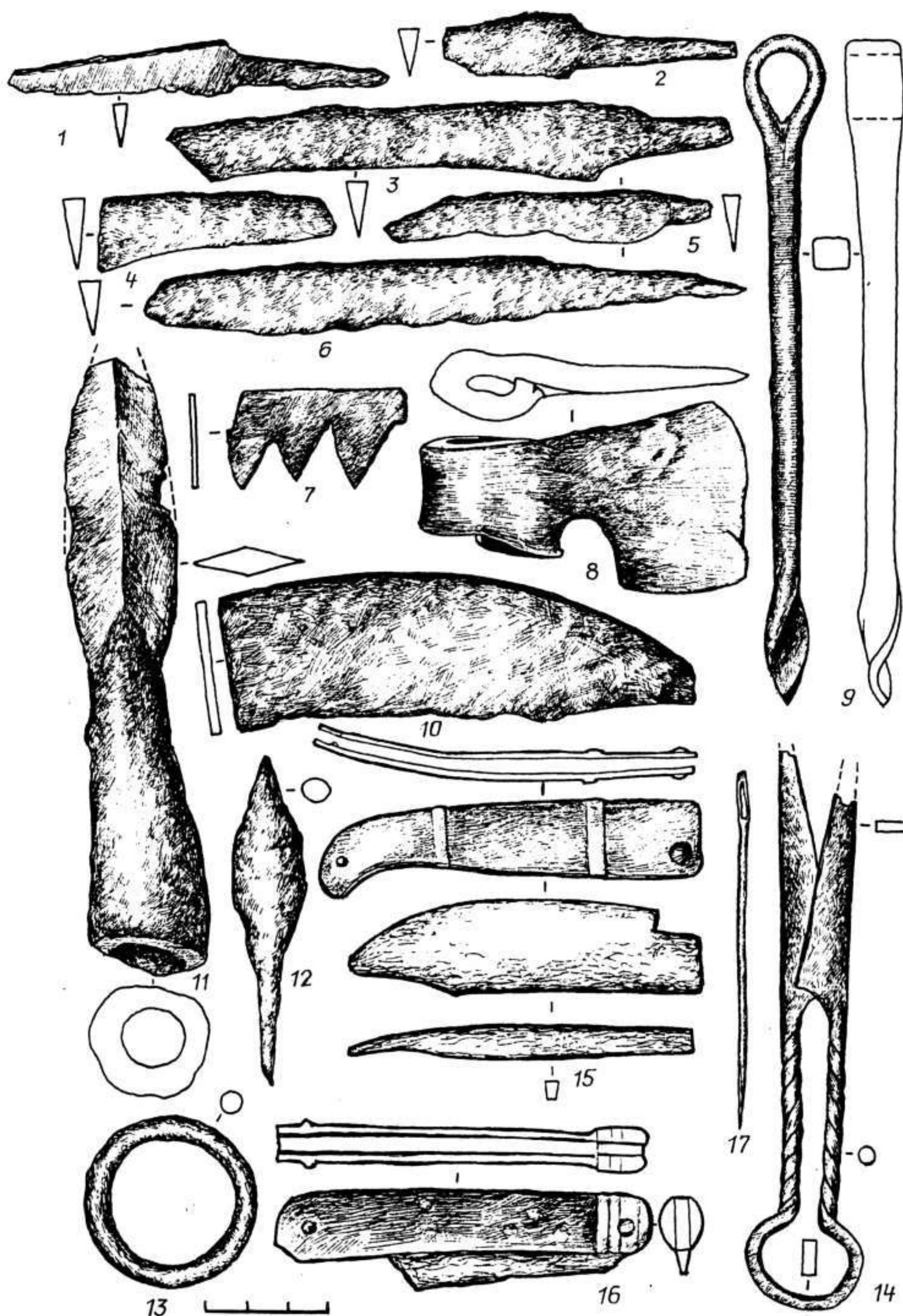

Рис. 13. Изделия из железа X—XVI вв.: *1—14* — Друцк; *15—17* — Дубровно; *17* — бронза (раскопки О. Н. Левко)

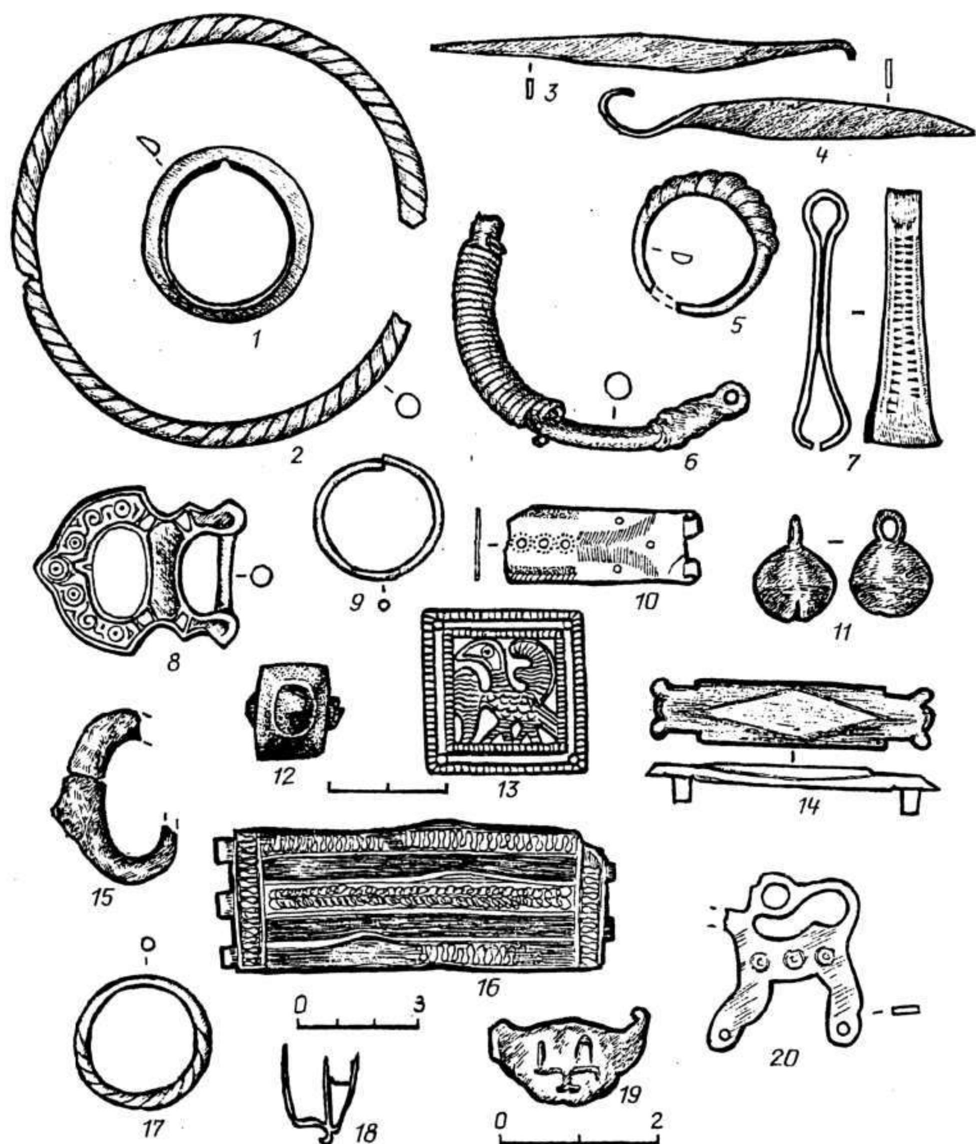

Рис. 14. Друцк. Изделия X—XII вв. из цветного металла: *1—15*, *17*, *20* — раскопки О. Н. Левко; *16—19* — раскопки Л. В. Алексеева

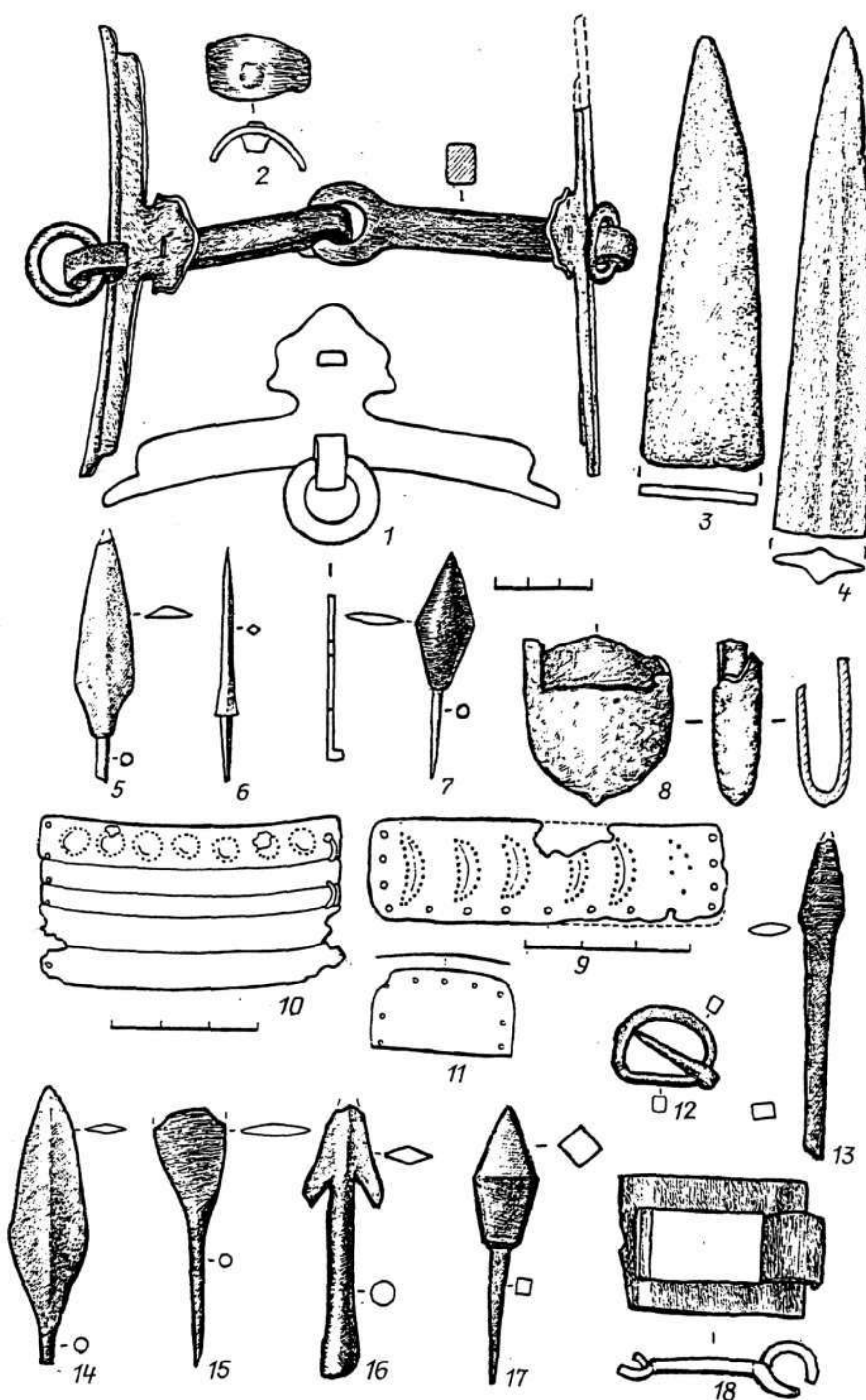

Рис. 15. Оружие, снаряжение всадника и коня XII—XVII вв.: *1*, *9—18* — Друцк; *2—8* — Дубровно (*1—8*, *12—18* — раскопки О. Н. Левко, *9—11* — раскопки Л. В. Алексеева)

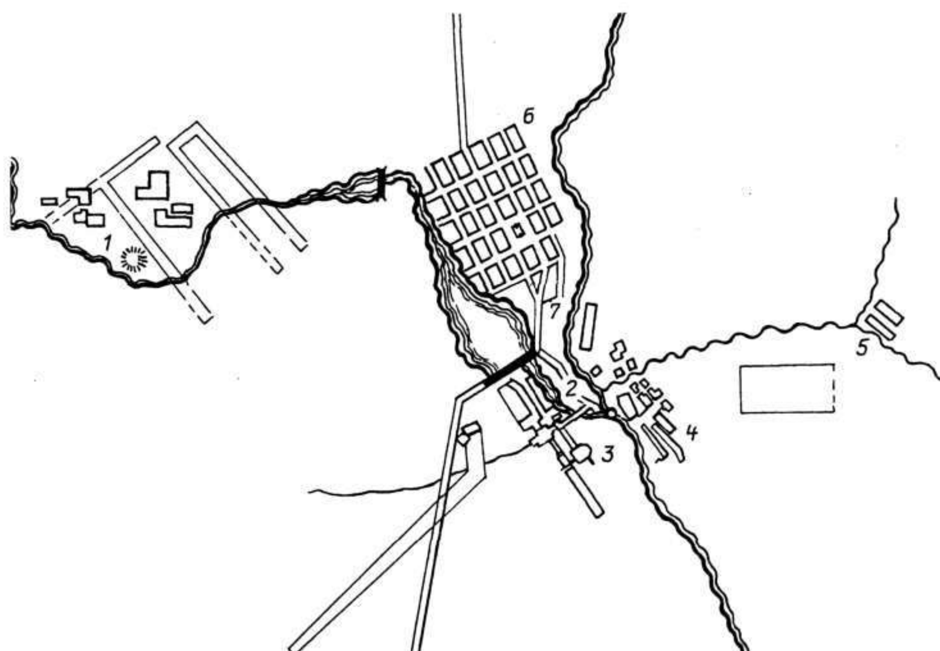

Рис. 16. Реконструкция местоположения Шклова XIV—XVIII вв.: *1* — городище Старый Шклов, *2* — «место Шкловское» с замком, *3* — слобода Рыжковичи, *4* — предместье Заднепровское, *5* — слобода Ходулы, *6* — Новый Шклов, *7* — усадьба Чарторыйских (по М. Б. Топольской и О. Н. Левко)

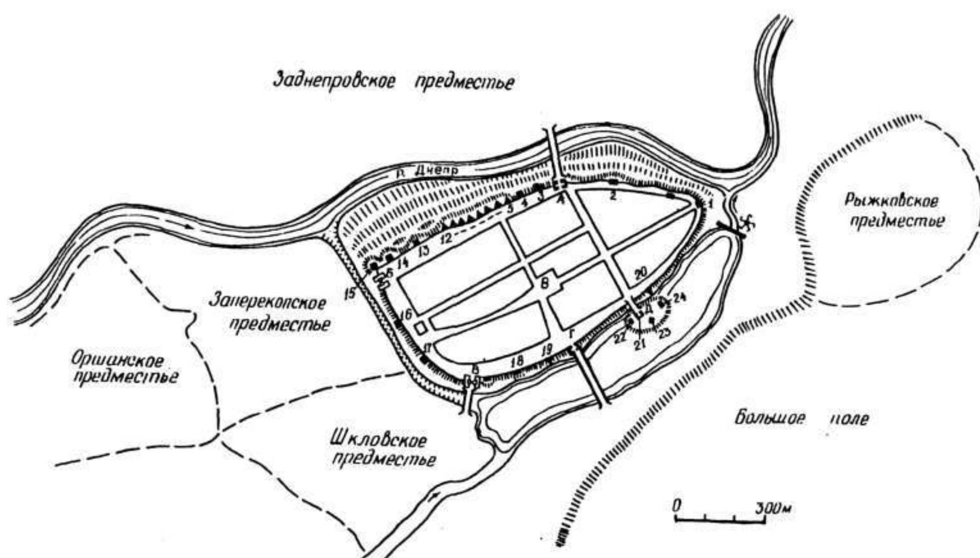

Рис. 17. Реконструкция Шклова с замком XVII в. М. А. Ткачева

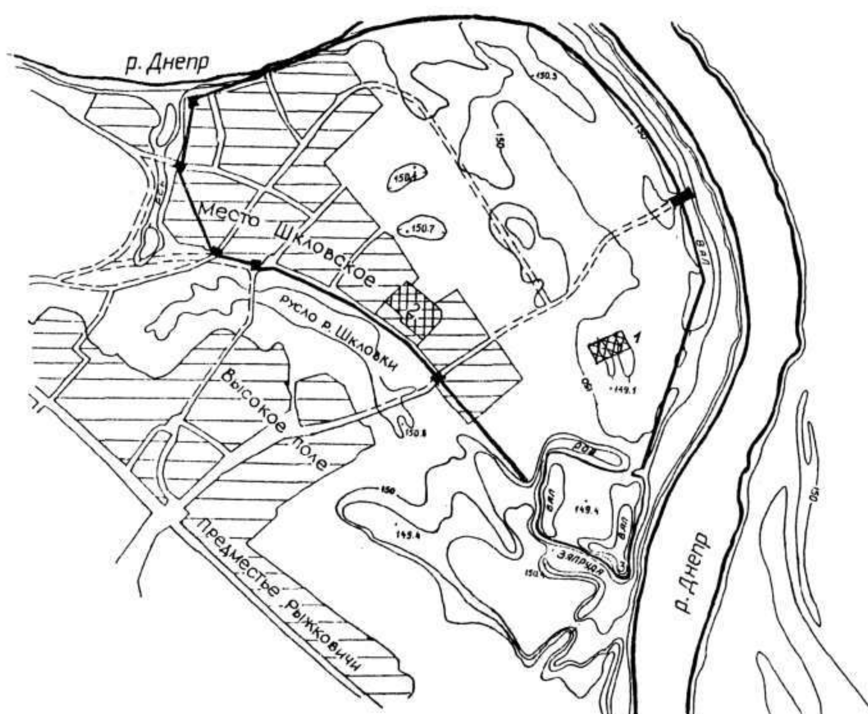

Рис. 18. «Место Шкловское» с замком второй половины XVI — первой половины XVIII в. (реконструкция О. Н. Левко)

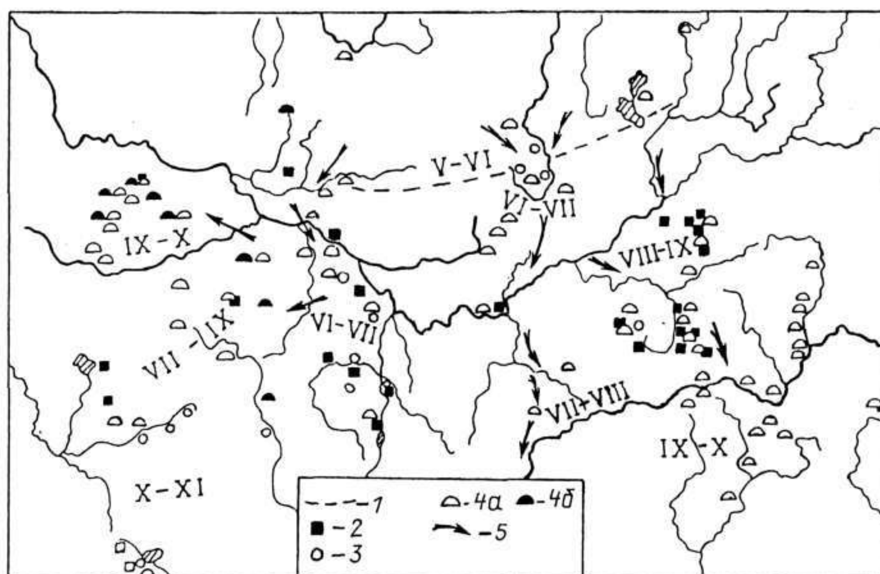

Рис. 19. Направления расселения кривичей в Днепро-Двинском междуречье: *1* — южная граница псковских кривичей V—VI вв., *2*, *3* — поселения (городища, селища) второй половины I тысячелетия н. э., *4а* — могильники культуры длинных курганов, *4б* — курганы с ингумацией и лепной керамикой XI в., *5* — направления движения кривичей

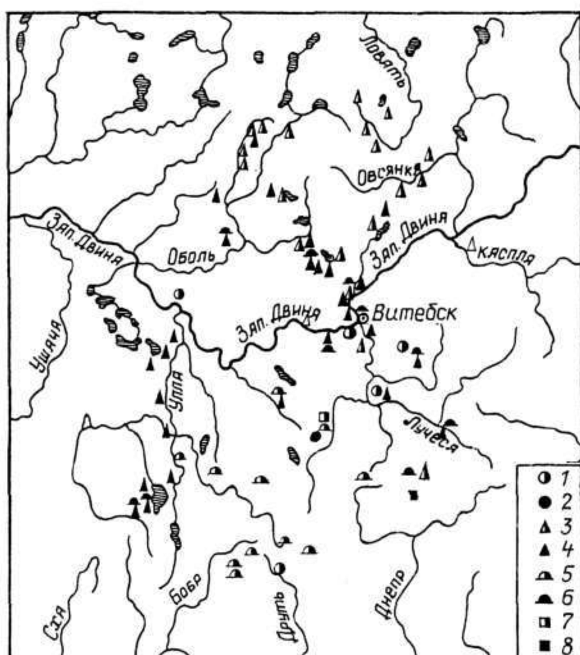

Рис. 20. Народные названия курганов северо-востока Беларуси (по З. М. Сергеевой): *1* — связаны с событиями 1812 г., *2* — «осилкова могила», *3* — «сопка», *4* — «волотовка», *5* — «копцы», *6* — производные от «волотовка», *7* — производные от «копцы», *8* — «колотовка»

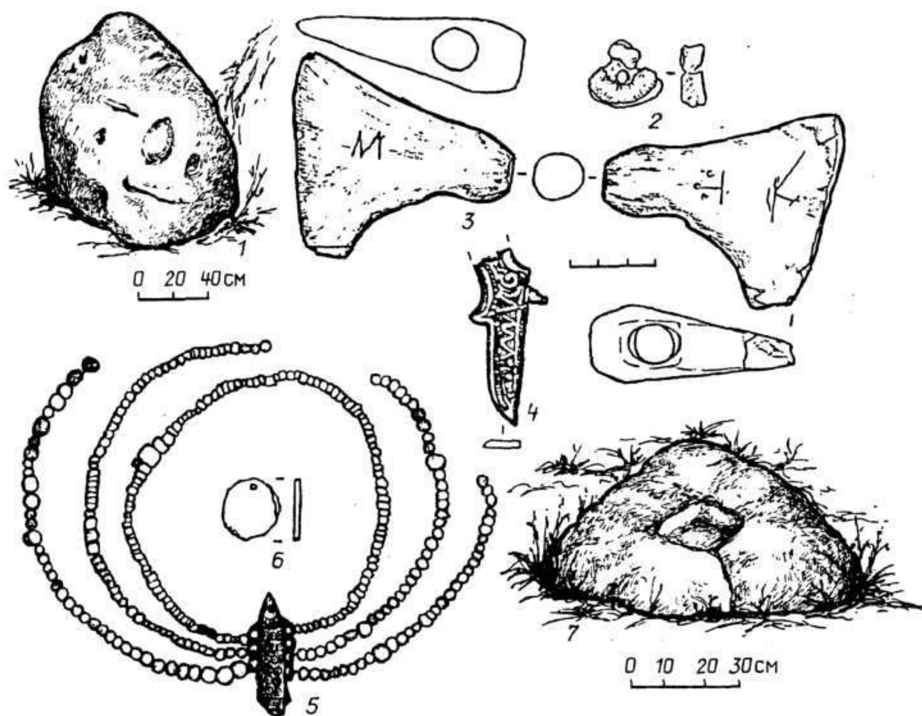

Рис. 21. Культовые камни и предметы из Витебского Подвинья: *1*, *7* — камни с городища Новый Болецк; *2—6* — предметы из Витебска (*2*, *3*, *6* — раскопки О. Н. Левко; *4*, *5* — раскопки Т. С. Бубенько)

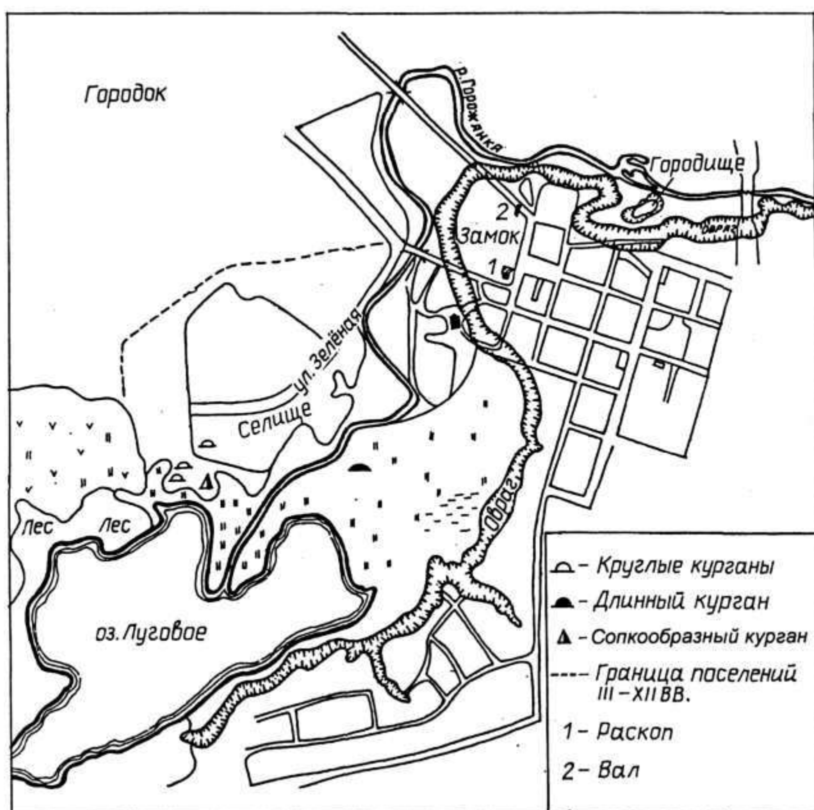

Рис. 22. Размещение средневековых объектов на территории г. п. Городок

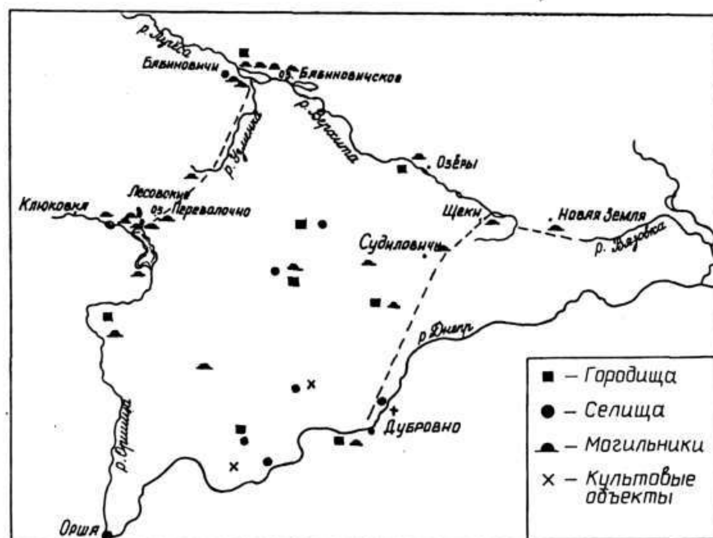

Рис. 23. Археологические памятники VIII—X вв. Оршанского Поднепровья (по З. М. Сергеевой и А. Н. Шинкевичу)

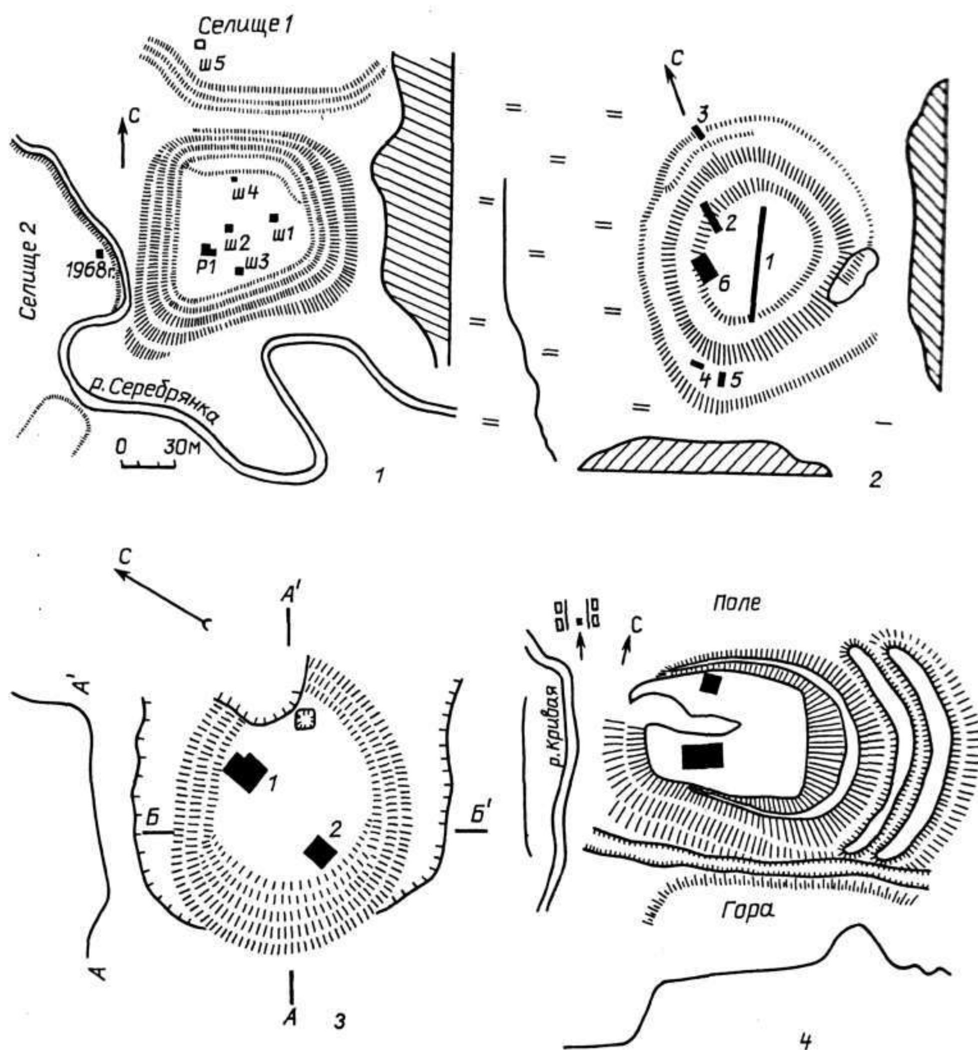

Рис. 24. Укрепленные поселения Оршанского Поднепровья: *1* — городище Старый Шклов; *2* — городище Черкасово; *3* — городище Устье; *4* — городище Кисели (Дымокуры)

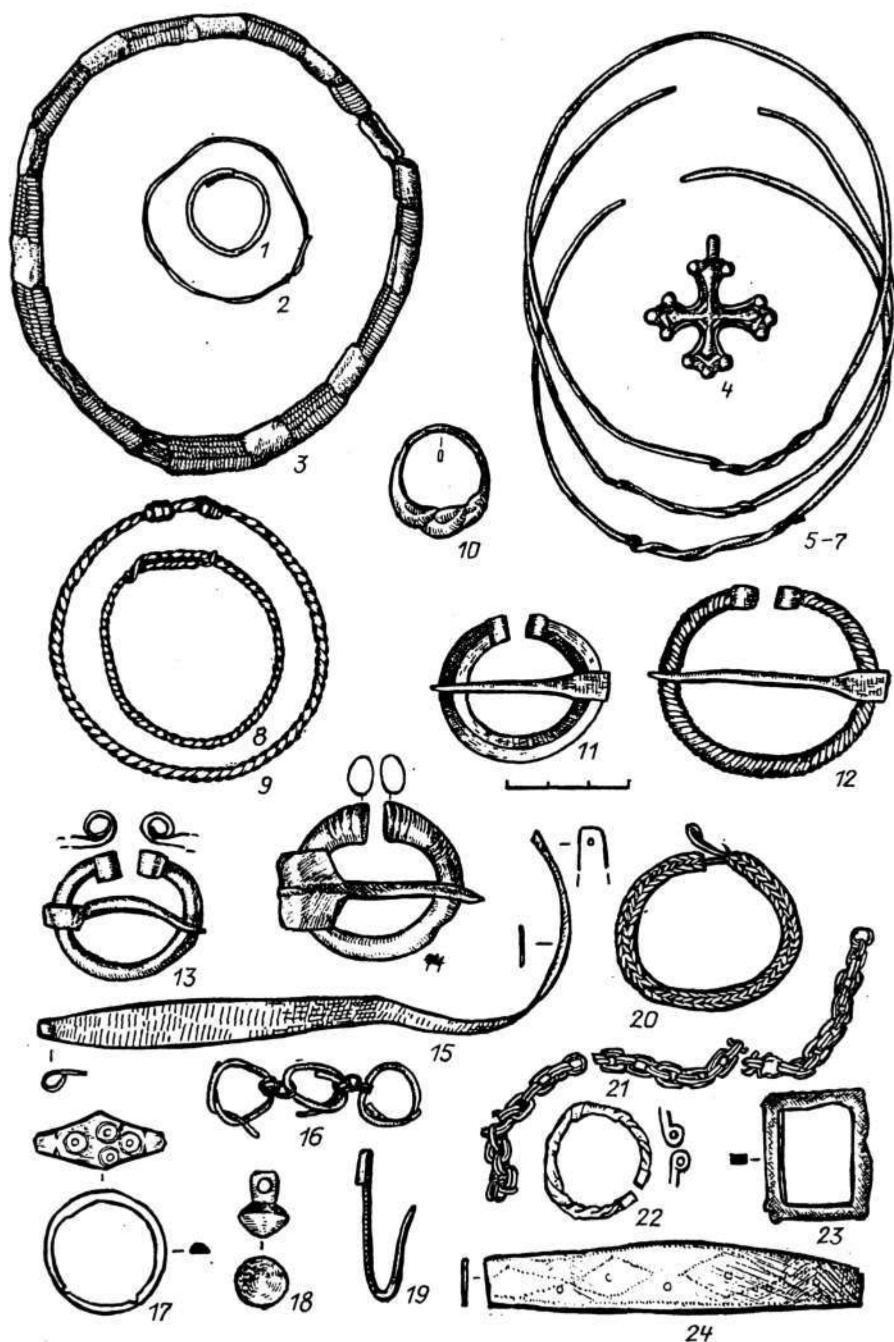

Рис. 25. Изделия из цветного металла (погребения и поселения Оршанского Поднепровья X—XII вв.): *1*, *4—9*, *11*, *12*, *16*, *19* — Дроздово; *2*, *3* — Дымово; *10*, *13—15*, *24* — Кисели; *17*, *18*, *23* — Старый Шклов; *20—22* — Копысь

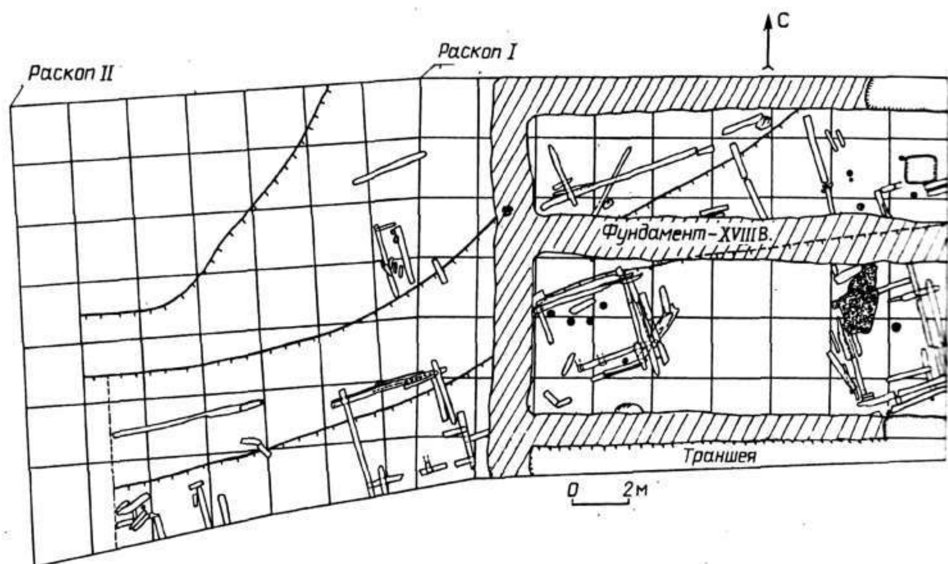

Рис. 26. Конструкции нижнего слоя в раскопах I, II по ул. Толстого, 5 в г. Витебске (раскопки О. Н. Левко)

Рис. 27. Печати, пломбы и гербы X—XVIII вв.: *1* — печать Изяслава Владимировича (Полоцкого); *2* — печать Витебска XV — начала XVI в.; *3, 4* — печати Витебска 1559, 1599 гг.; *5, 6* — печати Витебской ратушной канцелярии 1669, 1684 гг.; *7, 8* — гербы Орши 1620 г., 1780-х гг.; *9* — герб Шклова 1762 г.; *10* — пломба витебского воеводы XVII в.

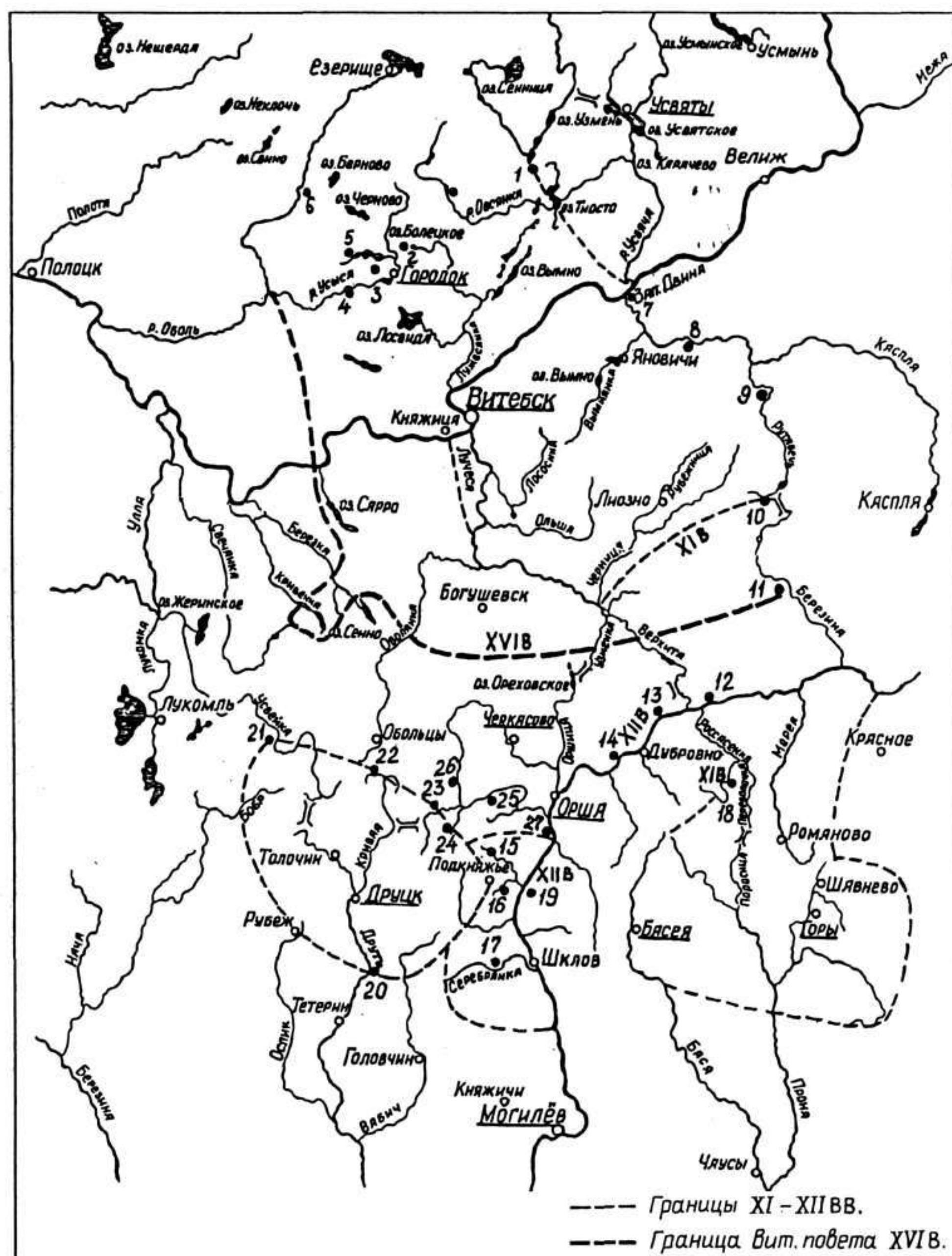

Рис. 28. Рубежи волостей и погостов X—XII вв.: *1* — Межа, *2* — Новый Болецк, *3* — Смольки, *4* — Козиново, *5* — Погост, *6* — Кисели («Пристань»), *7* — Сураж, *8* — Кошевичи, *9* — Ковали, *10* — Микулино, *11* — Приволье, *12* — Гончарово, *13* — Германы, *14* — Стражево, *15* — Зубревичи, *16* — Межник, *17* — Старый Шклов, *18* — Вежки, *19* — Копысь, *20* — Тетерин, *21* — Высокий Городец, *22* — Межеево, *23* — Кисели (Дымокуры), *24* — Дятлово, *25* — Погост, *26* — Репухово, *27* — Устье

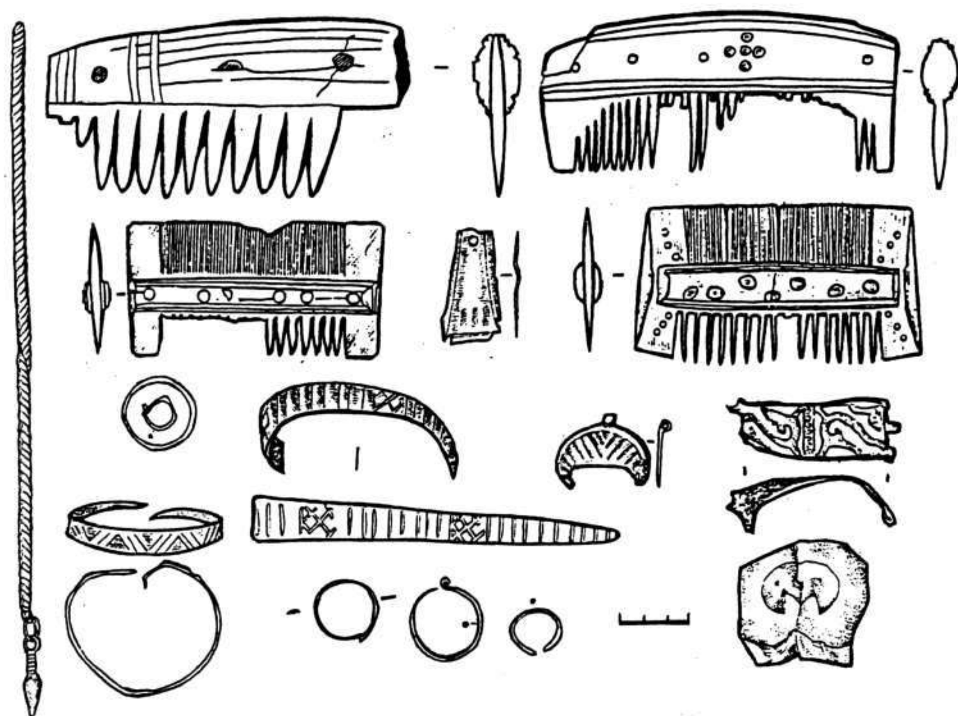

Рис. 29. Украшения и предметы обихода X—XIV вв.

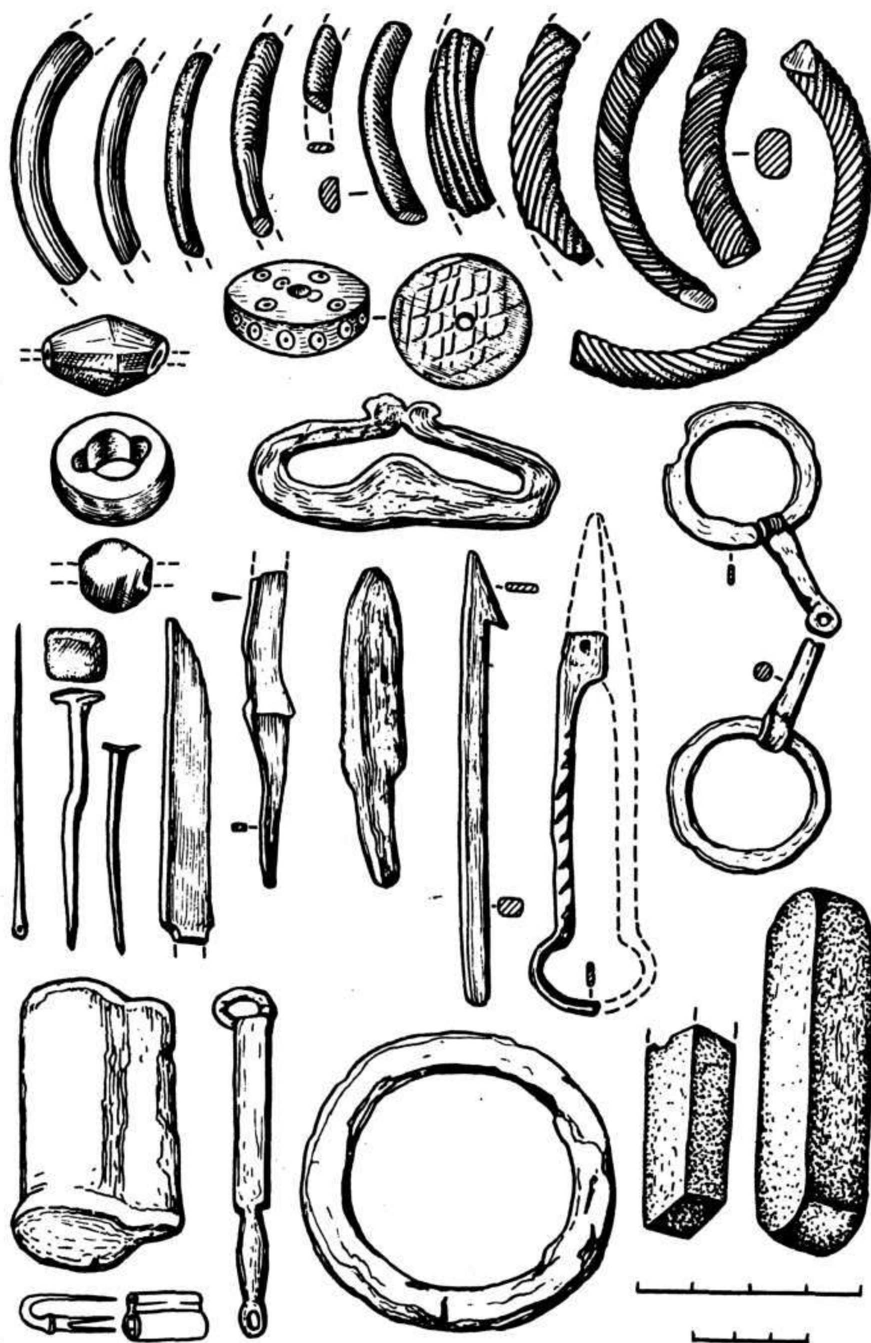

Рис. 30. Предметы нижних напластований Оршанского городища (по А. Н. Лявданскому)

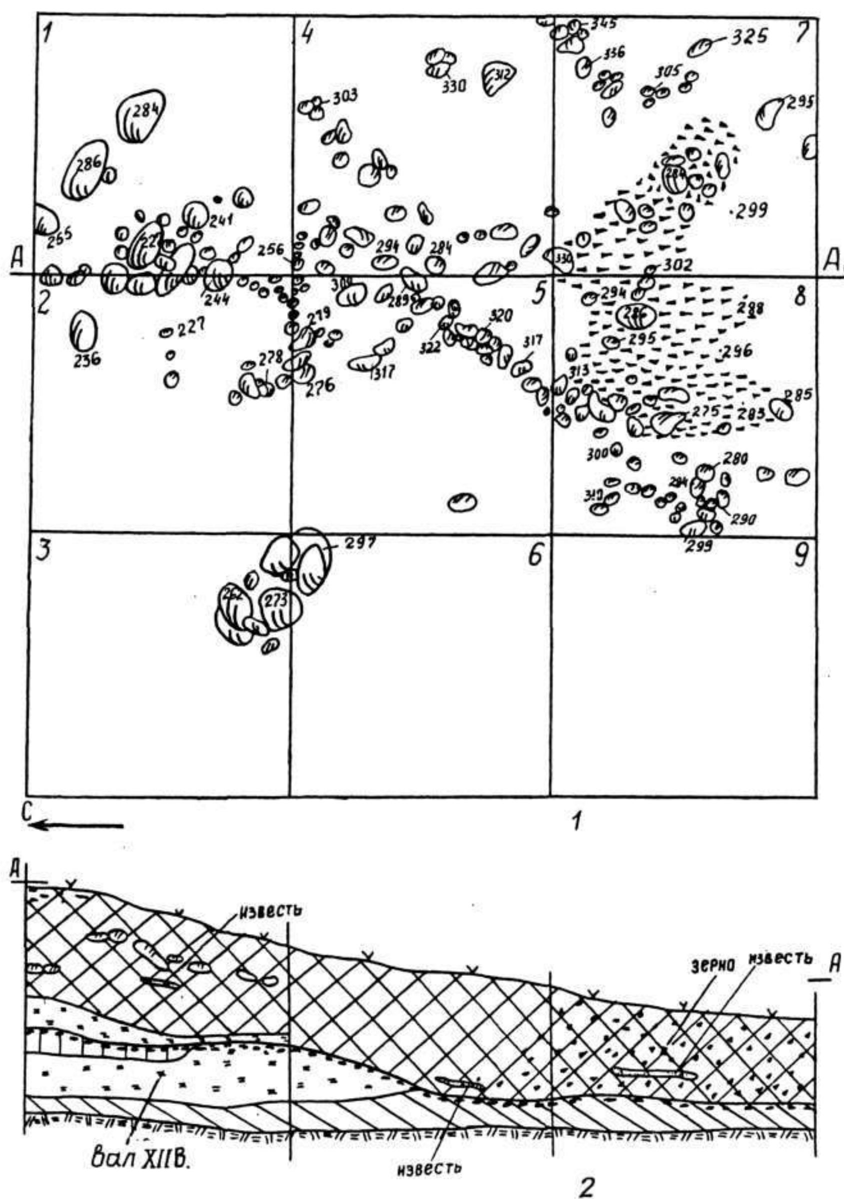

Рис. 31. Орша, 1988 г., раскоп V: *1* — план раскопа с каменной отмосткой вала (XIV в.); *2* — профиль раскопа, фиксирующий ядро вала XII в.

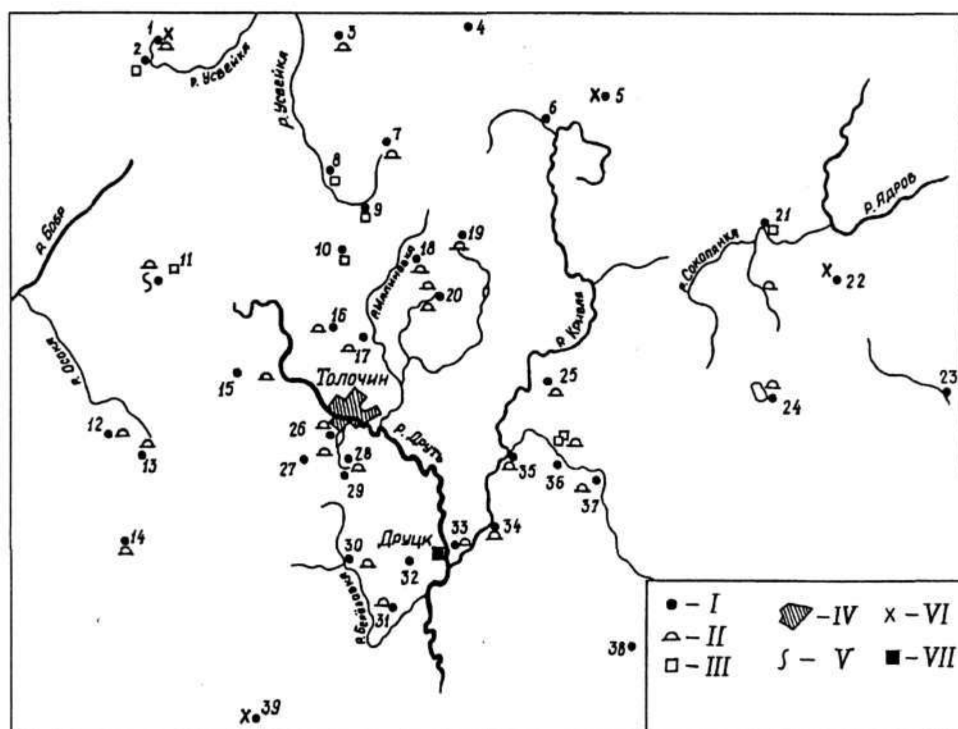

Рис. 32. Территория Друцкой волости X—XII вв.: I — современные населенные пункты, II — курганные могильники, III — городища, IV — Толочин, V — змеев вал, VI — пограничные пункты волости, VII — Друцк; *1* — Новый Городец, *2* — Высокий Городец, *3* — Узносное, *4* — Обольцы, *5* — Межеево, *6* — Видиничи, *7* — Ревятичи, *8* — Городище, *9* — Старое Соколино, *10* — Усвяж Бук, *11* — Козки, *12* — Латыговка, *13* — Новинка, *14* — Словени, *15* — Муравничи, *16* — Конопельчицы, *17* — Катужино, *18* — Скавышки, *19* — Узгой, *20* — Дроздово, *21* — Кисели, *22* — Дятлово, *23* — Зубревичи, *24* — Голошево, *25* — Замошье, *26* — Старый Толочин, *27* — Загородье, *28* — Слободка, *29* — Красная Горка, *30* — Сурновка, *31* — Арава, *32* — Селец, *33* — Синчуки, *34* — Реучье, *35* — Волковичи, *36* — Багриново, *37* — Воронцевичи, *38* — Дудаковичи, *39* — Рубеж

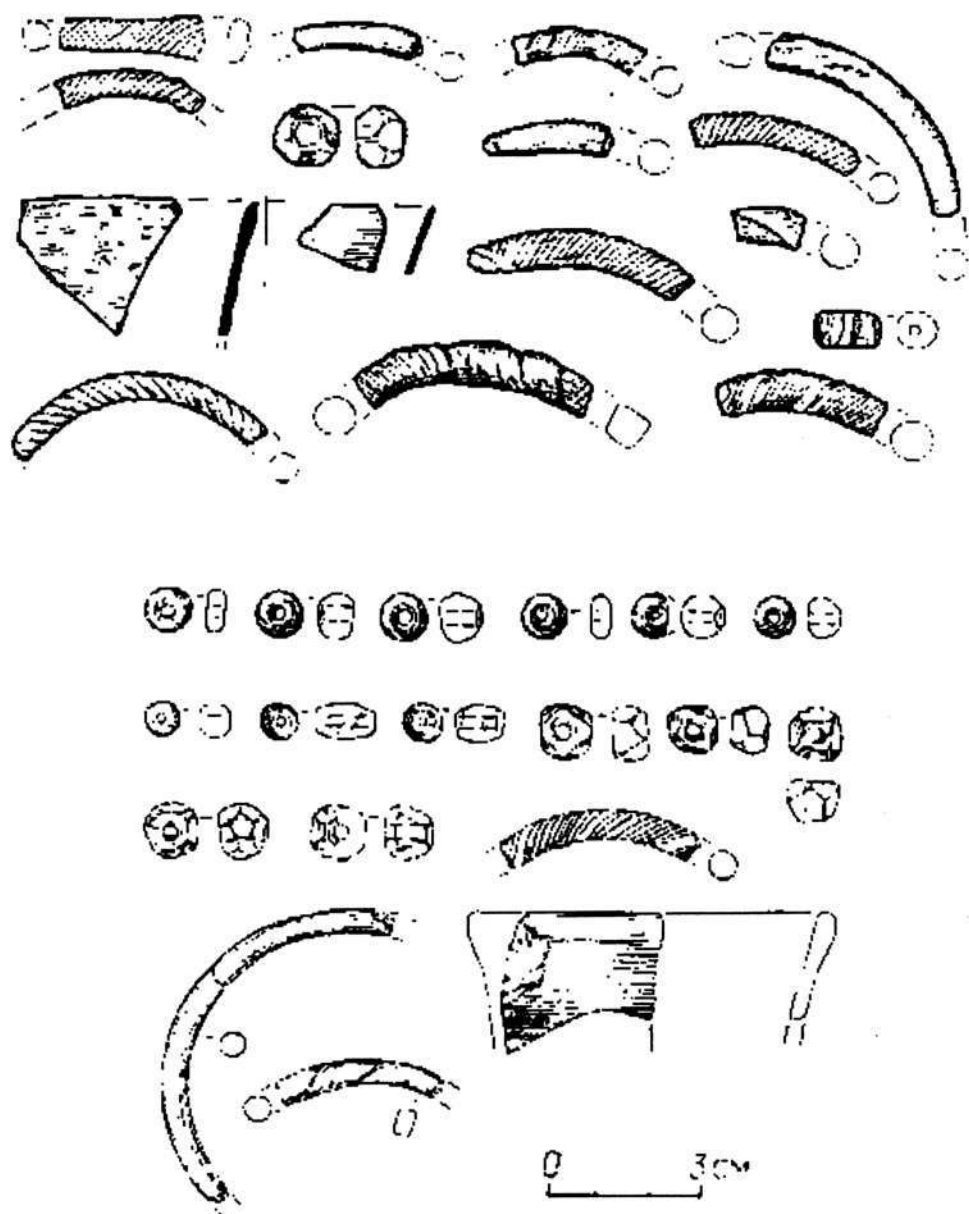

Рис. 33. Стеклянные изделия X—XII вв. с городища у д. Горы (раскопки Ш. И. Бектинеева)

30. Зак. 2024

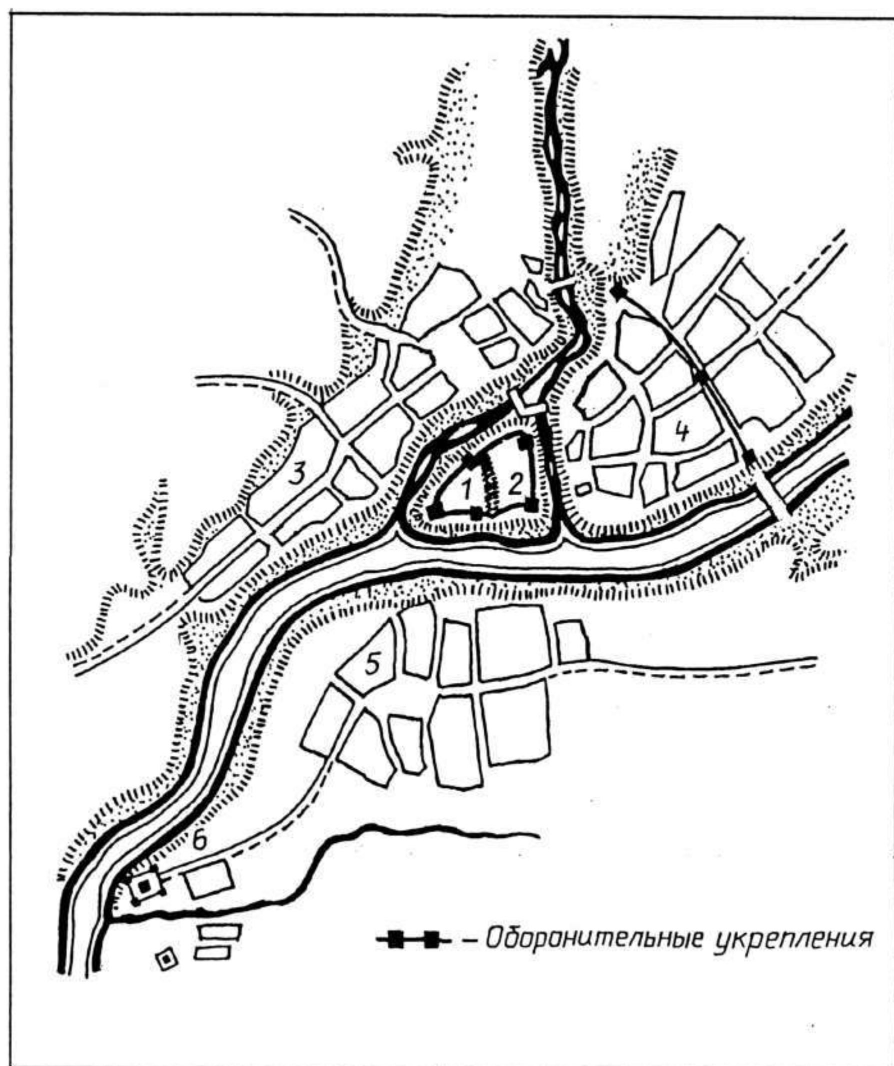

Рис. 34. Орша XVII в. (реконструкция О. Н. Левко): *1* — городище; *1, 2* — замок; *3* — посад Заоршинный; *4* — посад Наднепровский («земляной город»); *5* — слобода Ильинская; *6* — слобода Кутеинская

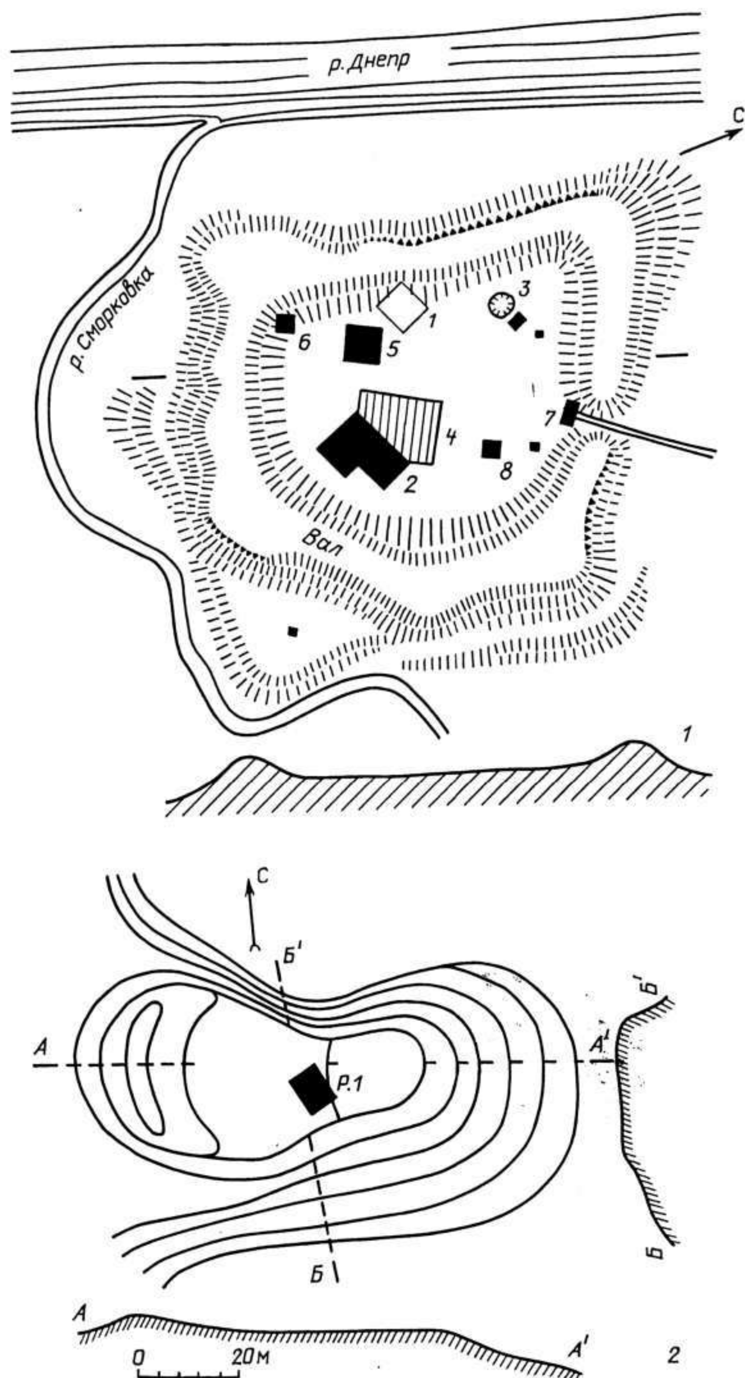

Рис. 35. Планы укрепленных поселений XII в.: *1* — городище Копысь; *2* — городище Стражево

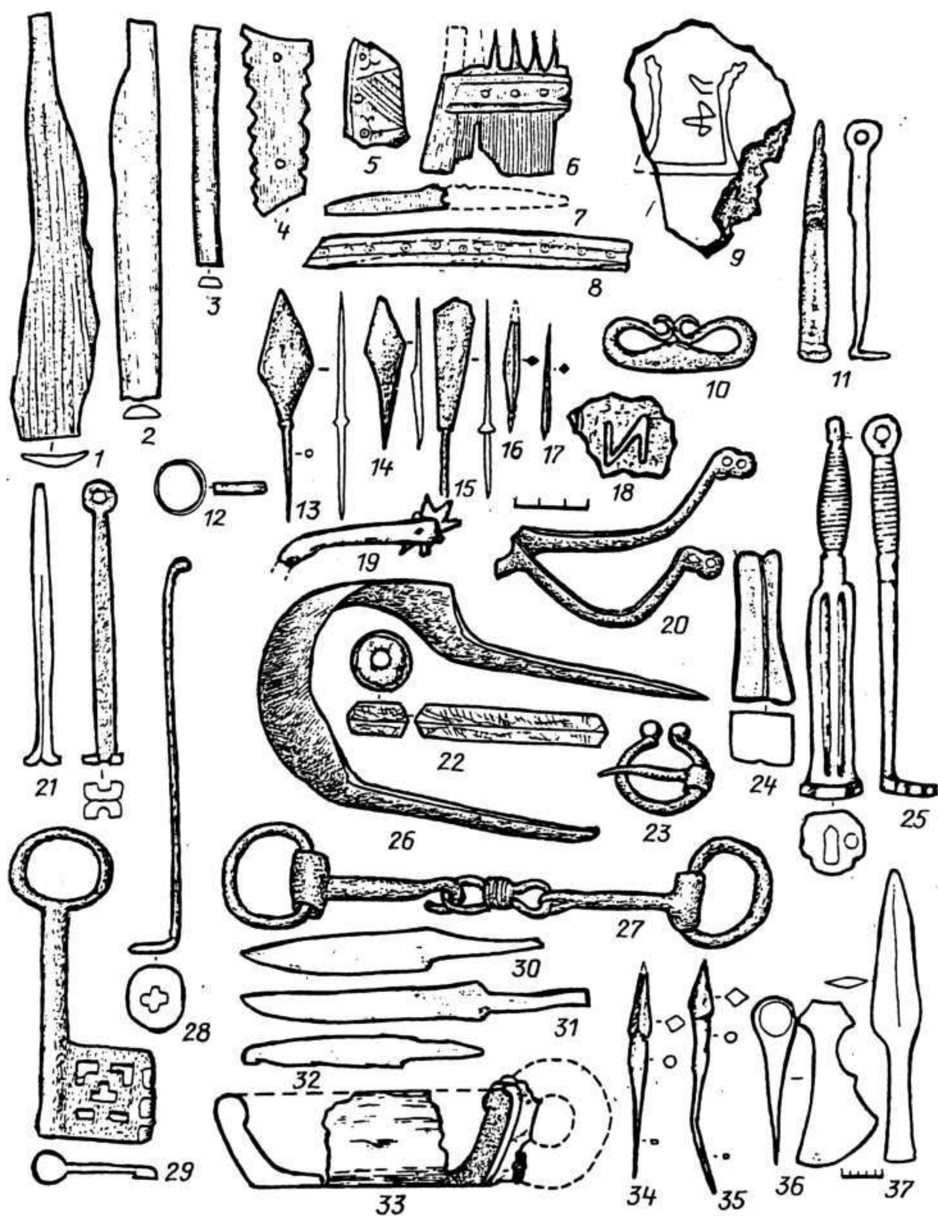

Рис. 36. Предметы с укрепленного поселения в Горах: *1—8, 10, 11, 13—17, 20—23, 26—29* — раскопки М. А. Ткачева, А. А. Метельского; *9, 12, 18, 19, 24, 25, 30—37* — раскопки Ш. И. Бектинеева

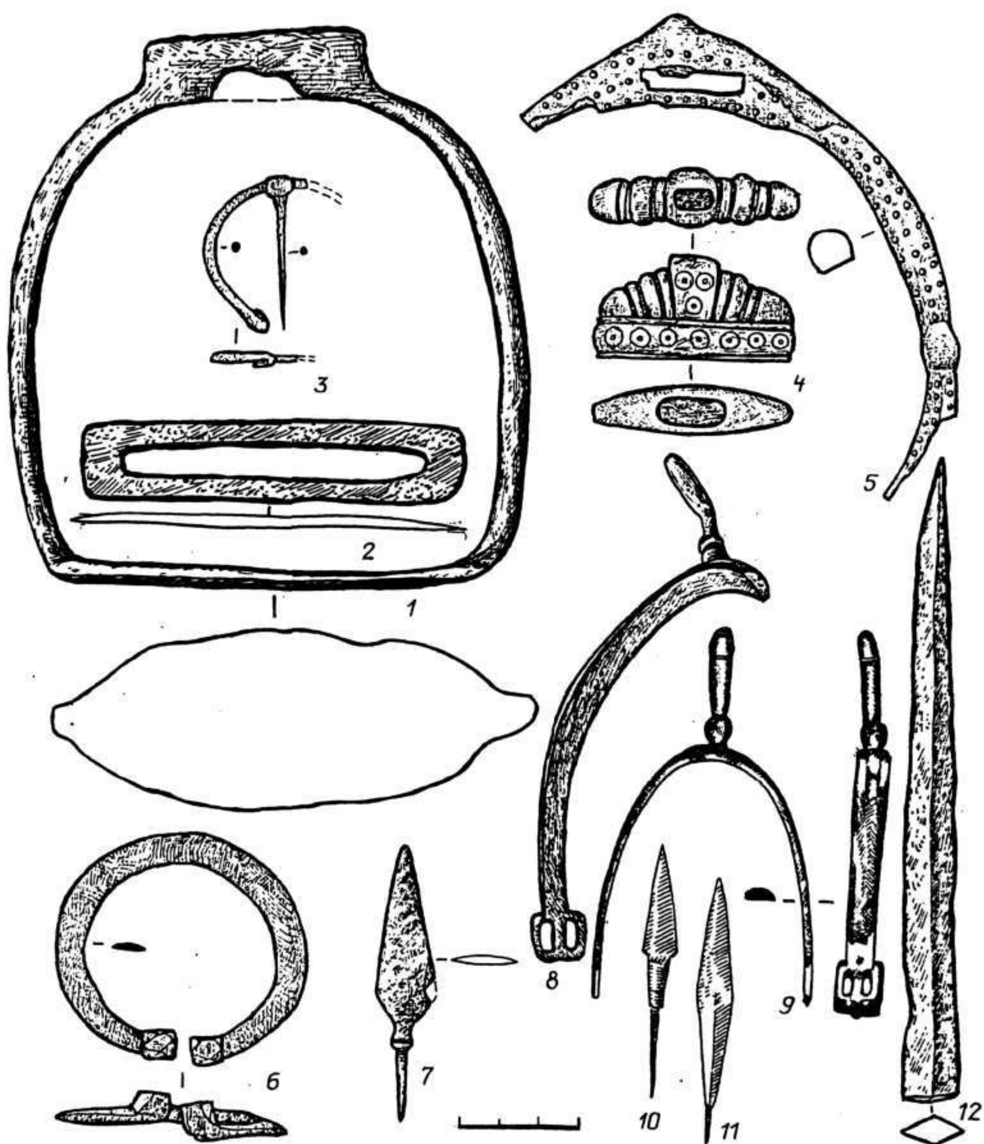

Рис. 37. Предметы из железа и цветного металла: *1—8*, *12* — Устье; *9—11* — Витебск

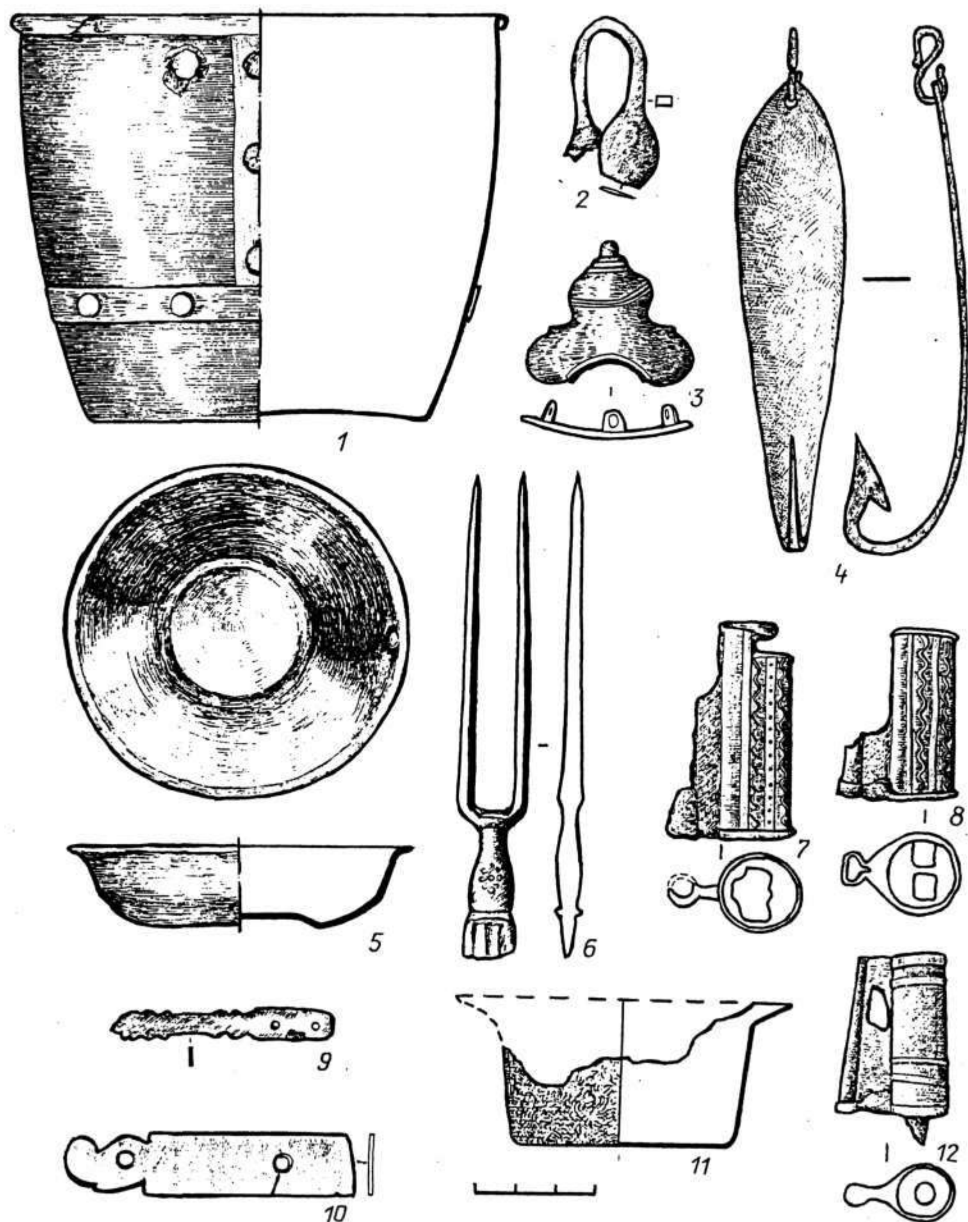

Рис. 38. Изделия из цветных металлов XII—XVI вв.: *1*, *2*, *10* — Друцк; *3* — Шкловский замок; *4*, *7*, *8*, *11*, *12* — Устье; *5*, *6* — Дубровно; *9* — Старый Шклов

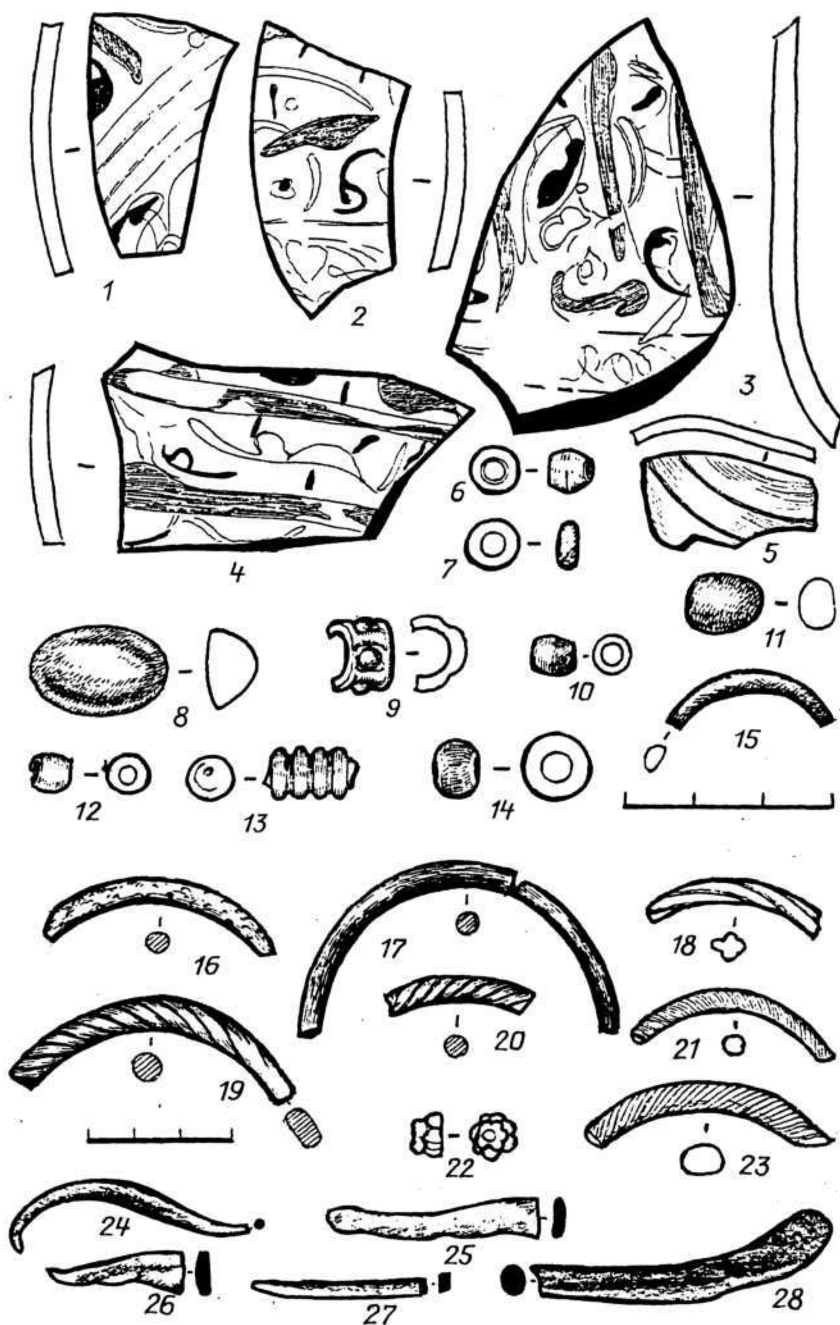

Рис. 39. Изделия из стекла с территории Друцка и Копыси: *1—15, 24—28* — Друцк; *16—23* — Копысь (раскопки О. Н. Левко)

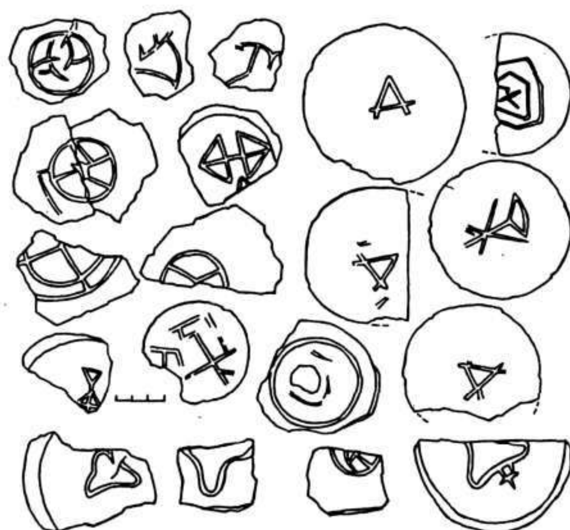

Рис. 40. Клейма на днищах сосудов из Друцка (раскопки О. Н. Левко)

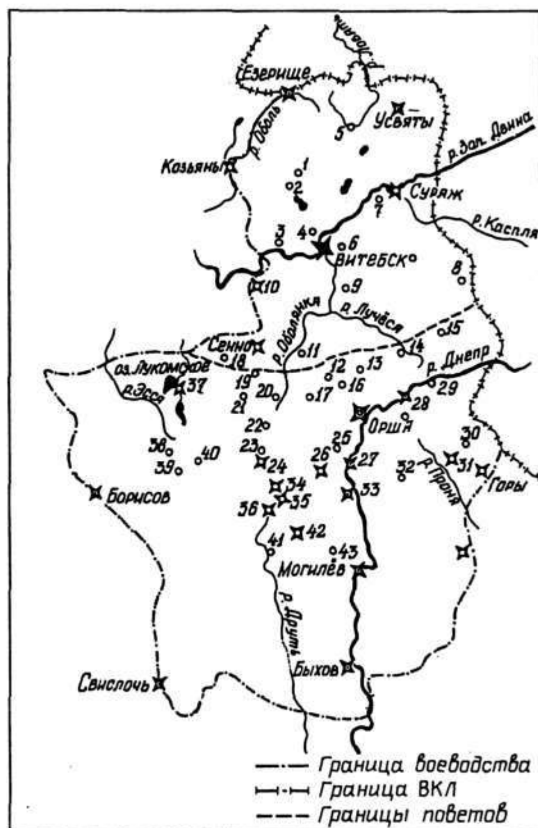

Рис. 41. Территория Витебского воеводства в середине XVI в. (по М. Ф. Спиридонову): *1* — Новый Болецк, *2* — Городок, *3* — Старое Село, *4* — Лужесно, *5* — Межа, *6* — Тулово, *7* — Илемница, *8* — Микулино, *9* — Любашково, *10* — Сорица, *11* — Алексиничи, *12* — Пашково, *13* — Бабино, *14* — Веретея, *15* — Любавичи, *16* — Межево, *17* — Смольяны, *18* — Вядец, *19* — Белица, *20* — Обольцы, *21* — Городец, *22* — Видиничи, *23* — Толочин, *24* — Друцк, *25* — Зубревичи, *26* — Староселье, *27* — Копысь, *28* — Дубровно, *29* — Росасна, *30* — Романово, *31* — Шишево, *32* — Басея, *33* — Шклов, *34* — Круглое, *35* — Шупино, *36* — Тетерин, *37* — Лукомль, *38* — Грушки, *39* — Крупки, *40* — Бобр, *41* — Белыничи, *42* — Головчин, *43* — Княжичи

Рис. 42. Шкловское графство XVI—XVIII вв. (по М. Б. Топольской)

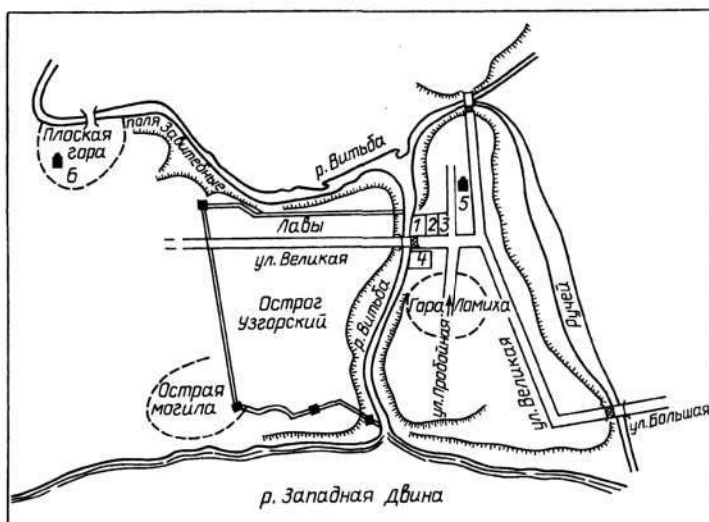

Рис. 43. Планировка замков и «острога» Витебска (по данным ИЮМ): *1—4* — пляцы городской шляхты; *5* — церковь Параскевы Пятницы; *6* — церковь Иоанна Богослова («за местом»)

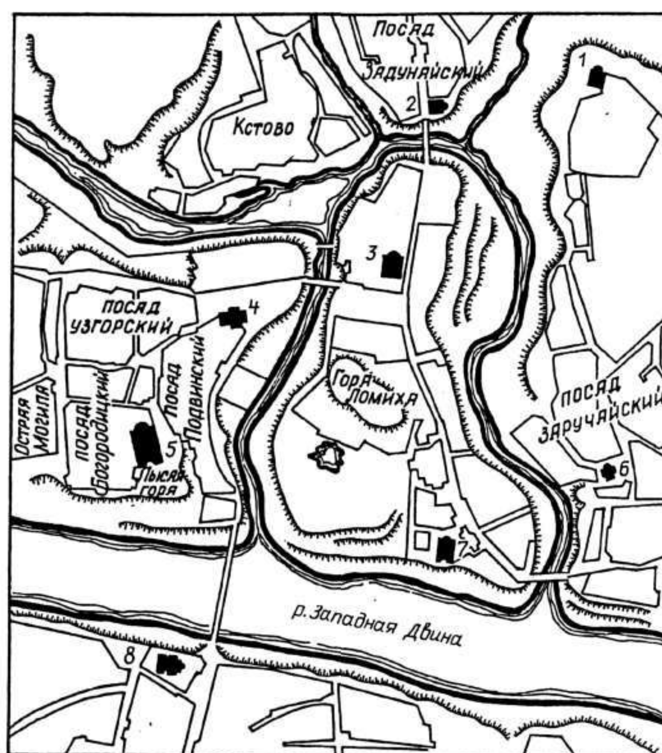

Рис. 44. Планировка Витебска в конце XVI — первой половине XVII в. (по данным ИЮМ): *1* — церковь Св. Духа; *2* — Никольская церковь; *3* — церковь Параскевы Пятницы; *4* — Воскресенская церковь; *5* — Успенская церковь; *6* — церковь Заручевская кожемятская; *7* — церковь Благовещения; *8* — Ильинская церковь

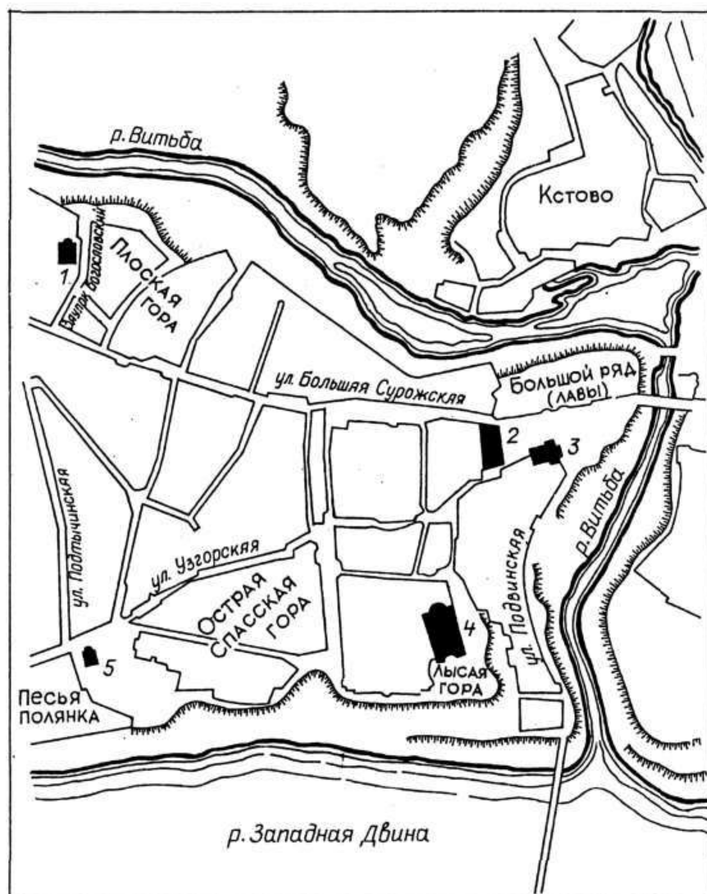
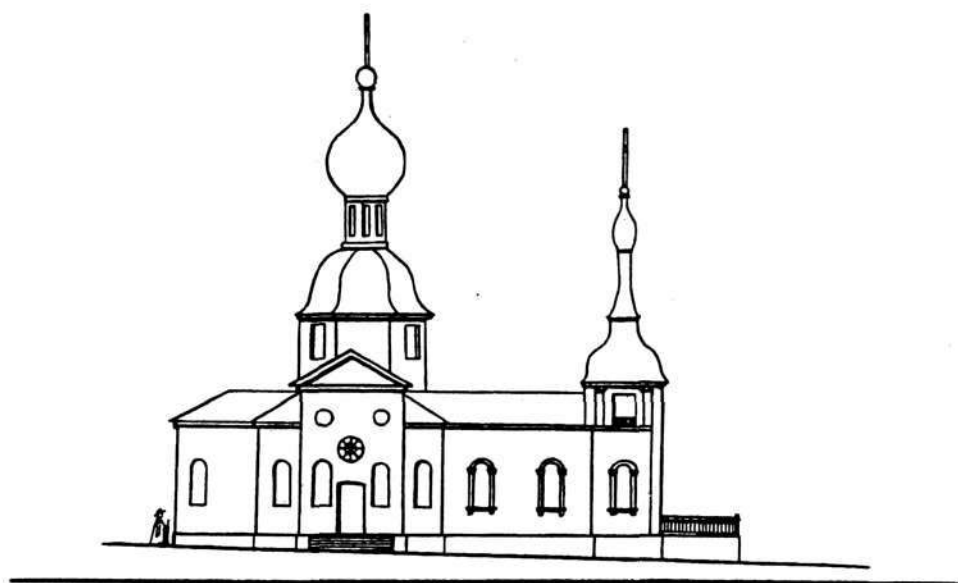

Рис. 45. Планировка Взгорской части Витебска во второй половине XVII в. (по данным ИЮМ): *1* — церковь Иоанна Богослова; *2* — ратуша; *3* — церковь Воскресенско-Рынковская; *4* — Успенский храм; *5* — Спасская церковь

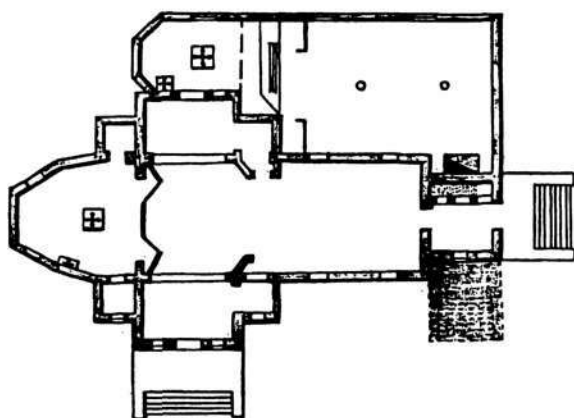

Рис. 46. Фасад и план деревянной Свято-Николаевской церкви в Витебске. Задвинье, XVIII в. (РГВИА, ф. 349, оп. 8, д. 1447, л. 1)

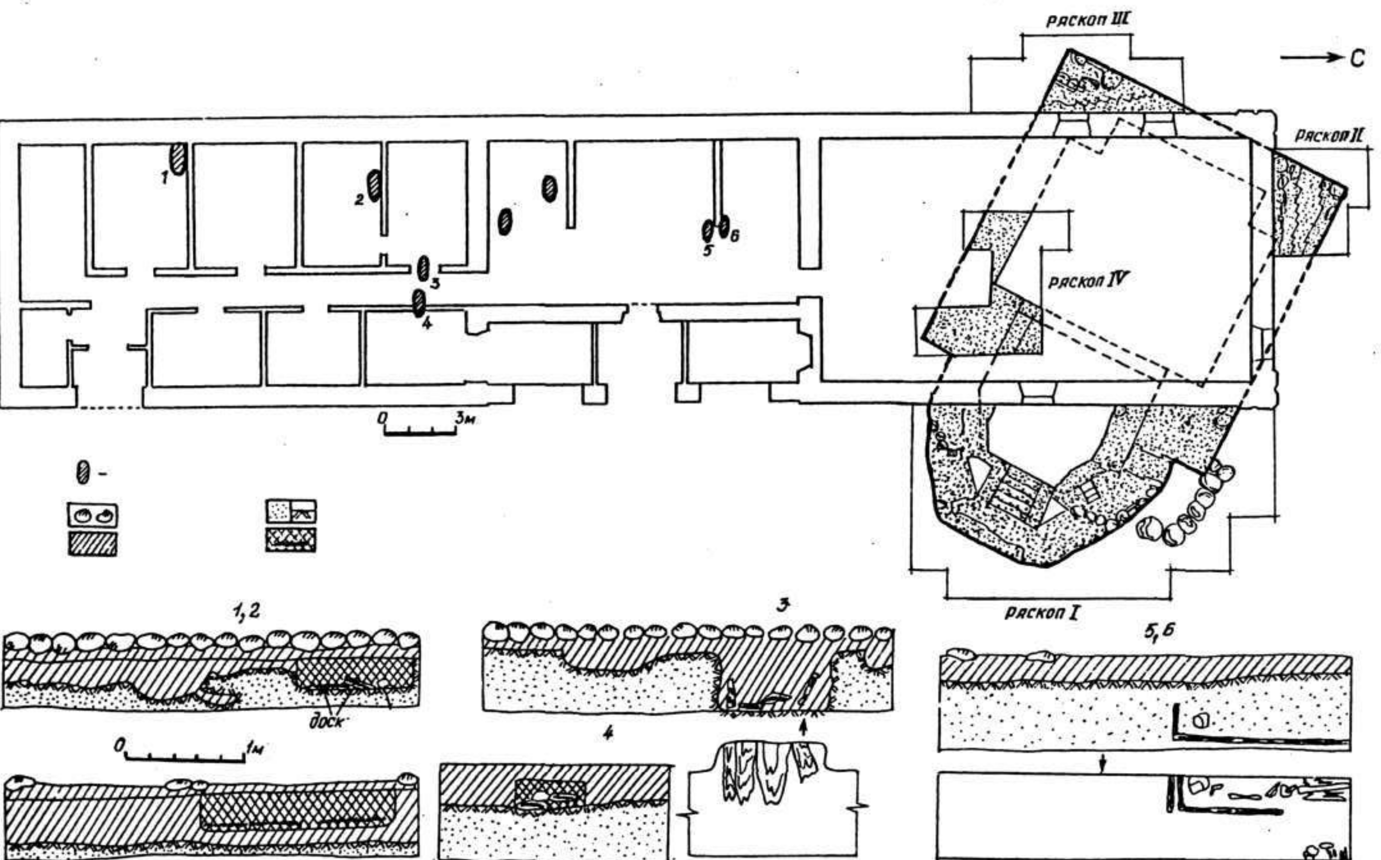
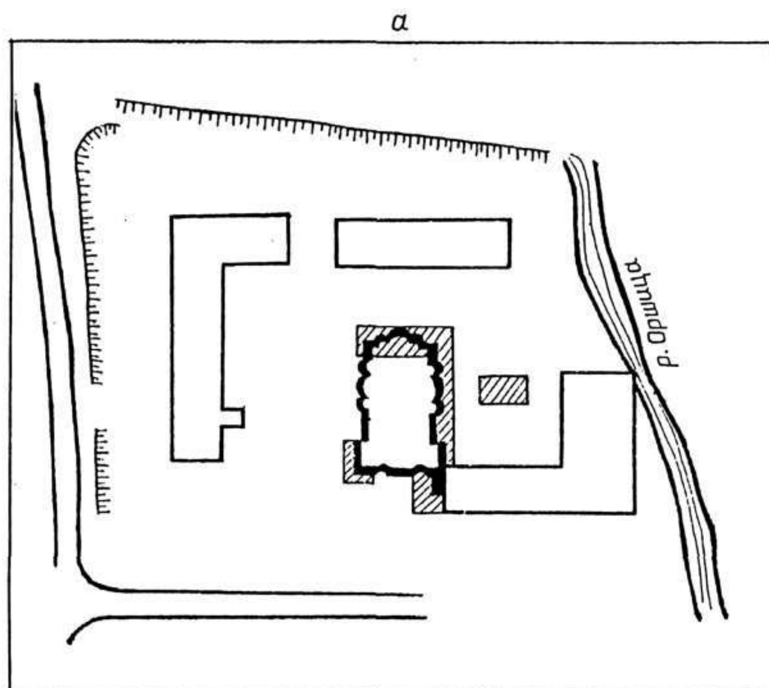
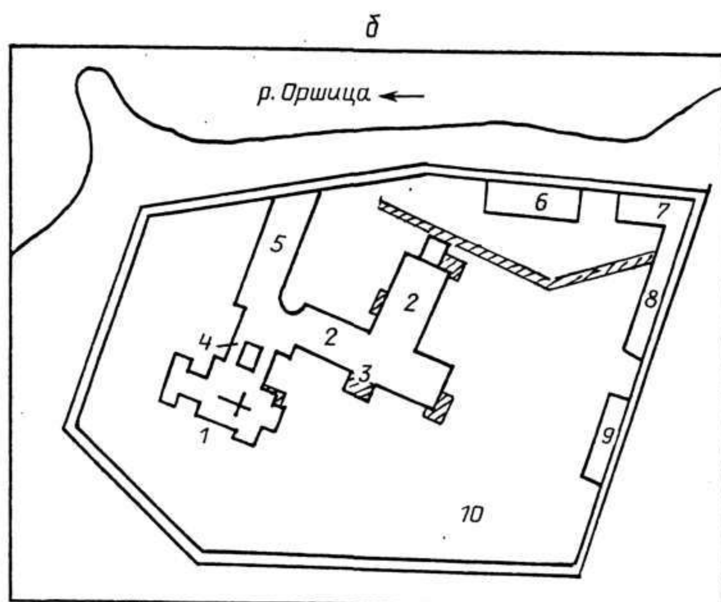

Рис. 47. Сретенский храм рубежа XVI—XVII вв. (раскопки И. А. Тишкина) и фрагмент приходского кладбища под соляными складами в Витебске (раскопки О. Н. Левко): *1—6* — номера погребений

— Места исследований

Рис. 48. Монастыри Орши и зоны их исследований: *а* — план базилианского монастыря XVIII в.; *б* — план иезуитского коллегиума: *1* — костел, *2* — коллегиум, *3* — трапезная, *4* — крытый переход, *5* — школа, *6—8* хозяйственно-производственные помещения, *9* — аптека, *10* — ботанический сад

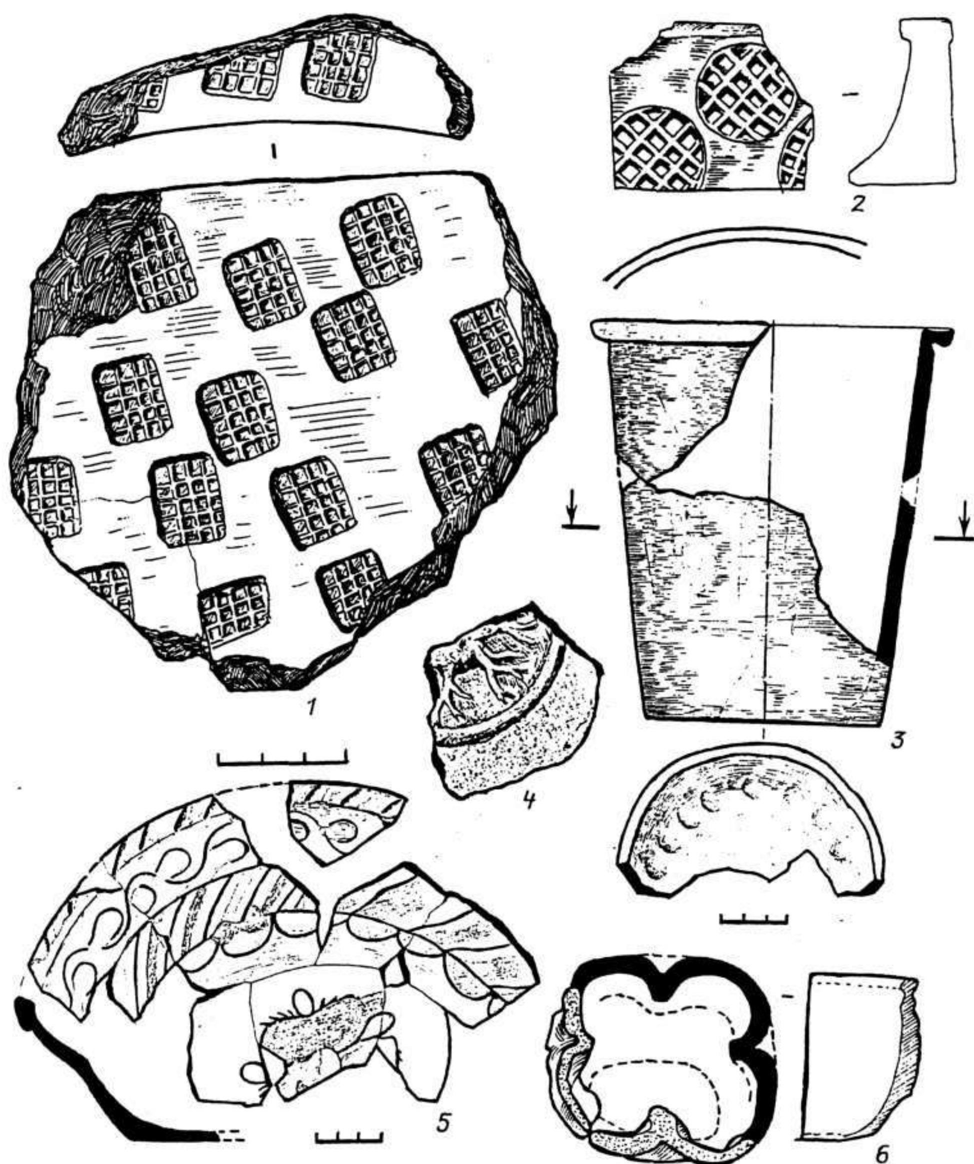

Рис. 49. Изразцы и печные своды XV—XVI вв., бытовая керамика: *1* — Копысь, *2*, *5* — Шкловский замок, *3*, *4* — городище Старый Шклов, *6* — замок Езерище

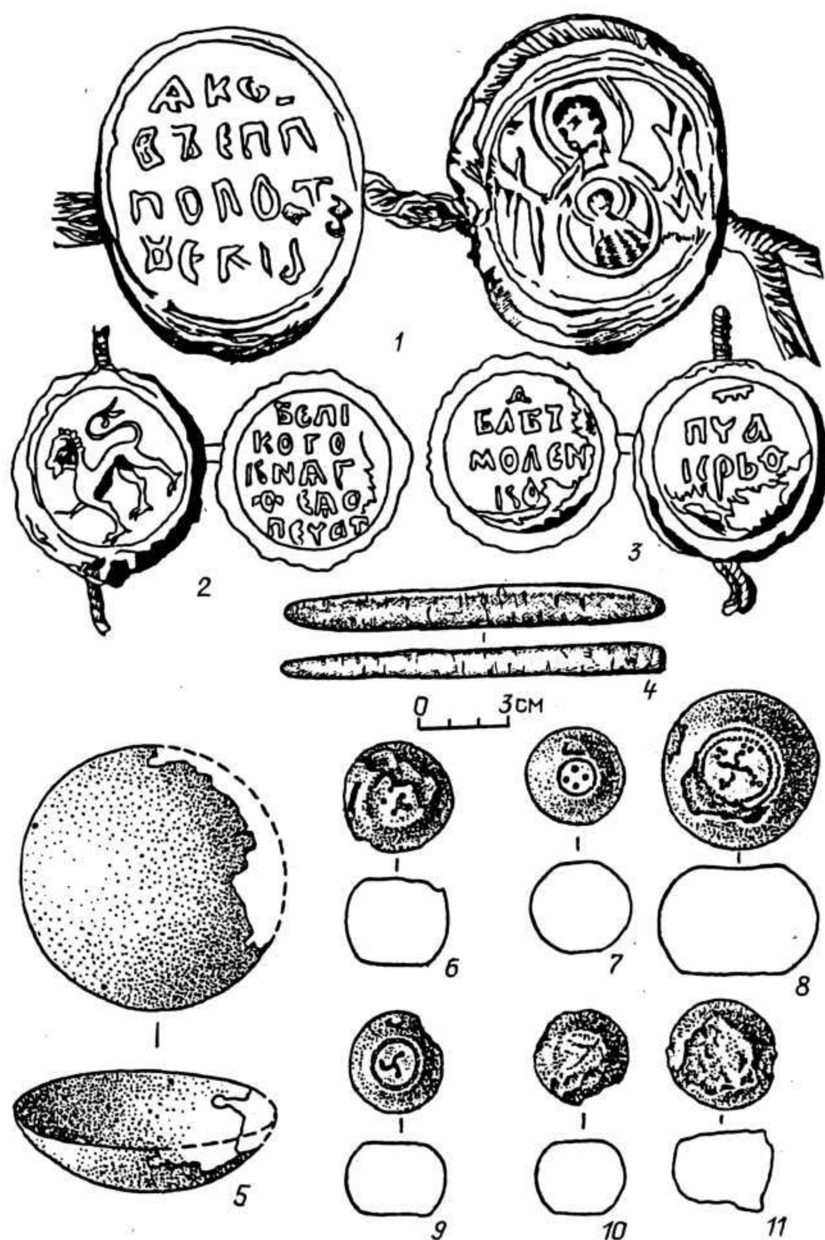

Рис. 50. Печати торговых договоров (*1—3*); серебряная гривна (*4*); фрагмент весов и гирьки-разновесы (*5—11*)

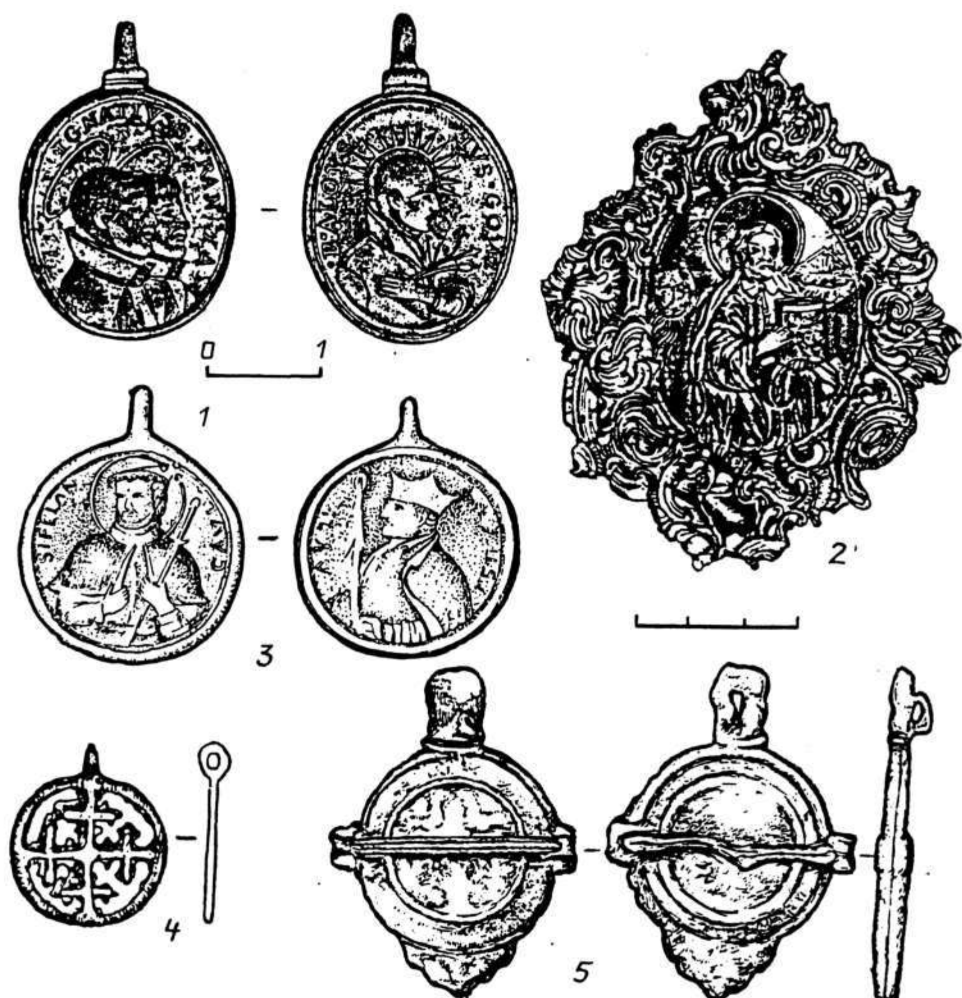

Рис. 51. Медальоны, накладка, подвеска из раскопок: *1* — Шкловский замок, XVII в.; *2* — Кутеинский монастырь, XVII в.; *3* — Витебск (фонды ВОКМ); *4* — Новый Болецк, XII в.; *5* — Орша, XVII в.

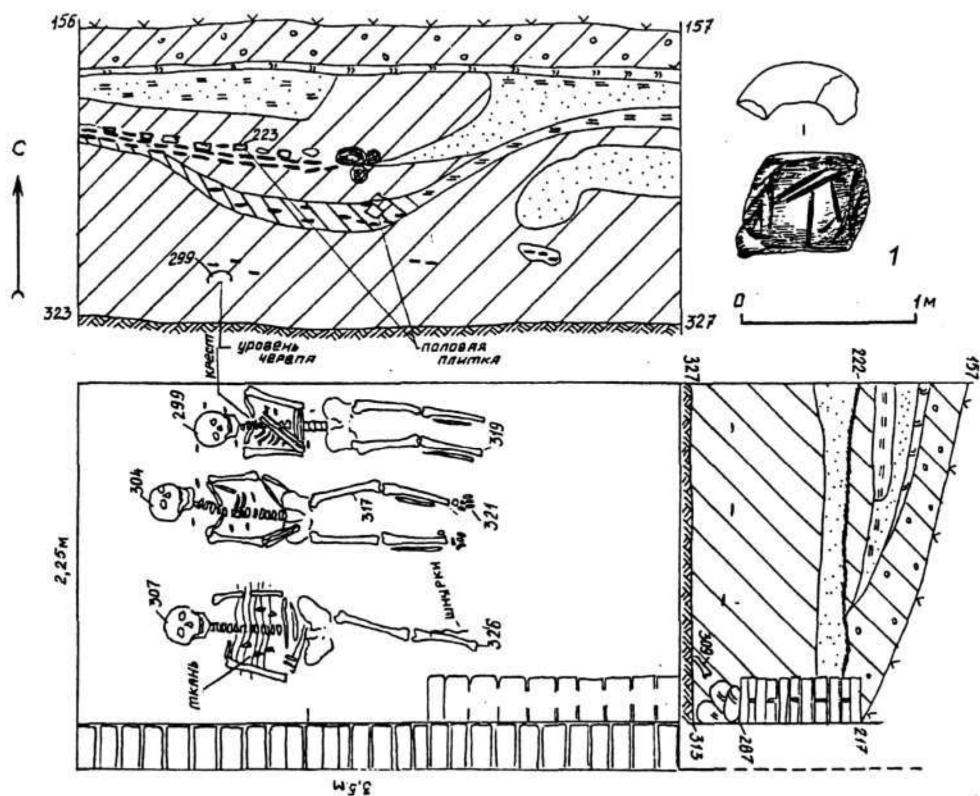

Рис. 52. Погребения, выявленные под Воскресенской церковью в «месте Шкловском», *1* — глиняное орнаментированное пряслице

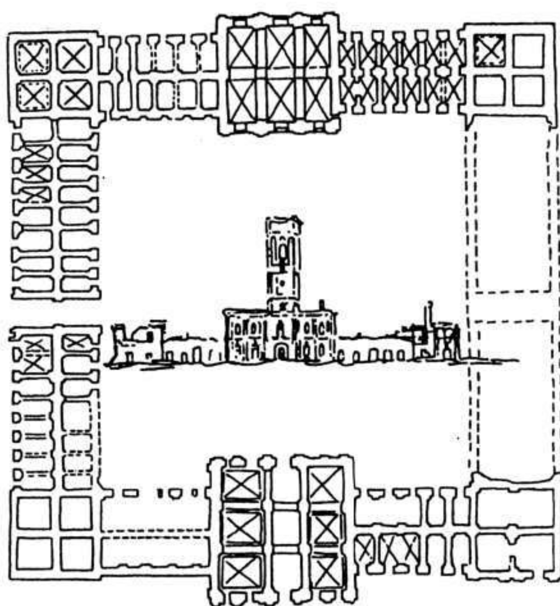

Рис. 53. План Шкловской ратуши и торговых рядов (1770—1772)

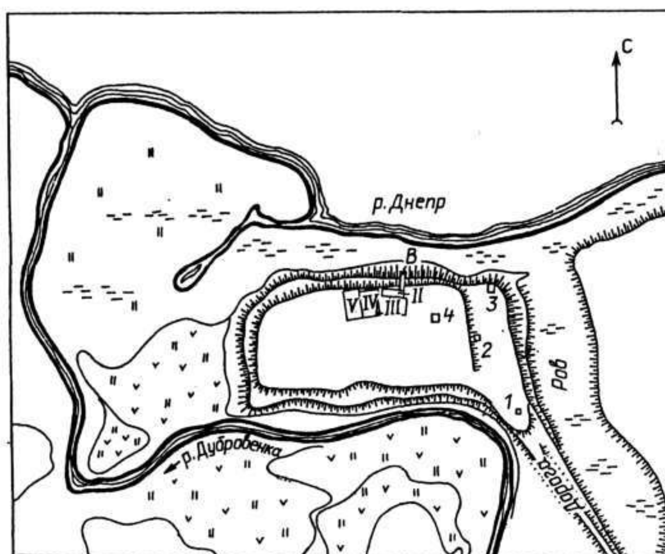

Рис. 54. План размещения раскопов и шурфов 1996—1997 гг. на Дубровенском замчище (раскопки О. Н. Левко)

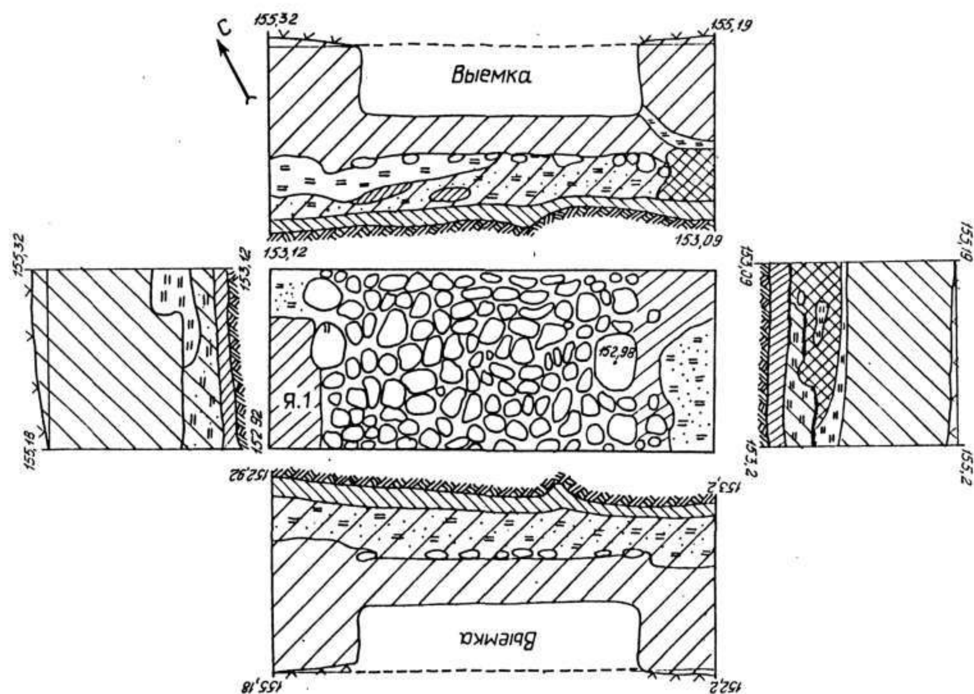

Рис. 55. Каменная вымостка в раскопе у входа между валами Копысского замка (раскопки О. Н. Левко, 2003)

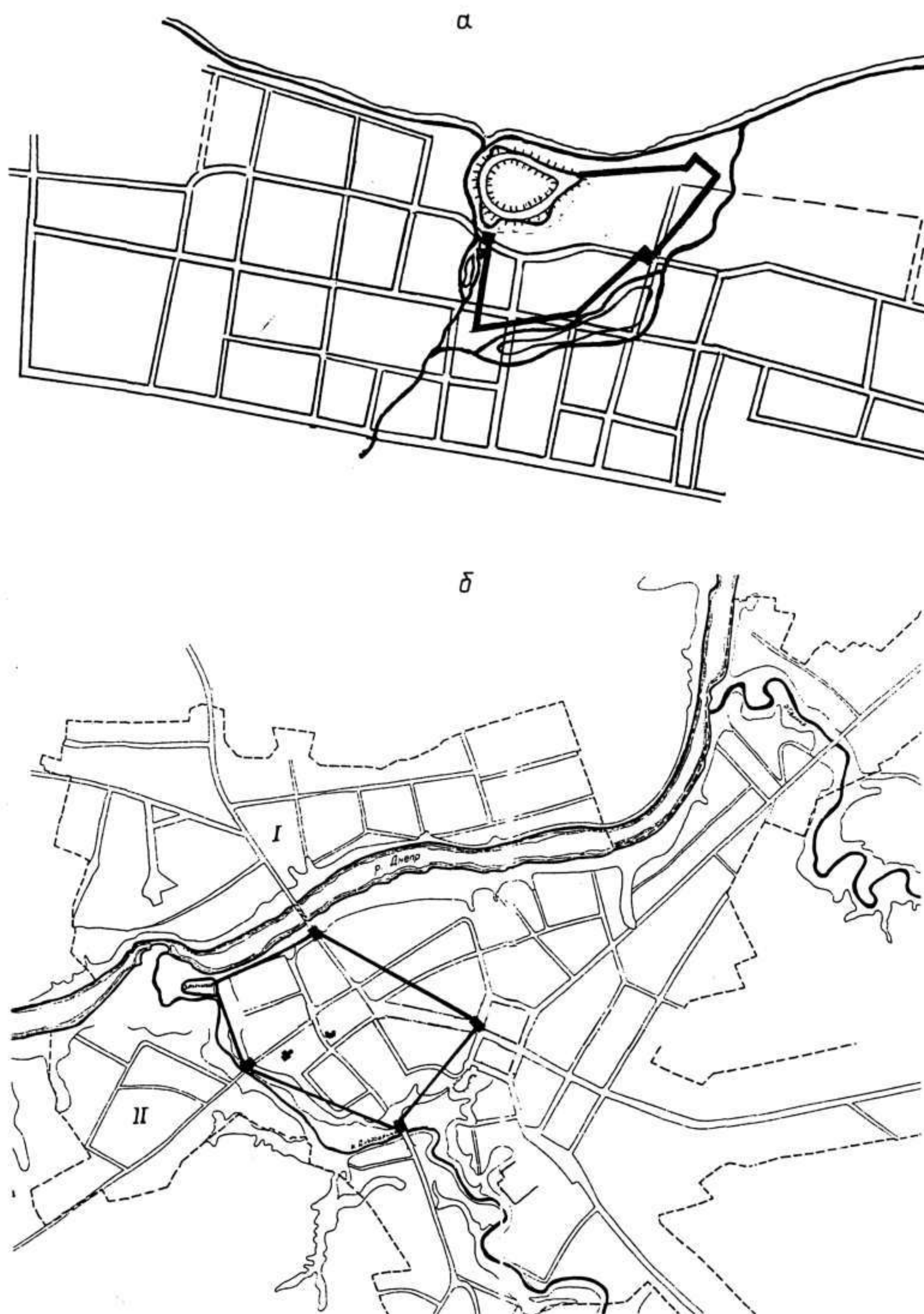

Рис. 56. Укрепленные части средневековых «мест»: *а* — Копысь, *б* — Дубровно (реконструкция О. Н. Левко)

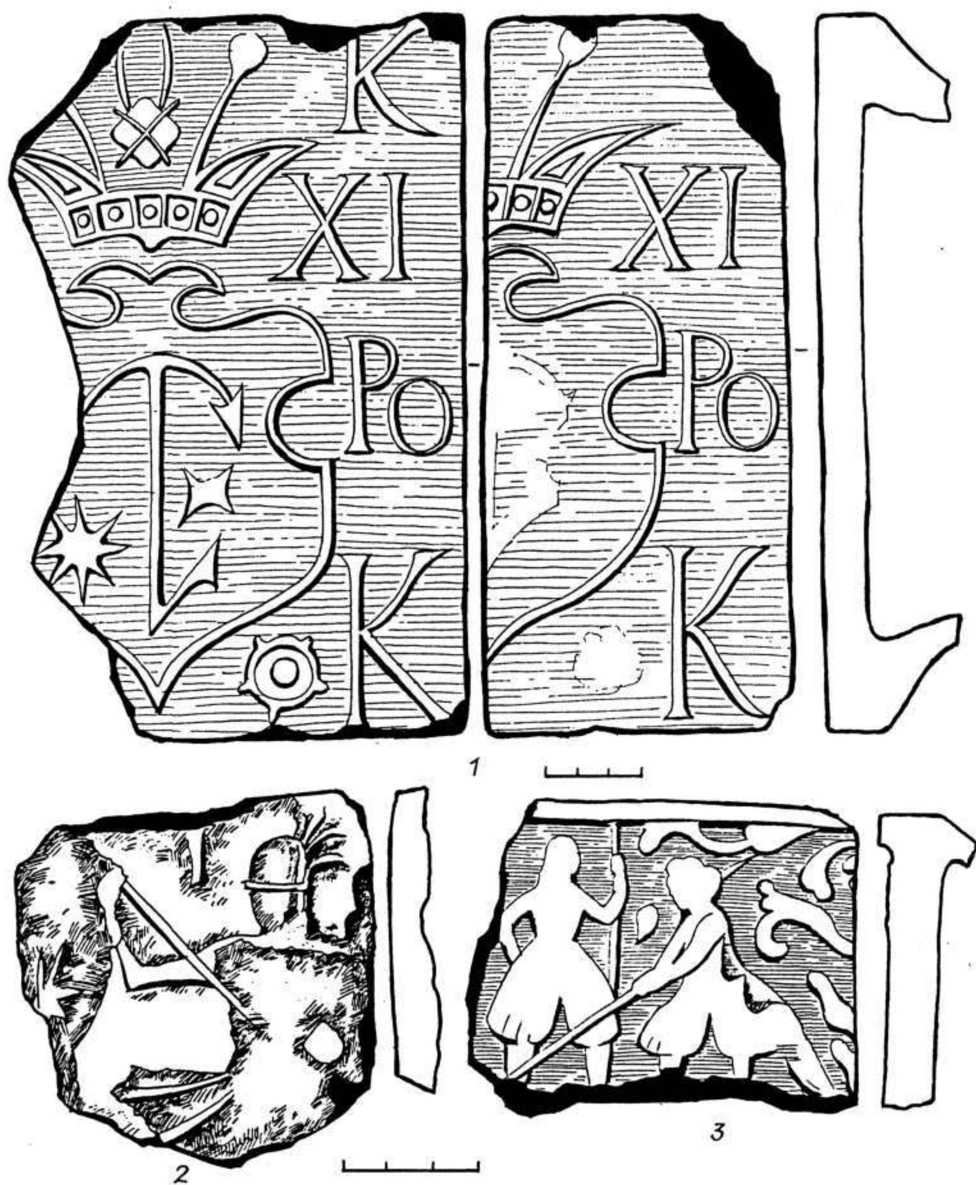

Рис. 57. Изразцы XVI—XVII вв.: *1*, *3* — Копысь; *2* — «место Шкловское»

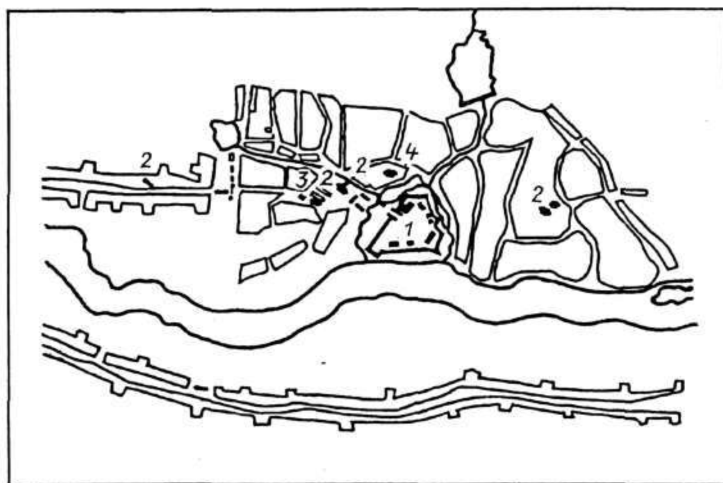

Рис. 58. Копысь 1778 г.: *1* — замок с местом, *2* — православные храмы, *3* — костел, *4* — кальвинистский собор

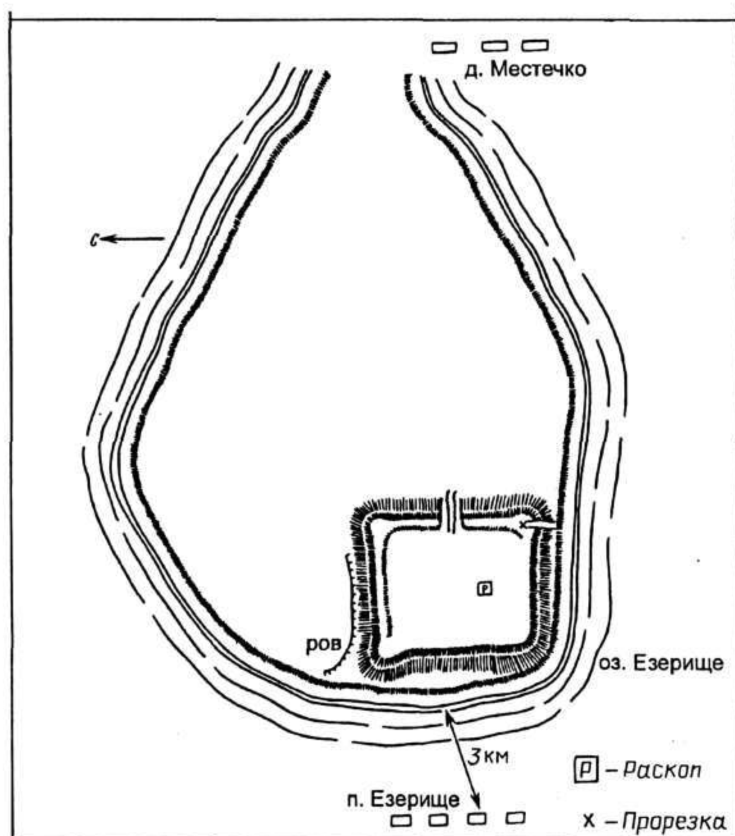

Рис. 59. Замчище в Езерище (по Г. В. Штыхову) с обозначением мест исследований 1979 г. (раскопки О. Н. Левко)

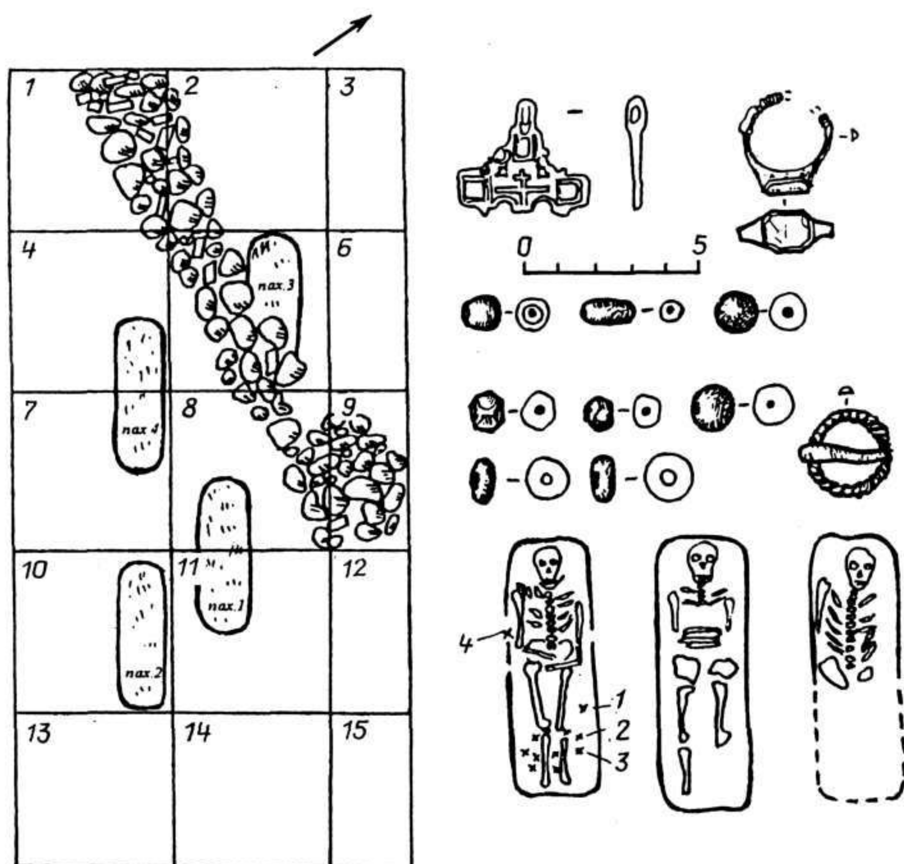

Рис. 60. Погребения приходского кладбища в Городке (Взгорье): *1* — перстень, 2 — пряжка, *3* — бусы-четки, *4* — крест

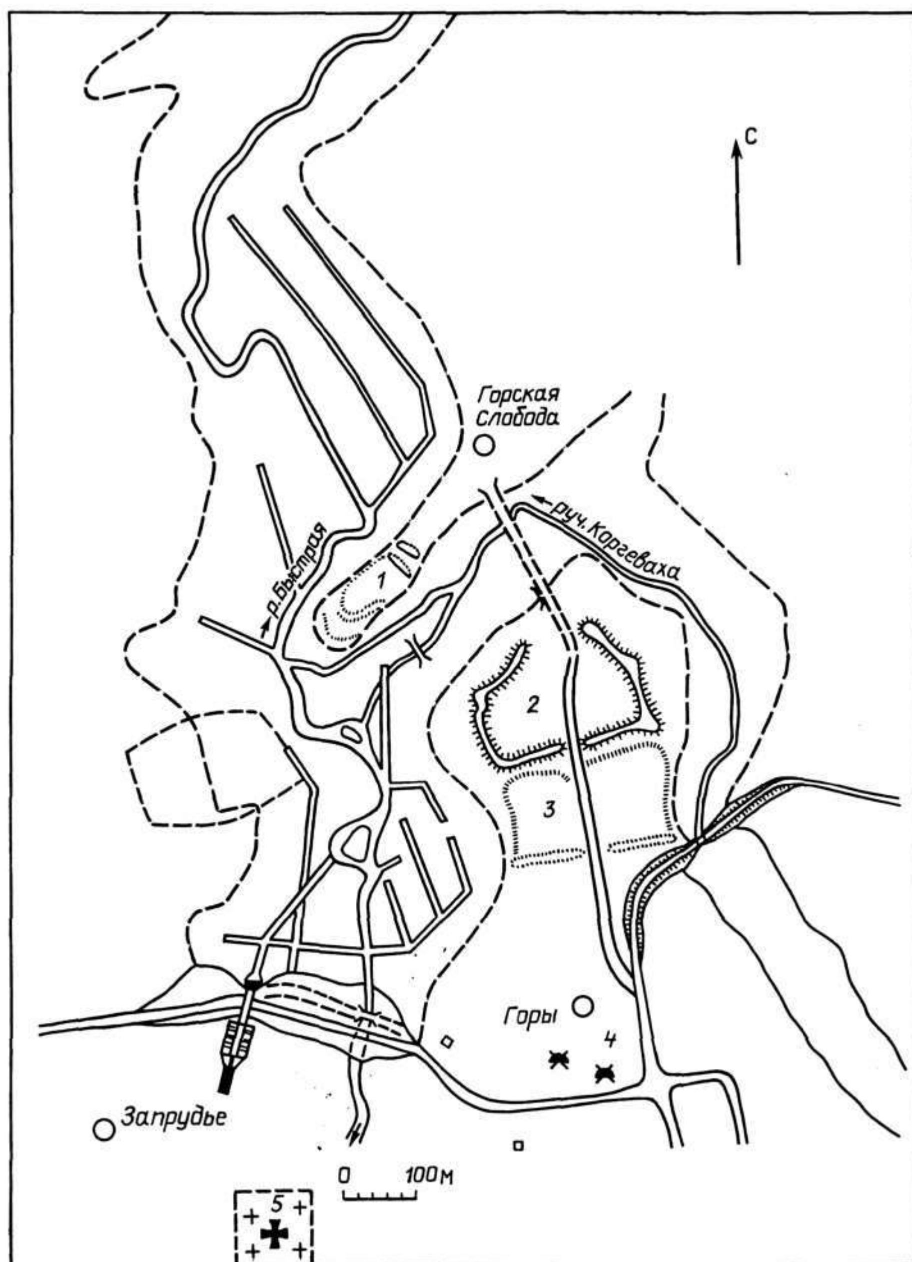

Рис. 61. Топографическое развитие средневековых Гор: *1* — городище; *2* — замчище «Вал»; *3* — предградье; *4* — курганный могильник; *5* — каменный крест на кладбище (по Ш. И. Бектинееву)

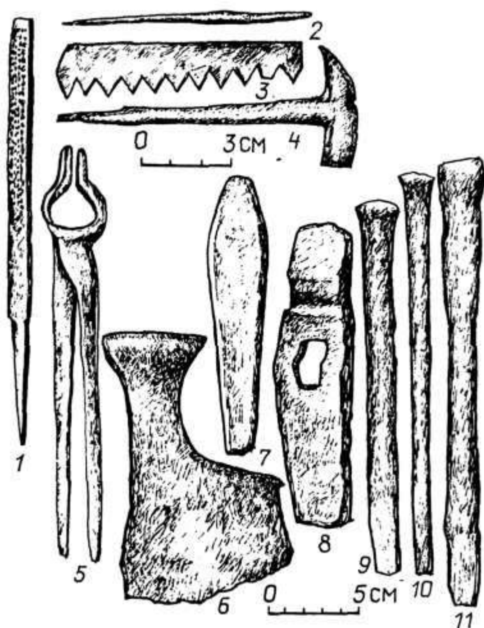

Рис. 62. Орудия труда с Друцкого городища (раскопки Л. В. Алексеева): *1* — напильник, *2* — шило, *3* — пила, *4* — молоточек, *5* — кузнечные клещи, *6* — топор, *7* — наковальня малая, *8* — кузнечный молот, *9—11* — долота

Рис. 63. Литейная форма (*1*) и нательный крест (*2*) из Копыси (раскопки О. Н. Левко)

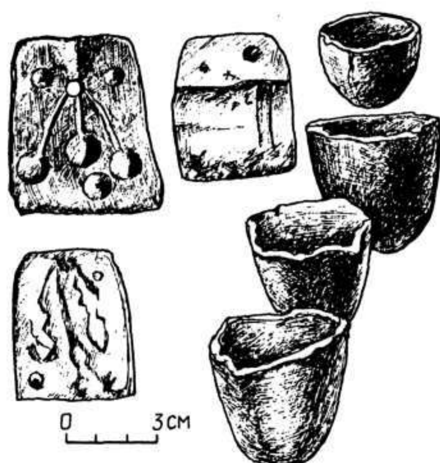

Рис. 64. Литейные формы и тигли из Друцка (раскопки Л. В. Алексеева)

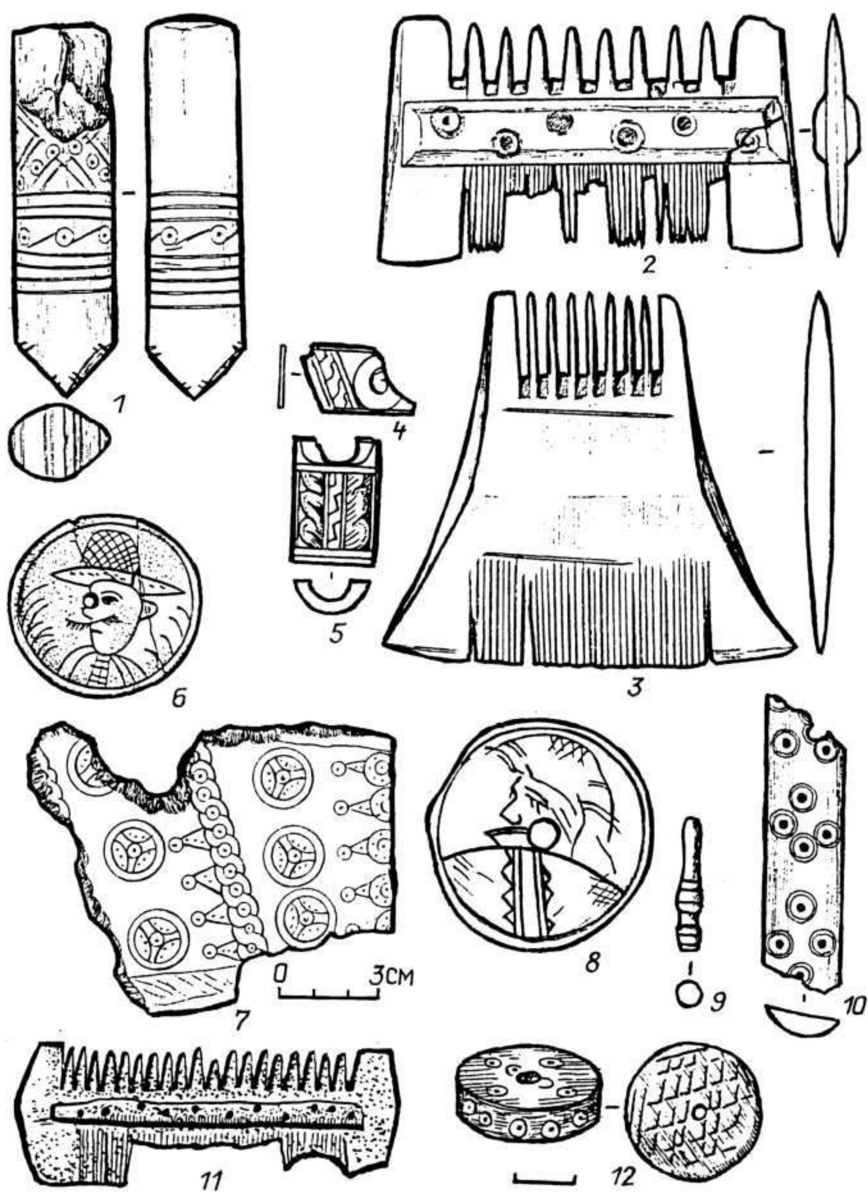

Рис. 65. Костяные изделия: *1*, *8* — Витебск; *2*, *3*, *7*, *10* — Друцк; *4*, *5* — Копысь; *6* — Дубровно; *9*, *11*, *12* — Орша

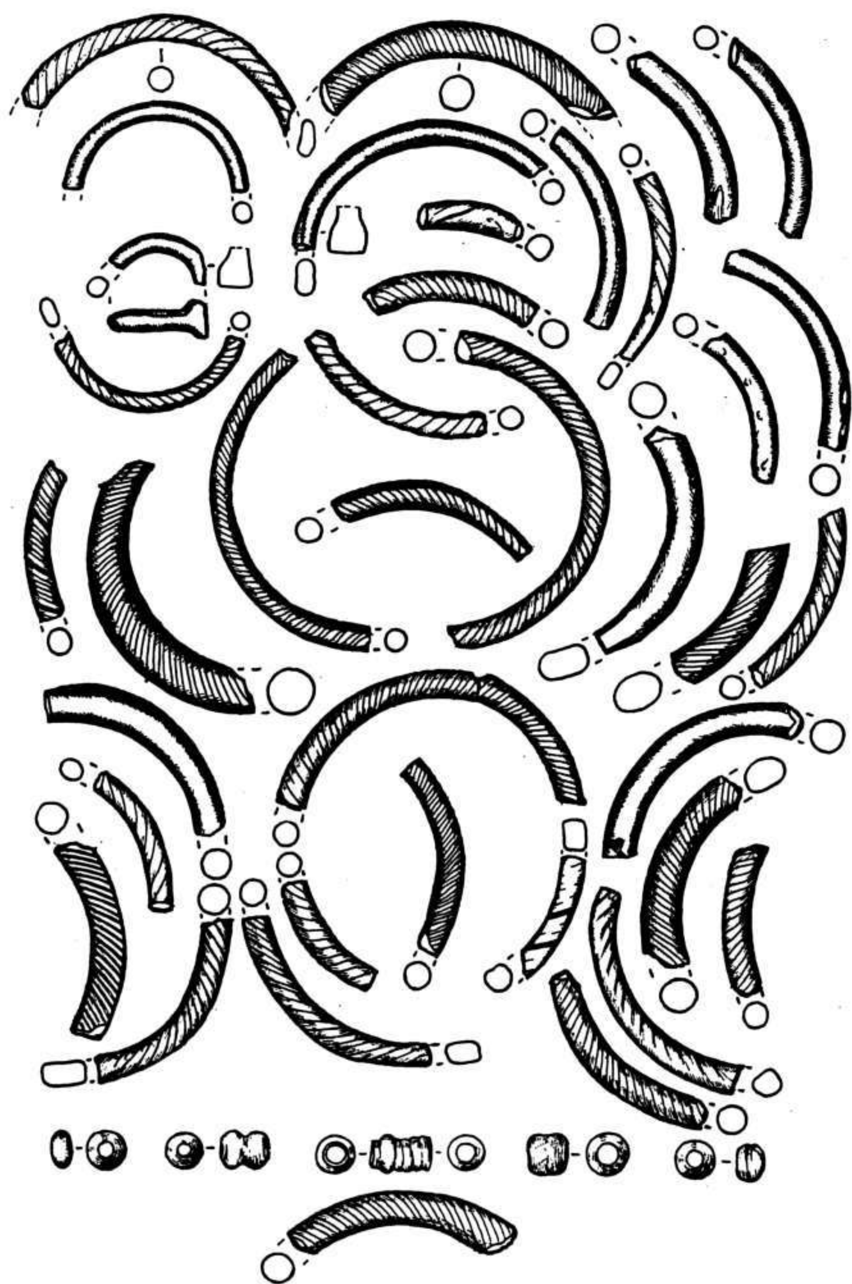

Рис. 66. Стеклянные браслеты, височные кольца, бусы из раскопок Взгорья в Витебске

Рис. 67. Предметы культа из камня и глины: *1* — Витебск (песчаник, фонды ВОКМ); *2* — Горы (песчаник, раскопки А. А. Метельского); *3* — Витебск (глина, раскопки О. Н. Левко)

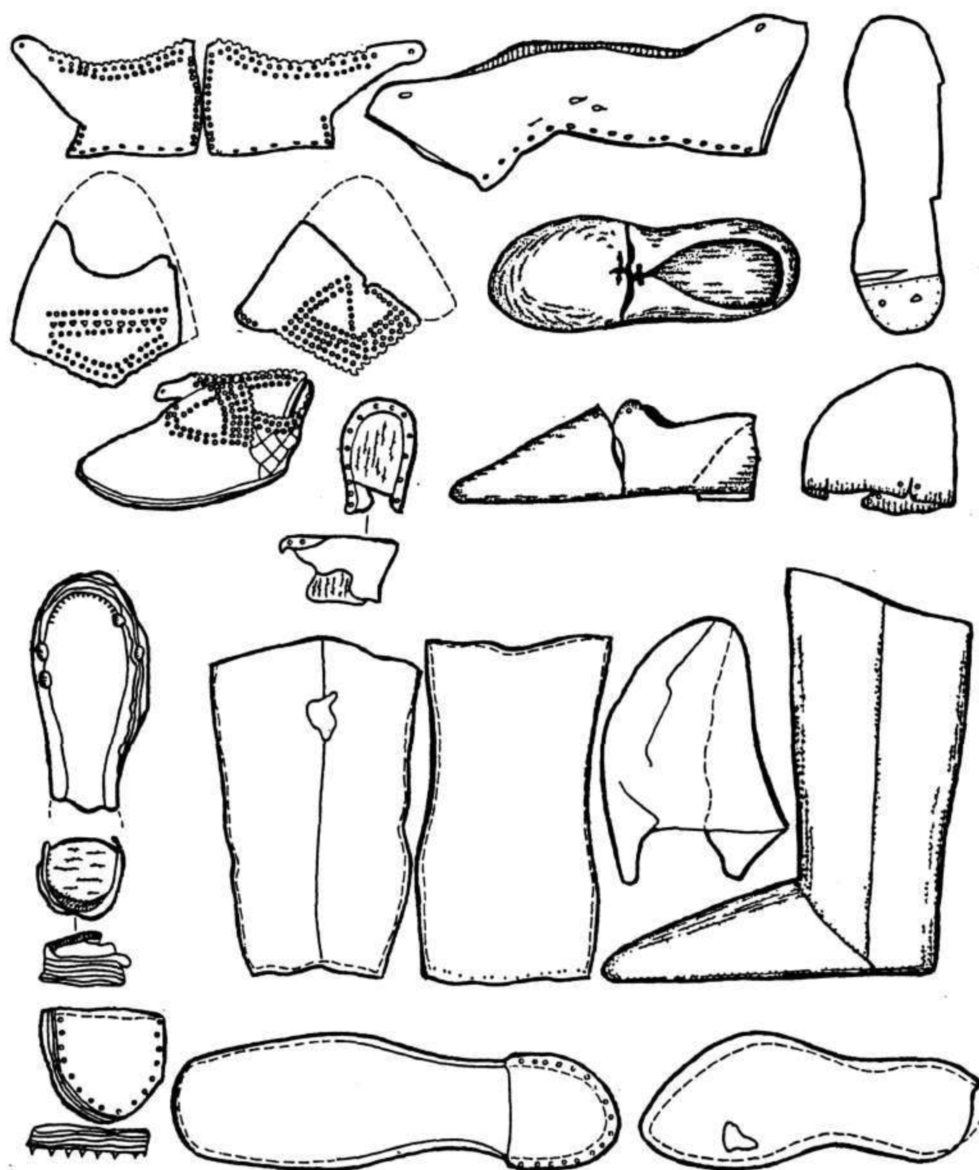

Рис. 68. Кожаная обувь из раскопок Витебска XV—XVII вв.

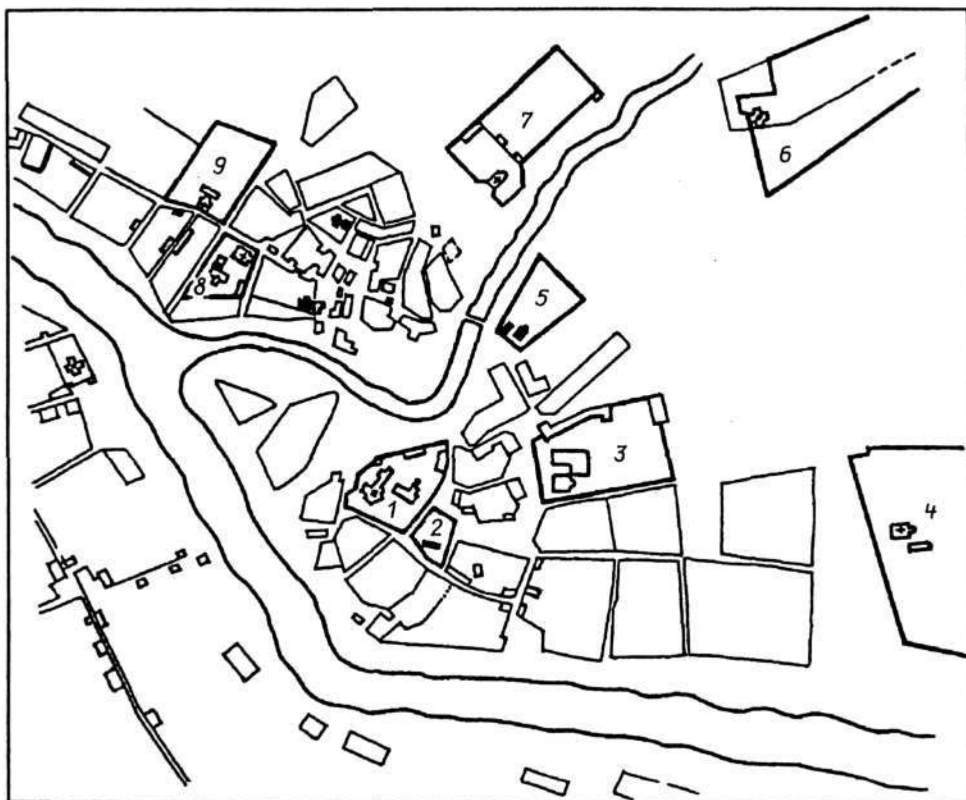

Рис. 69. Католические и униатские монастыри на плане Орши 1770-х гг.: *1* — иезуитский костел Архистратига Михаила, начало XVII в.; *2* — девичий мариавиток, XVIII в.; *3* — тринитарский костел Св. Троицы, начало XVII в.; *4* — миссионерский, середина XVII в.; *5* — бернардинский костел Рождества Богородицы, первая половина XVII в.; *6* — базилианский женский, первая половина XVII в.; *7* — базилианский мужской Покровский, середина XVIII в.; *8* — доминиканский костел Св. Иннокентия, середина XVII в.; *9* — францисканский костел Рождества Богородицы, середина XVII в.

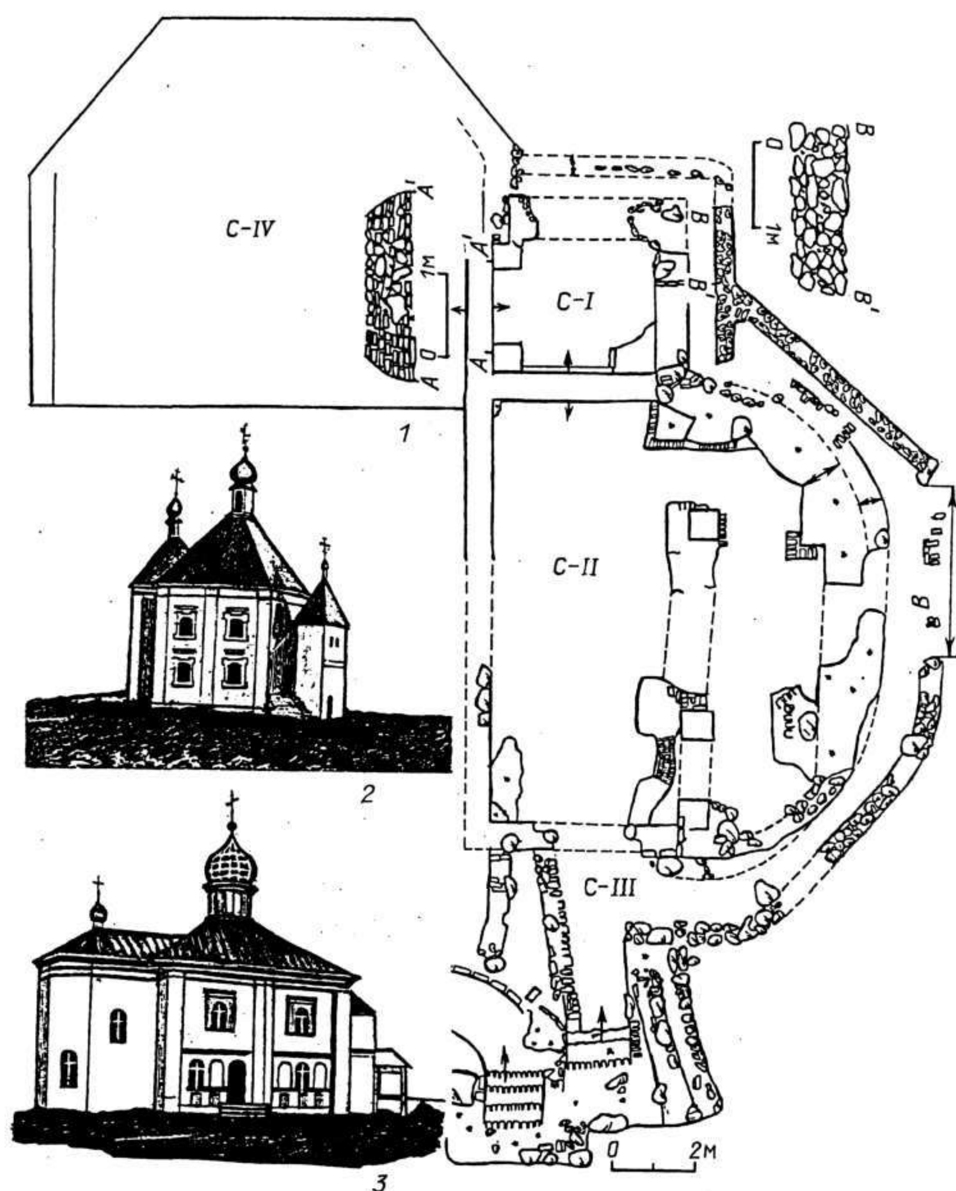

Рис. 70. Храмы Кутеинского Богоявленского мужского монастыря: *1* — фрагмент каменных подвальных помещений Богоявленского собора (раскопки О. Н. Левко); *2*, *3* — Святодуховская церковь (*2* — XVII в., *3* — XIX в.); С-I — С-IV — исследованные сектора храма

Рис. 71. Культовые предметы из Витебска (*1, 2* — раскопки Т. С. Бубенько) и Кутеинского монастыря (*3* — музей истории и культуры г. Орши). Медальон из двух деревянных пластин с резным изображением: Матерь Божья Знамение; Распятие Христа с предстоящими. Проложены шелковой тканью в металлической оправе, XVII в.

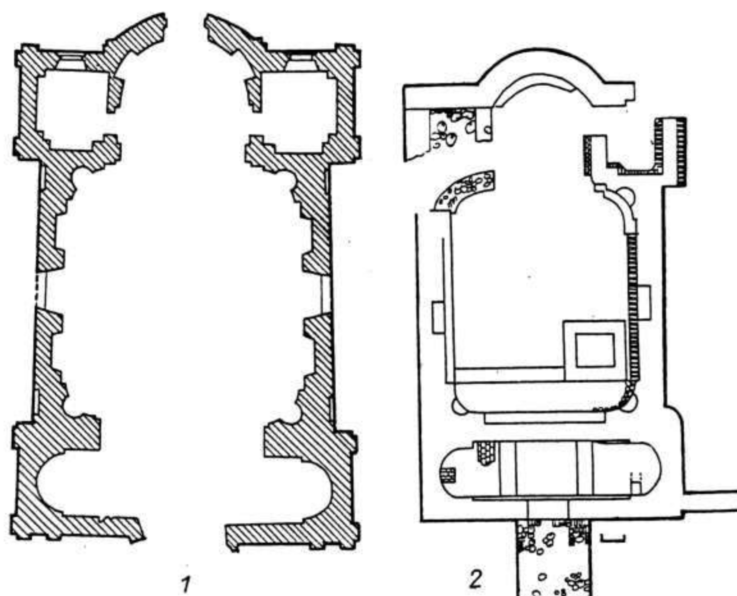

Рис. 72. Церковь Рождества Богородицы в Орше: *1* — архивный план; *2* — план вскрытых раскопками фундаментов

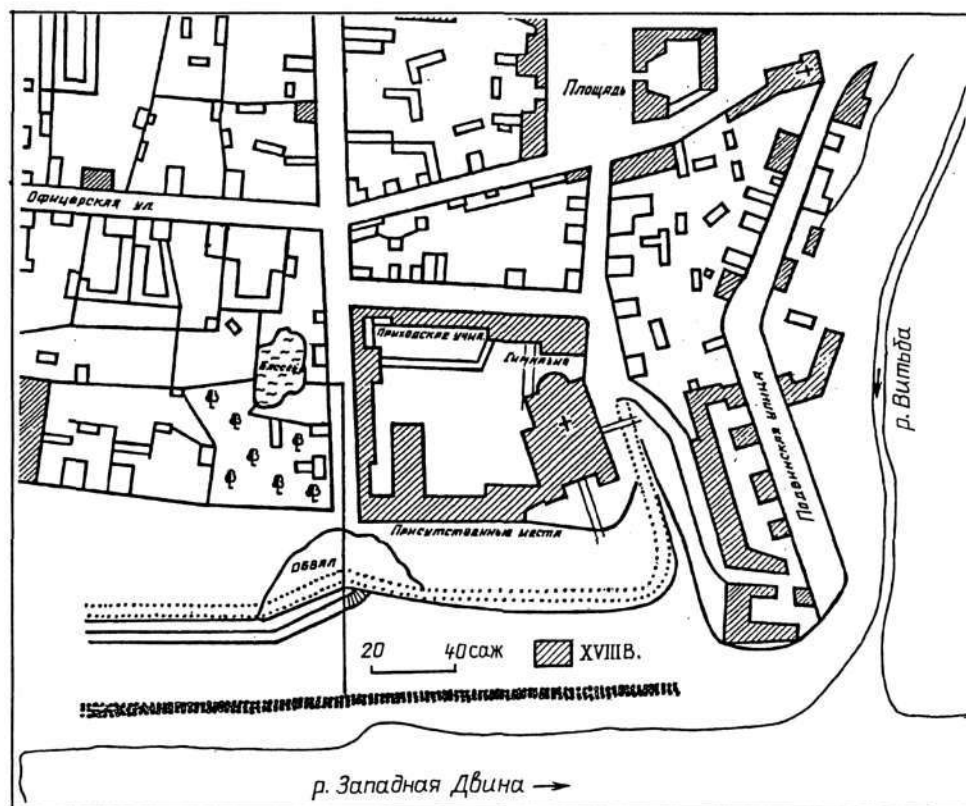

Рис. 73. Успенский собор с монастырем в Витебске (план 1844—1847 гг.)

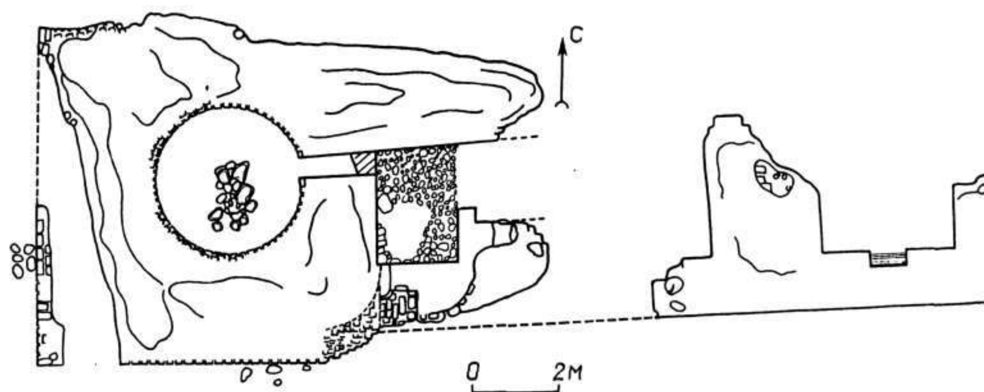

Рис. 74. Основание юго-западной башни Успенского кафедрального собора в г. Витебске (раскопки О. Н. Левко, 1998)

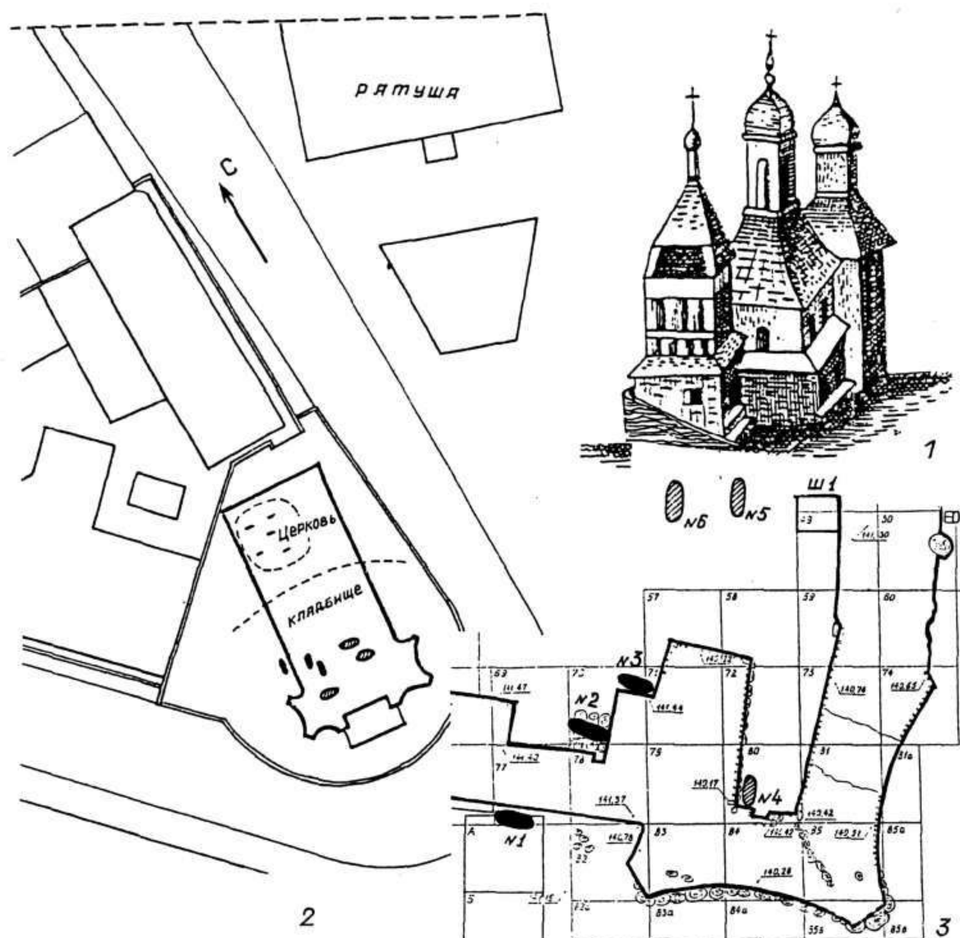

Рис. 75. Воскресенская церковь в г. Витебске: *1* — изображение храма на «Чертеже Витебска 1664 г.»; *2* — план размещения храма XVIII в.; *3* — фрагмент приходского кладбища под фундаментами храма XVIII в.

Рис. 76. Церковь Св. Духа в Витебске: *а* — храм, изображенный на «Чертеже Витебска 1664 г.»; *б* — храм XIX в.

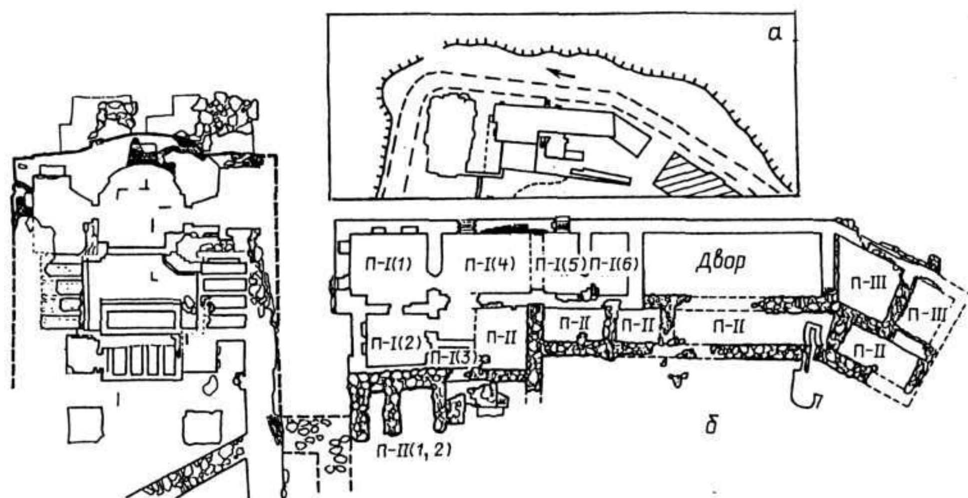

Рис. 77. Святодуховская церковь и монастырь в г. Витебске (раскопки О. Н. Левко, 1986): *а* — ситуационный план строений в 1950-е гг.; *б* — вскрытые раскопками каменные конструкции

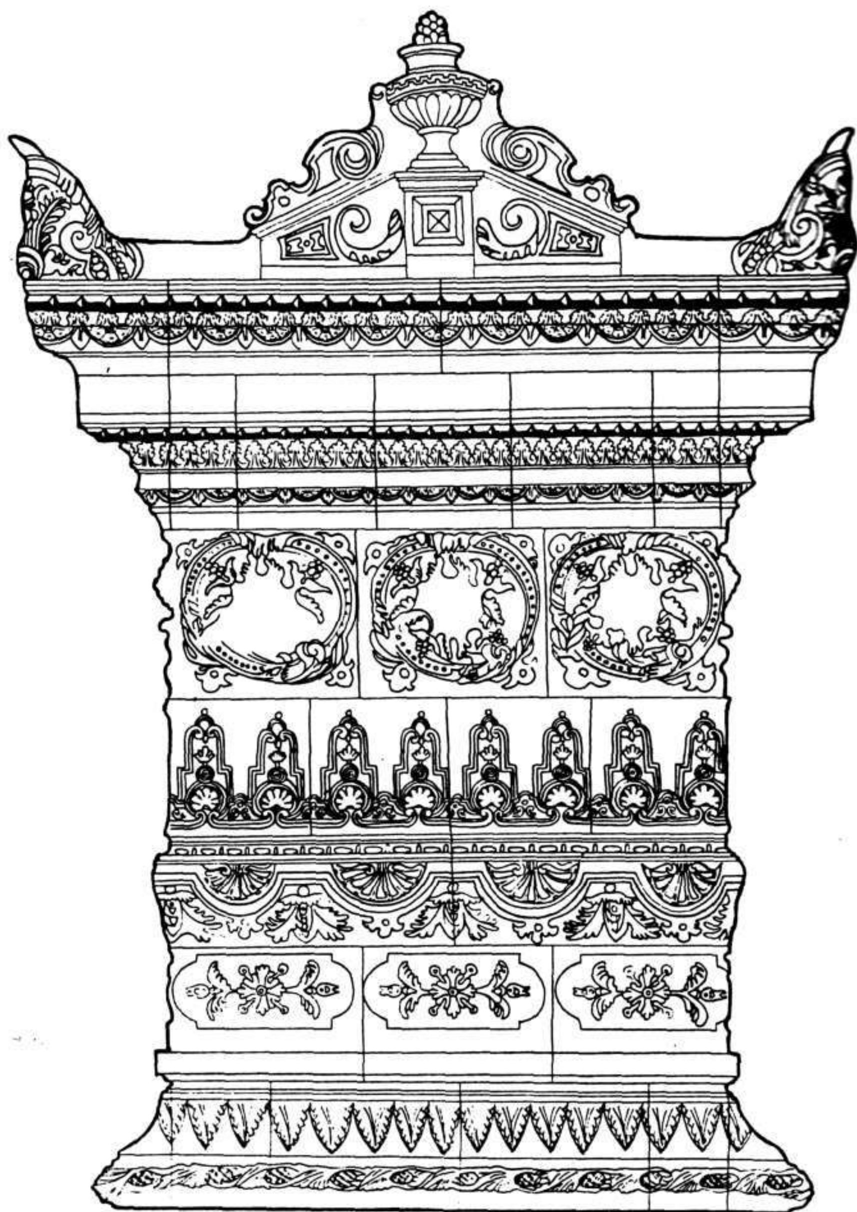

Рис. 78. Облицовка изразцовой печи церкви Св. Духа в Витебске (реконструкция О. Н. Левко)

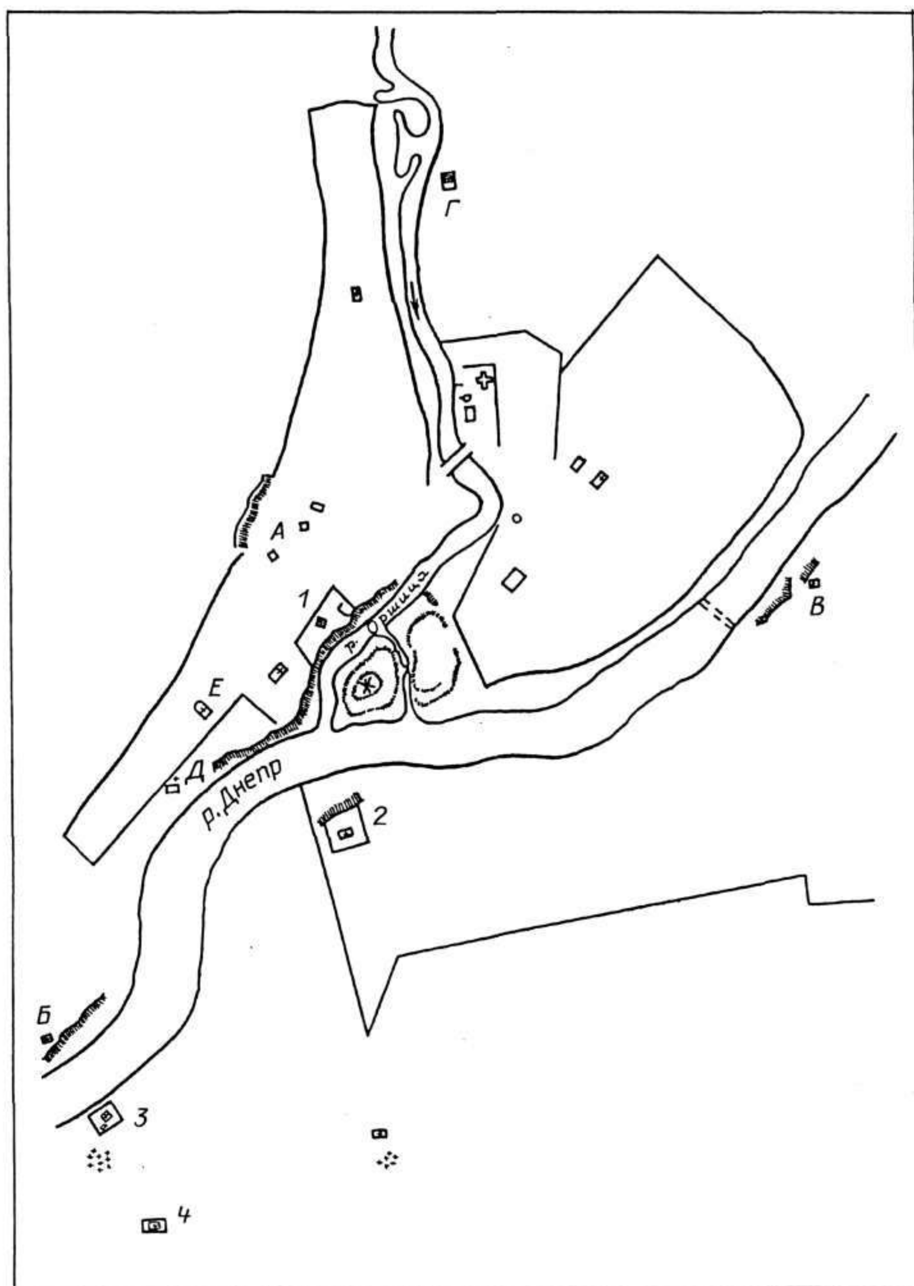

Рис. 79. Схема г. Орши (архив библиотеки Вильнюсского университета. Отдел рукописей, ф. 78, ед. хр. 956) с размещением уничтоженных православных храмов (*А* — Воскресения, *Б* — Св. Никольский, *В* — Архангела Михаила, *Г* — монастырь Благовещения, *Ж* — Св. Троицы, *Д*, *Е* — без названия); существующих храмов (*1* — Богородицы Рождества Христова (Никольский), *2* — Ильи Пророка, *3* — Богоявленский Кутеинский монастырь, *4* — Успенский Кутеинский монастырь)

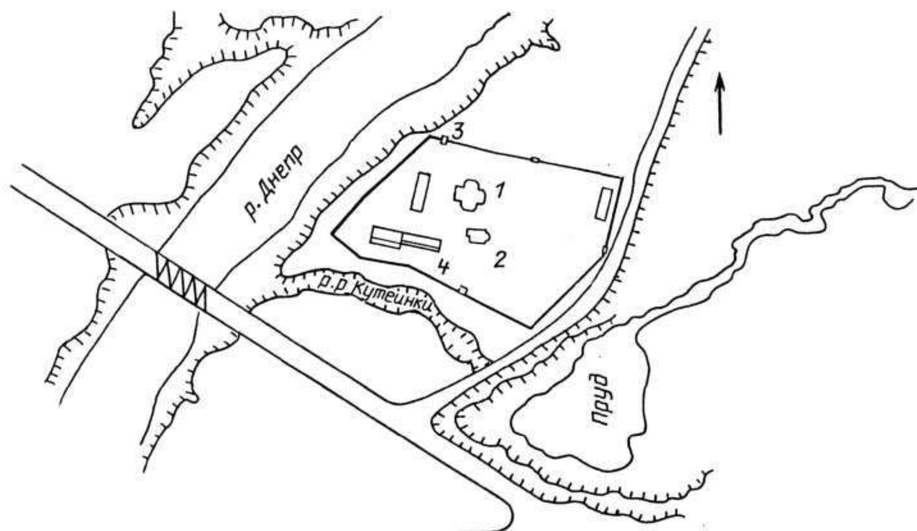

Рис. 80. План Кутеинского мужского Богоявленского монастыря: *1* — Богоявленский собор (фундамент), *2* — Святодуховская церковь (действующая), *3* — ворота с колокольней (фундамент), *4* — монастырская постройка

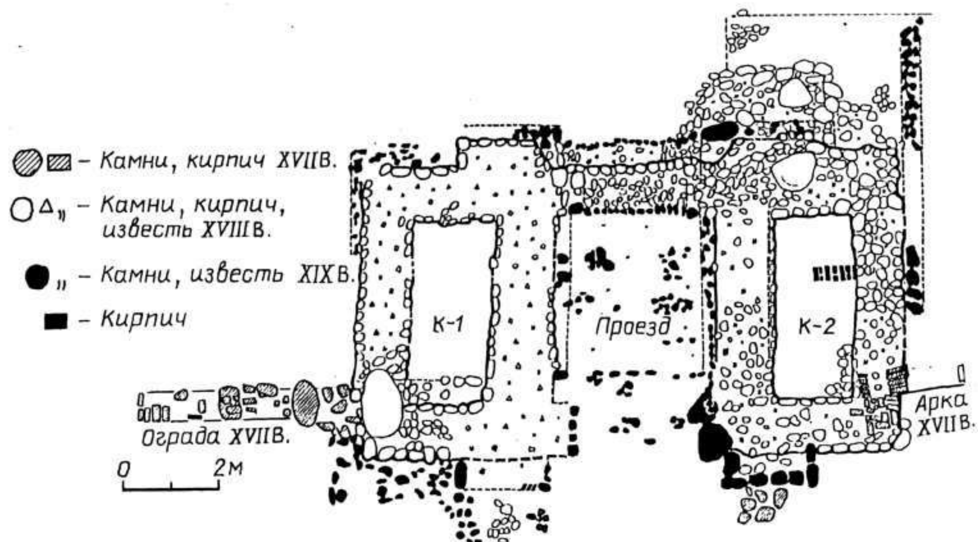

Рис. 81. Фундаменты ворот с колокольней в Кутеинском Богоявленском монастыре XVII—XIX вв. (раскопки О. Н. Левко)

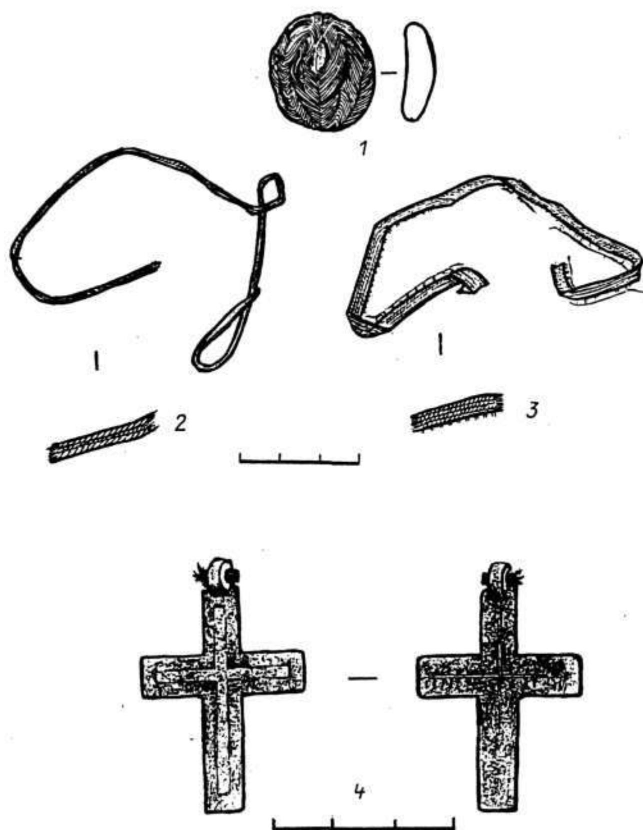

Рис. 82. Предметы из погребений в храме «места Шкловского»: *1—3* — фрагменты одежды (покрывала) золототканной (?); *4* — бронзовый нательный крест

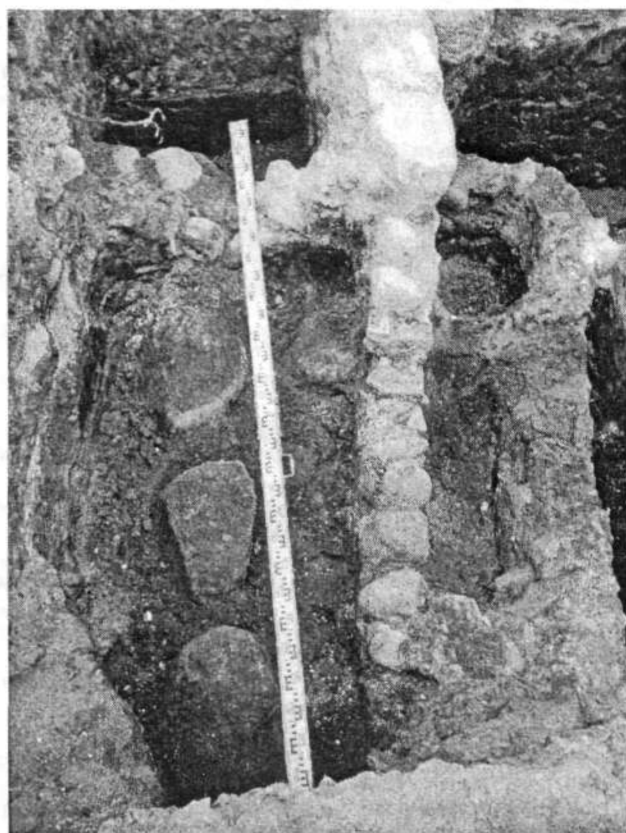

Рис. 83. Погребальные ниши в Святодуховском храме Витебска (*а*) и каменные конструкции возле храма Рождества Богородицы в Орше (*б*)

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адащик Ф. И.* Торговые связи города Витебска с Ригой в XVII—XVIII вв. // Советское славяноведение. Мн., 1969. С. 572—580.

2. *Акты,* относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1—5. СПб., 1846—1853. Т. 1 (1340—1506). 1846. 375 с.; Т. 2 (1506—1544). 1848. 405 с.; Т. 3 (1544—1588). 1850.; Т. 4 (1588—1632). 1851. 574 с.

3. *Акты,* относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. СПб., 1863. Т. 1 (1381—1598). 301 с.

4. *Акты* Московского государства, изданные императорскою Академиею наук / Под ред. Н. А. Попова. Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635—1659. 773 с.

5. *Алексеев Л. В.* Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины // Труды ПОКЭ. М., 1959. Т. 1. С. 273—315.

6. *Алексеев Л. В.* Художественные изделия косторезов из древних городов Белоруссии // СА. М., 1962. № 4. С. 197—209.

7. *Алексеев Л. В.* К истории и топографии древнейшего Витебска // СА. М., 1964. № 1. С. 99—111.

8. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля (Очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв. М., 1966. 295 с.

9. *Алексеев Л. В.* О распространении топонимов «Межа» и «Рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 245—250.

10. *Алексеев Л. В., Сергеева З. М.* Раскопки курганов в Восточной Белоруссии // КСИА. М., 1973. Вып. 135. С. 49—55.

11. *Алексеев Л. В.* Полоцкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 214—230.

12. *Алексеев Л. В.* Некоторые вопросы заселенности и развития западнорусских земель в IX—XIII вв. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 23—30.

13. *Алексеев Л. В.* Смоленская земля в IX—XIII вв. Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М., 1980. 261 с.

14. *Алексеев Л. В.* Древний Мстиславль в свете археологии // ГАЗ. 1995. № 6. С. 118—182.

15. *Алексеев Л. В.* Минск и Друцк // Славяне и их соседи (Археология, нумизматика, этнология). Мн., 1998. С. 10—19.

16. *Алексеев Л. В.* «Меньск» и Минск. К начальной истории белорусской столицы // Культура славян и Русь (К 90-летию Б. А. Рыбакова). М., 1998. С. 375—392.

17. *Алексеев Л. В.* Древний Друцк (письменные источники, топография, время возникновения). К празднованию тысячелетия Друцка 1001—2001 гг. // РА. М., 2002. № 1. С. 74—91.

18. *Алексеев Л. В.* Друцк в XII—XVI вв. (Общие вопросы истории памятника) // РА. М., 2002. № 2. С. 81—98.

19. *Алекшин В. А.* К вопросу о методике реконструкции социальной структуры по данным погребального обряда // Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975. С. 49—53.

20. *Артеменко И. И.* Отчет о работе Белорусского отряда Приднепровской экспедиции Института археологии АН СССР в 1963 г. // Архив ИИ НАН Беларуси, № 254.

21. *Археалогія* і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1994. 702 с.

22. *Археалогія* Беларусі. У 4-х тамах. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча. Мн., 1999. 503 с.; Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. Мн., 2001. 597 с.

23. *Археографический* сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа. Вильно, 1867. Т. 1.

24. *Археология Украинской ССР.* В 3-х томах. Т. 3. Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев, 1986. 575 с.

25. *Архив* Полоцкой духовной консистории. М., 1902.

26. *Бардах Ю.* Дачыненні паміж каталікамі і праваслаўнымі ў Вялікім Княстве Літоўскім (канец XIV—XVII стст.) // Беларускі гістарычны агляд. Мн., Т. 1. С. 66—81.

27. *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присоединением других сведений, к ней же относящихся. СПб., 1855. 355 с.

28. *Бектинеев Ш. И.* Свинцовые гирьки северо-восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 66—67.

29. *Бектинеев Ш. И., Левко О. Н.* Средневековые Горы // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Мн., 1993. С. 8—19.
30. *Бектинеев Ш. И.* Полоцко-Витебская денежно-весовая система XIII—XIV в. // Lietuvos arheologija. 1999. Т. 18. С. 153—163.
31. *Беларускі архіў.* Т. 1—2. Мн., 1927—1928. Т. 1 (XVI—XVII стст.). 1927. 268 с.; Т. 2 (XV—XVI ст.) 1928. 443 с.; Т. 3. Менскія акты (XV—XVIII ст.). 1930. 413 с.
32. *Белоруссия* в эпоху феодализма. Сб. документов и материалов. В 3-х томах. Т. 1. С древнейших времен до середины XVII века. Мн., 1959. 516 с.; Т. 2. С середины XVII до XVIII века. 1960. 560 с.
33. *Беларуская* савецкая энцыклапедыя. Мн., 1974. Т. 11. С. 329—330.
34. *Брэжго В.* Замкі Віцебшчыны. Вільня, 1933. 32 с.
35. *Бубенько Т. С.* Ремесло Витебского посада X—XIII вв. // Города Верхней Руси. Истоки и становление (материалы к научн. конф.). Торопец, 1990. С. 3—7.
36. *Бубенько Т. С.* Посад Витебска X — первой половины XIV в. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1991. 24 с.
37. *Бубенька Т. С.* Вынікі вывучэння гандлёва-рамесленнага пасада раннесярэднявечнага Віцебска (1981—1989 гг.) // ГАЗ. Мн., 1993. Ч. 1. С. 32—42.
38. *Бубенько Т. С.* Кожаная обувь средневекового Витебска XII—XVIII вв. (По материалам исследований Нижнего замка) // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Мн., 1993. С. 127—137.
39. *Бубенька Т. С.* Да пытання аб лакалізацыі царквы Св. Параскевы Пятніцы ў Віцебску // Віцебскі сшытак. Віцебск, 1995. № 1. С. 5—6.
40. *Бубенько Т. С.* Торговые и культурные связи Витебска (По материалам Нижнего замка) // ГАЗ. 1996. № 8. С. 40—56.
41. *Бубенько Т. С., Левко О. Н.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Витебска // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. Мн., 2003. № 8. С. 71—95.
42. *Булкин В. А.* Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепро-Двинского междуречья // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. В 5-ти томах. 1987—1988. Т. 1. М., 1987. С. 34—42.
43. *Булкин В. А.* Днепро-Двинское пространство — «срединная Русь» // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 9. С. 130—135.
44. *Булкин В. А.* Кривичи и словене в верховьях Днепра и Двины // Славяно-русские древности. Древняя Русь: Новые исследования. СПб., 1995. Вып. 2. С. 218— 237.
45. *Ваганова А. Н.* Древнерусский феодальный замок XI—XIII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1985. 22 с.
46. *Ваганова А. Н.* Историческая география и типология древнерусских феодальных замков XI—XIII вв. // Вестник БГУ, 1987. Сер. 3, № 1. С. 28—31.
47. *Васілевіч Я.* Віцебскі Дзяржаўны культурна-гістарычны музей // Віцебшчына. 1928. Т. 2. С. 197—203.
48. *Витебск.* Энциклопедический справочник. Мн., 1988.
49. *Вішнеўскі А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мн., 2003. 319 с.
50. *Вішнеўскі А. Ф., Юхо Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах. Мн., 2003. 320 с.
51. *Габрусь Т.* Сьведкі з XVII стагоддзя // Мастацтва. 1993. № 5. С. 64—67.
52. *Ганцова С. К., Чамярыцкі В. А., Штыхаў Г. В.* Сведкі беларускай мінуўшчыны (Зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI—XV стст.). Мн., 1996. 167 с.
53. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. М.; Л., 1938. 351 с.
54. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. СПб., 1908. С. 326—327.
55. *ГИА ВМФ* в Санкт-Петербурге, ф. 3, оп. 25, д. 1747.
56. *Гісторыя* беларускага мастацтва. Энцыклапедыя. Мн., 1988. Т. 2.
57. *Голенченко Г. Я.* Идейные и культурные связи восточнославянских народов в XVI — середине XVII в. Мн., 1989. 284 с.
58. *Грамоты* Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.,1949. 408 с.
59. *Грицкевич А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI—XVIII вв. (Социально-экономическое исследование истории городов). Мн., 1975. 247 с.
60. *Грыгаровіч І.* Беларуская іерархія. Мн., 1992. 101 с.
61. *Грыцкевіч В., Мальдзіс А.* Шляхі вялі праз Беларусь. Мн., 1980. 270 с.
62. *Гурын М. Ф.* Жалезныя вырабы XIV—XVIII стст. з Віцебска // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1981. № 5. С. 18—24.
63. *Гурин М. Ф.* Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX—XIII вв. Мн., 1987. 150 с.

64. *Гурын М. Ф., Бекцінееў Ш. І.* Гандлёвыя сувязі Полацкай зямлі // ГАЗ. Мн., 1997. № 12. С. 66—76.
65. *Дагаворы* і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права. Мн., 2000. 126 с.
66. *Данилевич В. Е.* Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. 264 с.
67. *Дембовецкий А. С.* Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физическом, географическом, этнографическом, промышленном отношениях. В 3-х книгах. Могилев, 1884. Кн. 3. 392 с.
68. *Дзярновіч А.* Шклоў. Да пытання ўзнаўлення горада / Паведамленні 2-й абласной краязн. канф. 29 кастрычніка 1991 г. Магілёў, 1992. С. 50—52.
69. *Довнар Т. И., Шелкопляс В. А.* Государство и право Беларуси в XIV—XVI веках. Мн., 2003.
70. *Довнар-Запольский М. В.* Очерки истории кривичской и дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891. 170 с.
71. *Довнар-Запольский М. В.* Акты Литовско-русского государства. М., Т. 1. 1897; Т. 2. 1897. 567 с.
72. *Дорошенко В. В.* Протоколы рижского торгового суда как источник для изучения экономических связей Риги с русскими, белорусскими и литовскими землями в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 118—145.
73. *Дорошенко В. В.* Торговля и купечество Риги в XVII веке. Рига, 1985. 349 с.
74. *Драгун Ю. И.* Археологическое изучение детинца древней Орши // Доклады научн. конф. аспирантов и молодых ученых, посвященной 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Сер. истор. наук. Мн., 1967. С. 213.
75. *Драгун Ю. И.* Социально-экономическое развитие белорусского города в XI—XVIII вв. (по материалам Орши) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1969. 21 с.
76. *Древнерусские* княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. 240 с.
77. *Дучыц Л. У.* Аб адной катэгорыі курганных знаходак // ГАЗ. 1994. № 4. С. 49—57.
78. *Ениосова Н. В.* Украшения культуры смоленско-полоцких длинных курганов из раскопок в Гнездове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы научн. семинара за 2000 год. Псков, 2000. С. 207—219.
79. *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. М., 1990. 261 с.
80. *Еремеев И. И.* Двинско-Ловатское междуречье в погребальных памятниках последней четверти I тысячелетия н. э. // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9. С. 151—155.
81. *Живописная* Россия. Поселения в Белорусском Полесье. СПб., 1882. С. 410—411.
82. *Загорульский Э. М.* Раскопки в Копыси // АО 1972 года. М., 1973. С. 359.
83. *Загорульский Э. М.* Открытия в Копыси // Неман, 1973. № 1. С. 190—191.
84. *Загарульскі Э. М.* Заходняя Русь IX—XIII стст. Мн., 1998. 240 с.
85. *Заяц Ю. А.* Менская зямля // Беларускі гістарычны часопіс. Мн., 1993. № 4. С. 8—15.
86. *Заяц Ю. А.* Полоцкие события «Саги об Эймунде» // Полоцкій летописецъ. Полоцк, 1993. № 1(2). С. 5—11.
87. *Заяц Ю. А.* Социальные группы населения Изяславля на стадии формирования и раннем этапе развития города (X—XI вв.): По материалам Заславского курганного могильника // ГАЗ. Мн., 1996. № 8. С. 129—147.
88. *Заяц Ю. А.* История Белорусских земель X — первой половины XIII в. в отображении летописей и хроник Великого княжества Литовского // ГАЗ. Мн., 1997. № 12. С. 85—91.
89. *Збор* помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мн., 1985. 496 с.
90. *Збор* помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. Мн., 1986. 407 с.
91. *Іванова Л.* З гісторыі рэфармацыйнай царквы ў Віцебску ў другой палове XVI—XVII ст. // Віцебскі сшытак. 1996. № 2. С. 41—45.
92. *Игнатенко А. П.* Ремесленное производство в городах Белоруссии в XVII—XVIII вв. Мн., 1963. 87 с.
93. *История* крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. В 3-х томах. Т. 1. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М., 1985. С. 327.
94. *Историко*-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в центральном архиве в Витебске, и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова. Т. VII. 1876. 517 с.; Т. IX. 1878. 546 с.; Т. XVI. 1886. 510 с.; Т. XVII. 1887.; Т. XVIII. 1888. 415 с.; Т. XIX. 1889. 496 с.; Т. XX. 1890. 512 с.; Т. XXI. 1891. 500 с.; Т. XXII. 1891. 500 с.; Т. XXIII. 1892. 512 с.; Т. XXIV. 1893. 516 с.; Т. XXV. 1894. 508 с.; Т. XXVI. 1895. 516 с.; Т. XXVIII. 1900. 460 с.; Т. XXXI. 1903. 440 с.
95. *История* Белорусской ССР. В 2-х томах. Мн., 1961. Т. 1. 655 с.
96. *Калядзінскі Л. У.* Пра абарончы вал дзядзінца летапіснага Віцебска // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе, 1997. С. 57—60.

97. *Калядзінскі Л. У.* Віцебскі храм Св. Міхаіла // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. 1995. № 1. С. 59—66.

98. *Капыскі З. Ю.* Аршанскае права // ПГКБ. 1972. № 2. С. 24—26.

99. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. В 4-х книгах (12-ти томах). Кн. 2. Т. 5—8. Мн., 1989. 616 с.

100. *Кацар М. С., Жабінская М. П.* Тканіны з старажытных пахаванняў // ПГКБ. 1980. № 2. С. 37—39.

101. *Клейненберг И. Э.* Цены, вес и прибыль в посреднической торговле товарами русского экспорта в XIV — начале XV в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 32—46.

102. *Колединский Л. В.* Раскопки в Витебске // АО 1980 года. М., 1981. С. 338—339.

103. *Колединский Л. В., Ткачёв М. А.* Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983. С. 19—23.

104. *Колединский Л. В.* Летописный Видбеск: истоки и генезис // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 51—56.

105. *Колединский Л. В.* Верхний замок Витебска в XI—XVII вв. // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1991. 34 с.

106. *Колединский Л. В.* Первый храм Витебска // Тез. навук. канф., прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царквы на Беларусі. Мн., 1992. С. 65—66.

107. *Колединский Л. В.* Аксиомы, теоремы и софизмы в интерпретации становления Верхнего замка Витебска // Castrum, urbis et bellum. Барановичи, 2002. С. 219—231.

108. *Колосовский Ю. В.* Новые данные о раннеславянском поселении у д. Вежки Оршанского Поднепровья // Тэз. дакл. навук. канф. «Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча». Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мн., 1997. С. 37—38.

109. *Колосовский Ю. В.* Отчет об археологических исследованиях в 1998 г. в Дубровенском районе Витебской обл. Ч. 1. // Архив ИИ НАН Беларуси, д. № 1820.

110. *Конецкий В. Я.* Социальная организация населения Приильменья и формирование коренной территории Новгородской земли в конце I тыс. н. э. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995. Вып. 9. С. 31—40.

111. *Копысский З. Ю.* Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Мн., 1966. 226 с.

112. *Копысский З. Ю.* Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Мн., 1975. 211 с.

113. *Копытин В. Ф.* Археологические памятники Шкловского района Могилевской области. Могилев, 1993. 98 с.

114. *Котляр Н. Ф.* Закономерности и основные этапы складывания территории Галицко-Волынской Руси (VI—XII вв.) // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. М., 1995. С. 123—135.

115. *Котляр Н. Ф.* Древнерусская государственность. СПб., 1998. 443 с.

116. *Красовский И. С.* О плане Десятинной церкви в Киеве // РА. М., 1998. № 3. С. 149—156.

117. *Красьнянскі В.* Музэйныя помнікі старадаўніх віцебскіх рамесніцкіх арганізацыяў // Віцебшчына. 1925. Т. 1. С. 40—48.

118. *Красьнянскі В.* «Чарцёж» места Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 6 / Працы камісіі гісторыі мастацтва. Мн., 1928. Т. 1. С. 39—93.

119. *Красьнянскі В.* Батлейка Віцебскага аддзялення Беларускага Дзяржаўнага музэю // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 6 / Працы камісіі гісторыі мастацтва. Мн., 1928. Т. 1. С. 127—140.

120. *Красьнянскі В.* Віцебскі гандль у 1605 г. // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Кн. 3 / Працы клясы гісторыі. Мн., 1928. Т. 2. С. 365—374.

121. *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 144—202.

122. *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. 166 с.

123. *Кулагін А. М., Цярохін С. Ф.* Гарадок // Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. 1985. С. 202—203.

124. *Ласкавы Г. Р.* Да пытання аб арганізацыі і складзе ўзброеных сіл Полацкай зямлі ў канцы XI — пачатку XIII ст. // ГАЗ. Мн., 1993. Ч. 2. С. 5.

125. *Ласкавы Г. В., Лапо І. М.* Курганы з каменнымі выкладкамі на паўночным усходзе Беларусі (Па матэрыялах курганнага могільніка Вышадкі) // ГАЗ. Мн., 1994. № 3. С. 148—160.

126. *Лебедев Г. С.* Погребальный обряд как источник социологической реконструкции (По материалам Скандинавии эпохи викингов) // КСИА. 1977. Вып. 148. С. 24—30.
127. *Левко О. Н.* Витебск XIV—XVIII вв. (По археологическим данным) // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 24 с.
128. *Левко О. Н.* Исследования в северо-восточной Белоруссии // АО 1980 г. М., 1981. С. 340—341.
129. *Левко О. Н.* Методика изучения позднесредневековой керамики Витебска // Древности Белоруссии и Литвы. Мн., 1982. С. 129—137.
130. *Левко О. Н.* Профилировка и орнаментика керамики XII—XV вв. северо-восточной Белоруссии // Древнерусское государство и славяне. Мн., 1983. С. 79—81.
131. *Левко О. Н.* Работы в Витебске и его округе // АО 1981 г. М., 1983. С. 356.
132. *Левко О. Н.* Исследование посада феодального Витебска // АО 1982 г. М., 1984. С. 363—364.
133. *Левко О. Н.* Витебск XIV—XVIII вв. (Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств). Мн., 1984. 120 с.
134. *Левко О. Н.* Работы на Витебском Взгорье // АО 1984 г. М., 1986. С. 355.
135. *Левко О. Н.* Социально-топографическая и планировочная структура белорусского феодального города (По материалам Витебска) // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 2а. С. 147—150.
136. *Левко О. Н.* Роль Витебска в организации торговли в Белорусском Подвинье в эпоху феодализма // К 1125-летию Полоцка. Конф. «История и археология Полоцка и Полоцкой земли». Полоцк, 1987. С. 31—32.
137. *Левко О. Н.* Исследования в Городке Витебской области // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. Псков, 1988. С. 75—77.
138. *Левко О. Н.* Исследования в Витебской области // АО 1986 г. М., 1988. С. 372—373.
139. *Левко О. Н.* Дроздовский курганный могильник // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв. ». Тез. докл. Чернигов, 1988. С. 78—80.
140. *Левко О. Н.* Торговые связи Витебска в X—XVIII вв. Мн., 1989. 87 с.
141. *Левко О. Н.* К проблеме этно-культурного развития населения северо-восточной Белоруссии в I — начале II тыс. н. э. // Міжнар. канф. «Славяне: адзінства і мнагастайнасць». 24—27 мая 1990 г. Тэз. дакл. і паведамл. Мн., 1990. С. 36—38.
142. *Левко О. Н.* Пути и характер расселения славян на территории северо-восточной Белоруссии // VI Междунар. конгресс славянской археологии. Тез. докл. советской делегации. М., 1990. С. 38—41.
143. *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* Новые данные о памятниках I — начала II тыс. н. э. северо-восточной Белоруссии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. конф. Псков, 1991. С. 57—59.
144. *Левко О. Н.* Археологическое исследование Орши // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Тэз. дакл. канф. Полацк, 1992. С. 41—42.
145. *Левко О. Н.* Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии. Мн., 1992. 127 с.
146. *Левко О. Н.* Средневековая Орша и ее округа (Историко-археологический очерк). Орша, 1993. 51 с.
147. *Левко О. Н.* Типология и функциональное развитие средневековых городских поселений северо-восточной Беларуси // Віцебшчына старадаўняя і сучасная. Тэз. дакл. канф. Віцебск, 1993. С. 9—10.
148. *Левко О. Н.* Средневековые погребальные памятники Оршанского Поднепровья // Час, помнікі, людзі. Памяці рэпрасаваных археолагаў. Тэз. дакл. міжнар. канф. Мн., 1993. С. 73—75.
149. *Левко О. Н.* Памятники второй половины I тыс. н. э. северо-восточной Беларуси в свете формирования племенных «княжений» // ГАЗ. Мн., 1994. № 5. С. 207—226.
150. *Левко О. Н.* Возникновение и развитие раннесредневековых городов на северо-востоке Белоруссии // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі і падыходы. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994. С. 38—44.
151. *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* К вопросу о культурной принадлежности городищ третьей четверти I тыс. н. э. Оршанского Поднепровья // Археалогія і старажытная гісторыя Магілёўшчыны і сумежных тэрыторый. Матэрыялы канф. 22 красавіка 1993 г. Магілёў, 1994. С. 133—141.
152. *Левко О. Н.* Начальный этап формирования Полоцкого государства // Міжнар. навук. канф. «Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора знікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці». 5—6 верасня 1995 г. Полацк, 1996. С. 36—41.
153. *Левко О. Н.* Культовые памятники Орши конца XVI—XVIII в. (Историко-археологическое исследование). Орша, 1996. 52 с.

154. *Левко О. Н.* Население Днепро-Двинского междуречья в VI—XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) // Тэз. дакл. і паведамл. Беларускай дэлегацыі на VI Міжнар. кангрэсе славянскай археалогіі. Ноўгарад, 26—31 жніўня 1996 г. Мн., 1996. С. 52—54.

155. *Левко О. Н.* Культовые памятники Орши конца XVI—XVIII в. (Историко-археологическое исследование) // Беларусістыка. Гуманітарныя і сацыяльныя навукі. Мн., 1997. № 29. С. 87—89.

156. *Левко О. Н.* Население Днепро-Двинского междуречья в VI—XI вв. (Этнический состав, социальная и территориальная структура) // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 3. С. 156—165.

157. *Левко О. Н.* Исследование фундаментов ворот с колокольней в Кутеинском мужском Богоявленском монастыре // Гісторыя Беларусі. Жалезны век і сярэднявечча. Да 70-годдзя з дня нараджэння Г. В. Штыхава. Мн., 1997. С. 43—46.

158. *Левко О. Н.* Отражение межконфессиональных отношений в культовых памятниках Орши XVI—XVIII вв. // Заслаўскія чытанні 1995 г. Заслаўе, 1997. С. 83—89.

159. *Левко О. Н.* Археологическое изучение Дубровенского замка // III Міжнар. навук. канф. «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі». 21—23 красавіка 1997 г. Полацк, 1998. С. 164—170.

160. *Левко О. Н.* Новое об исторической топографии Витебска // Рэспубл. навук.-практ. канф. «Гісторыя Беларусі: новае ў даследаванні і выкладанні». 27 сакавіка 1999 г. Мн., 1999. Ч. 2. С. 74—77.

161. *Левко О. Н.* Хозяйственно-административные структуры северо-восточной Беларуси в раннем средневековье (по археологическим источникам) // II Усебелар. канф. гісторыкаў «Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця». Мінск, 10—11 красавіка 1997. Мн., 1999. С. 32—34.

162. *Левко О. Н.* Формирование и развитие территориально-административных центров северо-восточной Беларуси в IX—XVIII вв. / Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. Мн., 2000. 35 с.

163. *Левко О. Н.* Актуальные вопросы истории Беларуси раннего средневековья в современных исследованиях // Навук. канф., прысвечаная 70-годдзю Інстытута гісторыі НАН Беларусі. «Гістарыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця». Мінск, 6—7 кастрычніка 1999 г. Мн., 2000. С. 54—58.

164. *Левко О. Н.* Друцк и Друцкая волость (Историко-археологическая реконструкция) // Науч.-практ. конф. «Древнему Друцку 1000 лет». Витебск, 2001. С. 5—17.

165. *Левко О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Оршанского Поднепровья в конце I — начале II тысячелетия // Веснік МДУ імя А. А. Куляшова. 2001. № 1(8). С. 16—29.

166. *Левко О. Н.* Классификация укрепленных поселений Оршанского Поднепровья X—XIII вв. // Междунар. научн. конф. «Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий». 30 января — 1 февраля 2002 г. Докл. и сообщ. Могилев, 2002. С. 144—154.

167. *Левко О. Н.* О датировке начального и финального этапов развития средневекового Друцкого комплекса // IV Міжнар. канф. «Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі». 23—24 кастрычніка 2002 г. Полацк, 2002. С. 167—173.

168. *Левко О. Н. Бубенько Т. С.* «Белые пятна», или Спорные вопросы в ранней истории и топографии Витебска // Междунар. науч.-теоретич. конф. «История и культура Европы в контексте становления и развития региональных цивилизаций и культур: Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности». Витебск, 2002. С. 190—193.

169. *Левко О. Н.* Улица Подвинская в Витебске (Археологическое изучение в 1979—1998 годах) // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Мн., 2003. № 6. С. 137—172.

170. *Левко О. Н.* Обзор историко-археологических исследований по Шклову XVI—XVIII вв. // III Міжнар. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць». Зборнік навук. прац. 22—23 мая 2003 г. Магілёў, 2003. Ч. 1. С. 106—111.

171. *Левко О. Н.* Племенные структуры, погосты и волости Витебского Подвинья в конце I — начале II тысячелетия // Ученые записки. Витебск, 2003. Т. 2. С. 31—49.

172. *Левко О. Н.* Археологическое исследование селища у оз. Луговое на территории г. п. Городок Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. Мн., 2003. № 8. С. 164—181.

173. *Левко О. Н., Колосовский Ю. В.* Раскопки городища у д. Кисели (Дымокуры) Толочинского района и у д. Черкасово Оршанского района Витебской области // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. Мн., 2003. № 8. С. 182—208.

174. *Левко О. Н.* Новейшая историография и место памятников Белорусского Поднепровья и Подвинья в проблеме ранних славян Восточной Европы // Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья / Материалы по археологии Беларуси. Мн., 2003. № 8. С. 280—291.

175. *Левко О. Н., Коваленко Д. А.* Археологическое изучение посада древней Копыси // Междунар. науч.-теоретич. конф. «История и культура Европы в контексте становления и развития

регинальных цивилизаций и культур: Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности». Витебск, 2003. С. 421—422.
176. *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. 303 с.
177. *Лопатин Н. В., Фурасьев А. Г.* О роли памятников III—V вв. в формировании культур Псковских длинных курганов и Тушемли-Банцеровщины // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 9. С. 136—142.
178. *Лопатин Н. В.* Днепро-Двинская культура как компонент культуры длинных курганов // Труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М. 1997. С. 166—176.
179. *Лысенко П. Ф.* Туровская земля IX—XIII вв. Мн., 1999. 268 с.
180. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута: Исторические очерки. М., 1892. 884 с.
181. *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1900. 850 с.
182. *Ляўданскі А. М.* Курганны могільнік каля в. Чаркасава Аршанскай акругі // Працы археалагічнай камісіі. Мн., 1930. Т. 2. С. 57—70.
183. *Ляўданскі А. М.* Археолёгічныя досьледы ў Віцебскай акрузе // Працы. Мн., 1930. Т. 2. С. 93—104.
184. *Ляўданскі А. М.* Археолёгічныя досьледы ў Аршанскай акрузе // Працы. Мн., 1932. Т. 2. С. 31—46.
185. *Ляўко В. М.* Гандлёвыя сувязі Віцебска XV—XVIII стст. // ПГКБ. 1983. № 3. С. 39—41.
186. *Ляўко В. М.* Абутак з культурнага слоя Віцебска XIV—XVIII стст. // Помнікі старажытнабеларускай культуры. Мн., 1984. С. 168—174.
187. *Ляўко В. М.* Замак Езярышча // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Мн., 1989. С. 180—183.
188. *Ляўко В. М.* Узнікненне і развіццё раннесярэдневяковых гарадоў на паўночным усходзе Беларусі // Усебеларус. канф. гісторыкаў. Мінск, 3—5 лютага 1993 г. Тэз. дакл. і паведамл. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. Мн., 1993. С. 50—52.
189. *Ляўко В. М.* Археалагічныя помнікі Аршаншчыны ў эпоху сярэднявечча // Аршанскі краязнаўчы зборнік. Орша, 1995. С. 12—16.
190. *Ляўко В. М.* Гісторыя Шклоўшчыны па археалагічных і пісьмовых крыніцах (да сярэдзіны XVIII ст.) // БГЧ. 1996. № 2. С. 92—106.
191. *Ляўко В. М.* Смаленска-Полацкае памежжа ў Верхнім Падняпроўі (Па археалагічных і пісьмовых крыніцах) // ГАЗ. Мн., 1997. № 12. С. 172—180.
192. *Ляўко В. М.* Там, дзе быў Дубровенскі замак (Першыя старонкі гісторыі Дуброўны) // Памяць. Дубровенскі раён. Мн., 1997. Т. 1. С. 34—38.
193. *Ляўко В. М.* Аршанскае Падняпроўе пад уладай Глеба Менскага // Памяць. Орша. Аршанскі раён. У 2 кн. Кн. 1. Мн., 1999. С. 42—43.
194. *Ляўко В. М.* Орша і яе воласць ў 12—13 стст. // Памяць. Орша. Аршанскі раён. У 2 кн. Кн. 1. Мн., 1999. С. 45—47.
195. *Ляўко В. М.* Раннесярэднявечнае грамадства на тэрыторыі Беларусі (Структура, служылыя арганізацыі, павіннасці) // Штогоднік Інстытута гісторыі НАН Беларусі. Мн., 1999. С. 17—25.
196. *Ляўко В. М.* Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. Мн., 2000. С. 87—113.
197. *Ляўко В. М.* Генезіс феадальных адносін на беларускіх землях // Гісторыя Беларусі. Т. 1. Мн., 2000. С. 239—245.
198. *Ляўко В. М.* Раздрабленне тэрыторыі Полацкай зямлі на княствы-ўдзелы // ГАЗ. Мн., 2000. № 15. С. 116—122.
199. *Мараш Я. Н.* Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569—1795). Мн., 1971. 272 с.
200. *Марзалюк І.* Да пытання аб адміністрацыйна-тэрытарыяльнай прыналежнасці і сацыяльным статусе Магілёва ў XII—XIII стст. // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1998. С. 178—185.
201. *Марзалюк І.* Магілёў у XII—XVIII стагоддзях. Мн., 1998. 258 с.
202. *Мартос А.* Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. Мн., 1990. 296 с.
203. *Мелешко В. И.* Торговые связи Могилева с городами Польши и Прибалтики во второй половине XVI— первой половине XVII в. // Acta-Baltico-Slavica. Bialostok, 1966. T. II. S. 61—101.
204. *Мелешко В. И.* Могилев в XVI — середине XVII в. Мн., 1988. 263 с.
205. *Митрофанов А. Г.* О происхождении культуры типа верхнего слоя Банцеровщины (V—VIII вв.) // Беларускія старажытнасці. Мн., 1972. С. 150—163.
206. *Митяев К. Г.* Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII века // Исторические записки. М., 1942. № 13. С. 54—84.

207. *Міхайлоўскі Л.* Пятроўскі вал // Беларусь. 1951. № 7. С. 30.

208. *Моця А. П.* Население Среднего Поднепровья IX—XIII вв. Киев, 1987. 165 с.

209. *Муравская Е. И.* Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII—XV вв. // Известия АН Латвийской ССР. 1961. Т. 40. Вып. 3. С. 299—330.

210. *Мяцельскі А. А.* Некаторыя пытанні гістарычнай геаграфіі Смаленскай зямлі XII—XIII стст. // ГАЗ. Ч. 2. 1993. С. 60—72.

211. *Мяцельскі А. А.* Орша ў XII—XIII стагоддзях: паміж Полацкам і Смаленскам // ГАЗ. 1995. № 6. С. 214—224.

212. *Мяцельскі А. А.* Шаўнеўскае гарадзішча XII—XIII стст. // ГАЗ. № 10. 1996. С. 65—67.

213. *Мяцельскі А. А.* Да пытання аб прыродных і антрапагенных межах Віцебскай зямлі XII—XIII стст. // ГАЗ. 1997. № 12. С. 187—193.

214. *Назаренко А. В.* Родовой сюзеренитет Рюриковичей над Русью (X—XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 149—157.

215. *Нарысы* гісторыі Беларусі. У 2-х частках. Ч. 1. Мн., 1994. 527 с.

216. *Насевіч В. Л.* Род князёў Друцкіх у гісторыі Вялікага княства Літоўскага (XIV—XVI стст.) // Старонкі гісторыі Беларусі. Мн., 1992. С. 81—103.

217. *Насевіч В., Спірыдонаў М.* «Русь» у складзе Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. // З глыбі вякоў. Наш край. Мн., 1996. Вып. 1. С. 4—19.

218. *Насевіч В. Л.* Дубровеншчына ў складзе Вялікага княства Літоўскага // Памяць. Дубровенскі раён. Кн. 1. Мн., 1997. С. 50—67.

219. Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 145—158.

220. *НАРБ*, ф. 2617, оп. 1, д. 6. л. 1; ф. 3258, оп. 1, д. 2, л. 1—6; д. 14, л. 1—3.

221. *НИА РБ*, ф. КМФ-5, оп. 1, д. 1781/1, л. 3; д. 1790/1, л. 1; д. 1792, л. 3, ф. КМФ-18, оп. 1, д. 14, л. 334/334об.; д. 15, л. 77об—78об.; д. 38, л. 203/203об.; л. 472—475; д. 64, л. 22об.—26, 244—248об.; д. 284, л. 149/150об.; д. 531; л. 43/43об.; ф. 694, оп. 4, д. 1207, л. 6, 9/9 об.; оп. 7, д. 832, л. 1—4; ф. 1727, оп. 1, д. 3, л. 576/576об.; л. 577/577об., л. 578—581об.; ф. 1817, оп. 1, д. 54, л. 131; ф. 1875, оп. 1, д. 2, л. 52/52об., 168, 173.

222. *Никифоровский Н. Я.* Странички из недавней старины г. Витебска. Витебск, 1895. 251 с.

223. *Новгородская* первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 476.

224. *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972. С. 153—155.

225. *Носов Е. Н.* Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 64—69.

226. *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. М., 1981. № 1. С. 42—56.

227. *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании город-ских центров северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 157—170.

228. *Оглоблин Н. И.* Объяснительная записка к карте Полоцкого повета во второй половине XVI века // Сборник Археологического института. СПб., 1880. Кн. III, Отделение II. С. 3—53; Кн. IV, Отделение II. С. 3—75.

229. *Описание* документов Виленского центрального архива древних актовых книг. Вильно, 1913. Вып. 10. С. 97.

230. *ОР БАН* Литвы. F. 40, д. 1136, 1157; f. 93, д. 1786.

231. *Отчет* Археологической комиссии за 1893 год. СПб., 1905.

232. *Очерки* по археологии Белоруссии. Мн., 1972. Ч. II. 247 с.

233. *Павулан В. В.* Хозяйственное и политическое значение даугавского торгового пути в XIII—XVII вв. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 75—94.

234. *Памятная* книжка Витебской губернии на 1868 г. СПб., 1868.

235. *Памятники* русского права / Под ред. С. В. Юшкова. М., 1952. Вып. 1. 288 с.

236. *Платонова Н. И.* Погосты и формирование системы расселения на Северо-Западе Новгородской земли (По археологическим данным) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1988. 24 с.

237. *Платонова Н. И.* Древнерусские погосты в Уставе князя Владимира Святославича // Науч. конф. «Города Верхней Руси. Истоки и становление». Торопец, 1990. С. 103—108.

238. *Поболь Л. Д.* Археологические памятники Белоруссии. Железный век. Мн., 1983. 456 с.

239. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. 406 с.

240. *Полное* собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1962. Т. 1—2; 1965. Т. 8—9; 1975. Т. 32; 1980. Т. 35. С. 247.

241. *Полоцкие* грамоты XIII — начала XVI в. / Составитель А. Л. Хорошкевич. М., 1977. Т. 1. 124 с.

242. *Помнікі* старажытнай беларускай пісьменнасці. Мн., 1975.

243. *Потин В. М.* Монеты в погребениях древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Т. XII. С. 49—119.

244. *Працы* археалагічнай камісіі. Мн., 1930. Т. 2. 532 с.

245. *Працы* секцыі археалогіі Інстытута гісторыі Беларускай акадэміі навук. Мн., 1932. Т. 3. 546 с.

246. *Рассадин С. Е.* Неизданная книга (Евдоким Романович Романов. Археологическая карта Могилевской губернии) // История книги, книжного дела и библиографии в Белоруссии. Мн., 1986. С. 98—107.

247. *РГАДА*, ф. 137, оп. 1, д. 2, ч. 2, л. 204—215; ф. 389, д. 5, л. 309—310, д. 100, л. 43; д. 330, л. 190; ф. 187. Боярские и городовые книги. Витебск, 1665 г., л. 1об., 59; ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 724(1). Описание города Орши. 1766—1861 гг., л. 1.

248. *РГИА* в Санкт-Петербурге, ф. 799, оп. 2, ед. хр. 8026, 16 л.; оп. 33, д. 845, л. 31—32; ф. 835, оп. 1, д. 396, 14 л.; ф. 1286, оп. 11, д. 18, л. 54; ф. 1487, оп. 42, д. 311, 1 л.; д. 310, 2 л.; ф. 1488, оп. 2, д. 744, 1 л.; д. 745, 5 л.; д. 746, 1 л.

249. *Риер Я. Г.* Характер размещения сельского населения в Могилевском Поднепровье в X—XIII вв. // СА. 1982. № 4. С. 107—117.

250. *Риер Я. Г.* Средневековая деревня Восточной и Центральной Европы (По археологическим данным) / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1993. 44 с.

251. *РОБВУ*, ф. 78, ед. хр. 956.

252. *Рогов А. И., Покровский Н. Н.* Собрание рукописей академика М. Н. Тихомирова, переданное Сибирскому отделению АН СССР // Археографический ежегодник, 1965. М., 1966. С. 162.

253. *Романов Е. Р.* Раскопки в Могилевской губернии в 1888 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1890. Т. 13. Вып. 1. С. 128—152.

254. *Россия*. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В. П. Семенова. Т. 1—14, 1899—1914. Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия (Описание губерний Смоленской, Могилевской, Витебской и Минской). М., 1905. 619 с.

255. *Рукавишников А. В.* Почему полоцкие князья были сосланы в Византию: Свидетельства источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 2 (12). С. 99—111.

256. *Русско*-белорусские связи. Сб. документов (1570—1667). Мн., 1963. 534 с.

257. *Русско*-Ливонские акты / Изд. К. Е. Напьерский. СПб., 1868. 162 с.

258. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. 792 с.

259. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. 590 с.

260. *Рыер Я. Г.* Ад абшчынных гарадзішчаў да рэзыдэнцый паноўнікаў // Рэгіян. навук. канф. «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя». Ч. 1. Археалогія. Магілёў, 1995. С. 196—200.

261. *Рычка В. М.* Формирование территории Киевской земли (IX — первая треть XII в.). Киев, 1988. 121 с.

262. *Рябцевич В. Н.* Дирхамы арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX—X вв.) // Славяне и их соседи (Археология, нумизматика, этнология). Мн., 1998. С. 66—80.

263. *Сагановіч Г.* Становішча Праваслаўнай царквы ў другой палове XVII ст. // Тэз. навук. канф., прысвечанай 1000-годдзю Полацкай епархіі і праваслаўнай царкве на Беларусі. 25 верасня 1992 г. Мн., С. 52—53

264. *Сапунов А. П.* Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1. 669 с.

265. *Сапунов А. П.* Река Западная Двина. Витебск, 1893. 512 с.

266. *Сапунов А. П.* Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян. Витебск, 1894. 19 с.

267. *Сапунов А. П.* Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск, 1903. 97 с.

268. *Седин А. А.* Памятники третьей четверти I тысячелетия н. э. в междуречье верхнего Сожа и Днепра // Навук. рэгіян. канф. «Гістарычныя лёсы верхняга Падняпроўя». Ч. 1. Археалогія. Магілёў, 1995. С. 131—152.

269. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли // МИА СССР. М., 1960. № 92. 158 с.

270. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970, 199 с.

271. *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 240—259.

272. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР с древнейших времен до средневековья. В 20-ти томах. М., 1982. 327 с.

273. *Седов В. В.* Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127—137.
274. *Седов В. В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995. 510 с.
275. *Седов В. В.* Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов // РА. 1998. № 2. С. 54—66.
276. *Седов В. В.* У истоков раннеславянской государственности. М.,1999. 144 с.
277. *Седых В. Н.* Монеты в торговле Северной Руси эпохи раннего средневековья // Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье). СПб., 1994. С. 135—152.
278. *Сементовский А. М.* Белорусские древности. СПб., 1890. Вып. 1. 136 с.
279. *Сементовский А. М.* Витебск, статистический очерк. // ПКВГ на 1865 год. СПб., 1865. С. 93—274.
280. *Семенчук Г. Н.* Формирование и развитие территории Полоцкой земли в IX— первой половине XIII века // Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Мн., 1993. 24 с.
281. *Семянчук Г.* Княства Усяслава Брачыславіча Чарадзея // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі. Полацк, 1998. С. 281—291.
282. *Сергеева З. М.* Курганы у дер. Багриново вблизи древнерусского Друцка (БССР) // КСИА. М., 1969. Вып. 120. С. 107—111.
283. *Сергеева З. М.* Раскопки курганов в Толочинском районе (БССР) // КСИА. М., 1972. Вып. 129. С. 61—64.
284. *Сергеева З. М.* Раскопки курганов на Друцком волоке // КСИА. М., 1974. Вып. 139. С. 49—52.
285. *Сергеева З. М.* Курганы у д. Новинки (Витебская область) // КСИА. М., 1975. Вып. 144. С. 85—90.
286. *Сергеева З. М.* Народные названия курганов на северо-востоке Белоруссии // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 67—72.
287. *Сергеева З. М.* К изучению древних путей сообщения в верховьях Лучесы // Навук. рэгіян. канф. «Гістарычныя лёсы Верхняга Падняпроўя». Ч. 1. Археалогія. Магілёў, 1995. С. 175—179.
288. *Сідарэнка Б. І.* Спрэчныя пытанні гісторыі Шклова XVI стагоддзя // Магілёўская даўніна. 1997. Вып. 5. С. 80—83.
289. *Скрыпчанка Т. С.* Філігранныя бранзалеты // ПГКБ. 1980. № 4. С. 41—42.
290. *Слюнькова И. Н.* Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII — середины XIX в. Мн., 1992. 144 с.
291. *Смоленские* грамоты XIII—XIV вв. М., 1963. 139 с.
292. *Собалева Л. П.* Соф'я Гальшанская (Друцкая) — вядомая гістарычная постаць // Научн. конф. «Древнему Друцку 1000 лет». Вітебск, 2001. С. 51—54.
293. *Соловьева Г. Ф.* Памятники конца I тыс. н. э. в Верхнем Поднепровье // МИА. 1970. № 176. С. 99—100.
294. *Спірыдонаў М.* Беларусь на карце Вялікага княства Літоўскага 1613 г. // З глыбі вякоў. Наш край. Гістарычна-культуралагічны зборнік. Мн., 1997. Вып. 2. С. 133—144, дадатак 2.
295. *Спиридонов М. Ф.* Заславль в XVI в. Мн., 1998. 94 с.
296. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. М.; Л., МИА. 1960. № 76. С. 214—219.
297. *Супінскі А. К.* Прыгонная Віцебшчына // Віцебшчына. 1928. Т. 2. С. 132—139.
298. *Тарасаў С.* Хрышчэнне Полацкай зямлі // Спадчына. 1990. № 3. С. 44—46.
299. *Тарасаў С. В., Мілюцін У. М.* Помнік дробнай пластыкі з Полацка // Полоцкий летописец. Историко-литературный журнал. Полоцк, 1993. № 1(2). С. 39—41.
300. *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. В 7-ми томах. М.; Л., 1963. Т. 2. 352 с.
301. *Татищев В. Н.* и изучение русского летописания. Летописи и хроники. 1980. М., 1981. 256 с.
302. *Терпиловский Р. В., Абашина Н. С.* Памятники киевской культуры. Киев, 1992. 224 с.
303. *Тимощук Б. А.* Общинный строй восточных славян VI—X вв. / Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. М., 1983. 36 с.
304. *Ткачев М. А., Левко О. Н., Колединский Л. В. и др.* Исследования Витебского отряда // АО 1977 года. М., 1978. С. 425.
305. *Ткачев М. А., Королев А. И.* Работы Днепро-Двинского отряда // АО 1977 г. М., 1978. С. 429.
306. *Ткачев М. А., Колединский Л. В., Бубенько Т. С.* Средневековый Витебск // Труды V Междунар. конгресса славянской археологии. Т. 3. Города, их культурные и торговые связи. М., 1987. С. 80—88.
307. *Ткачев М. А.* Замки Белоруссии. Мн., 1987. 222 с.

308. *Ткачоў М. А.* Замкі і людзі. Мн., 1991. 183 с.
309. *Ткачоў М. А., Бубенька Т. С.* Да пытання аб каменных умацаваннях дольняга замка Віцебска // ГАЗ. 1993. № 2. С. 153—161.
310. *Ткачоў М. А.* Суражскі замак // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. Мн., 1994. С. 595—596.
311. *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. 206 с.
312. *Толочко А. П.* Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 222 с.
313. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963. 194 с.
314. *Трусов О. А.* Сравнительный анализ строительной техники Черниговского, Полоцкого (Витебского) и Гродненского монументального зодчества // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.» Тез. докл. Чернигов, 1988. С. 44—46.
315. *Турбин Н. М.* Раскопки 1885 года // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1885. Т. X. Вып. 25.
316. *Улашчык М.* Валочная памера // Беларуская мінуўшчына. 1996. № 1. С. 49—53.
317. *Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю.* Города-государства в Древней Руси // Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 253—275.
318. *Фроянов И. Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. СПб., 1995. 704 с.
319. *Хмяльніцкая Л., Цішкін І.* Езуіцкі калегіум у Оршы // ГАЗ. 1994. № 3. С. 228—236.
320. *Хмяльніцкая Л.* З гісторыі Віцебскага базыльянскага кляштара // ГАЗ. 1994. № 4. С. 201—213.
321. *Хмяльніцкая Л.* Род фундатараў і мецэнатаў // Віцебскі сшытак. Віцебск, 1995. № 1. С. 42—51.
322. *Хорошкевич А. Л.* Договоры Полоцка 1405—1406 гг. как источник по истории его внешней торговли и торговой политики // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 79—87.
323. *Хорошкевич А. Л.* Значение экономических связей с Прибалтикой для развития северо-западных русских городов в конце XV — начале XVI в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 13—31.
324. *Цауне А. В.* Жилища Риги XII—XIV вв. Рига, 1984. 151 с.
325. *Ціхановіч Е.* Пячорная царква і падземны ход у Варшанскім Куцеінскім манастыры // Наш край. 1926. № 2—3.
326. *Цішкін І.* Храм на рынку ў Віцебску // Віцебскі сшытак. 1996. № 2. С. 54—56.
327. *Цішкін І.* Невядомы помнік беларускага рэнесанса // Castrum, urbis et bellum. 2002. С. 391—396.
328. *Чарняўская Т. І.* Архітэктура Віцебска. Мн., 1980. 124 с.
329. *Шадыро В. И.* Ранний железный век Северной Белоруссии. Мн., 1985. 124 с.
330. *Шаскольский И. П.* Торговля России с Прибалтикой и Западной Европой в XVII в. // Экономические связи Прибалтики с Россией. Рига, 1968. С. 59—74.
331. *Шмидт Е. А.* О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 224—229.
332. *Шмидт Е. А.* Некоторые особенности погребального обряда смоленских кривичей в период перехода от язычества к христианству // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 91—97.
333. *Шмидт Е. А.* Памятники типа Тушемля-Колочин и формирование древнерусских племен в северной части Верхнего Поднепровья // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 41—47.
334. *Шмидт Е. А.* Древние пути из Днепра через водораздел в Западную Двину // Тверской археологический сборник. Тверь, 1994. Вып. 1. С. 129—133.
335. *Шмидт Е. А.* О формировании тушемлинской культуры в Днепро-Двинском междуречье // Lietuvos arheologija. Vilnius, 2001. Т. 21. P. 89—100.
336. *Штыхаў Г. В.* Крывічы (Па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі). Мн., 1992. 190 с.
337. *Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф.* Древнейшие города Белоруссии. Мн., 1966. 84 с.
338. *Штыхов Г. В.* Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 238—252.
339. *Штыхов Г. В.* Отчет о раскопках памятников Северной Белоруссии в 1968 г. // Архив ИИ НАН Беларуси, д. № 315.
340. *Штыхов Г. В.* Археологическая карта Белоруссии. Памятники железного века и эпохи феодализма. Мн., 1971. Вып. 2. 275 с.
341. *Штыхов Г. В.* Поселения VI—VIII вв. в окрестностях Витебска // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. конф. Киев, 1975. Ч. III. С. 67.
342. *Штыхов Г. В.* Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). Мн., 1978. 159 с.

343. *Штыхов Г. В.* Клады Полоцкой земли IX—XIII вв. (Топография и общая характеристика) // Сярэдневяковыя старажытнасці Беларусі. Мн., 1993. С. 84—98.
344. *Штыхов Г. В.* Культура ранних длинных курганов V—VII вв. в Беларуси // Lietuvos Archeologija. 1999. Т. 18. С. 25—36.
345. *Штыхов Г. В.* Формирование полоцких кривичей // Is baltu kulturos istorijos. Vilnius, 2000. P. 209—218.
346. *Шут К. П.* Памятники раннего железного века на севере Белоруссии // Древности Белоруссии. Мн., 1966. С. 166—182.
347. *Шынкевіч А. М.* Аршаншчына: Спадчына мінулага. Орша, 1997. 67 с.
348. *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972. С. 121—126.
349. *Энцыклапедыя* гісторыі Беларусі. У 6-ці тамах. Т. 3. Мн., 1996. 523 с.
350. *Энцыклапедыя* літаратуры і мастацтва Беларусі. У 5-ці тамах. Мн., 1984—1987.
351. *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мн., 1992. 270 с.
352. *Якимович Ю. А.* Зодчество Белоруссии XVI — середины XVII в. Справочное пособие. Мн., 1991. 366 с.
353. *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. 326 с.
354. *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. 296 с.
355. *Alexandrowicz St.* Miasteczka Bialorusi I Litwy jako ośródki handlu w XVI I polowie XVII w. // Rocznik Białostocki. Bialostok, 1961. N 1. S. 70—71.
356. *Alexandrowicz S.* Geneza I rozwoj sieci miasteczek Bialorusi I Litwy do polowy XVII w. // Acta-Baltica-Slavica. 1970. N 2. S. 47—107.
357. *Halecki O.* Litwa, Rus I Zmudz jako czesci skladowe Wielkiego Ksiestwa Litewskiego. Krakow, 1916. 43 s.
358. *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego kçięstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 507—515.
359. *Łukaszewich I.* Dzieje kościłow wyznania helweckiego w Litwie. T. 1. Poznan, 1842; T. 2. 1843. 292 s.
360. *Ochmański I.* Biskupstwo Wileńskie w średniowieczu. Ustrój c uposażenie. Poznań, 1972. S. 102, 107.
361. *Rybarski R.* Handel I polityka handlowa Polski w XVI stuleciu. T. 1. Poznań, 1928. S. 298.
362. *Topolska M. B.* Szklow I jego rola w gospodarce Bialorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku // Roczniki dziejow spolecznych i gospodarczych. T. XXX. Poznan, 1969. S. 1—32.
363. *Topolska M. B.* Dobra szklowskie na Bialorusi wschodniej w XVII i XVIII wieku. Warszawa, 1969. 157 s.
364. *Wawrzynczyk A.* Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim kçięstwem Litewskim i Rosją w XVI w. Warszawa, 1956. 130 s.
365. *Zaleski S.* Iezuicu w Polsce. Krakow, 1908. 370 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

Левко Ольга Николаевна

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЦЕНТРЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ

Формирование и развитие

Редактор *Н. Б. Губарь*
Художник *Т. П. Кулаженко*
Художественный редактор *В. А. Жаховец*
Технический редактор *Т. В. Летьен*
Компьютерная верстка *Н. И. Кашуба*

Подписано в печать 24.06.2004 г. Формат 70×100[1]/16. Бум. офс. № 1. Гарнитура Ариал Кур. Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,57. Усл. кр.-отт. 24,5. Уч.-изд. л. 22,2. Тираж 600 экз. Заказ 2024.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусская наука». ЛИ № 02330/0056800 от 30.04.2004 г. 220141. Минск, Староборисовский тракт, 40.

Отпечатано с диапозитивов издательства.

Республиканское унитарное предприятие «Типография «Победа». ЛП № 02330/0056832 от 30.04.2004 г. 222310. Молодечно, Тавлая, 11.